

Российская история

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Опричнина в сочинениях европейцев

Басаргин правёж в Поморье

Взятки петровской эпохи

Фабричные законы в столичной печати в 1880-х гг.

Российская империя на сатирических картах XIX в.

*Кинематограф и цензура в России
в конце XIX — начале XX в.*

*Наркомюст
между революционной борьбой и законностью*

Сельское хозяйство СССР в 1930-е гг.

Ополченцы на защите Москвы в 1941 г.

Формирование образа КГБ в общественном мнении

*Российская Федерация в 1992 г.:
реформы и переход к рынку*

МОСКВА

5

сентябрь
октябрь
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелобаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингдаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Псы войны. Английская сатирическая карта. Лондон, 1914

Сведения об опричнине в сочинениях европейцев: к вопросу о соотношении текстов

Александр Филюшкин

Information about the oprichnina in the European narrative: to the question of textual borrowings

Alexander Filyushkin
(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24050015, EDN: SLKKGD

Опричнина считается главным событием времени Ивана Грозного. «Царством террора» назвал его правление Р.Г. Скрынников¹. Между тем остаются актуальными слова В.О. Ключевского: «Учреждение это всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал»². Понимание сущности и смысла опричнины в историографии до сих пор лежит в области гипотез, ни одна из которых не получила всеобщего признания. Эта ситуация во многом порождена состоянием источниковой базы. Русские нарративные документы об опричнине описывают её отдельные эпизоды: «царский подъём» декабря 1564 г. и введение опричнины³, противостояние митрополита Филиппа и Ивана IV⁴, «новгородский погром» 1569–1570 гг.⁵ Однако в них отсутствует цельное описание опричного периода с 1565 по 1572 г. Актовый материал ещё более разрознён, и с его помощью можно изучить отдельные сюжеты⁶, но представить цельную картину сложно.

Основными источниками, положенными в основу реконструкции истории опричнины, являются сочинения иностранцев. Описание репрессий Ивана Грозного занимает центральное место в текстах «иванианы» — комплексе сочинений европейских авторов, посвящённых правлению «тирана Васильевича».

© 2024 г. А.И. Филюшкин

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

² Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 331.

³ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 391–396.

⁴ Зимин А.А. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 11. М., 1963. С. 269–292; Латышева Г.Г. Публицистический источник по истории опричнины (к вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сборник трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1974. С. 30–62; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа. Исследование и тексты. СПб., 2006.

⁵ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 293–305; Морозов С.А. Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 268–274.

⁶ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; Веселовский С.Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963; Зимин А.А. Опричнина...; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.

Послания А. Шлихтинга⁷, И. Таубе и Э. Крузе⁸, Г. Штадена⁹, «Хроника» А. Гваньини¹⁰, биография Ивана IV П. Одерборна¹¹ выступают главными источниками по истории опричнины. Сюда же стоит отнести «Историю о делах великого князя московского» Андрея Курбского¹², в которой опричнина как таковая не упоминается, но есть пространный «мартиролог» опальных.

Эти тексты, в отличие от русских источников, содержат целостные описания истории опричнины с указанием причин её введения, а Штаден назвал и причины отмены. Они содержат уникальные, хотя иной раз и слишком красочные детали, отсутствующие в русских источниках. Большинство авторов, по их заявлениям, были очевидцами событий (Шлихтинг, Таубе и Крузе, Штаден). Это считалось достаточным, чтобы не ставить вопрос о происхождении их сведений. Однако статус очевидца не является аргументом в пользу точности данных. Штаден, который, по его утверждениям, лично участвовал в «новгородском погроме», приводит совершенно фантастическую версию о том, что псковский юродивый Никола Салос был вовсе не юродивым, а местным зажиточным заводчиком скота, владельцем скотного двора («Этот Микула — добрый малый, живёт один во дворе в городе Пскове без жены и детей, имеет много скота, который целую зиму ходит во дворе по навозу под ясным небом. Скот у него родится и растёт хорошо. Оттого он богат, пророчит русским многие будущие дела»)¹³.

Достоверность сведений этих источников подвергалась критике¹⁴, не вся информация подтверждалась¹⁵. Многие исследователи относились к ней избирательно¹⁶. При этом критика иностранных источников базировалась порой не на источниковедческом анализе, а на «здравом смысле», априорном недоверии к запискам «шпионов» и «вражеских агентов»¹⁷. Вместе с тем без использования свидетельств иностранцев воссоздать многие моменты истории опричнины

⁷ Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного / Пер. А.И. Малеина. Л., 1934; Дубровский И.В. Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2015. С. 74–217.

⁸ Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 11–60.

⁹ Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1–2. М., 2008–2009.

¹⁰ Гваньини А. Описание Московии. М., 1997.

¹¹ Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии. СПб., 2024.

¹² Курбский А. История о делах великого князя московского / Подгот. К.Ю. Ерусалимский. М., 2015.

¹³ Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. С. 119.

¹⁴ Полосин И.И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 192–217; Золдат К. Приёмы дискредитации «великого князя» в «Кратком сказании...» из Московии А. Шлихтинга // Эпоха Ивана Грозного и её отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре. Сборник материалов всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Владимир, 2018. С. 149–166; Soldat C. Russland als Ziel kolonialer Eroberung: Heinrich von Stadens Pläne für ein Moskauer Reich im 16. Jahrhundert. Transcript Verlag, 2022.

¹⁵ Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889; Soldat C. Vlad Țepeș und Ivan der Schreckliche in der kulturellen Imagologie im Heiligen Römischen Reich deutscher Nation // Vlad der Pfähler — Dracula: Tyrann oder Volkstribun? Köln; Leiden; Wien, 2017. S. 217–234; Рыков Ю.Д. Князь Курбский и опричнина Ивана Грозного. М., 2021.

¹⁶ Graham H. How do we know what we know about Ivan the Terrible? (A Paradigm) // Russian History. Vol. 14. 1987. № 1/4. P. 179–198.

¹⁷ Морозова Л.Е. Иван Грозный глазами современников. М., 2022.

невозможно. Именно благодаря им учёные продвинулись в понимании смысла казней¹⁸ и, возможно, символики опричнины¹⁹.

Исследования о происхождении сведений об опричнине, содержащихся в записках иностранцев, о преемственности информации и переходе её из источника в источник немногочисленны²⁰, но порой они приводят к парадоксальным выводам. Например, К. Зольдат, основываясь на факте более позднего, чем события, происхождения источников, выдвинула гипотезу о мифичности опричного «новгородского погрома»²¹. Она не была принята учёными²², но подобные мнения появляются там, где есть недостатки в источниковой базе и мало внимания уделяется верификации содержащихся в источниках сведений.

В настоящей статье я рассматриваю особенности передачи информации об опричнине в записках иностранцев. Прежде всего стоит усомниться в том, что они являлись очевидцами событий. В частности, А. Курбский после бегства из России в 1564 г. всю информацию получал только от других эмигрантов. Гваньини служил в Витебске и мог быть свидетелем боевых действий времён Ливонской войны в районе Полоцка, но не казней в Новгороде или Москве. Одерборн вообще никогда не был в России, его ближайшая (и единственная) «точка соприкосновения» с нею — участие в Полоцком походе 1579 г. короля Стефана Батория.

О том, что они являлись очевидцами событий, заявляют Шлихтинг, Таубе и Крузе, Штаден и безымянный автор рассказа, якобы записанного Георгом ван Гоффом (на самом деле это изложение послания Таубе и Крузе). При этом все они будто бы оказываются важными особами, приближёнными лично к царю (Шлихтинг — к царскому врачу). Исключением является герой Георга ван Гоффа, который, по его утверждению, просто 13 лет сидел в тюрьме в Московии (шесть лет в кандалах и семь без оных)²³. Шлихтинг называет

¹⁸ Булычёв А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

¹⁹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356–404; Данилевский И.Н. Семантика опричного двorca и смысл опричнины: к вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 29–37.

²⁰ Отдельные наблюдения об этом содержатся в уже упоминавшихся исследованиях А.А. Зимина, Р.Г. Скрынниковой, С.Б. Веселовского; из последних работ см.: Шапошник В.В. «Дело» митрополита Филиппа в сочинениях Штадена, Таубе и Крузе // Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. СПб., 2012. С. 21–29; Преснякова Л.П. Дискуссия о достоверности «Записок» Генриха Штадена в отечественной историографии // Научный потенциал: работы молодых учёных. 2014. № 2. С. 351–357; Прохоренков И.А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski — poeta okolicznosciowy i moralista z pierwszej polowy XVII wieku») // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1(15). С. 193–205; Филиушкин А.И. Антигерой Европы: как создавалась «Ioannis Basilidis Magni Moscoviae ducis vita» Пауля Одерборна // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2(92). С. 109–125.

²¹ Soldat C. Novgorod Counter Histories around 1700. The Story about Ivan the Terrible's Raid of Novgorod Reconsidered // Russian History. 2021. № 3/4. P. 231–286.

²² Halperin Ch. German Pamphlets, Russian Chronicles, and Ivan the Terrible // Russian History. 2021. № 3/4. P. 287–301; Filyushkin A. Making an Anti-Hero or Describing a Tyrant? Postmodernism and Ivan the Terrible // Russian History. 2021. № 3/4. P. 302–315.

²³ Hoff G., von. Erschreckliche, greuliche und unerhorte Tyranny Iwan Wasilowitz, jtzo regierenden Grossfürsten in Muscov, so er vorrückter Jar an seinen... Freunden, Underfürsten, Baioaren und gemeinem Landtvoock unmenschlicher weise... geübet... S. l.: s.t., 1582. S. 2–4.

себя слугой царского врача Арнульфа²⁴, однако сообщаемые им факты о жизни в России непроверяемы, документы подтверждают только то, что после 1571 г. он находился в Польше²⁵. Таубе и Крузе в самом деле выполняли дипломатические поручения Москвы, т.е. могли бывать при дворе. Штаден называет себя опричником и советником Ивана Грозного (что невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть). В историографии есть точка зрения, что он самозванец и опричником не был²⁶.

Но даже если принять на веру утверждения иностранцев об их высоком статусе на русской службе, это не отменяет постановки вопроса об их информированности. Они физически не могли быть свидетелями каждого события опричнины и каждого убийства, о котором пишут. В любом случае, сведения, которые они получали, нельзя считать достоверными просто потому, что авторы якобы были вхожи в самые высокие политические круги. Задача историка — выяснить, существует ли связь между произведениями, можно ли установить их источники и степень заимствований из других текстов или друг у друга.

Ситуация осложняется тем, что в XVI в. были опубликованы только три текста (Гваньини — 1578 г., ван Гофф (издал сочинение Таубе и Крузе) — 1582 г., и Одерборн — 1585 г.), остальные бытовали в рукописях. Следовательно, встаёт вопрос о самой возможности знакомства с этими произведениями других авторов. Её мы можем только предполагать, потому что наши знания о хождении рукописей по Европе недостаточны. Недавние исследования И.В. Дубровского показали, насколько были распространены рукописные сочинения Шлихтинга²⁷, но в случае с сочинениями Штадена и Таубе с Крузе мы не располагаем такими сведениями. Мало того, анализ текстов показывает, что, по всей вероятности, существовали какие-то недошедшие до нас сочинения (возможно, *avvissi*), которые могли лечь в основу произведений нескольких авторов. Их следы выявляются при сравнении памятников. Поиску следов новых, не дошедших до нас в оригинальном виде источников по истории опричнины и посвящена данная статья.

Первый блок сходных сведений выявляется при анализе описания введения опричнины и её первых событий (до казни К. Дубровского, которая произошла до ноября 1567 г.²⁸). У Шлихтинга, Гваньини и Одерборна изложение данных сюжетов сходно, но с определёнными нюансами, которые и позволяют ставить вопрос об общем источнике, а не констатировать, что Гваньини списал у Шлихтинга, а Одерборн у Гваньини. Во всех трёх текстах одинаковые структура и последовательность изложения событий, без купюр и вставок.

Причину изменения политики Ивана IV Шлихтинг и Гваньини видели в том, что царь «возгордился» после взятия Полоцка; Одерборн же поводом для гордости, спровоцировавшей внутривластный поворот, считал покорение

²⁴ Об установлении личности этого врача см.: Симонов Р.А. Врач Ивана IV Арнольф: историографический миф и исторический факт // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 106–114.

²⁵ Польская биография Шлихтинга после 1571 г. реконструирована в статьях: Grala H. Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland. Wiesbaden, 2000. S. 145–154; Grala H. Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga (Przyczynek do dziejów propagandy antymoskiewskiej w drugiej połowie XVI w.) // Studia Źródłoznawcze. 2000. T. XXXVIII. S. 36–42.

²⁶ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 159–176.

²⁷ Дубровский И.В. Латинские рукописи... С. 74–217.

²⁸ Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 267.

Казани, Астрахани, победы над ливонцами и шведами. Таким образом, все три автора говорят об одном и том же и в сходных выражениях.

О первом убийстве, жертвой которого стал кн. Д. Овчина (лето 1564 г.), Шлихтинг сообщает, что князя заставили на пиру пить большой кубок, после этого отправили в винный погреб и там убили, тело выволокли на площадь. Причиной послужила его ссора с Алексеем Басмановым: Овчина обличал его сына Фёдора в порочной связи с царём. Гваньини, опуская подробности, повторяет версию Шлихтинга; у Одерборна Овчина на пиру обличал государя в неуважении к обычаям предков, не выпил кубка и тем показал неуважение царю, за что и был убит.

Временное смирение нрава Ивана IV Шлихтинг объясняет влиянием митрополита, благодаря заступничеству которого подданные царя шесть месяцев прожили в спокойствии. Гваньини упоминает также и о просьбах аристократии, а Одерборн объясняет временное прекращение репрессий ропотом придворных.

Само учреждение опричнины у Шлихтинга описано следующим образом: Иван IV собирался оставить трон двум сыновьям, отрёкся, построил дворец на Неглинной и собрал там своих сторонников. Опричники начали гонения на аристократию. Гваньини, повторяя в целом информацию Шлихтинга, добавляет детали — у него царь собирался уйти в монастырь, а опричники рыщут по стране отрядами по 60 человек. Описание введения опричнины у Одерборна демонстрирует больше сходства с посланием Таубе и Крузе: Иван IV собрался в монастырь, собирал в церквях реликвии, уехал в слободу, архиереи звали его обратно.

Похожи у Шлихтинга, Гваньини и Одерборна описания убийства кн. Петра Ростовского в Нижнем Новгороде. Первый из авторов упоминает арест в храме, брошенный князем жезл (знак власти). Опального везли на телеге, убили, а царю привезли голову, с которой государь разговаривал. Весте с князем был истреблён его род — 50 человек. Гваньини добавляет детали, в частности, пишет об убийстве 40 слуг, задушенных в темнице. Одерборн в целом следует за Гваньини, но у него князя, заковав в цепи, утопили, а потому отсутствует и упоминание о речах царя перед отрубленной головой; вместе с князем убиты 100 его домочадцев.

Рассказ о казни И.П. Фёдорова-Челяднина у всех трёх авторов начинается одними словами: «Когда король был в Радощковичах». Шлихтинг пишет, что опальный боярин (у которого четырежды конфисковывали имущество) отправился в войска, выпросив для этого лошадь у монаха. Челяднина насильно посадили на трон, после чего царь лично заколол его ножом. Описано надругательство над трупом и истребление слуг Фёдорова. У Гваньини причиной опалы стал донос, что боярин домогается великого княжения; лошадь опальный у монаха не выпрашивал — тот дал её сам. Одерборн поводом к опале считал ложный донос об измене, у него нет рассказа об отправке на войну и монахе с лошадью, зато имеется упоминание о слезах боярина, когда того сажали на трон, равно как и об убийствах скотины в его имениях. Все авторы уделили внимание и погрому имений Фёдорова-Челяднина. Шлихтинг сообщил, что схваченных слуг посадили в клетку и взорвали порохом. Женщин нагими гнали в леса, где им устраивали засады опричники, а жену боярина отправили в монастырь. Гваньини к рассказу Шлихтинга ничего не добавил, а у Одерборна нет сюжета о выгнанных в лес женщинах, но приведён рассказ об изнасилованной

беременной жене боярина и двух дочерях, после надругательства разрезанных на куски²⁹.

Далее, после описания самых резонансных казней, в трёх рассматриваемых сочинениях повествование строится у каждого автора по-своему, т.е. можно говорить, что совпадающий по структуре повествования отрывок закончился. При этом заметны явная преемственность текста Гваньини и Шлихтинга, что, как известно, даже породило гипотезу, согласно которой Гваньини «украл» сочинение Шлихтинга и выдал за своё³⁰. Споры идут и вокруг соотношения авторства Шлихтинга и М. Стрыйковского³¹. Отличия произведений Гваньини и Шлихтинга состоят в деталях, которые можно отнести к авторскому редактированию.

С соотношением «Шлихтинг—Гваньини—Одерборн» ситуация сложнее. Знакомство Одерборна с книгой Гваньини, напечатанной в 1578 г., несомненно. Из неё пастор заимствовал хорографию — описание земель Московии. Но нельзя уверенно говорить о прямом заимствовании: разночтений слишком много, чтобы их свести исключительно к творчеству или фантазии Одерборна. Особенно важным кажется различие в рассказе о введении опричнины, который у Одерборна явно ближе к тексту Таубе и Крузе. Конечно, можно предположить, что именно при написании данного фрагмента Одерборн отложил томик Гваньини (или рукопись Шлихтинга, если она у него была) и достал книгу ван Гоффа. Но возможно и то, что в распоряжении пастора находился неизвестный нам источник, который имел в своём составе вышеназванные трактовки и отличался от знакомых нам списков Шлихтинга.

Можно ли считать первоисточником начального рассказа об опричнине сочинение последнего? Перу Шлихтинга принадлежат два текста: краткая записка, составленная им сразу после пересечения русско-литовской границы и адресованная польскому королю³², и пространный рассказ о злодеяниях Ивана Грозного, отправленный в Ватикан и использованный для отмены московской миссии папского нунция в Польше Винченцо даль Портико³³. В краткой записке, представляющей из себя «отчёт агента», нет всей той информации, которая появляется у Шлихтинга в его втором произведении.

К истории опричнины в первоначальной, краткой записке относятся три сюжета. Первый — обличительные речи Ивана Висковатого в адрес Ивана IV, когда тот вопрошает: с кем ты будешь строить свою «империю», если всех перебьёшь? Царь в ответ обещает убивать как можно больше подданных. Второй сюжет — рассказ об убийстве И.П. Фёдорова, существенно отличающийся от версии, предложенной Шлихтингом в его пространной записке. В первом варианте Шлихтинг писал, что Фёдоров возглавил заговор из 30 тыс. русских

²⁹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 11–23; Гваньини А. Описание Московии. С. 95–105; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 108–111.

³⁰ Дубровский И.В. Латинские рукописи... С. 85–88.

³¹ Старостина И.П. К вопросу об авторстве «Сказания» Альберта Шлихтинга // Восточная Европа в древности и средневековье. V чтения памяти В.Т. Пашуто: Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 125–130; Старостина И.П. Иван Грозный в изображении Шлихтинга—Стрыйковского // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 1998. С. 112–117.

³² Последняя публикация: Шлихтинг А. Что говорят о последних событиях в Московии, 1 октября 1570 года // Дубровский И.В. Латинские рукописи... С. 212–217.

³³ Дубровский И.В. Венеция, греки и Московское царство в начале Кипрской войны // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2016. С. 24–60.

бояр (по другому списку — 30), чтобы арестовать царя и предать его в руки польского короля. Старицкий, Бельский и Мстиславский хитростью выманили у Фёдорова список заговорщиков и передали Ивану IV³⁴. Последний вернулся в Москву, опустошая её земли, «как скиф». После получения списка заговорщиков он стал убивать всех подряд в Новгородской и Псковской землях. Рассказ о казнях новгородцев, намёк на «новгородский погром», является третьим сюжетом по истории опричнины в краткой записке Шлихтинга, но, собственно, этим намёком его история в данном тексте и исчерпывается.

Все подробности рассказа Шлихтинга об опричнине, к которым обычно обращаются историки, есть только в пространной редакции. Её появление учёные связывают с подготовкой миссии папского посланника Винченцо даль Портико. Рассказ Шлихтинга в краткой и пространной версиях совпадает только в одной детали: царь лично убил боярина ножом на пиру (если мы расцениваем сцену с издевательской «коронацией» Фёдорова как пир). Все остальные подробности появляются только в тексте, призванном сорвать установление отношений Москвы с папским двором.

Если умолчание о каких-то событиях в краткой записке можно объяснить её малым объёмом, то истолковать разницу трактовок сложнее. Рассказ о казни Фёдорова отличается кардинально. Сведения о «новгородском погроме» (да и о речах Висковатого, который в первом варианте произносит их вовсе не на плахе, а обличает царя в свободной беседе) — тоже. Объяснений может быть только два: либо Шлихтинг дозировал информацию (или придумывал её) от сочинения к сочинению³⁵, либо первую записку он писал сам, на основе собственных данных, а пространную, предназначенную для Ватикана, — после того, как в его руки попал тот самый гипотетический неизвестный источник, содержащий не дошедший до нас рассказ о введении опричнины, который лёг в основу текстов и Шлихтинга, и Гваньини, и Одерборна.

Обрыв в череде совпадений можно объяснить тем, что наш гипотетический источник описывал события 1565–1568 гг., но не позже. Х.Ю. Тютин последний раз фигурирует в источниках в июле 1566 г. как казначей на Земском соборе³⁶, К. Дубровский в 1566 г. принимал гонца крымского царевича Абдыл-Гирея Барака³⁷. Р.Г. Скрынников отнёс даты их казней к 1567–1568 гг., но основывался только на вышеприведённых свидетельствах иностранцев³⁸. Таким образом, анализ фрагментов текстов Шлихтинга, Гваньини и Одерборна по-

³⁴ Версия, что именно Владимир Старицкий выдал царю участников «земского» заговора, есть также у Штадена (*Штаден Г.* Записки. Т. 1. С. 109). Правда, у него запутанная хронология: сначала опричники убили Фёдорова и разгромили его имения (настоящая дата этого события — 1567/68 г.), потом был создан земский заговор с целью убить царя и истребить опричников, затем последовали осада Риги и основание Ливонского королевства Магнуса (1569); Владимир Андреевич предал заговорщиков, последовали антиопричное выступление Филиппа Колычёва (1567), посаженного на цепь до конца жизни, и «новгородский погром» (1569). У Шлихтинга главой «земского заговора» является Фёдоров.

³⁵ Глухую отсылку к краткой записке Шлихтинга можно увидеть в сообщении пространной записки: «И если бы польский король не вернулся из Радосховиц и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана всё было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю» (*Шлихтинг А.* Новое известие... С. 29). Видим, что здесь также содержится намёк на возможный заговор, который, однако, не может датироваться 1567/68 г., когда казнили Фёдорова. Прекращение русско-литовской войны относится к 1569–1570 гг.

³⁶ Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 173.

³⁷ *Лихачёв Н.П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 110.

³⁸ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 295.

звolyет предположить существование не дошедшего до нас источника (условно назовём его «Рассказ о введении опричнины»), который европейские авторы использовали в своих сочинениях. Скорее всего, это было донесение агентов, собиравших информацию об опричнине для своих заказчиков (вроде краткой записки Шлихтинга).

Следующее событие, рассказ о котором совпадает в нескольких источниках, — «новгородский погром». Трагедия Новгорода 1569/70 г. была первым деянием опричников, о котором узнали в Европе. Первые версии (если не считать мимолётного упоминания в краткой записке Шлихтинга) основывались на отчётах литовского посольства 1570 г.³⁹ и связанных с ним агентов. Важным источником является также «Сообщение приора Англии» Р. Шелли 1570 г.⁴⁰, лейпцигский 1570 г.⁴¹ и франкфуртский 1572 г. «летучие листки»⁴². Это самые ранние по времени появления европейские известия об опричнине.

В отчёте литовского посольства Иван IV, приехав в Новгород, схватил обвинённого в заговоре брата, казнил за военные неудачи некоего «генерала», затравленного медведем. Затем всех новгородцев истребили как соучастников заговора. Английский приор упоминает «медвежьё казнё» уже после рассказа о новгородских казнях, в ходе которых погибли 18 тыс. человек, в том числе татары, убитые с помощью утопления. В Лейпцигском листке сообщается о намерении Новгорода предаться польскому королю и походе на него 40-тысячного царского войска. По пути были истреблены знатные люди в Твери и Торжке, расправы над которыми дополнялись казнями полоцких пленных. В самом Новгороде 350 знатных горожан казнили в огненных печах; через утопление истребляли женщин и детей, практиковались массовые убийства монахов. Лейпцигский листок упоминает также о походе царского войска на Псков, где было разорено только Завеличье. Франкфуртский листок повторяет за лейпцигским сведения о желании новгородцев перейти под власть польского короля, но неверно называет имя казнённого князя Старицкого (Андрей вместо Владимира), помещая это событие уже после расправ над жителями Твери (погром Торжка не упомянут). Подробно описаны зверства опричников в Новгороде: массовые изнасилования, выставление на мороз, утопления, сжигание живьём, волочение за санями. Среди жертв террора упомянуты монахи, архиепископ и татары, а вместо похода на Псков опричники выступили на Нарву.

Между лейпцигским и франкфуртским «летучими листками» очевидна преемственность. Развитие повествования происходит за счёт литературного творчества (красочное описание новгородских казней) или донесений из России разведчиков и агентов (добавление известий об убийстве новгородского архиепископа и походе на Нарву).

Более развёрнутые изложения истории «новгородского погрома» есть во всех записках иностранцев об опричнине. Здесь присутствуют разные версии событий. Так, причиной похода на Новгород Шлихтинг считал жажду человеческой крови, Штаден — жестокость царя, Таубе и Крузе, как и Гваньини, полагали, что Ивана IV толкнуло на этот шаг желание новгородцев перейти под

³⁹ Дубровский И.В. Ричард Шелли и польско-литовское посольство к царю Ивану Грозному 1570 года // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVII. М., 2020. С. 27–36.

⁴⁰ Там же. С. 37–43.

⁴¹ Там же. С. 64–69.

⁴² Каппелер А., Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 134–141.

власть польского короля, Одерборн же писал про «неопределённые подозрения» и стремление царя известить новгородцев. Начало погрома у Шлихтинга описано так: «Вступив в Новгородскую область, он посылал из лагеря вперёд тысячу и более всадников с приказанием перебить всех воинов этой области, а других он точно так же отправлял в город с поручением грабить. Сам он держался в лагере в миле от города, делая по временам набеги на город с целью избияния людей»⁴³. Таубе и Крузе: «Когда он достиг известного города Новгорода, остановился он в четверти пути от него в монастыре, называемом Городище, и приказал обложить город и все улицы, а на следующий день поймать всех знатных новгородцев»⁴⁴. Гваньини: «Послал вперёд несколько тысяч приспешников с татарской конницей, для того чтобы они грабили и отнимали у горожан всё имущество, а сам пошёл вперёд со всем войском и приказал всех встречных убивать, рубить на части, топтать лошадьми, вешать»⁴⁵. Одерборн: «К городу подошли высланные вперёд отборные отряды палачей, и некий Малюта Скуратов, который держал под властью государевых опричников, должен был перекрыть горожанам всякую возможность к побегу, и убивать, обращать в бегство, и грабить всё, что попадётся на пути»⁴⁶. Лаконичнее всех оказался Штаден: «Великий князь вернулся под Великий Новгород и расположился в 3 верстах пути от него; в город он послал разведчиком воеводу со своими людьми»⁴⁷.

Основные казни описаны также с разной степенью подробности. Таубе и Крузе сообщают об убийствах и грабежах, после которых в домах и церквях не осталось ни одной иконы дороже, чем в полгульдена. Штаден пишет, что снесены высокие здания, изрублены ворота, лестницы, окна. Шлихтинг поведал, что знатных людей загнали за ограду из частокола и там порубили на куски. Других выводили на лёд, лёд подрубали, и они тонули. По Гваньини, сначала город грабила татарская конница, потом опричники — всех встречных рубили, топтали лошадьми, вешали. Именитых горожан собрали на площадях и порубили, вывели людей на лёд и обрубали его. Согласно Одерборну, резню начали татары, потом Малюта с опричниками, которые «растерзали на части людей и скот, оскверняли развратом девиц, пронзали пиками младенцев, а сами городские строения подожгли». «Сенаторов» перебили, заперев в «курии» (пастор использует античную терминологию).

Численность жертв оценивается по-разному: Шлихтинг, Гваньини и Одерборн писали о 2750—2770 убитых (не считая черни), Таубе и Крузе насчитали 12 тыс. знатных и 15 тыс. простолюдей, упомянув также об опустошении окрестностей города на 150 немецких миль. Монастырей опричники разгромили 170 (Шлихтинг), 175 (Гваньини), 300 (Штаден). У всех авторов описана расправа с новгородским архиепископом. Если Штаден сообщает лишь о конфискации его имущества, то Таубе и Крузе описывают глумление, которому подвергли владыку: «Архиепископа посадил он на белую кобылу, дав ему в одну руку русские гусли, а в другую дурацкую палку, и приказал в таком виде привести его к себе». Шлихтинг, Гваньини и Одерборн писали, что описанные выше издевательства начались после пира, на который архиепископ был приглашён, причём у Шлихтинга в руки несчастному дали волюнку, а у Гваньини — лиру,

⁴³ Шлихтинг А. Новое известие... С. 29.

⁴⁴ Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 50.

⁴⁵ Гваньини А. Описание Московии. С. 115.

⁴⁶ Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 112—113.

⁴⁷ Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. С. 115.

флейту, дудку и гитару. По Шлихтингу и Гваньини опозоренный иерарх был отправлен в Москву, у Одерборна же его зарезали.

По-разному описано и разорение Пскова. Шлихтинг сообщает, что псковичи встретили царя хлебом-солью; царь пощадил город, но «разграбил всё же их имущество... Всю же ярость и жестокость он обратил против монахов». Близко по смыслу описание Гваньини: горожане встретили Ивана IV хлебом-солью; город царь пощадил, но «у горожан и купцов побогаче он отнял золото и серебро, а некоторых монахов приказал убить». Одерборн также пишет, что горожан царь пощадил, но собрал их как бы на собрание и истребил «сенат», убив также «самых состоятельных и влиятельных из простого народа». Таубе и Крузе писали, что в Пскове царь «задушил... многих, а других превратил в нищих»; почитаемый бедный человек Никола вызвал царя и призвал не лить христианскую кровь, после чего царь ушёл, бросив награбленное. У Штадена спасителем псковичей выступил зажиточный мужик-прорицатель Микула, державший много скота и на этом разбогатевший. Он сказал Ивану: «Довольно! Отправляйся назад домой!»⁴⁸.

Из сравнения текстов очевидна связь рассказов Шлихтинга и Гваньини и самостоятельность повествований Таубе с Крузе и Штадена. С сочинением Одерборна сложнее. Оно имеет сходство с произведениями Шлихтинга и Гваньини, но содержит несколько авторских трактовок, которые можно отнести к литературному творчеству (использование античных образов — сенат, курии и т.д.), и ряд специфических деталей (появление имени Малюты Скуратова как предводителя опричников-погромщиков, указание на 700 женщин с детьми, утопленных в Волхове, утверждение, что новгородский архиепископ был убит после издевательств). Это позволяет поставить вопрос о существовании неизвестного нам источника, содержащего эти детали и вместе с тем сходного с сочинениями Шлихтинга и Гваньини.

Отдельным блоком выступает рассказ о московских казнях 1570 г. (известных в литературе как «казни на Поганой луже»). Все, кроме Штадена, подробно описали подготовку к ним. С наибольшими подробностями процесс изобразил Шлихтинг: «В землю [вбиты]... 20 очень больших кольев; к этим кольям они привязывали поперёк брёвна, края которых соприкасались с обеих сторон с соседним колом... Сзади кольев палачи разводят огонь и над ними помещают висячий котёл... наполненный водой... Напротив рукомойника они ставят также кувшин с холодной водой»⁴⁹. Ему вторит Гваньини: «Великий князь велел вбить восемнадцать огромных кольев и положить поверх них столько же бревен в форме виселицы... Затем, разложив большой костёр, принесли громадный медный котёл, наполненный водой, чтобы она бурлила и кипела в течение многих часов»⁵⁰. Одерборн также уделил процедуре немалое внимание: царь велел «воздвигнуть на площади восемнадцать рогаток и такое же число крестов. Затем приносят все разнообразные орудия, изобретённые для того, чтобы истязать людей, зажигают огонь, а на него ставят медные котлы, в которых кипела

⁴⁸ Гваньини А. Описание Московии. С. 115–121; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 112–116; Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 50–52; Шлихтинг А. Новое известие... С. 29–33; Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. С. 115–119.

⁴⁹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 46–47.

⁵⁰ Гваньини А. Описание Московии. С. 141.

очень горячая вода»⁵¹. Таубе и Крузе, напротив, немногословны: «приказал он построить на рыночной площади отгороженное место»⁵².

Три автора — Шлихтинг, Гваньини и Одерборн — сообщают, что царю и опричникам пришлось приложить немало усилий, чтобы обеспечить подготовленное «зрелище» достойным количеством зрителей, поскольку москвичи в ужасе попрятались в домах. Шлихтинг: «Видя, что народ оробел и отворачивается от подобной жестокости, разъезжал верхом, увещевая народ не бояться. Тиран велит народу подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев. Услышав это, народ подходит ближе, а другие влезают на крыши домов. Тиран снова возвращается к черни и, стоя в середине её, спрашивает, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников. Народ восклицает громким голосом: “Живи, преблагий царь. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их”». Гваньини: «Когда он заметил, что от робости и сильного страха все прячутся в убежища и свои дома, он тогда сам начал скакать на лошади по всем городским улицам и громким голосом вызывал горожан, крича: “Приходите без всякого страха, будьте спокойны, выходите посмотреть! Я ничего плохого против вас не замыслю, обещаю вам это. Правда, я собирался недавно всех вас до основания уничтожить и погубить, но я уже переменял это намерение, вы можете без опаски выходить на площадь поглядеть, что делается”... Народ, выйдя группами и толпой, заполнил площадь... Народ криками поддержал царя». Одерборн: Царь «приготовил угощения для простого народа в общественных зданиях, а для сената — в курии, намереваясь подсыпать в кубки яд... чтобы с большей лёгкостью разграбить осиротевший город. Но никто не пришёл. Он самолично разъезжал на лошади по перекрёсткам и приказывал гражданам быть смелее, стараясь свести на нет злобу прошлых [дел] добротой нынешних». После того как собралась большая толпа, царь вышел к собранию, сказав: «О граждане, для вас взошёл счастливейший день, ибо я прямо в эту минуту решил отменить ранее вынесенный вам смертный приговор, однако же подвергну истязаниям и заслуженной казни сию горстку изменников»⁵³. Штаден, Таубе и Крузе этот сюжет обошли молчанием.

Не вполне совпадают у авторов данные о числе казнённых. У Шлихтинга это 300 измученных в темнице знатных мужей, 184 из которых помилованы (примерно то же сообщает Гваньини, у которого помилованы 180 человек). У Таубе и Крузе 300 вельмож помиловали, чтобы произвести хорошее впечатление на польское посольство. Штаден пишет, что «великий князь умертвил до 130 начальников». По Одерборну, помилованы 200 человек, но царь «убивает не только советников, но и самого [своего] брата и родственников».

Шлихтинг, Гваньини и Одерборн уделили особое внимание казни И.М. Висковатого, расхो́дсья при этом в деталях. У Шлихтинга обвинение (измена в пользу польского короля, турецкого султана и крымского хана) зачитывал Василий Щелкалов; Висковатый отрицал вину и перед смертью проклял тирана. У Гваньини обвинения (те же, что и у Шлихтинга) зачитал «влиятельный секретарь великого князя». Висковатый у него не ограничился проклятием

⁵¹ Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 117.

⁵² Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 52.

⁵³ Гваньини А. Описание Московии. С. 141–142; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 117–118; Шлихтинг А. Новое известие... С. 47.

в адрес мучителей — он также плюнул в них. Одерборн вложил обвинительную речь в уста Малюты: «Ты дважды стремился захватить тираническую власть, дважды наводил на Московию татар, дважды пытался выдать Казань турецкому императору».

По-разному выглядит и расправа над бывшим печатником. Таубе и Крузе: «Канцлера приказал он привязать к доске и растерзать и изрезать его, начав с нижних конечностей и кончая головой, так что от него ничего не осталось». Штаден: Ивану Висковатову отрезали сперва нос и уши, потом отсекли руки. Шлихтинг: резали все придворные по кускам, начал Малюта, подьячий Иван Ренут отрезал несчастному половые органы, и Висковатый умер. Царь хотел наказать Ренута, что он избавил печатника от муки, но Ренут умер от чумы (Гваньини повторяет этот рассказ, опустив лишь имя подьячего; близко по содержанию описание казни у Одерборна).

Ещё одной жертвой репрессий 1570 г. стал казначей Фуников-Курцев. Шлихтинг упоминает обвинения в вероломстве, которые тот отрицал; его попеременно обливали кипятком и холодной водой до смерти (примерно так же выглядит казнь в описании Одерборна). Таубе и Крузе сообщили, что царь «приказал сперва привязать казначея к столбу, развести огонь и топить под ним котёл с горячей водой до тех пор, пока тот не испустил дух». У Штадена привязанного к столбу Фуникова сварили живьём, обливая кипятком. Наиболее драматичен рассказ Гваньини: казначей, «почувствовав, как обжигает его кипящая вода, закричал диким голосом; но этот слуга тирана, Малюта, всё больше и больше лил на него эту кипящую воду... От этого жесточайшего рода пытки он и испустил дух»⁵⁴.

Мы видим повторение уже выявленной закономерности — явное сходство рассказов Шлихтинга, Гваньини и Одерборна, при этом повествование Одерборна дополнено или бурной авторской фантазией (например, про съеденные подьячим для спасения своей жизни половые органы Висковатого), или сведениями какого-то неизвестного нам источника, следы которого обнаруживаются и ранее (речи Малюты перед Висковатым, которых нет в других памятниках). В рассматриваемых текстах есть мелкие повторяющиеся сюжеты, которые также относятся к литературным заимствованиям. Видимо, они отражают хождение неких слухов, микроисторий, которые передавались из уст в уста. Попав за рубеж, они оказывались на страницах текстов, в том числе печатных, и начиналось шествие сюжета по литературным памятникам. В ряде случаев перед нами, видимо, целиком сочинённые истории в стиле притч, иногда можно предположить, что за ними стоят реальные события.

Наиболее распространённые сюжеты — сон о пленении польского короля⁵⁵; рассказы о царских издевательских шутках на пирах (горячая похлёбка за шиворот шуту Гвоздеву⁵⁶, отрезание уха у Бориса Титова)⁵⁷; история об утопле-

⁵⁴ Гваньини А. Описание Московии. С. 143–144; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 118–119; Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 52; Шлихтинг А. Новое известие... С. 48–49.

⁵⁵ Шлихтинг А. Новое известие... С. 38–39; Гваньини А. Описание Московии. С. 109. В другом варианте — рассказ о том, что польский король боится русского царя (Гваньини А. Описание Московии. С. 153); Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 127.

⁵⁶ Шлихтинг А. Новое известие... С. 43; Гваньини А. Описание Московии. С. 107; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 128.

⁵⁷ Шлихтинг А. Новое известие... С. 39; Гваньини А. Описание Московии. С. 107; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 128.

нии жертвы за неправильно подаренную царю рыбу⁵⁸; повествование о казни строителей Вологды, съевших телёнка⁵⁹; о наказании за каннибализм строителей Орла⁶⁰. Особое внимание уделяется издевательствам над женщинами: их заставляют обнажаться перед опричниками и стоять с задранной подолом, пока те не проедут. Убитых жён вешают над обеденными столами и заставляют мужей вкушать пищу под этим страшным «украшением» (у Таубе и Крузе убитую жену бросают во дворе, и муж вынужден ходить мимо трупа)⁶¹.

Перечисленные совпадения сюжетов и примеры связи между памятниками, выявленная зависимость текстов и заимствования авторов источников друг у друга позволяют сформулировать два вывода. Во-первых, дошедшие до нас записки иностранцев — это не единственные существовавшие тексты об опричнине. В произведениях Шлихтинга, Гваньини, Одерборна явно прослеживаются следы какого-то предшествующего, не сохранившегося источника (источников?), который этими авторами использовался и творчески перерабатывался. Если это так, то известные нам «сказания о Московии» лишаются авторитета первоисточника.

Во-вторых, можно ставить вопрос о степени достоверности записок иностранцев об опричнине. В основе их, несомненно, лежали исторические события (такие, как опричный погром Новгорода). Но невозможно отрицать, что в данных сочинениях литературное начало превалирует над верифицируемой исторической информацией, источником которой нередко выступают слухи или текст предшественника, литературно переработанный, а вовсе не взгляд очевидца. К таким источникам нельзя подходить потребительски, просто ссылаясь на них как на подлинное свидетельство. Надо устанавливать по возможности происхождение этих высказываний и свидетельств. И если перед нами явная литературная игра, вряд ли её можно считать аргументом в исторических построениях.

Следует подчеркнуть, что оптика авторов-иностранцев была сформирована европейской политической культурой и ожиданиями, надеждами, которые европейцы связывали с Россией и возможными переменами в ней. Особое внимание уделяется оппозиции царю среди бояр, планам захвата России, ослабленной опричными репрессиями («тирана надо разбить единодушным натиском» — Таубе и Крузе)⁶². Шлихтинг в краткой записке, адресованной польскому королю, сообщал, что русские ненавидят своего царя и хотят его предать, Польша выступит освободителем России от тирании⁶³. Гваньини пишет о симпатиях новгородцев, псковичей и тверичей к польскому королю⁶⁴. Штаден утверждал, что глава русской посольской службы дьяк Висковатый ненавидел христиан и благоволил татарам, что существовал земский заговор

⁵⁸ Шлихтинг А. Новое известие... С. 41; Гваньини А. Описание Московии. С. 151; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 124.

⁵⁹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 40; Гваньини А. Описание Московии. С. 150. См. анализ сюжета: Осипов И.А. К вопросу о заповедности телятины у русских // Valla. 2016. Т. 2. № 1(3). С. 29–52.

⁶⁰ Гваньини А. Описание Московии. С. 150; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 124 (Одерборн объединяет рассказ о телёнке и каннибализме).

⁶¹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 38, 52; Гваньини А. Описание Московии. С. 109, 131; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 111; Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 42.

⁶² Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 57.

⁶³ Шлихтинг А. Что говорят о последних событиях в Московии... С. 215–217.

⁶⁴ Гваньини А. Описание Московии. С. 113.

с целью свержения царя и возведения на престол Владимира Старицкого, что земские желали, чтобы опричный двор на Арбате сгорел⁶⁵. Гваньини рассказывает о 150 знатных русских, которые хотели перейти на сторону польского короля и были за это казнены⁶⁶. Одерборн изображает земский собор 1566 г. (у него 1567 г.) как оппозицию царю⁶⁷. Насколько эти сведения отражают существование реальной оппозиции Ивану Грозному (как, например, считала А.Л. Хорошкевич)⁶⁸, а насколько являются литературными вымыслами, остаётся вопросом.

В фокусе внимания авторов были злодеяния Ивана Грозного в отношении иностранцев, прежде всего поляков. Шлихтинг писал, что царь «терзал муками иностранцев по самому лёгкому подозрению»⁶⁹. «Новгородский погром» сопровождался убийствами пленных поляков в Торжке, Твери, Ярославле, Переяславле, Ростове, Костроме, Угличе, Новгороде⁷⁰. Пленных поляков убивали в тюрьме, причём царь лично, своими руками, заколол копьём Павла Быковского (у Гваньини поляк перехватил копьё и пытался убить царя). У Одерборна Иван IV отрубил Быковскому голову и держал её при себе на трапезах⁷¹. Казни поляков носили издевательский характер: по Одерборну, их заставили биться на мечах, пока они друг друга не убьют⁷².

Казнили не только иностранцев, но и связанных с ними русских (Петра Серебряного и пленных литовцев; тверичей, подружившихся с иноземцами)⁷³. Татары просто так не сдавались: они ранили Малюту Скуратова, когда их убивали в тюрьме. Татар обманом посылали по гарнизонам и там топили, убивали вероломно, для устрашения привязывали трупы к брёвнам и пускали по Волге. По словам Таубе и Крузе, даже у татар и язычников есть закон и право, только в России их нет⁷⁴.

Идеи оппозиции режиму и репрессий против просвещённых иностранцев связывались с описаниями ужасной жизни в Московии: опричники ежедневно рыщут по улицам и просто так убивают встречающих прохожих, в Москве на каждой улице лежит по три-четыре трупа⁷⁵. Такие же стихийные казни происходят в Александровой слободе, где ежедневно убивают 30–40 человек, трупами завалены дороги в слободу, в неё просто так не проехать. Перед церковными службами и после обеда царь убивает 27 человек и более⁷⁶. Персональная жестокость царя не знает границ: он любит умыться кровью жертв, пронзает копьём немощного старика, лично убивает своих жертв, по его приказу уби-

⁶⁵ Штаден Г. Записки. Т. 1. С. 91, 101, 109–111, 129.

⁶⁶ Гваньини А. Описание Московии. С. 151.

⁶⁷ Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 112.

⁶⁸ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений в середине XVI в. М., 2003. С. 206, 209, 304, 479, 569.

⁶⁹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 16.

⁷⁰ Там же. С. 35–36; Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 50; Штаден Г. Записки. Т. 1. С. 117; Гваньини А. Описание Московии. С. 119, 129, 137.

⁷¹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 45; Гваньини А. Описание Московии. С. 139; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 123.

⁷² Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 123.

⁷³ Шлихтинг А. Новое известие... С. 45; Штаден Г. Записки. Т. 1. С. 113.

⁷⁴ Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 44, 50; Гваньини А. Описание Московии. С. 119–121; Шлихтинг А. Новое известие... С. 41; Штаден Г. Записки. Т. 1. С. 209–211.

⁷⁵ Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 42; Шлихтинг А. Новое известие... С. 26.

⁷⁶ Шлихтинг А. Новое известие... С. 26–28; Гваньини А. Описание Московии. С. 155; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 125.

вают всё живое — женщин, детей, скот, собак и кошек, рыб в прудах. Всё, что имело дыхание, должно было умереть⁷⁷. Грех Ивана Грозного сравнивается с грехами Содомы и Гоморры. Правлением Ивана IV «Всемогуший Господь так сурово и тяжко наказал Русскую землю». Своей тиранией он превзошёл тиранов Античности⁷⁸.

С особым вкусом авторы описывали опричные издевательства над женщинами. Из текста в текст переходит сюжет, как опричники гоняют по полю голых женщин (они ловят кур или просто убегают от преследователей). Несчастных расстреливают из луков. Голую жену князя Старицкого убивают стрельцы. Жён забирают у мужей, вывозят из Москвы и раздают челяди (у Штадена есть сходный рассказ про действия опричников «на берегу Западного моря», т.е. в Ливонии). Одну женщину насилюют 500 стрельцов. Жене Фуникова обдирают половые органы грубой верёвкой⁷⁹.

Все эти страшные истории достигли своего эффекта. Европейские читатели были убеждены, что Московия — варварская и несчастная страна, которой правит кровавый тиран. Жизнь москвиты (и тем более москвитки) — это ожидание гибели из-за произвола царя и его жестоких слуг. Спасти может только смерть тирана, смена режима и благотворное влияние иностранцев. Эти идеологические установки, безусловно, не отменяют того факта, что опричнина являлась репрессивным политическим режимом, и правление царя Ивана действительно было «грозным», чему есть достаточно свидетельств и в русских источниках. Но при реконструкции истории этого периода нужно обращаться к документально установленным фактам, не доверяя нарративам, в которых литература и идеология довлеют над достоверными сведениями.

⁷⁷ Шлихтинг А. Новое известие... С. 26, 50; Гваньини А. Описание Московии. С. 103, 113, 147; Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 43; Курбский А. История... С. 156; Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича... С. 112.

⁷⁸ Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 43; Штаден Г. Записки. Т. 1. С. 203; Гваньини А. Описание Московии. С. 159.

⁷⁹ Шлихтинг А. Новое известие... С. 24; Таубе И., Крузе Э. Послание... С. 42, 43, 48; Штаден Г. Записки. Т. 1. С. 101, 121, 133; Гваньини А. Описание Московии. С. 103, 149.

Басаргин правёж — эпизод опричной политики в Поморье и его последствия

Никита Башнин, Сергей Никонов

The Basarga's debt recovery as the episode of the oprichnina policy in Pomor'e and its consequences

Nikita Bashnin

*(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science),
Sergey Nikonov*

*(Murmansk Arctic University, Russia;
Kola Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Apatity)*

DOI: 10.31857/S2949124X24050021, EDN: SLJVWY

Одним из громких потрясений, всколыхнувших Русское государство в период опричнины, стал Басаргин правёж — разорение поморских волостей на территории Беломорской Карелии и Кольского полуострова. Об этом событии узнали благодаря открытию в начале XX в. ряда источников — записок голландца Симона ван Салингена, а также сотных грамот на поморские волости с дозорных книг Василия Деметьева (Третьякова) сына Агалина (Огалина) и подьячего Степана Фёдорова сына Соболева 1573/74 г.

Голландец Салинген, представитель торговой компании из Антверпена, несколько раз бывал на Русском Севере во второй половине 1560-х — 1580-х гг.¹ Он занимался торговлей, заводил знакомства и собирал различного рода сведения. В круг его общения входили основатель Троицкого Печенгского монастыря прп. Трифон Печенгский (1494—1582) и «русский философ» из Кандалакши Фёдор Циденов (Чудинов)². Записки Салингена охватывают период с 1566 по 1588 г. и содержат рассказ о правёже, датированный 1568 г. По данным голландца, «жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине», пожаловались царю на крестьян Варзуги, которые «завладели их вотчиной, отчего произошёл раздор». Ограничившись кратким пересказом этого «раздора», Салинген отметил, что из Москвы был «отправлен некто по имени Басарга Фёдорович с отрядом из дворян и «челяди». Опричник оштрафовал на «несколько тысяч

© 2024 г. Н.В. Башнин, С.А. Никонов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10060, <https://rscf.ru/project/20-78-10060/>

¹ Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785. М., 2006. С. 27—29; Данков М.Ю., Попова Л.Д. Салинген (Салингенс, Салинеген) Симон ван (Salingen Simon van) // Голландцы на Русском Севере в XVI—XX веках: биобиблиографический справочник / Сост. и отв. ред. Л.Д. Попова, Я.В. Велувенкамп. Архангельск, 2007. С. 263—267.

² Ушаков И.Ф. «Философ» из Кандалакши // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 216—221; Ушаков И.Ф. Феодорит — креститель лопи // Север. 1993. № 1. С. 150—160; Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М., 2009. С. 521—522.

рублей» крестьян Варзуги, Шуи, Кеми, Керети, Кандалакши, Умбы за то, что те «не предупредили раздора» между варзужанами и двинянами³.

Изучая вотчинное хозяйство Соловецкого монастыря, А.А. Савич обратился к сотным грамотам с дозорных книг В.Т. Агалина 1573/74 г., зафиксировавшим упадок поморских волостей Беломорской Карелии и Кольского полуострова⁴. Учёному удалось выявить немногочисленные акты, содержащие сведения о правеже и уплате иска крестьянами Сумской волости. Эти документы впоследствии были опубликованы в работе П.А. Садикова и актах Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.⁵

В историографии Басаргин правёж не получил подробного освещения. Савич отметил, что он способствовал хозяйственному упадку Поморья, усугублённому впоследствии «немецкой войной» 1590–1592 гг.⁶ Причины правежа учёному представлялись не вполне ясными, поскольку источники «не находят нужным обрисовать этот “правёж” более или менее обстоятельно»⁷. Мнение о разорении поморских волостей в результате действий опричников поддерживали и другие исследователи⁸. Р.Б. Мюллер видела причину конфликта в нарушении права двинян взимать десятую рыбу с поморских волостей, что и привело к столкновению⁹. Экономическим наступлением двинских промышленников на варзужских крестьян, которые отстаивали свои владения, объяснял правёж А.А. Зимин, сравнивший нападения отряда Басарги с «налётом саранчи»¹⁰.

Наиболее обстоятельно Басаргин правёж рассмотрен Садиковым. Причины его исследователь находил в экономических противоречиях между двинянами и крестьянами Варзуги. Державшие на откупе сбор десятой рыбы «чуть ли не

³ Сообщение Симона ван Салингена. de Ao. 1591. О земле Лопии, как в 1562, 1563 и 1565 годах к ней плавали из Нидерландов, и насколько, при прибытии Симона ван Салингена, она была застроена, и в каком виде он её нашёл, и как впоследствии развилось мореплавание и, благодаря коммерции, она стала обстраиваться / Пер. с нем., предисл. и примеч. А.М. Филиппова // Литературный вестник. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1901. С. 304–305.

⁴ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927. С. 60.

⁵ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. Приложение № 20. С. 461–463; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1988 (далее – АСЭИСП (1)). № 327. С. 209–210; № 333. С. 213; № 340. С. 216.

⁶ О действиях шведских отрядов на Русском Севере в указанный период см.: Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск, 1975. С. 27–32; Гостев И.М., Давыдов Р.А. Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск, 2014. С. 15–19; Володихин Д.М. Московские военачальники, стоявшие на защите русского Поморья в русско-шведскую войну 1589–1595 гг. // Российская Арктика: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов. М., 2017. С. 190–210; Богомазова А.А., Володихин Д.М. Соловецкие военачальники последней четверти XVI века. М.; Севастополь, 2018. С. 34–42.

⁷ Савич А.А. Указ. соч. С. 60, примеч. 1.

⁸ Копанев А.И. Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967. С. 179, 185; Старостина Т.В. Шуерецкая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба... С. 197; Ушаков И.Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 45–48; Ушаков И.Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. В 3 т. Т. 1. Кольская земля. Мурманск, 1997. С. 53–55; Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 21.

⁹ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 52.

¹⁰ Зимин А.А. Опричнина. Изд. 2., испр. и доп. М., 2001. С. 244.

на всём Кольском полуострове», двиняне в податном отношении были независимы от местного крестьянства. С учреждением опричнины ситуация изменилась, поскольку подати стали платить в разные ведомства: двинские откупщики — в опричное, варзужские крестьяне — в земское. Двиняне «стали на путь прямых насильственных действий по отношению к местному населению», что вызвало сопротивление крестьянства, подавленное «карательной экспедицией» опричников. Правёж использовали для взыскания долгов «вообще со всех своих старых и неисправных должников»¹¹. Зачинщиками правежа выступили богатые двинские крестьяне из Куростровской волости Бачурины (Бачюрины).

Выводы Садикова поддержаны в работах И.Ф. Ушакова: «Богатые двинские промышленники Бачурины предъявили варзужанам иск, требуя уплатить 450 рублей долга. Это был несправедливый, ложный иск, и варзужане единодушно отклонили его»¹². Взыскание иска осуществлялось насильственно. Разорённые поморские волости не смогли полностью оправиться от кризиса, чем воспользовались монастыри (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Соловецкий, Антониево-Сийский, Николо-Корельский), скупавшие промысловые угодья у местного крестьянства¹³. В наступлении государства на крестьянское самоуправление видит главную причину правежа А.Ю. Жуков. Формальным поводом к расправе, по его мнению, стала неуплата варзужскими крестьянами десятой рыбы двинянам. Действительной же причиной явилось стремление варзужан избавиться от двинского присутствия. Учёный предположил, что крестьяне «наняли группу “удальцов” с целью разгромить владения двинян в Варзуге»¹⁴. Это спровоцировало конфликт и заставило двинян искать помощи в опричном ведомстве. Взгляд на Басаргин правёж как на следствие экономических конфликтов выходцев с Двины, бравших на откуп десятую рыбу и владевших промысловыми угодьями совместно с крестьянами поморских волостей, закрепился в справочной¹⁵ и учебной¹⁶ литературе. Рассматривался вопрос и об инициаторах правежа — двинских крестьянах Бачуриных¹⁷, участии в событии недельщика К.С. Желтухина¹⁸.

¹¹ Садиков П.А. Указ. соч. С. 197, 200.

¹² Ушаков И.Ф. Избранные произведения... Т. 1. С. 53.

¹³ Там же. С. 54–55. Также по этой проблеме см.: Копанев А.И. Неземледельческая волость... С. 185–187; Никонов С.А. Вотчинное хозяйство Соловецкого монастыря в волости Умба во второй половине XVI — первой четверти XVII вв. // Поморский летописец. Вып. 6. Архангельск, 2013. С. 23–30.

¹⁴ Жуков А.Ю. Карелия в составе России (конец XV–XVII в.) // История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 108–109.

¹⁵ Басаргин правёж // Кольская энциклопедия. Т. 1. СПб.; Апатиты, 2008. С. 297; Басаргин правёж // Кольский Север. Энциклопедический лексикон. А–Я (URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/%D0%91%D0%90%D0%A1%D0%90%D0%A0%D0%93%D0%98%D0%9D_%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%81%D0%96 (дата обращения — 23.10.2022)).

¹⁶ Минаева Т.С., Болдырев Р.Ю., Шурупова Е.Е. История Архангельского Севера XVI–XVII века: учебное пособие для учащихся 7-х классов общеобразовательных организаций. Архангельск, 2021. С. 26.

¹⁷ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 248 (примеч. 8), 249, 339, 358, 364–365; Копанев А.И. Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 151–152; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 67, 154, 208, 218.

¹⁸ Штаден Г. Записки о Московии. Т. 2. Статьи и комментарии. М., 2009. С. 328 (автор комментария — С.Ю. Шокарев).

Нельзя не признать, что в историографии обрисованы лишь общие контуры конфликта, без детализации его причин, действий сторон и результатов. Для более глубокого раскрытия проблемы необходимо остановиться на вопросах о роли двинян в хозяйственном освоении и управлении поморскими волостями Беломорской Карелии и Кольского полуострова, о составе участников Басаргина правева, масштабах разорения и его последствиях.

Побережье Белого моря, где под влиянием карельской и новгородской колонизации в XIV–XV вв. образовывались поморские волости¹⁹, входило в состав Двинской земли (Заволочья) — области Новгорода Великого, ставшей с конца XIV в. яблоком раздора между республикой и Московским княжеством²⁰. Здесь сложился особый тип хозяйства, основу которого составляло не земледелие, а промыслы (рыбный, солеваренный, жемчужный и др.). Двинское присутствие в Беломорской Карелии и южной части Кольского полуострова (Терский берег, Терская сторона) прослеживается по материалам писцового дела и актам второй половины XVI в. Сотная на волость Варзугу двинских писцов Якима Романова и Никиты Пятунина (Пятутина) 1563 г. раскрывает фискальные и хозяйственные интересы двинян в регионе. В их ведении находился откуп десятой рыбы — податного сбора с выловленной местными крестьянами сёмги: «А откупают за тое десятую рыбу семгу с реки Варзуги, и с тонь с морских и с речных, и с рек, которые тянут к Варзуге от Унбьские межи и до Святого носу, сто сорок рублей»²¹. Помимо Варзуги, десятая рыба откупалась в соседней Умбе, за которую платили «на Москве двиняне по штидесят по пять рублей на год»²². Десятую рыбу взимали также на западном побережье Белого моря (Карельском берегу) «с реки с Кеми, и с реки с Шуи, и с тонь с морских, которые тянут к Кеми и к Шуи», внося в казну 70 руб. Откуп за десятую рыбу вносили с прочими платежами «вместе по двинским книгам»²³. На востоке Кольского полуострова двиняне брали десятую рыбу с р. Поноя, ряда других небольших речек и пяти тоней, также находившихся на откупе «с варзужскою десятиною вместе»²⁴.

Помимо десятой рыбы с рыболовных угодий Кольского полуострова собирався морской оброк. Выплата оброка двинянами с Терской стороны зафиксирована в документах конца 1530-х — середины 1560-х гг. о раскладке податей

¹⁹ Подробнее о колонизации региона см.: *Мюллер Р.Б.* Указ. соч. С. 28; *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения... Т. 1. С. 31–43; *Чибисов Б.И.* «Дети корельские» в контексте этнической истории Северо-Западного Приладожья XV в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 2(68). С. 18–25; *Шахнович М.М.* Археология реки Варзуги // *Варзуга — первое русское поселение на Кольском Севере. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции [Вторые Феодоритовские чтения].* СПб., 2010. С. 155–172.

²⁰ Подробнее см.: *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 218–221; *Янин В.Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х годах XV в. // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М., 2004. С. 382–383 (впервые опубликовано в 1982 г.); *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 268, 292–321; *Коваленко Г.М.* Двинский поход 1398 г. // *Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь.* СПб., 2007. С. 148.

²¹ Сборник грамот Коллегии экономии (далее — Сборник ГКЭ). Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922. № 165. Стб. 170.

²² ОР РНБ, Q IV, № 1136, л. 559.

²³ Сборник ГКЭ. Т. 1. № 165. Стб. 170, 172.

²⁴ Эти ретроспективные сведения с отсылкой к книгам «писма» Якима Романова «с товарами» приводятся в писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 гг. (РГАДА, ф. 1209, кн. 208, л. 155–155 об.).

с крестьян Куростровской и Лодомской волостей, вотчин Николо-Корельского монастыря²⁵. По наблюдению А.И. Копанева, в подать, уплачиваемую крестьянами Подвинья с обжи, обязательно входил морской оброк с «Терской стороны». В ряду других сборов он был минимальным, составляя две деньги²⁶. Взимание с двинян оброка предполагало наличие у них собственного промысла сёмги. В Варужской волости на территории от р. Каменки до р. Пялицы двиняне промышляли сёмгу на 29 тонях, четырёх реках и одном ручье. С угодий уплачивались десятая рыба и оброк «по двинским книгам»²⁷.

Двиняне имели хозяйственные интересы и в других районах Кольской земли. Писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. отмечает, что ежегодно «двиняна, и колмогорцы, и заонежия, и сумляня, и из ыных поморских волостей» приходят весной в Понойский погост для участия в промысле морского зверя. Сезонный характер носило участие двинян в мурманском рыбном промысле²⁸. Устойчивый характер приобрело их проникновение в волость Варзугу Терского берега, где они взяли на откуп уплату десятой рыбы и добывали сёмгу на тонях и реках, выделенных из состава волостных угодий.

С учреждением в 1565 г. опричнины в её состав вошли земли Русского Севера: Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, Каргополь, Турчасов, Чаронда, Вага, Двина. Волости Поморья, включая Терский берег и Пустозерск с уездом, в опричнину не попали²⁹, что создавало разную подведомственность земель. Опричные территории Русского Севера подчинялись четвертному приказу³⁰ дьяков Дружины Володимерова и Фёдора Рылова. Этот приказ в 1570-х гг. был преобразован в Двинскую четь. Не включённые в опричнину земли, в частности Терский берег, подчинялись приказу Большого прихода³¹.

В сотных с дозорных книг 1573/74 г. на поморские волости рефреном звучит, что волости запустели «от двинского иску». Заявители этого иска в грамотах не раскрываются. Только в отписи и записи об уплате крестьянами Сумской волости двинского иска назван инициатор правежа — «Истома Бачурин с товарищы»³². Род богатых двинских крестьян Бачуриных давно обратил на себя внимание исследователей. Раскрыт феномен зажиточного крестьянства Подвинья и Поморья, игравшего заметную роль в общественной жизни края,

²⁵ Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. № 1. С. 401; № 4. С. 405; Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908. № LXXV. Стб. 47–48; № LXXVII. Стб. 49; № LXXX. Стб. 51; № LXXXI. Стб. 52; № LXXXIV. Стб. 54; Сборник ГКЭ. Т. 1. № 138. Стб. 137.

²⁶ Копанев А.И. Северная Двина // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 31.

²⁷ Сборник ГКЭ. Т. 1. № 165. Стб. 171–172.

²⁸ РГАДА, ф. 1209, кн. 208, л. 157 об.–158; Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не малывался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. С. 128–132.

²⁹ Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 87; Садиков П.А. Указ. соч. С. 191–192, 196; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 217; Зимин А.А. Указ. соч. С. 89–90.

³⁰ Д.В. Лисейцев считает, что во второй половине 1550-х — первой половине 1580-х гг. четвертные приказы не составляли самостоятельных учреждений, являясь «поручениями» дьякам центральных приказов — Поместного, Посольского и др. (Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 195–198).

³¹ Садиков П.А. Указ. соч. С. 198, 318–319, 336–337.

³² АСЭИСП (1). № 333. С. 213; № 340. С. 216.

развитии промыслового хозяйства и торговле³³. Бачурины не добились такого ощутимого влияния в регионе, как некоторые другие представители этого слоя (Амосовы, Кологривовы, Молодые Бояре). Известны две ветви рода, связанные с Куростровской и Богоявленской Ухтоостровской волостями.

Основатель династии Алексей Григорьев сын Бачура (с 1528/29 г. — инок Никольского Чухченемского монастыря Александр)³⁴, состоятельный крестьянин, получивший через залог в 1525—1526/27 гг. деревню на Лукине берегу³⁵. Известны пятеро его сыновей — Фёдор, Андрей, Феодосий, Василий и Иев (Козёл). Из них выделяется Василий (Васюк) Бачурин, в 1541—1543 гг. в должности сотского межевавший соляные и рыболовные угодья Антониево-Сийского монастыря и двинских крестьян³⁶. Разрубный список Куростровской волости 1549 г.³⁷ позволил Копаневу заключить, что Василий Бачурин был зажиточным крестьянином, чьи «животы» оценивались на такую же сумму, как состояние четырёх десятков односельчан, а сумма уплаченных им податей составила в совокупности столько же, сколько платили 48 хозяйств волости³⁸. Совместно с братом Фёдором он заказал рукописное Евангелие тетр, переданное вкладом церкви Великомученицы Екатерины в мае 1533 г.³⁹ Н.Е. Носов, изучая развитие земской реформы середины XVI в., допускал, что в конце 1530-х — начале 1540-х гг. Василий Бачурин мог быть правителем всей Двины⁴⁰. Если это предположение и справедливо, то надо учесть, что правление Бачурина не могло продолжаться после 1543 г., когда на Двину прибыли наместники В.М. Воронцов и И.В. Полев⁴¹.

Сын Василия Истома (Пётр) Бачурин, инициатор опричного погрома в Поморье, также занимал высокое социальное положение. Он был вкладчиком Николо-Корельского монастыря, передавшим обители в разные годы деревни, рыболовные тони и пожни⁴², а также владельцем соляных варниц в Уне

³³ Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 227—248; Носов Н.Е. Указ. соч. С. 240—327; Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 196—217; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера... С. 73—110, 153—157; История северного крестьянства. Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 119—120; Алексеева Я.И. О владельцах семужьих тоней в районе погоста Золотицы Турчасова стана Каргопольского уезда в XVI в. (к вопросу о промысловом освоении Онежского полуострова) // Соловецкий сборник. Вып. 17. Архангельск, 2021. С. 96—112; Алексеева Я.И. Угодья богатой семьи Никитиных-Сидоровых в Золотицкой волости Турчасовского стана Каргопольского уезда (XVI век) // Кенозерские чтения—2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Сборник материалов X всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2022. С. 96—112.

³⁴ Сборник ГКЭ. Т. 1. № 63. Стб. 57.

³⁵ Там же. № 57. Стб. 48; № 59. Стб. 50.

³⁶ Там же. № 93. Стб. 95; № 97. Стб. 98—100; АСЭИСП (1). № 94. С. 61.

³⁷ Копанев А.И. Куростровские столбцы... № 3. С. 403—404.

³⁸ Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера... С. 154.

³⁹ Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 174, 417; Т. 2. М.; СПб., 2018. С. 134—135; Корпус записей на рукописных книгах Архангельского собрания Отдела рукописей БАН / Авт.-сост. Л.Б. Белова, Н.А. Ефимова. СПб., 2022. С. 27, 222.

⁴⁰ Носов Н.Е. Указ. соч. С. 364.

⁴¹ Пащикова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. Приложение № 1. Список наместников второй половины XV — первой половины XVI в. С. 138.

⁴² Сборник ГКЭ. Т. 1. № 147. Стб. 145—146; № 214. Стб. 210.

совместно с другими крестьянами⁴³. В 1555 г. Истома участвовал в сборе государевых податей с церковных земель Борисоглебской Матигорской волости⁴⁴. В 1576 г. он уже «москвитин, двинской переведенец», что говорит о его переезде в столицу до этой даты.

Административные должности занимали Субота Васильев сын Бачурин (брат Истома) и Василий Фёдоров сын Бачурин (двоюродный брат Истома и Суботы). В 1581–1583 гг. Субота Бачурин был данным старостой, собирал и отвозил в Москву подати⁴⁵. Старостой в 1583–1590 гг. являлся и Василий Бачурин⁴⁶, известный в 1583 г. как земский заказчик⁴⁷. Данным старостам Суботе Бачурину и Левонтью Губанину адресована царская грамота 1581 г., запрещающая судить и привлекать к несению повинностей крестьян Михайло-Архангельского монастыря⁴⁸. Из других представителей кулостровской ветви Бачуриных замечен Иван Фёдоров сын, занимавший в 1582 г. должность сотского⁴⁹.

Ветвь Бачуриных из Богоявленской Ухтоостровской волости не выделяется из общей крестьянской массы. Андрей Алексеев сын (сын Алексея Бачуры — инок Александра), один из первых представителей этой ветви, в 1574 г. заложил пожню крестьянину из Чухченемы М.Р. Корадеву⁵⁰. Видимо, так и не расплатившись по закладу, Андрей передал долг сыновьям Тимофею и Абросиму, вынужденным в 1585 г. продать пожню сыновьям Максима Корадева⁵¹. В 1574 г. Андрей Бачурин, занимавший должность церковного старосты, нанял иконописца Ивана Тимофеева сына для писания икон деисусного ряда в волостной церкви Богоявления. Совместно с сыном Абросимом (Обросимом) он совершил поездку в Вологду, чтобы купить для иконного дела листового золота и серебра⁵². В 1590 г. богоявленским церковным старостой был брат Андрея Феодосий⁵³.

Таким образом, из разветвлённого семейства Бачуриных выдвинулись лишь пять представителей, занимавших с конца 1530-х до 1590-х гг. должности сотского, данного старосты и земского заказчика. Они, обладая достаточными средствами, выступали кредиторами, покрывавшими волостные расходы на подводы, «даншиковы сторожи»⁵⁴. Создать крупное земледельческое и промысловое хозяйство, как это смогли сделать представители других родов богатых двинских крестьян, у них не получилось⁵⁵. Последнее, наверное, объясняет уход Бачуриных к началу 1590-х гг. с заметных должностей Двинской земли.

⁴³ *Копанев А.И.* Платёжная книга Двинского уезда 1560 г. // Вопросы аграрной истории. Вып. 3. Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 533–534.

⁴⁴ Акты Лодомской церкви... № 65. Стб. 42.

⁴⁵ По Н.Е. Носову, данный староста занимался сбором всех податей, кроме наместничьего окупа (*Носов Н.Е.* Указ. соч. С. 360, примеч. 243).

⁴⁶ Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 1, д. 730, л. 1; д. 735, л. 1; д. 750, л. 1; д. 768, л. 1; д. 774, л. 1; Акты Лодомской церкви... № 158. Стб. 98; № 185. Стб. 120.

⁴⁷ Акты Лодомской церкви... № 152. Стб. 94; Государственный архив Архангельской области (далее — ГА АО), ф. 104, оп. 1, д. 687, л. 1.

⁴⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 174, оп. 1, д. 390, л. 1–3.

⁴⁹ ГА АО, ф. 104, оп. 1, д. 670, л. 1.

⁵⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 5, оп. 1, д. 340, л. 1.

⁵¹ Там же, д. 453, л. 1.

⁵² ГА АО, ф. 104, оп. 1, д. 666, сст. 1–2.

⁵³ Там же, ф. 1408, оп. 1, д. 19, л. 1.

⁵⁴ Охрана даншиков во время перевозки собранной дани.

⁵⁵ А.И. Копанев на основе анализа платёжной книги Двинского уезда 1560 г. не относит Бачуриных к богатой верхушке (*Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера... С. 152–153).

Если главный зачинщик правежа Истома Бачурин хорошо известен, то имена других двинян, скрывающиеся за обобщением «с товарищи», в документах не раскрываются. Этот вопрос может быть отчасти прояснён. 28 февраля 1569 г. крестьянин Гаврила Захарьин сын Бутак с сыновьями заключил мировую запись с тиуном Соловецкого монастыря и крестьянами Сумской волости. В ходе возникшего между сторонами конфликта был убит сын крестьянина Тимофей, а у самого Гаврилы «пограбили» 225 руб. Стороны договорились, что «ни до какова человека в том убийстве и грабежи дела нет ни до кого», в случае же возобновления одной из сторон судебного конфликта следовало «взяти на нас (истце. — *Авт.*) сто рублей»⁵⁶. Повинные в убийстве выплатили крестьянину искомую сумму: «Веру⁵⁷ яз (Михайло Агафонов. — *Авт.*) заплатил»⁵⁸. В записи не упоминается двинской иск и не фигурирует Истома Бачурин, но представляется, что она связана с другими актами о взыскании иска с сумских крестьян⁵⁹. Эта связь прослеживается как хронологически (запись составлена в 1569 г.), так и контекстуально (конфликт крестьян Сумской волости с двинянами). Фамилия Бутак (Бутаковы) известна среди крестьян Куростровской волости для второй четверти XVI — первой четверти XVII в.⁶⁰ В конфликте можно видеть пролог к будущему правежу: убийство двинян явилось возможной причиной обращения к власти и использования опричного отряда с целью наказать обидчиков.

Иск, выдвинутый двинянами во время правежа сумским крестьянам, также указывает на то, что причиной конфликта могли стать вооружённые столкновения между сторонами. По записи Матвея Иванова сына и товарищей 1569/70 г., Сумская волость выплатила за них по двинскому иску 1764 руб. 20,5 коп. Была погашена и задолженность «в царских прогонах, и в боярских пошлинах, и в пожелезном»⁶¹. Это могло покрыть арест и доставку ответчиков в суд (прогоны)⁶², а также судебные пошлыны, связанные с арестом подозре-

⁵⁶ АСЭИСП (1). № 327. С. 210.

⁵⁷ В акте указан древний правовой обычай выплаты виры, известный Русской Правде. Уплата виры встречается и в более поздних юридических актах XIV—XV вв. — Двинской и Белозерской уставных грамотах, уставных грамотах великокняжеским рыболовам (Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 181; *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 207, 236). На этот случай обратила внимание Л.В. Данилова, отметившая живучесть обычая кровной мести в крестьянской среде Русского Севера, хотя «наиболее тяжкие уголовные преступления были выделены в сферу, подведомственную исключительно государству». Круг родственников Гаврилы Бутака совпадает с кругом мстителей Русской Правды (*Данилова Л.В.* Сельская община... С. 244—245, 269).

⁵⁸ АСЭИСП (1). № 327. С. 210.

⁵⁹ Там же. № 333. С. 213; № 340. С. 216.

⁶⁰ В двинских актах удалось выявить нескольких представителей рода Бутаковых: Степан и Оброс (Обросим) Леонтьевы (Левонтиевы), Ждан Обросимов (*Копанев А.И.* Куростровские столбцы... № 1. С. 401; № 3. С. 403; № 5. 406; № 6. С. 406; № 9. С. 409; № 10. С. 410; Сборник ГКЭ. Т. 1. № 245. Стб. 237). В начале XVII в. внуки Обросима Бутакова Куземка и Федька Жданы дети жили в деревне Лунева Фирилеве Куростровской волости (РГАДА, ф. 1209, кн. 10, л. 129). Ветвь Гаврилы Бутакова в источниках выявить не удалось.

⁶¹ АСЭИСП (1). № 340. С. 216.

⁶² Прогоны в Судебниках 1550 и 1589 гг. предусматриваются в качестве выплаты должностному лицу за арест и доставку в суд лиц, обвиняемых в тяжких уголовных преступлениях: разбое, душегубстве, ябедничестве (клевете), подписке (подделке документов), убийстве, государственной измене, церковном воровстве. Из имущества (статка) злоумышленника выплачивалась компенсация и прогон. В Судебнике 1589 г. список преступников дополнен рецидивистом («ведомый лихой человек»), конокрадом, поджигателем (Судебники XV—XVI вв. / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. СПб.,

ваемых (пожелезное)⁶³. Из текста документа можно заключить, что конфликт, обернувшийся гибелью четырёх человек, произошёл в Варзуге, куда ответчикам не следовало «въезжати» и «никоторого лихого дела не чинити»⁶⁴. Сам правёж был устроен «по государеве царской повинки»⁶⁵, что предполагает распоряжение центральной власти о наказании виновных в убийстве двинян. Намёк на наличие такого указа содержится и в обязательстве Сумской волости взять на поруки крестьян, за которых оказалась выплачена сумма иска. В случае повторения крестьянами противоправных действий («красти или розбивати»⁶⁶), въезда в Варзугу, их следовало отдать под суд, предать торговой казни и «вметати безпенно» в тюрьму, а затем, после доклада боярам, «казнити им (боярам. — *Авт.*)... смертною казнию без милости»⁶⁷. Близкой по времени к рассматриваемой записи является и отпись Б.Ф. Леонтьева, взявшего 28 ноября 1569 г. по «государеву... наказу» с крестьян Сумской волости 290 руб. по иску двинян за боярские пошрины и прогоны. Сверх того были взысканы «в ысцовы же иски» 10 руб. с 25,5 луков⁶⁸ угодий Соловецкого монастыря в Варзуге⁶⁹.

Уплата столь крупной суммы, к которой оказался привлечён и Соловецкий монастырь, видимо, потребовала быстрого поиска денежных средств. Глухое упоминание о займах, пошедших на возмещение двинского иска, содержится в отписи варзужского старосты Владимира Павлова сына и волостных крестьян Соловецкому монастырю, составленной 28 июля 1583 г. Монастырь произвёл с крестьянами полный расчёт по «старым кабалам» и долгам по внутриобщинным обязательствам, связанным с обеспечением государевых посланников и расходами на поездки в Москву: «в черных розметах, и в посланичьих приездах и в отъездах, и в кормех, и в подводах, и в московских посылках». Исключение составили две кабалы: «кемские» и «кандалашские», которые «писаны в басарговщине»⁷⁰. Финансовая ответственность по этим кабалам, скорее всего, была распределена между общиной и монастырём, но к 1583 г. обитель так и не смогла по ней рассчитаться.

Исполнителями правёжа были опричник Басарга (Исак) Фёдоров сын Леонтьев и недельщик Константин Семёнов сын Желтухин. Леонтьевы — переяславский служилый род, основателем которого являлся московский дьяк Фёдор Леонтьев⁷¹. Сыновья дьяка Басарга и Басенок, записанные в Дворовую

2015. С. 159–160, 393–394). С.И. Штамм прогоны понимает как «убытки и расходы», понесённые приказным человеком (Судебник 1550 года. Комментарии // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 148).

⁶³ В Судебниках 1550 и 1589 гг. штраф за наложение наручников (Судебники XV–XVI вв. С. 141–142, 374; Судебник 1550 года. Комментарии (сост. С.И. Штамм) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 131).

⁶⁴ АСЭИСП (1). № 340. С. 216.

⁶⁵ Там же. Повинка — документ, содержащий признание своей вины (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 158).

⁶⁶ Одно из значений слова — разбой, угроза жизни и имуществу человека (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 136).

⁶⁷ АСЭИСП (1). № 340. С. 216.

⁶⁸ Лук — податная единица, а также доля владений крестьянина в общинном фонде промысловых угодий.

⁶⁹ АСЭИСП (1). № 333. С. 213.

⁷⁰ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1990 (далее — АСЭИСП (2)). № 871. С. 215.

⁷¹ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 193, 197; Садиков П.А. Указ. соч. С. 202–203, примеч. 2; Фёдор

тетрадь по Москве, совместно владели вотчинами в Переяславском и Московском уездах. С учреждением опричнины братья Леонтьевы служили в этом ведомстве. После правежа они известны как писцы: в 1578 г. Басарга Леонтьев и Матвей Борисов описывали владения суздальских Спасо-Евфимьева и Покровского монастырей; Басенок Леонтьев после опричного погрома Варзуги занимался межеванием промысловых угодий⁷². Согласно предположению Садикова, Басарга мог иметь какие-то связи с богатыми двинскими крестьянами. В данной грамоте братьев Леонтьевых на вотчину, переданную Махрищскому монастырю «по родителех» в 1566/67 г., среди послухов упомянут двинянин Юрий Июдин сын Кобелев⁷³. Что могло связывать братьев Леонтьевых с Бачуриными, остаётся неизвестным. Нельзя не обратить внимание на следующее. Сын Басарги Пётр в 1593 г. известен как двинской десятильник и митрополичий сын боярский, собиравший подати в новгородскую митрополичью казну с Лодомского прихода⁷⁴.

В 1460-х гг. в судебном аппарате Русского государства возникла должность недельщика⁷⁵, ответственного за ведение следственных мероприятий и исполнение судебных приговоров по уголовным делам, содержание под стражей преступников, выдачу срочных грамот о вызове истца и ответчика в суд⁷⁶. Недельщик в своей деятельности опирался на штат помощников, составлявший не более семи человек⁷⁷. С.Н. Кистерёв отмечал и службу под началом недельщика «заговорщиков», вступавших с ним «в особые отношения», что позволяло увеличить штат слуг⁷⁸. В записи крестьян Сумской волости 1569/70 г. указывается, что в карательной экспедиции участвовали десять недельщиков⁷⁹. Возможно, здесь допущена ошибка, и под недельщиками, подчинявшимися К.С. Желтухину, следует понимать слуг, помогавших арестовывать виновных («пожелезное», «выручали... з желез»). Недельщик и его люди входили в отряд под началом Б.Ф. Леонтьева. Какое количество людей смогли собрать двиняне, из источников остаётся неясным. Не исключено, что одним из участников правежа мог быть крестьянин Г.З. Бутак с сыновьями.

Определим хронологию Басаргина правежа. Наиболее близкими к событиям являются рассмотренные грамоты об иске двинян к сумским крестьянам,

Леонтьев сын // Правящая элита Русского государства последней четверти XV — середины XVI в. (URL: <https://ruling-elite.spbu.ru/> (дата обращения — 06.04.2023)).

⁷² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 127; *Кобрин В.Б.* Опричнина и опричники // *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимия. Избранные труды. М., 2008. С. 48, 107, 109; Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019. № 86. С. 107; № 87. С. 108; *Садиков П.А.* Указ. соч. Приложение № 20. С. 462.

⁷³ *Садиков П.А.* Указ. соч. С. 202–203, примеч. 2.

⁷⁴ Акты Лодомской церкви... № ССXXXIX. Стб. 156.

⁷⁵ *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. Традиции и реформа. СПб., 2001. С. 264–292.

⁷⁶ Там же. С. 284–285, 287, 289; *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века: очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 505–506; *Стрельников С.В.* К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X–XVII вв. («правда», «праведчик» и «недельщик») // Очерки феодальной России. Вып. 8. М., 2004. С. 72, 74; *Кистерёв С.Н.* Недельщик XV–XVI вв.: происхождение термина // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 132.

⁷⁷ Статья 47 Судебника 1550 г. определяет за недельщиком семь ездовых, а «болши семи ездовых недельщику не держати» (Судебники XV–XVI вв. С. 155).

⁷⁸ *Кистерёв С.Н.* Недельщик XV–XVI вв. ... С. 133–135.

⁷⁹ АСЭИСП (1). № 340. С. 216.

датированные 28 ноября 1569 г. и 1569/70 г. Мировая запись Гаврилы Бутака и сыновей с монастырским тиуном и группой крестьян Сумской волости, которую можно рассматривать как пролог к правежу, была составлена 28 февраля 1569 г. В ней не упоминаются правёж и его главный инициатор Истома Бачурин, что позволяет предположить, что опричный погром состоялся после этой даты. Наиболее вероятным временем могло стать лето — начало осени 1569 г., когда с открытием навигации на Белом море появлялась возможность относительно быстро добраться до поморских волостей⁸⁰. Сотные грамоты письма Василия Агалина 1573/74 г. также указывают на то, что Басаргин правёж произошёл «от лета 7078-го (1569/70. — *Авт.*) году». Следовательно, в записках ван Салингена приводится неточная дата события, принятая рядом исследователей⁸¹. В действительности правёж имел место не в 1568, а в 1569 г.

Он охватил поморские волости Кольского полуострова и Беломорской Карелии: Варзугу, Умбу, Порью Губу, Кереть и Ковду. В этот перечень должна была попасть и Кандалакша, но сотная на эту волость не выявлена. Нельзя исключать, что этот источник утрачен⁸². Неизвестно о разорении Сумской волости, с крестьянами которой возник конфликт у Истома Бачурина «с товарыщи». Возможно, дело ограничилось взысканием иска. Опричник Генрих Штаден, бывавший на Русском Севере в 1560-х гг.⁸³, отмечал, что Шуерецкая (Шуя Карельская) волость (Беломорская Карелия) «опустошена опричными»⁸⁴. Проверить эти сведения, к сожалению, невозможно. Дозорная книга 1598 г., наиболее раннее писцовое описание этой волости, не фиксирует её состояния на конец 1560-х гг.⁸⁵ После Басаргина правежа поморские волости значительно пострадали в результате шведского нападения 1589 г.⁸⁶

Если хронологические и территориальные рамки эпизоды ясны, то события правежа фиксируются источниками фрагментарно. Во время столкновений в Варзуге погибли не менее четырёх двинян. Обвинение в убийстве пало на портного мастера Матфея Иванова сына, Никифора Пахомова сына, Михаила Онтрофьева сына Носко, которых недельщик Желтухин арестовал и заковал в железа⁸⁷. Старцы Николо-Корельского и Антониево-Сийского монастырей Герман и Илья, опрошенные в 1573/74 г. писцом Василием Агалиным в Варзу-

⁸⁰ Так, Николо-Корельский монастырь, занимавшийся добычей сёмги в Варзуге, отправлял с Холмогор на промысел лодью с припасами в июне—июле (*Никонов С.А.* Инфраструктура и логистика монастырских промыслов Поморья: организация варзужской службы Николо-Корельского монастыря в XVII в. // *Русь, Россия. Средневековье и Новое время.* 2019. № 6. С. 440–444).

⁸¹ Дата Салингена безоговорочно принята в работах П.А. Садикова, А.И. Копанева, И.Ф. Ушакова (*Садиков П.А.* Указ. соч. С. 199; *Копанев А.И.* Неземледельческая волость... С. 179; *Ушаков И.Ф.* Кольская земля... С. 46). В учебном пособии по истории Архангельского Севера хронологические рамки правежа вовсе растянуты на 1568–1570 гг. (*Минаева Т.С., Болдырев Р.Ю., Шурупова Е.Е.* История Архангельского Севера... С. 26).

⁸² Сохранились сотные письма Василия Агалина на те поморские волости, где вели хозяйство крупные монастыри Русского Севера — Соловецкий и Николо-Корельский. В Кандалакше действовал Пречистенский монастырь, к началу XVIII в. пришедший в упадок.

⁸³ *Хорошкевич А.Л.* Новгородский путь к Студёному (Ледовитому) морю: из комментариев к «Запискам о Московии» Г. Штадена // *Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова.* СПб., 2007. С. 173–179.

⁸⁴ *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. Публикация. М., 2008. С. 279.

⁸⁵ Дозорная книга Шуерецкой волости. 1598 г. // *История Карелии XVI–XVII вв. в документах.* Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 234–242.

⁸⁶ *Мюллер Р.Б.* Указ. соч. С. 47–48; *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах... С. 15–16.

⁸⁷ АСЭИСП (1). № 340. С. 216.

ге, заявили, что не знают, кто в волости «дворы секл и розвозил»⁸⁸. Таким образом, отряд Басарги Леонтьева разрушил какое-то количество дворов, раскатав их по брёвнам⁸⁹. Что происходило в других волостях, источники не раскрывают.

С крестьян Сумской волости, одной из главных сторон конфликта, были взысканы иски за «боярские пошрины», прогоны, «ысцовы же иски» в сумме 300 руб., а также «в четырех головах убитых, и в царских прогонах, и в боярских пошринах, и в пожелезном» — 1764 руб. 19,5 коп.⁹⁰ Общая сумма иска, таким образом, составила 2064 руб. 19,5 коп. Велика ли она была для сумских крестьян? Напомним, что откуп за десятую рыбу, платившийся двинянами в Москве, составлял 275 руб., т.е. в семь раз меньше уплаченного сумскими крестьянами иска.

В сотных грамотах с книг письма и дозора Василия Агалина приведены суммарные данные о состоянии поморских волостей из предыдущих писцовых описаний двинян Якима Романова и Никиты Пятутина (1563), Третьяка Зайцева (1570) позволяют выявить масштабы ущерба, нанесённого Басаргиным правежом⁹¹. Обратимся к следующим критериям: количеству дворов и людей, основных объектов хозяйственной деятельности — соляных варниц и рыболовных тоней. Наиболее полно все три описания фиксируют количество дворов, тогда как по населению, к сожалению, нет всех данных (табл. 1). Наиболее сильный урон был нанесён Варзуге: количество живущих дворов сократилось на 90%, а людей в них — на 91%. Только раздача писцами Агалиным и Соболевым на оброк пустых дворов и мест дворовых, сопровождавшаяся привлечением людей, изменила эти катастрофические цифры сокращения по дворам на 26%, а по людям — на 17%. Количество дворов в волостях Умбе, Порьей Губе, Керети и Ковде после опричного погрома сократилось на 60%.

Хозяйственный упадок прослеживается в сокращении количества тоней и соляных варниц (табл. 2). Особенно серьёзный удар был нанесён по солеварению. После правежа число действующих варниц сократилось на 80%, но ко времени работы писцов Василия Агалина и Стефана Соболева часть из них возобновила работу, поэтому снижение их числа относительно 1563 г. составило 60%. Басаргин правёж способствовал упадку крестьянского солеварения, ставшему во второй половине XVI в. общей тенденцией для Поморья⁹².

Сотные грамоты называют две причины упадка поморских волостей. Рефреном звучит, что волости запустели «от двинского иску, от Басаргина правежу»⁹³. Другими причинами социально-экономического кризиса были «голод», «мор», «лихое поветрие»⁹⁴. Не только опричный погром, но и эпидемия, по-

⁸⁸ Садиков П.А. Указ. соч. Приложение № 20. С. 462.

⁸⁹ Развозить — развести в несколько приёмов. В качестве примера приводится рассказ Новгородской первой летописи от 1340 г. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. С. 157).

⁹⁰ АСЭИСП (1). № 333. С. 213; № 340. С. 216.

⁹¹ Известны две сотные двинян Якима Романова и Никиты Пятутина на волости Варзуга и Кереть (Сборник ГКЭ. Т. 1. № 165. Стб. 160–172; Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929. № 137. Стб. 442–451).

⁹² Подробнее см.: Савич А.А. Указ. соч. С. 97–100; Французова Е.Б. Солеваренные промыслы Соловецкого монастыря в XVI — начале XVII вв. // Российская Арктика: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов. М., 2017. С. 219–227.

⁹³ РГАДА, ф. 1201, оп. 7, д. 176, л. 89 об.–90.

⁹⁴ Там же, л. 98, 100 об., 106, 117, 122 об. Мор — повальная смерть от голода, эпидемии (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 260–261). Поветрие — эпидемия, мор (Там же. Вып. 15. М., 1989. С. 155–156).

вальная смертность вызвали демографический и хозяйственный упадок. Обращает на себя внимание, что 1567–1570 гг., близкие к Басаргину правежу, для Северо-Запада России характеризуются голодом и болезнями⁹⁵. Бедствия того времени фиксируются памятниками северорусского летописания и агиографии конца XVI–XVII в. В статье 1569/70 г. Соловецкого летописца указано, что «был на Москве глад великой и по всей земли Руской, хлеб был дорог, многие люди голодом измирили»⁹⁶. В житии Трифона Печенгского содержится рассказ о походе святого с несколькими монахами в Новгород для сбора милостыни «в монастырь свой на пропитание братии», поскольку в то время во «всем Помории» из-за неурожая («понеже многие годы овощи и хлеб побиваху морозом») испытывали нехватку продуктов⁹⁷. Поездка преподобного продолжалась восемь лет. Как считает В.В. Калугин, в действительности могло быть несколько поездок в 1550–1560-х гг.⁹⁸ Таким образом, голод и эпидемии, обрушившиеся в конце 1560-х гг. на Русский Север, усилили негативное воздействие Басаргина правежа на поморские волости.

Таблица 1

**Население и дворы поморских волостей Кольского Севера
в 1560–1570-х гг.**

Волость	1563 г.				1570 г.		1573/74 г.						
	дворов	людей	дворы пустые	места дворовые	дворов	людей	дворов	людей	дворы пустые	места дворовые	даны на оброк		в них людей
											дворы пустые	места дворовые	
Варзуга	124	167	5	26	—	Нет данных	13	15	—	—	79	33	123
Умба	48	—	—	—	30		46	82	—	—	—	—	—
Порья Губа	22	—	—	—	3		12	12	7	3	2*	—	—
Кереть с волост- ками Чупой и Чёрной Рекой	60	80	—	—	19		46,5	69	—	—	—	—	—
Ковда	30	—	—	—	3		11	13	14,5	12	5	—	7
Всего	284	247	5	26	55		128,5	191	21,5	15	86	33	130

Подсчитано по: Сборник ГКЭ. Т. 1. № 165. Стб. 160–163; Т. 2. № 137. Стб. 442–444; № 138. Стб. 451–454; АСЭИРС (2). № 565. С. 65–66; РГАДА, ф. 1201, оп. 7, д. 176, л. 112 об.–113, 121 об.–122 об.

* Не учтена клеть, данная на оброк.

⁹⁵ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983. С. 193–194. Историки климата отмечают, что похолодание в Европе в 1560–1600 гг. повлияло на падение урожайности, вызвало эпидемии среди людей и домашних животных, рост социальных потрясений (Фейган Б. Малый ледниковый период: как климат вершил историю, 1300–1850. М., 2022. С. 137–144).

⁹⁶ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 237; Новикова О.Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь / Отв. ред. С.А. Семячко. СПб., 2001. С. 248.

⁹⁷ Житие Трифона Печенгского / Публ. В.М. Быковой, А.В. Пигина // Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост. А.В. Пигин. СПб., 2010. С. 447.

⁹⁸ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского... С. 67–68.

**Соляные варницы и тони поморских волостей Кольского Севера
в 1560–1570-х гг.**

Волость	1563 г.				1570 г.				1573/74 г.			
	тоней		варниц		тоней		варниц		тоней		варниц	
	живущих	пустых	живущих	пустых	живущих	пустых	живущих	пустых	живущих	пустых	живущих	пустых
Варзуга	80	11	—	2	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	80	11	—	—
Варзуга: тони по морскому берегу от р. Каменки	29	—	—	—					29	—	—	—
Варзуга: тони Соловецкого монастыря	3	—	—	—					3	—	—	—
Умба с погостом Вялозеро	39	—	9	—	24	—			33	22	9	13
Порья Губа	8	—	20	—	4	4	1	11	8	—	4	16
Кереть с погостами Чупа и Чёрная Река	8	3	44	23	Нет данных	Нет данных	16	—	11	3	17	30
Ковда	—	—	12	—			—	12	1	5	4	30
Всего	167	14	85	25	28	4	17	23	165	41	34	89

Составлено по: Сборник ГКЭ. Т. 1. № 165. Стб. 165, 171–172; РГАДА, ф. 1201, оп. 7, д. 176, л. 119–119 об., 121 об.–122 об.

Исчезло ли двинское присутствие в поморских волостях после Басаргина правежа? Сотная 1573/74 г. на волость Варзугу уже фиксирует перераспределение промысловых угодий. Тони и реки, бывшие ранее во владении двинян, оказались у новых собственников: «А ловят на тех на всех тонях и в реках варзужаня всею волостью, и старцы Соловецкого монастыря, и Корелского и Сейского монастыря старцы красную рыбу семгу всею волостью». В казну с угодий уплачивали 25 руб. в год⁹⁹. В волости усилили хозяйственные позиции монастыри, разделив между собой её владения, что вызывало конфликты между новыми собственниками. Игумен Троице-Сергиева монастыря архимандрит Иона жаловался царю, что «по морскому берегу от реки от Каменки дватцать девять тоней да четыре реки», переданные обители на оброк, были отняты «насильством» варзужскими крестьянами и другими монастырями (Соловецким, Антониево-Сийским, Троицким Печенгским)¹⁰⁰. В ответ на это челобитье в январе 1582 г. на Двину Василию Скорнякову и Василию Кулеву отправили грамоту, предписывая отвести Троице-Сергиеву монастырю «дватцать девять тоней да четыре реки», с тем чтобы крестьяне и другие монастыри «не вступались и насильством рыбы не ловили в тех угодьях»¹⁰¹. Тем не менее возобладал

⁹⁹ АСЭИСП (2). № 565. С. 69–70.

¹⁰⁰ Сборник ГКЭ. Т. 1. № 255. Стб. 246.

¹⁰¹ Там же. Стб. 247.

совместный характер эксплуатации морских тоней. Писцовая книга Двинского уезда 1621–1624 гг. отмечает, что на тонях и реках «ловят... красную рыбу сёмгу вопче» крестьяне и монастыри¹⁰².

Если угодьями владели местные собственники, то фискальный контроль сохранялся за двинскими выборными. Грамоты из Дворовой четверти 1577 и 1581 гг. выборным Куростровской волости сообщали об отправке в Варзугу грамот «к данным целовальником, и к старостам, и к сотцким, и к пятидесятцким, и к десятцким» о сборе податей и отправке в Москву¹⁰³. Из грамот следует, что двинские власти обязаны были доставлять в Москву дань с Терского берега и Двины, как и в предшествующие Басаргину правящему десятилетия. Выплата дани «за морской оброк с Терские стороны» с двинских волостей упоминается в отписях об уплате податей данным старостам 1574, 1582–1583 гг.¹⁰⁴

Не исчезла и практика передачи на откуп десятой рыбы. В 1581–1582 гг. бенефициарами были вотчинные крестьяне Троице-Сергиева монастыря. Они взяли на оброк десятую рыбу «в Варзуге, и в тонях морских, и в речных заборах», что предполагало уплату 145 руб. в четвертной приказ¹⁰⁵ — ведомство в составе приказа Большого прихода¹⁰⁶. В 1581 г. десятина не взималась с «двациати девяти тонь, да четырех рек, да ручейка», которые до 1573/74 г. находились в ведении двинян. С этих угодий оброк в размере 25 руб. уплачивался «всею волостью» совместно с монахами Соловецкого и Николо-Корельского монастырей¹⁰⁷. Таким образом, если хозяйственные позиции двинян в Варзуге после Басаргина правящего пошатнулись, и находившиеся в их владении рыболовные угодья перешли варзужским крестьянам и монастырям, то в податном отношении поморские волости Терского берега по-прежнему подчинялись двинянам.

Многие обстоятельства Басаргина правящего остаются невыясненными. Неизвестно, в частности, почему именно Истома Бачурин выступил инициатором иска двинян. Какие хозяйственные интересы у него были в Варзуге или других поморских волостях? Что могло связывать Истому Бачурина и Басаргу Леонтьева? Имеющиеся источники позволяют заключить, что главное противоречие, приведшее к конфликту, возникло между двинянами и крестьянами Сумской волости.

Двинское присутствие, издавна существовавшее в поморских волостях Терского берега, во второй половине XVI в. заключалось в исполнении фискальных полномочий и участии в промыслах. Выходцы из поморских волостей карельского Беломорья, в том числе Сумской волости, также вели промыслы в Варзуге и ряде других мест Кольского полуострова. В конце 1560-х гг. произошёл конфликт между двинянами и сумлянами, сопровождавшийся грабежом и убийствами. Участие Истома Бачурина как представителя обиженных двинян, возможно, связано с тем, что в то время он занимал должность

¹⁰² РГАДА, ф. 1209, кн. 11, л. 437. На начало XVII в. в Варзуге вели промысел Соловецкий, Троице-Сергиев, Николо-Корельский, Антониево-Сийский, Новоспасский монастыри и Патриарший дом.

¹⁰³ *Копанев А. И.* Куростровские столбцы. С. 407, 410–411.

¹⁰⁴ Акты Лодомской церкви... № CX. Стб. 71; CXLV. Стб. 89; CLVIII. Стб. 98.

¹⁰⁵ Сборник ГКЭ. Т. 2. № 236а. Стб. 830; № 255а. Стб. 831–832.

¹⁰⁶ Грамоты выданы дьяками приказа Большого прихода Андреем Арцыбашевым и Тимофеем Фёдоровым. Приказ ведал сбором таможенных пошлин (*Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 47).

¹⁰⁷ Сборник ГКЭ. Т. 2. № 236а. Стб. 830.

сборщика податей. Имелись ли у него на Терском берегу свои хозяйственные интересы, неизвестно. Участие в «правеже» опричника Басарги Леонтьева могло быть связано с неформальными отношениями двинян и представителей опричнины. В отряде Леонтьева находился недельщик К. Желтухин с 12 помощниками. Число двинян, задействованных в походе на поморские волости, остаётся неизвестным.

Не вызывает сомнения, что правёж затронул все волости кольского побережья Белого моря, наибольшему разорению из которых подверглась Варзуга. Очевидно, память об этом событии закрепилась надолго. В отписи Варзужской волости Соловецкому монастырю, составленной в 1583 г., постигшее местное общество бедствие называется басарговщиной¹⁰⁸. Разграбление было не единственным фактором обеднения поморских волостей: наряду с ним играли свою роль голод и эпидемии. Следствием стали упадок промыслов и сокращение населения. Активная хозяйственная деятельность монастырей позволила поддержать эти отрасли экономики Поморья в последней трети XVI в.

¹⁰⁸ АСЭИСП (2). № 871. С. 215.

«Взятка» и «почесть» в России петровской эпохи в междисциплинарном дискурсе

Дмитрий Редин

«Bribe» and «gift» in Russia of the Petrine Era in interdisciplinary discourse

Dmitry Redin

*(Institute of History and Archeology, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)*

DOI: 10.31857/S2949124X24050036, EDN: SLGXUY

«По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по-иностранному акциденция, когда начало своё восприяли, в том все учёные между собою не согласны»¹. Прошло более двухсот лет с тех пор, как были написаны эти строки, а учёные и поныне «между собою не согласны» в том, когда же в России зародилось взяточничество. Особенно любопытно читать об этом в историко-юридических статьях, авторы которых как будто соревнуются в поисках наиболее древних точек отсчёта появления этого феномена. Это и XV в. (по мнению В.В. Федунова), и XII в. (как полагает В.В. Гаврилов, глухо ссылаясь на данные неких «русских летописей»). И даже самая заря становления Русского государства IX–XI вв., когда, по мысли С.А. Алимбиева, считающего возможным говорить о «государственных чиновниках» той эпохи и ставящего знак равенства между кормлениями и взятками, в жизнь общества вошла коррупция как результат отсутствия надлежащих норм противодействия ей в Русской Правде². Число подобного рода исследований слишком велико, чтобы продолжать их ряд, но в данной статье речь пойдёт о несколько другой проблеме.

Всякому, кому доводилось иметь дело с изучением феномена взятки, в первую очередь приходится решать «простой» вопрос: что такое взятка? Если из современного Уголовного кодекса РФ можно вывести (на основе статьи 290) вполне чёткое нормативное определение взятки: получение должностным лицом имущества или услуг имущественного характера за совершение действий (бездействий) в пользу взяткодателя, то в исторической ретроспективе взятка оказывается ускользающим понятием.

© 2024 г. Д.А. Редин

¹ Чулков М.Д. Драгоценная шука // Чулков М.Д. Пересмешник / Сост. В.П. Степанов. М., 1987. С. 133.

² Федунов В.В. Взятка как вид должностных преступлений в законодательстве России XV–XVIII вв. // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. Т. 24(63). 2011. № 2. С. 89–95; Гаврилов В.В. Борьба с коррупцией в России при Петре I и Екатерине II // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Юридические науки. Т. 24(63). 2011. № 2. С. 36–41; Алимбиев С.А. Эволюция уголовно-правовой нормы о получении взятки по законодательству России в дореволюционный период (IX–XIX вв.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13(68). Сер. Право. Вып. 8. Т. 1. С. 21–27.

Не секрет, что различные формы подношений представителям власти имели в средневековой Руси и России раннего Нового времени разнообразные наименования. К рубежу XVII–XVIII вв. сформировался максимально широкий круг таких терминов. Некоторые были относительно новыми, появившимися из практики XVII — первой четверти XVIII в., другие уходили корнями в глубь веков: «корм», «помино́к» («поминки»), «посул», «почесть» («честный принос», «честное подношение»), «налога», более молодое «кормление от дел» (видимо, укоренившееся в период существования развитой приказной системы), совсем «молодые» «акциденция» и «презентальные деньги» и семантически связанные с ними понятия и вербальные вариации. Само появление такого лексического и, подчеркну, *не синонимического* многообразия позволяет судить о том, что для современников существовали какие-то различия между маркированными с его помощью явлениями. Тем не менее многие историки, а особенно историки-юристы, склонны сводить это многообразие к понятию взятки в современном смысле слова. Думается, такой подход в корне неверен. Корректнее, на мой взгляд, обозначить эти формы подношений несколько тяжеловесным, но более нейтральным словосочетанием «частные вознаграждения должностных лиц»³.

Известно, что слова не возникают просто так, они обозначают те или иные предметы и явления и зачастую обладают семантической подвижностью вслед за изменениями самих явлений и представлений о них. Явление не тождественно понятию или представлению о нём, но понятие или представление, выраженные в слове, способны кое-что поведать о явлении и его восприятии современниками. Это соображение подвигает нас внимательнее относиться к словам, стремясь к выявлению их семантических, аксиологических и семиотических особенностей в определённом историческом контексте, иными словами, выводит в сферу междисциплинарных исследований, в области тесно связанных между собой методов культурной антропологии, лингвосемиотики, собственно лингвистики, истории понятий (как различных направлений исторической семантики).

Подобное направление поиска методов в исследовании феномена взятки — не дань моде, но необходимость подбора более тонких настроек научной оптики рассмотрения этого сложного социального явления. Практики различных форм подношений трудно поддаются жёсткой систематизации, поскольку между ними непросто провести разграничительные линии, понять, что для современников являлось обыденным, приемлемым, моральным, законным (причём как с точки зрения позитивного, так и с точки зрения обычного права), а что — нет; что воспринималось как взятка (в нашем понимании), а что являлось чем-то иным, насколько эти представления были общими для представителей различных социальных групп в различные временные отрезки? Специалисты, пытавшиеся нащупать эти границы, обычно оперировали либо методами юридических наук, проводя грани между явлениями с позиций юридической квалификации (от самого общего: законно / незаконно, до попыток установления чётких квалифицирующих признаков: должностные преступления, коррупционные действия, экономическая преступность), либо методами социальной и экономической истории, определяя те или иные формы подношений с точки

³ В англоязычной традиции таким корректным словосочетанием является конструкция *politics of give and take*, или *give and take practices* в отличие от более жёстко определённых *bribe* и *corruption*.

зрения социально-экономических критериев (феодалная рента, внеэкономические формы принуждения, государственно-корпоративные методы перераспределения). Всё это приносило результат, но, как представляется, не давало точного понимания того, почему схожие на наш взгляд явления по-разному воспринимались властью и различными общественными группами, вызывали различные правовые, административные, морально-этические реакции. Может быть, приблизиться к этому пониманию помогут слова? Слова — не боясь обвинений в эссенциализме, — имевшие когда-то утраченный для нас, но понятный современникам смысл.

Несколько лет назад я предпринимал попытку проанализировать массив терминов частных вознаграждений должностных лиц с позиций исторической лингвистики⁴. Источниками исследования послужили материалы земского и административного (коронного) делопроизводства, судебная и следственная документация, нормативные законодательные акты. Настоящая статья может рассматриваться как уточнённое и углублённое продолжение предпринятых ранее штудий. Контекстное осмысление бытования упомянутых терминов в делопроизводстве эпохи позволило сгруппировать их в семантические гнезда и аксиологические группы. Эти филологические «упражнения», как представляется, имеют смысл для *исторического* исследования феномена взятки и его трансформаций в петровскую эпоху. Семантика слов проясняет генетику явления. Будучи ограниченным допустимыми размерами статьи, остановлюсь на анализе двух ключевых и противопоставленных понятиях: «почесть» и «взятка».

Первую совокупность терминов частных подношений связывает *семантика дара*. Основным здесь выступает слово «почесть» («в почесть», «в честь», «честное подношение», «честной принос») и связанные с ним «дано», «давать», «несено», «ставлено», «куплено», «послано» и т.п. В расходных книгах мирских выборных, где подобные слова и словосочетания встречаются наиболее часто, акцентируется внимание на добровольном характере таких подношений, как, например, в хлыновской расходной книге 1679/80 г.: «Того ж дни *отнесл по мирскому приговору* (здесь и далее курсив мой. — Д.Р.) Новгородцкого приказу подъячему Александру Феофанову пять рублей *в почесть*; ходили хлыновской посадской целовальник Никита Празников да Иван Котелников»⁵.

Уточнение «в почесть», «в честь» фиксируется в расходных книгах не всегда; не редко, используя однажды, в дальнейшем его опускали ради краткости записи, как это видно, в частности, в расходной книге тюменского оброчного старосты Епифана Меншикова 1717 г.: «Генваря в 20 день *несено* Ивану Васильевичу два окорока свиные, с моего паю *дано* восемь копеек; ему ж *купили* чань, с моего паю *дано* два гроша; да ему ж *купили* корыто, с моего паю *дано* 2 денги; да ему ж *куплено* голикоф, *дано* 2 денги»⁶; или в расходной книге Куяровской слободы за 1723 г. (на тот момент входила в Тюменский дистрикт): «Земскому камисару Петру Лавринову *несено в честь* рубль в имен[нин]ные денгь... К ево приезду *куплено* пива на 6 алтын 4 денги, ему ж вина *ставлено* на 19 алтын 4 денги; подъячему Михайлу Чагадаеву *дано в честь* восем алтын 2 денги алтынного побору»⁷.

⁴ Редин Д.А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург, 2019. С. 137–202.

⁵ ОР РНБ, Основное собрание рукописной книги. IV.278, л. 10 об.

⁶ Государственный архив Тюменской области, ф. И-47, оп. 1, д. 1093, л. 3.

⁷ Архив СПБИА РАН, ф. 187, оп. 2, д. 143, л. 3.

Такого рода подношения «в почесть» практиковались не только простолудинами в адрес представителей власти, но и между должностными лицами, состоявшими по отношению друг к другу в формальных и неформальных иерархических отношениях. Известный выдвигенец кн. А.Д. Меншикова Я.Н. Римский-Корсаков, став ландрихтером Ингерманландской губ., показал на следствии в 1714 г., что «с того времени (по вступлении в должность в 1707 г. — *Д.Р.*) подносили ему *в почесть...* денгами, и парчами, и припасами» не только бурмистры и «всякого чину люди», но и подчинённые ему коменданты. Сотрудники следственной канцелярии лейб-гвардии подполковника кн. В.В. Долгорукова насчитали только деньгами таких «приносов» от бурмистров и комендантов, а также от новгородского архиерея на 2600 руб. и 100 ефимков⁸. А.А. Курбатов в записке, поданной в Кабинет царя в декабре 1720 г., отмечал, что в бытность архангелогородским вице-губернатором посылал сенатским служителям «питья и другие вещи», купленные, кстати говоря, на деньги, принесённые ему самому «в почесть»⁹. Обер-фискал А.Я. Нестеров регулярно получал от подчинённых провинциал-фискалов и фискалов различные подношения натурой и деньгами за «старую дружбу», за то, чтобы он был к ним «благоприятен»¹⁰. Приведённые примеры не уникальны.

Само определение подношения, которое в русской практике XVII — первой трети XVIII в. означало не только продукты и предметы обихода, но и всяческие бытовые услуги — «*в почесть*» — указывает на исходное *символическое* значение действия: воздание чести, выражение уважения статусу одаряемого¹¹, позволяя относить все действия, маркированные понятием «почести», к практике дарообмена.

На этом же основании к семантике дара следует отнести древний термин «корм» («кормление», «на корм», «кормовые деньги»). Надо заметить, что для петровского времени термин «корм» и связанные с ним слова и словосочетания употреблялись гораздо реже, чем «почесть». Возможно, это связано с тем, что официально кормления руководителей местного звена управления и их людей были отменены в середине XVI в. Однако сама практика кормления, как известно, продолжала благополучно существовать и в XVII, и в XVIII вв., о чём свидетельствуют в первую очередь расходные мирские книги, сохранившиеся от того времени¹². Примечательно, что в самих расходных книгах все кормы, включая подённые, определялись через понятие «почести». По большому счёту, «корм» отличался от «почести» лишь по структуре. Если «почести» могли быть разовыми, приносимыми разным людям от

⁸ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 59, л. 100, 377.

⁹ Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700—1720-е годы) / Сост. Д. Серов, А. Видничук, А. Жуковская, И. Федюкин. М., 2023. № 251. С. 503.

¹⁰ РГАДА, ф. 248, кн. 273, л. 232—233 об., 255 об., 509 об.

¹¹ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост. А.Б. Гофман. М., 2011. С. 141.

¹² Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда органа государственной власти). СПб., 2000; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997; Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012; Редин Д.А. Воеводское кормление в России XVIII в.: расходная книга тюменского оброчного старосты Е. Меншикова 1717 г. (Исследование и публикация источника) // Проблемы истории России. Вып. 10. Исторический источник и исторический контекст. Екатеринбург, 2013. С. 236—282.

случая к случаю, то «корм/кормление» представлял собой те же почести, но систематизированные, доставляемые с известной периодичностью и частотностью постоянным адресатам, будь то наместники и волостели XVI в. или воеводы XVII–XVIII вв.¹³ Предложение Л.Ф. Писарьковой жёстко привязать обыкновение приносить «почесть» к процессу рассмотрения «челобитчиковых дел» в приказах и считать «почесть» подношением «должностным лицам до начала дела» (вторым таким приносом по окончании дела она считает «поминок»)¹⁴ опровергается всем массивом известных источников. И анализ содержания расходной мирской документации, и материалы следственных дел однозначно указывают как на широкий спектр распространения практики подношения «почестей», на активное использование соответствующих терминов, определяющих эту практику, так и на осознание современниками кормов как «почестных подношений».

Генезис кормлений институционально восходит к полюдью. Самым недвусмысленным образом об этом писал С.Б. Веселовский, и его мнение, насколько можно судить, до сего дня не опровергнуто: «Очень вероятным представляется предположение, что кормы сложились на почве княжеского полюдья, которое в XII в. ещё практиковалось в Северо-Восточной Руси, а в XIII–XV вв. выходило из обыкновения»¹⁵. Но что из себя представляло само полюдьё? Пожалуй, единственным консенсусным мнением историков можно считать взгляд на полифункциональность полюдья, под которым подразумевается как сама процедура (объезд князем подвластной ему территории), так и действия, производимые князем во время этого объезда. Последние сводились к осуществлению сбора материальных средств с населения, отправлению княжеского правосудия и иных социальных коммуникаций власти и людей, носивших в том числе ритуальный характер. Исходя из этого, а также опираясь на данные более поздних источников, в литературе сформировалось третье значение полюдья как некой подати. Но какой? Смысл сборов вещей и продовольствия, происходивших во время полюдья, большинством советских историков толковался как *сбор дани*.

Подробный историографический анализ взглядов на полюдьё с точки зрения его фискальной составляющей осуществил И.Я. Фроянов¹⁶. Мне лишь представляется важным отметить здесь, что ряд учёных — М.Д. Присёлков, В.В. Мавродин, В.И. Горемыкина, Л.В. Данилова, Л.В. Алексеев — были склонны видеть в полюдьё не дань или не только дань, а *иной сбор*, взимавшийся со свободного населения, «с общин, принадлежавших к главенствующей общности» (по формулировке Даниловой)¹⁷, т.е. с не завоёванного, не покорённого,

¹³ Не стоит смешивать воеводское кормление с «кормлением от дел». При сходстве наименований это качественно разные явления, требующие отдельного разговора.

¹⁴ Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (По материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33.

¹⁵ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 272.

¹⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 148–171; Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 448–484.

¹⁷ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 180. Занятые поиском признаков феодальных отношений, советские исследователи даже в случае признания различий между собственно данью и полюдьём спешили объявить последнее если не феодальной рентой, то некой промежуточной формой между данью-контрибуцией и собственно рентой (Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 109).

а «своего» народа, имевший характер *дара*. Впрочем, это продуктивное наблюдение — полюдые не дань, а, скорее, дар («полюдые даровное») — впервые было сделано ещё М.А. Дьяконовым в начале XX в.¹⁸, но в силу разных причин не закрепились и не получило развития в советский период.

Полагаю, что продуктивным является мнение П.С. Стефановича, подведшего итог длительной дискуссии историков о сути полюдья и отметившего два наблюдения, которые, с его точки зрения, «надо признать верными». Во-первых, двойственное понимание дани (в широком смысле как доходов вообще и дани в узком смысле как определённого налога). Во-вторых, что дань в узком смысле в актовом источнике XII–XVI вв. отличалась от полюдья как особого побора, «который мыслится как добровольный дар (и нередко прямо называется “дар” или “даровное”)¹⁹». Если кормления — наследники полюдья-дара, то не являлась ли практика приноса и получения кормов также проявлением традиций дарения?

О том, что в традиции кормлений и «почестей» лежит «язык даров», в отечественной историографии размышляли мало, во всяком случае, до недавних пор. Проявление культуры дарообмена и связанных с нею практик на русском материале обычно исследовалось либо в русле истории межгосударственных отношений и дипломатии средневековой Руси²⁰, либо в контексте контактов русских администраций с аборигенными народами окраин²¹, или же при изучении проявления дарообмена в культурах народов СССР и России²². Как правило, наместничье кормление, равно как и более позднее воеводское, интерпретировалось в качестве материального обеспечения представителей великокняжеской и царской власти на местах, как вознаграждение за службу за счёт населения.

Едва ли не единственным автором, обратившим внимание не только на материальный, но и на символический характер кормлений, был Б.Н. Фло-

¹⁸ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 188–189.

¹⁹ Стефанович П.С. О дани в «трибутарном» государстве Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 263.

²⁰ Фаизов С.Ф. Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси–России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 49–55; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69–79; Никонов С.А. «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV — начала XVI века // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7. С. 63–77; Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007; Леонова А.Н. «Корм» как составная часть дипломатического дарообмена Московского государства XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4(20). С. 212–215.

²¹ Бадмаев А.А. Дарообмен в социально-политических практиках забайкальских бурят во второй половине XVIII — первой половине XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 12. 2013. Вып. 7. С. 276–280; Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: Антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56; Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI — начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. Т. 7. 2019. № 4. С. 760–783; Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен — практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. Т. 6. 2018. № 2. С. 342–369.

²² Сураганова З.К. Традиционный обмен дарами у казахов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007; Мартынова Е.П. Институт дарообмена у обских угров в антропологическом дискурсе // Вестник угроведения. Т. 11. 2021. № 3. С. 546–555.

ря. В одной из давних статей он подчеркнул связь наместничьего кормления с вопросом личной и родовой чести кормленщика, обратив внимание на статью 25 Судебника 1550 г., согласно которой «бесчестье» детей боярских определялось в соответствии с доходностью кормления: «Таким образом, получив малоходное кормление, кормленщик нёс не только материальный ущерб, но и наносил урон родовой чести»²³. Известно, что в период, предшествовавший официальной отмене кормлений, верховная власть пыталась регламентировать их частотность и размеры как самим наместникам и волостелям, так и представителям их аппарата (тиунам, доводчикам и праведчикам), что нашло отражение в уставных грамотах наместничьего управления, кормленных грамотах и доходных списках. Впрочем, как убедительно доказала Т.И. Пашкова, на практике и частота подношения кормов, и их ассортимент, и круг адресатов кормлений в первой половине XVI в. были гораздо разнообразней, чем это показано в нормативных актах²⁴, и в этом отношении наместничье кормление оказывается значительно ближе к воеводскому, чем принято считать.

Пожалуй, единственным специалистом, прямо связавшим наместничье кормление XV–XVI вв. и воеводское кормление XVII–XVIII вв. с культурой дарообмена и предложившим их интерпретации в русле классических трудов М. Мосса и более поздних работ Дж. Скотта, К. Грегори и Л. Хайда, стал известный американский историк-русист Б. Дэвис²⁵. Не задаваясь целью подробного анализа его статьи, стоящей иных монографий, отмечу, что в ней импонирует сама идея автора о важности практики кормлений как инструмента установления — со всеми оговорками — неформальных связей между тяглецами и представителями коронной администрации. Рассматривая кормления как пусть и профанированный, лишённый исходного символизма акт дарообмена, автор допускает, что одаривание формировало (в той или иной степени) систему взаимной обязанности между сторонами, давая администраторам материальную выгоду, а населению — шанс на покровительство, в том числе при необходимости избежать невыгодных для него требований законодательства (в первую очередь в фискальной сфере).

Добровольность корма/почести — главное обстоятельство, позволяющее видеть в этой практике реминисценцию архаичного дарообмена. Разумеется, состояние общественных отношений и в петровской России, и в более ранние периоды XVII и даже XVI в. мало напоминало систему общественных отношений, зафиксированную антропологами у коренных народов Полинезии или Северной Америки. Но анализируя и оценивая кормления и почести прежде всего с их материальной стороны, понимая, что люди, осуществлявшие такого рода подношения, часто не имели выбора, находясь в зависимом положении от адресата подношений, мы забываем, что и «классический» дарообмен «символической», или «моральной» экономики никогда не был лишён материальной составляющей. По проницательному наблюдению П. Бурдьё, обмен дара-

²³ *Флоря Б.Н.* Кормленные грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 72.

²⁴ *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 45–47.

²⁵ *Davies B.* The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726 // Culture and Identity in Moscow, 1359–1584. UCLA. Slavic Studies. New Series. Vol. III. Moscow, 1997. S. 39–67. Эти идеи автор закрепил в более поздней монографии: *Davies B.* State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. N.Y., 2004.

ми всегда оставался фикцией, скрывавшей за ритуалами «корыстный расчёт, который всегда присутствует даже в самом безвозмездном обмене», поскольку в конечном счёте «экономический и символический капитал так неразрывно связаны между собою, что в экономике добросовестности (т.е. в архаичной, докапиталистической экономике. — *Д.Р.*), где лучшую, если не единственную экономическую гарантию составляет добрая слава, уже одна демонстрация материальной и символической силы в виде солидных союзников сама по себе способна приносить материальные выгоды»²⁶.

Исследование источников, зафиксировавших практику подношений кормов/почестей, неизменно показывает, что маркировавшие их слова, да и сами действия, воспринимались и различными группами общества, и верховной властью (законодателем) в качестве *ценностной нормы*, имели *аксиологически нейтральный характер*. Прежде всего, это подчёркивали все администраторы, попадавшие под обвинения в незаконных поборах с населения. «А в помянутой бытности моей в Ярославле, — писал в челобитной 1724 г. И.Д. Свешников, сидевший в Ярославской приказной избе в 1710–1714 гг. дьяком, — была мне от бурмистров дача... *по их волям* и по прежним обыкновениям, *а не ис принуждения...* И о тех их приносах челобитья от них на меня во многое время нет»²⁷. Якутский сын боярский Пётр Шестаков, находившийся у ясачного сбора в Охотском и Тауйском острогах в 1721 г., уверял следствие, что приносы «красными белками, и росамами, и выдрами» он получал от ясачных людей «*в почесть*»²⁸. Г.Е. Фирсов, допрошенный в 1725 г. за должностные злоупотребления, которые он совершил при службе дьяком в Устюге Великом в 1710–1716 гг., уверял следствие: «А в бытность его на Устюге... старосты по древнему своему обыкновению харчевыми припасы *в почесть к нему приносили*, и дрова, и свечи, и конские кормы, и деньгами, и харчами по малому числу в праздники и в государевы ангелы *давали из воли своей*»²⁹.

Примечательно, что и дающие признавали *нормальность* подобных подношений. Об этом свидетельствует не только спокойный и будничный тон записей в расходных мирских книгах. Есть более конкретные и яркие свидетельства. Г.П. Енин привёл эпизод, связанный с жёстким противостоянием между севскими воеводами и пашенными солдатами и драгунами Комарицкой и Крупецкой волостей, имевшим место в самом начале самостоятельного правления Петра I, в 1695–1699 гг. Причиной конфликта стали непомерные материальные притязания воевод, вымогавших со служилых поселенцев, в том числе с помощью физических расправ, совершенно циклопические объёмы продуктов. Многолетние попытки добиться справедливости у московских властей, подачи челобитных, столкновения между чинами воеводской администрации и представителями земского самоуправления, мучения служилых на правееже и в ходе рейдов приказных людей по обывательским дворам, ответные избиения воеводских подьячих и солдат рисуют ситуацию крайне острого и затяжного противоборства. При этом пашенные солдаты и драгуны не отказывались в принципе от кормления воевод. Более того, они предлагали очень высокую ставку годового корма (для воеводы она исчислялась полутора тысячами четвертей разного «хлеба», сотнями пудов мяса, сотнями вёдер вина и прочими

²⁶ Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С. 232.

²⁷ РГАДА, ф. 248, кн. 1284, л. 126.

²⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 291.

²⁹ РГАДА, ф. 9, отд. 2, кн. 94, л. 425 об.

припасами), требуя лишь соблюдения фиксированных норм поставки и устранения воеводских служителей от её сбора. Это предложение и было одобрено царём весной 1699 г.³⁰

Судя по всему, тяглые люди считали поставки кормов/почестей не только своим долгом, но и *правом*. В 1716 г., в следственной канцелярии лейб-гвардии капитана И.Г. Кошелева в рамках резонансного дела «о ссоре Курбатова с Соловьёвым» были допрошены архангелогородские земские бурмистры Иван Ушаков и Семён Дудин, занимавшие свои должности в 1711 и 1713 гг. соответственно. Следователей интересовали расходы, понесённые тяглецами Архангельска и Двинского уезда в пользу вице-губернатора А.А. Курбатова и его людей. Неоднократно допрошенные по отдельности и вместе, Ушаков и Дудин упорно отстаивали легитимность подношений: «А почестные подносы начальным людям и присланным за делами носили на господские праздники и на царские ангелы *по прежнему обыкновению и по мирским приговорам*»; «И те вышеписанные росходы держали *по мирским приговорам и по прежнему издревле обыкновению*. Да и после того... такие *почестные подносы* и земские росходы по мирским приговором были и ныне есть»; «да и спору де о тех вышеписанных росходах от мирских людей и ни от кого нет, для того, что оным живут из мирских зборов повсягодно, а не из ынтересов царского величества... и живут те росходы у них *издревле*»³¹.

Право *дарить* — давать корм/почесть «начальным людям» для названных бурмистров и стоящих за ними тяглецов покоилось на незыблемых основаниях: давности («старине») и мирском всеуездном приговоре — высшем акте земского самоуправления³². Примечательно, что, отстаивая своё право на частные вознаграждения администраторов, бурмистры напомнили следствию, что тратили на это мирские, а не государственные средства: эти расходы производились «из мирских зборов повсягодно, а не из ынтересов царского величества». Надо заметить, что и в приведённом примере, и во всех остальных, известных по материалам следственных дел, легитимность действий *дающих* признавалась и верховной властью. Во всяком случае, против адресантов кормов/почестей никогда не выдвигали обвинений.

Символика дара, хотя и в весьма редуцированном виде, прослеживается в практике подношения «почестей» и по другим признакам. Известно, что незыблемым «правилом игры» при обмене дарами являлась обязанность отдаривания. Отдаривания отложенного, не похожего на сделку при товарообмене — том рациональном договоре, сжатом «до одного момента»³³, — но неизбежного. Как отмечал М. Мосс, это правило присуще дарообменным практикам и ритуалам практически всех архаических экономик: «В скандинавской и во многих других цивилизациях обмены и договоры осуществляются в форме подарков, теоретически добровольных, в действительности же *обязательно* вручаемых и *возмещаемых*»³⁴.

В России XVII в. традиция/обязанность отдаривания фиксируется источниками, пусть и фрагментарно, на разных уровнях общественной иерархии.

³⁰ Енин Г.П. Воеводское кормление... С. 136–142.

³¹ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 2 об., 13 об., 15 об.

³² Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 229.

³³ Бурдьё П. Указ. соч. С. 220.

³⁴ Мосс М. Указ. соч. С. 136.

Прежде всего круговороту дарообмена был не чужд царский двор. Не касаясь в данном случае обычая содержания иноземных послов за счёт поставок от имени государя, напомним о другом — обычае «подачи», подробно проанализированной Т. Кондратьевой. Подача — это дары в виде продуктов с царского стола, которые жаловались либо непосредственным участникам застолья, либо посылались адресатам на дом в случаях, когда монарх трапезничал в узком семейном кругу. Подачи имели как подённый, так и праздничный характер, а их объём и качество зависели от статуса одаряемого, его «честь». Такая же традиция подач существовала при патриаршем дворе. Примечательно, что в соответствии с «долгом дарить и долгом отдаривать», «бояре, получив подачу, шли к царю благодарить его, “бить челом”, а в праздничные дни и на именины членов царской семьи подносили им калачи»³⁵. Таким образом «эти обязательства (дарить и отдаривать. — *Д.Р.*) порождали непрерывную цепь постоянного обмена»³⁶.

Культура дарообмена, существовавшая при царском дворе весь XVII в., вероятно, не могла не влиять на ситуацию при воеводских дворах. Имеющаяся в научной литературе информация подтверждает это предположение. В 1675 г. сольвычегодский воевода Я.П. Булычев справлял новоселье «в новой» избе. Среди прочих приглашённых на пир, устроенный по этому поводу, «хлеб ел» и мирской староста. В 1676 г. тотемский воевода кн. С.П. Вяземский звал «хлеба есть» мирских людей. Формальным поводом послужил приезд воеводского зятя кн. Ф.В. Морткина, встреченного местными жителями приносом в почесть хлеба и калачей³⁷. Пир как одна из старейших и наиболее зримо выраженных форм дара, со всей ритуальной нагруженностью, может рассматриваться в приведённых примерах в качестве составной части церемонии дарообмена — отдаривания за дары, принесённые местными общинами: будь то строительство палат для воеводы в первом случае или принос «почести на приезд» воеводскому свойственнику во втором.

Широко практиковалось во второй половине XVII в. приглашение земских выборных на воеводские обеды по случаю именин царя, членов царской семьи и именин самих воевод и их родственников. Разнообразные случаи таких праздничных угощений, выявленных по материалам расходных мирских книг Пскова, Соли Вычегодской, Тотьмы, Устюга Великого в 1640–1690-х гг., привёл Г.П. Енин³⁸. Разумеется, всякий раз подобные пиршества оборачивались для местных общин дополнительными расходами, и весьма существенными: дар в виде пира требовал отдарка в виде «почестного приноса». Рассматривая приглашения посадских и всеуездных старост, сотских, иногда таможенных, кружечных и ямских голов на воеводские дворы «хлеб есть» исключительно в качестве дополнительного источника материального обеспечения царских администраторов, историк совершенно не берёт во внимание ритуальной стороны таких акций. Между тем очевидно, что изобретая новую статью дохода, воеводы органично вписывали её в традицию обмена дарами, в присущую это-

³⁵ Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. З.А. Чеканцевой. М., 2006. С. 31.

³⁶ Альтхоф Г., Штомберг-Рилинген Б. Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. / Отв. ред. Г. Альтхоф, М. Бойцов. М., 2016. С. 13.

³⁷ Швейковская Е.Н. Русский крестьянин... С. 300–301.

³⁸ Енин Г.П. Воеводское кормление... С. 98–117.

му процессу цикличность: оказывая земским выборным честь, принимая их за своим столом, они были вправе ожидать компенсации, в которой старосты не могли им отказать не только из опасения возможных дальнейших притеснений.

Приведённые примеры относятся к XVII в., к предпетровской эпохе. Сохранялось ли что-то подобное в первой трети XVIII столетия? Учитывая высокий уровень континуальности между предпетровским и петровским периодами, инертность в сфере социальных коммуникаций на низовом уровне, полагаю, что формы отдаривания в виде угощений мирских представителей воеводами/комендантами могли практиковаться и в первые десятилетия XVIII в. Отсутствие описания подобных прецедентов в научной литературе может указывать не на то, что их не существовало, а на то, что историки не фиксировали на них внимания. Впрочем, к рубежу XVII–XVIII вв., а тем более позже, далеко не все администраторы могли считать нужным «говорить» с подвластным населением «на языке даров», что не мешало последнему пользоваться этим «языком». Ведь многое зависело от конкретной ситуации, особенно если мы имеем дело с традицией «на излёте», с мистерией, выхоленной до внешней обрядовой формы. Тогда принятие или не принятие обряда оказывается зависимым от истолкования: «То, в чём получатель предпочитал усматривать обязательную дань, даритель старался представить добровольным подношением»³⁹, и, полагаю, это справедливо не только применительно к символике обмена в международных отношениях эпохи.

Условно добровольный характер практики кормления и подношения «почестей» особенно отчётливо виден на контрасте с другой формой частных вознаграждений должностных лиц — взяткой. Различия проявляются уже на уровне слов. В речевом обиходе термин «взятка» («взяток») в значении «принудительный побор с зависимых лиц» — явление относительно новое, фиксирующееся историческими словарями с конца 1650-х гг.⁴⁰ Уже самые ранние случаи употребления слова «взятка» создают вполне определённое смысловое поле его бытования: взятка как некий побор, сопряжённый с вымогательством и насилием и в любом случае противозаконный. Собственно говоря, термин «взятка» («взятье», «взял», «брал») и связанные с ним, синонимичные или конвойные «злоимание», «налога», «обида» («обида»), «нападки», «смучил», «вымучил» и проч., прежде всего выражают *семантику насилия*. Характерны и тексты, в которых бытуют эти слова. Они не встречаются в расходных мирских книгах; их среда — доносы, челобитные, указы и материалы судебных и следственных дел.

Из этих текстов становится ясно, что значение слова «взятка» не совпадало с современным. Инициатором взяток всегда выступали администраторы (отсюда, кстати, направленность действия глагола «взять»: от принимающего к вынужденно дающему), а передача взятки часто *не несла никакой выгоды* для лица, вынужденного осуществить передачу материальных ценностей взяткополучателю. Вот лишь несколько примеров.

Посадив под арест крестьян, воевода Переславля-Залесского Григорий Арбенев в 1706 г. вымучил с них взятку в 5 руб.; перепало и подьячему воеводской канцелярии Фёдору Маркову, непосредственно получавшему деньги. За неправедные труды ему достался рубль⁴¹. Дьяк архангелогородской губернской кан-

³⁹ Альтхоф Г., Штомберг-Рилинген Б. Язык даров... С. 25.

⁴⁰ Словарь русского обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 2. СПб., 2006. С. 170.

⁴¹ РГАДА, ф. 26, оп. 1, ч. 1, д. 10, л. 183–191.

целярии Фёдор Зуев в 1711 г. вымогал с уже упоминавшегося бурмистра Ивана Ушакова «с товарищи» 100 руб.: «А буде не дадут ста рублей, — угрожал дьяк мирским выборным, — то он, Зуев, велит их убить на правеже до смерти». Ушаков выдал требуемую сумму, поскольку знал, что угроза дьяка — не пустые слова, «понеже на правеже убийство и дело показали: бит был бурмистр Филип Дарофеев, и переломили ногу, и от того в третьей день умре»⁴². В июне 1717 г. майор Коптев, управитель вотчин Александро-Невского монастыря в Старорусском уезде, доносил кн. А.Д. Меншикову, что комиссар Свечин, подчинённый новгородского ландрата И.И. Мякинина, «взяв ведения моего крестьян, держит под караулом и *чинит им обиду*, которые мне объявляют, что-де *берет с них взятки* немалые, и по взятке освобождает»⁴³. С помощью угроз и насилия повышал уровень своего благосостояния земский комиссар Уктусского дистрикта Степан Неелов, о чём в декабре 1722 г. сообщали генералу В.И. Геннину земские выборные Белоярской и Пышминской слобод: «Да он же, камисар Неелов, как ездил по слободам для переписи дворового числа, *взял* у нас денег рубль пятьдесят копеек неведомо за что при свидетелех... Да оной же, как ездил в Новопышминскую слободу на поварню... *взял с нас из-за грозы* масла коровья пуд. А что протчая *взятков он... взял*, и то явствует в записке у выборных белоярских... Да он же... *взял с прошлого старосты Якова Бутакова в марте* месяце денег *из-за мучения* десять рублей»⁴⁴.

Как известно, сами тяглецы хорошо понимали разницу между «почестью» и взяткой и умели в случае необходимости манипулировать смыслами слов и оценками ситуаций. Упомянутые выше архангелогородские бурмистры Ушаков и Дудин, так последовательно и упорно доказывавшие правомочность и обыденность поставки кормов Курбатову, его людям и губернским чинам, без всяких сомнений дали показания против вице-губернатора по тем эпизодам, когда он, по их разумению, злоупотреблял своим положением и брал что-то сверх считавшегося нормой. Дудин «во обличение Курбатова» сообщил о косье для него сена и сборе «излишних» денег: «И которое сено кошено ж у порта Архангелскова на взморье на взятых сенных покосех у волостных крестьян работниками, которые по указу наряжены к городскому делу, и в воске того сена волосных крестьян, также и в зборех окладных и запросных податей, и приписке излишества сверх окладов и повелительных указов, и в земских ненадлежащих расходах излишних, отчего многая тягость и разорение происходит обывателем»⁴⁵.

Готовые «кормить» администраторов, носить им «почестное» в каких-то установленных традицией для данной местности размерах и нормах, крестьяне и посадские крайне болезненно реагировали на превышение этих норм, на избыточные притязания кормленщиков. В таких случаях в челобитных всегда отмечался недобровольный, «вымученный» характер поставки, маркируя такую поставку термином «взятка»: «В прошлом 720 году сын боярской Афонасей Чернышев в бытность свою у нас в Невьянской слободе прикащиком *напакми* своими *взял* с меня... лошадь мерина рыже-пегова... да две четверти ржи. Да в прошлом 722 году он же *взял* с меня корову красную неведомо за что

⁴² Там же, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 18 об.

⁴³ Там же, ф. 198, оп. 1, д. 74, л. 285.

⁴⁴ Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО), ф. 24, оп. 1, д. 5а, л. 2–2 об.

⁴⁵ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 70, л. 19–19 об.

безвинно», — доносил один из крестьян-невьянцев⁴⁶. Как взятку истолковал побор, полученный сборщиком канцелярии медового сбора подьячим Козьмой Локтевым, мирской челобитчик тамбовский казак Артемий Кузин (1706): «А указ он нам не объявил и *взял с нас на Москве взятков* четыре пуда меду да рубль денег»⁴⁷.

Несколько иной смысл слова «взятка» сложился в законодательстве. В качестве термина юридического характера «взятка» начала фигурировать с конца 1670-х гг. Как установил Д.О. Серов, первое такое употребление слова появилось в указе от 28 февраля 1677 г. об организации деятельности таможенных голов и целовальников⁴⁸. Правда, во всех трёх случаях упоминания этого термина в названном указе его содержание законодатель не раскрывает. Из контекста можно лишь уяснить, что взятка — это некое корыстное инициативное действие коронных администраторов или представителей земского самоуправления, *мотивирующее их на совершение должностного преступления*. При расследовании должностных правонарушений таможенных голов и целовальников воеводам угрожали опала и конфискация имущества, если они «хотя малую хитрость в сыску *для взятков* (т.е. ради взяток, вследствие взяток. — Д.Р.) учинят». Тем же воеводам и всяким «приказным людям» предписывалось не допускать по отношению к таможенным головам и целовальникам «никакия обиды, и тесноты, и налог... и ни в каких делах *для своих взятков* на них никаким умыслом» не «нападать». Наконец, земским старостам и «мирским людям», обязанным следить за деятельностью таможенных голов и целовальников, указ грозил наказанием и взысканием сумм таможенных недоборов, если земские выборные станут попустительствовать головам и целовальникам «*для взятков своих*»⁴⁹.

Эта смысловая линия нашла своё развитие в серии указов 1710-х гг., направленных на защиту экономических интересов государства (против «повредителей государственного интереса»). В названном ряду первым был опубликованный 24 апреля 1713 г. именной указ, 4-й пункт которого устанавливал «повредителям государственного интереса» санкцию в виде смертной казни и конфискацию движимого и недвижимого имущества; та же кара ждала тех, кто стал бы покрывать преступников⁵⁰. Указ не разъяснял, кто такие «повредители государственного интереса», не давал юридической квалификации этому преступлению, не определял его состав. Строго говоря, сам указ состоял из нескольких разнородных предписаний, связанных между собой лишь тем, что они были посвящены регулированию разных вопросов местного государственного управления. В научной литературе он более известен как указ об учреждении ландратских губернских коллегий, поскольку именно этому отводился самый пространственный 3-й пункт документа.

Но, несомненно, в развитие, уточнение и пояснение 4-го пункта (о «повредителях государственного интереса») 25 августа того же года Пётр I издал новый указ. Из него становилось ясно, что «повреждение государственного интереса» есть умышленное («с умысла») нанесение материального ущерба казне,

⁴⁶ ГА СО, ф. 24, оп. 1, д. 5а, л. 60.

⁴⁷ РГАДА, ф. 26, оп. 1, ч. 1, д. 1, л. 362 об.

⁴⁸ Серов Д.О. «Взятков не имал, а давали в почесть...». Взяточничество в России от царя Алексея Михайловича до царя Петра Алексеевича // Отечественные записки. 2012. № 2(47). С. 215; ПСЗ-I. Т. 2. № 679.

⁴⁹ ПСЗ-I. Т. 2. № 679.

⁵⁰ Там же. Т. 5. № 2673.

выражавшееся в махинациях и хищениях при сборе натуральных и денежных средств, при таможенных и кабацких откупках, в злоупотреблениях при заключении государственных подрядов с целью личного обогащения ответственных должностных лиц (для их «лукавых приобретений»). Ответственным чиновникам запрещалось участвовать в заключении подрядов (как от своего имени, так и через подставных лиц), а все дела, связанные с осуществлением фиска, вести «без всяких лукавых вымыслов и безпосульно», не принимая «взятков, и посулов... и кормов», в том числе за предоставление отсрочек в платежах, задолженностях (недоимках) и натуральных поставках. Нарушителям этих норм грозила та же санкция, которая предусматривалась апрельским указом: смертная казнь с конфискацией имущества. При этом указ отличал нарушение «государственных интересов и всего народа» от «партикулярных прегрешений». К последним законодатель относил «в челобитчиковых делах *взятки* и всякие в народе обиды». Санкция за такие преступления была мягче: «прежние штрафования» на усмотрение местных властей и Сената⁵¹.

В контексте настоящей статьи интерес представляет толкование слова «взятка», приобретающее в данном случае значение юридического термина. Во-первых, по букве закона видно, что «взятка» существует как бы в двух видах — как незаконный побор со стороны должностного лица, ведущий к нанесению ущерба государственному хозяйству, и как незаконный побор, ведущий к нанесению ущерба частным лицам. В первом случае взяткополучателю безусловно грозили санкции высшего порядка, во втором — некие штрафы, определение которых отдано на усмотрение тех или иных органов власти. Можно предположить, что в первом случае дело решалось в уголовно-правовой, а во втором — в гражданско-правовой плоскостях. Во-вторых, примечательно, что в цитированном указе «корм», явление легальное с точки зрения обычного права и вполне допустимое с позиций позитивного права, оказывается рядом-положенным термином (и явлением?) со взяткой «первого вида». Наконец, в указе от 25 августа взятка «первого вида» ставится в один ряд, фактически приравнивается к понятию «посул»⁵². Последний являлся *единственной криминализированной формой* частного вознаграждения должностных лиц в русском праве ещё с конца XV в. Таким образом, с 1713 г. взятка «первого вида», как и посул, с формально-юридической точки зрения может рассматриваться как деяние, обуславливавшее совершение иных преступных деяний, приводивших к нанесению экономического ущерба государству.

Наконец, известный именной указ от 24 декабря 1714 г., сформулировавший общее понятие о преступлении («все, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление»), подчеркнул недопустимость «никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслы»⁵³, как будто поставив тем самым вне закона *все* формы частных вознаграждений должностных лиц.

⁵¹ Там же. № 2707.

⁵² Употребление слов «взятка» и «посул» как синонимов единично известно и в конце XVII в., но такое фиксировалось в актах узкой направленности, например, в наказе 1686 г. окольничему Л. Неплюеву о разборе ратных людей Севского полка (ПСЗ-I. Т. 2. № 798), не влиявших столь масштабно ни на речевое бытование терминов в качестве синонимов, ни на правоприменительную практику.

⁵³ ПСЗ-I. Т. 5. № 2871.

Перечисленные указы, получившие обиходное наименование «запретительных», стали нормативной основой для работы надзорных и следственных органов, созданных в эти же годы. Деятельность их прежде всего была направлена на пресечение преступлений против экономических интересов государства: института фискалов⁵⁴, розыскных («майорских») канцелярий⁵⁵, Канцелярии подрядных дел⁵⁶. Казалось бы, после такой законодательной проработки смысл термина «взятка» становился юридически прояснённым, а любые поборы администраторов с частных лиц, независимо от того, носили ли они добровольный или принудительный характер, должны были стать вне закона.

На практике этого не произошло. Новое законодательство *de facto* не отменило покоившегося на обычноправовых основаниях порядка подношения кормов и почестей — ведь легитимность земских приговоров и права тяглых общин на обладание и распоряжение собственной кассой никто не оспаривал. Тяглецы по-прежнему считали взяткой только вынужденные, «вымученные» сверхнормативные поборы, но не вообще подношения в адрес представителей власти. В свою очередь и представители власти на всех уровнях находили законным и морально допустимым получение частных вознаграждений. Самым недвусмысленным образом об этом высказался лейб-гвардии подполковник кн. В.В. Долгоруков, один из конфиденентов царя Петра и, между прочим, руководитель розыскной канцелярии, расследовавший в 1714–1716 гг. преступную деятельность самого кн. А.Д. Меншикова. Цитата из письма князя кабинет-секретарю А.В. Макарову 14 января 1718 г. точно отражает настроения времени: «Изволь милостиво разсудить, хотя б кто меня в чем и подарил, а бес повреждения интересу государственного, мне кажетца, всякой в своем добре волен. Как я людей дарил, так и меня даривали, и впредь то будет»⁵⁷.

Искушённый в текущем законодательстве и следственной практике, кн. Долгоруков деликатно развёл «повреждение государственного интереса», возникающего вследствие *взятки*, и право на дарение, интенционно подразумевающее легитимность *«почести»*. Неподкупный генерал-майор В.И. Геннин в 1723 г. оправдал В.Н. Татищева, обвиняемого во взимании взяток, квалифицировав приносы местных старост, зафиксированные в расходных книгах, как «почести», не приведшие к нанесению ущерба интересам казны: «старосты в распросах сказали, что он (Татищев. — Д.Р.) им *лготы* чинить в завоцких работах *не обещал*, токмо что де по их сибирскому обыкновению в первой ево, Татищева, приезд принесли в *почесть бес пристрастия и угрозы*»⁵⁸.

⁵⁴ Учреждённый в 1711 г. фискалитет как служба при Сенате получил окончательный статус, полномочия и круг ведения в указе от 17 марта 1714 г. (ПСЗ-1. Т. 5. № 2786). О деятельности фискалов на первоначальном этапе существования службы см.: Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России в первой трети XVIII в. Saarbrücken, 2012. С. 74–99.

⁵⁵ Первая такая канцелярия под руководством лейб-гвардии майора кн. М.И. Волконского учреждена 25 июля 1713 г. (Серов Д.О., Фёдоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I. М., 2019. С. 61).

⁵⁶ Учреждена под руководством лейб-гвардии капитана Г.И. Кошелева 15 марта 1715 г. (Редин Д.А. Канцелярия подрядных дел (к истории законодательно-административного регулирования государственных закупок в России петровского времени) // Вестник государственного и муниципального управления. Т. 9. 2020. № 3. С. 131–144; Редин Д.А. Регулирование госзакупок при Петре Первом (формирование системы контроля в сфере государственных финансов) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 129–144).

⁵⁷ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, кн. 24, л. 335–335 об.

⁵⁸ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М.О. Акишин. Екатеринбург, 1992. С. 146.

Сходным образом приговором Сената от 18 октября 1725 г. был отменён штраф в 140 руб., наложенный в 1721 г. на канцеляриста А. Фомина следственной канцелярией генерал-лейтенанта М.А. Матюшкина, посчитавшей принятые в 1711–1713 гг. Фоминым подношения взятками. Сенаторы сочли возможным согласиться с челобитьем Фомина, уверявшим, что деньги, взятые им с винных подрядчиков в указанные годы, приняты «*в почесть*», «за писменной ево труд» и «*из доброй воли*»⁵⁹. Возможно, на решение Сената повлияло и то, что свои вознаграждения подьячий получил до выхода в свет вышеупомянутых «*запретительных указов*». Во всяком случае, бывали прецеденты, когда судьи принципиально учитывали эти аргументы. Например, так поступили сенаторы, прекратившие уголовное преследование дьяка Г.Е. Фирсова приговором от 4 августа 1725 г., поскольку ранее дьяка обвиняли, «*напрасно причитая почестные приносы ко взяткам*, которые он получал в бытность свою у дел в Устюжской провинции до *запретительных указов*»⁶⁰.

Впрочем, наверное, надо отметить, что подобные оправдательные приговоры выносились после смерти Петра I сенаторами, многие из которых сами в своё время находились под следствием за преступления против «государственного интереса» и были уличены в получении взяток. При жизни царя далеко не всегда бралось в расчёт то обстоятельство, что частные вознаграждения должностные лица принимали до указов 1713–1714 гг. Так, ничто не помешало Матюшкину, завершившему следствие по делу Курбатова, включить в итоговый мемориал — по сути, обвинительное заключение — сумму в 1085 руб., полученную бывшим вице-губернатором как кормленный доход («почести») в 1711–1713 гг. (до «запретительных указов»), квалифицировав её как взятку⁶¹. Таким же образом сочли взятками деньги и товары, полученные Я.Н. Римским-Корсаковым с комендантов и бурмистров Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губ., а заодно и доходы от поставок в армию лошадей, подвод и фуража, проведённых через казённые подряды на подставных лиц, хотя большая часть этих действий также осуществилась до указов 1713–1714 гг.⁶²

Так или иначе, следует признать, что при всех недоговорённостях и выборочном применении на практике, указы 1713–1714 гг. закрепили криминализацию взятки как явления и усилили негативную аксиологическую окраску самого термина, прочно введя его в область юридической лексики.

Так что же представляла из себя взятка в понимании людей петровской эпохи? И что даёт нам междисциплинарное исследование взятки как термина и как явления? С позиций исторической семантики и аксиологической лингвистики совершенно очевидны различия между «взяткой» и «почестью». Первый термин однозначно бытовал в лоне негативной аксиологии, причём как в простонародном речевом обиходе, так и в законодательных актах и в текстах, рождённых в результате правоприменительной практики. Взятка во всех случаях осуждалась. Но осуждалась она по разным причинам, поскольку в этот термин вкладывался разный смысл. Для простолюдиного взятка связывалась с открытыми вымогательством и насилием, а потому оказывалась несправедливым побором. Для законодателя и его агентов она была противоправным деянием, поскольку влекла за собой ущерб государственным интересам. «По-

⁵⁹ РГАДА, ф. 248, кн. 1947, л. 90.

⁶⁰ Там же, кн. 1945, л. 29.

⁶¹ Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова... С. 509.

⁶² РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, л. 376 об.—377.

честь» (равно как и «корм»), напротив, оставалась и в первой четверти XVIII в. аксиологически нейтральным понятием. Общество (и не только его тяглые слои) относилось к «почести» как к дару, явлению, морально не осуждаемому и с точки зрения права допустимому. Для простонародной среды существовало и юридическое, по сути, обычноправовое основание легитимности «почести» — дарения, которое не оспаривалось коронной властью.

С точки зрения истории права «взятка» и «почесть» также оказываются понятиями и явлениями не одного порядка, хотя грань между ними более размытая. Не ставя однозначно вне закона «кормы» и «почести» (хотя такое стремление вроде бы намечалось в указе от 24 декабря 1714 г.), законодатель не смог дать точной юридической квалификации взятке. Строго говоря, петровское законодательство едва ли даже выделяло взятку в самостоятельный состав преступления. Ведь должностных лиц осуждали не за получение взяток как таковых, а за то, что принятые ими частные вознаграждения, квалифицированные следствием и судом как взятки, влекли за собой нанесение ущерба государственным интересам в экономической сфере, приводили к злоупотреблениям должностным положением, вредящим государственному хозяйству. Законодателю был безразличен ущерб, причиняемый частным лицам, разве что за исключением тех случаев, когда таковой откровенно подрывал фискальную платёжеспособность населения или создавал критически значимую социальную напряжённость, т.е., в конечном итоге, наносил вред государству. Петровское законодательство не выделяло в особые составы преступления ни вымогательство, ни дачу взятки, ни пособничество в получении взятки, как это делает современный Уголовный кодекс РФ. Эти обстоятельства приводили к тому, что следователи при квалификации материальной поставки должностному лицу зачастую ориентировались не на юридическое определение, которого, по сути, не было, а на иные, в том числе политические критерии; судьи могли отменять ранее вынесенные приговоры, а осуждённые манипулировать смыслами, настаивая на получении «честных приносов», а не взяток, апеллируя к традиционным, а не юридическим понятиям (средства, полученные без открытого принуждения, не взятка, а дар).

Означает ли сказанное, что в петровское царствование, равно как и ранее, не существовало явлений, которые можно было бы охарактеризовать как взятки в современном смысле слова? Очевидно, что нет. Случаи получения должностным лицом имущества или услуг имущественного характера за совершение действий в пользу взяткодателя фиксируются источниками. Крестьяне или посадские могли по своей инициативе вознаграждать чиновников за, например, отсрочку в выплате налогов или недоимок, выгадывая свои интересы при поставке рекрутов и т.п., — именно такие случаи пытался пресечь законодатель. По корыстному сговору, возникшему в результате дачи взятки нужному администратору, заключались договоры поставок товаров и услуг — казённые подряды по завышенным ценам, что тоже пытался пресечь законодатель. За взятки, замаскированные под «почести», могли приобретаться управленческие должности. С помощью взяток, также выдаваемых за «почести», вышестоящие чиновники закрывали глаза на противоправную деятельность своих подчинённых. Но в позитивном праве эпохи для этих явлений не существовало чёткой юридической квалификации и адекватного вербального оформления. Участники практик частных вознаграждений должностных лиц и их преследователи говорили на разных языках, что давало возможность прибегать к смысловым

и оценочным манипуляциям и выборочному применению норм текущего законодательства. Попытка «разобраться со словами», маркирующими отношения в столь чувствительной для всех акторов сфере, предпринималась современниками. Наиболее целостно и последовательно развести понятия дара и взятки попытался, в частности, в 1730-х гг. В.Н. Татищев, предложивший различать «мздоимание» и «лихоимание»⁶³. Но его рассуждения не имели официального характера, а их анализ выходит за рамки хронологии настоящей статьи.

Конечно, понятийная «полифония», существовавшая в петровскую эпоху вокруг феномена взяточничества, была связана не только с неспособностью выработать подходящие юридические дефиниции, со слабостью юридической техники того времени. Думаю, что проблема заключалась ещё и в том, что среди тех, кто имел возможность участвовать в правотворчестве, оказалось не слишком много заинтересованных в изменении существовавших порядков. В научной литературе неоднократно отмечалось: то, что мы сегодня называем взяточничеством, являлось своего рода неформальным механизмом социальных коммуникаций, позволяющим компенсировать недостатки функционирования официальных государственных институций⁶⁴. С этих позиций *take and give practices* устраивали если не всех, то большинство участников процесса. Пётр I, увидевший в мздоимстве своих администраторов системную угрозу «государственному интересу», был, пожалуй, одинок в стремлении пресечь таковую. Своими узаконениями он начал формирование новых «правил игры», весьма некомфортных для большинства, приводивших это большинство в недоумение. «Властители изменили рамки оценок и тем самым поставили чиновников перед необходимостью оправдывать свои действия», — заметила немецкая исследовательница С. Шаттенберг, правда, анализируя ситуацию начала XIX в.⁶⁵

Но есть и ещё одно объяснение тому, что «грань между даром и данью была столь же неопределённой, как между даром и взяткой или между даром и товаром»⁶⁶, разбираемся ли мы с самим явлением или с маркирующими его терминами. Право и необходимость дарить, принимать и отдавать, лежащие в самом фундаменте социальности, относятся, вероятно, к тем базовым свойствам человеческой природы, которые невозможно изжить никакими «рациональными» нововведениями: принимая те или иные формы, загнанные глубоко под спуд модернизационных институтов и норм, они остаются поведенческими константами.

⁶³ Татищев В.Н. Избранные произведения / Под ред. С.Н. Валка. Л., 1979. С. 133–145.

⁶⁴ «“Корруптированное” поведение... выполняет системные функции, которые не могут быть выполнены другими, например, государственными, структурами» (Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4(42) (URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/42/sh4.html> (дата обращения: 3.05.2024))).

⁶⁵ Шаттенберг С. Культура коррупции...

⁶⁶ Альтхоф Г., Штомберг-Рилинген Б. Язык даров... С. 25.

Обсуждение первых фабричных законов Российской империи в столичной печати

Валерий Степанов

Discussion of the first factory laws of the Russian Empire in the metropolitan press

Valerij Stepanov

(Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24050045, EDN: SLFZDI

Первые фабричные законы были изданы в Российской империи в 1882–1886 гг. под воздействием таких факторов, как обострение социальных конфликтов в промышленности, гуманизация правосознания правящих кругов и образованного общества в целом, стремление либеральной бюрократии с помощью реформы трудового права ускорить модернизацию страны, заинтересованность части предпринимательской элиты в кадрах квалифицированных рабочих. Правда, принятое законодательство действовало не на всей территории страны, распространялось только на частные и акционерные фабрики и заводы, не затрагивая мелкие предприятия и промыслы. К тому же оно отличалось неясностью и расплывчатостью формулировок некоторых статей, что позволяло нанимателям обходить установленные требования. Контроль над их соблюдением оставался слабым, а уровень ответственности хозяев за нарушения — низким. Рабочие не имели права устраивать забастовки и создавать профсоюзы. Тем не менее в современной историографии эти акты рассматриваются в контексте социальных реформ, охвативших в последние десятилетия XIX в. всю Европу, и признаются составной частью правовой модернизации и индустриализации империи¹. Однако их восприятие современниками, отразившееся на страницах периодической печати, редко привлекало внимание историков и никогда не становилось предметом специального исследования.

В первые пореформенные десятилетия различные проекты, предусматривавшие законодательное регулирование положения фабричных рабочих, неоднократно обсуждались в правительственных комиссиях, но всякий раз признавались слишком либеральными и недостаточно учитывавшими интересы предпринимателей. Ситуация изменилась под влиянием кризиса перепроизводства, который в 1882 г. охватил ведущие отрасли и перерос в депрессию, затянувшуюся до 1887 г. Владельцы предприятий сокращали объёмы выпускаемой продукции, снижали заработную плату, увеличивали штрафы и массово увольняли рабочих. Падение жизненного уровня «фабричного люда» вызвало социальный протест и способствовало нарастанию стачечной борьбы². В этих

© 2024 г. В.Л. Степанов

¹ Puttkamer Jo., von. Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905. Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 13, 437.

² Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С. 149–159; 197–218; Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 1999. С. 358–362.

условиях обострились противоречия между двумя группами промышленников. На заводах и фабриках Петербургской губ., которые, как правило, функционировали только в дневное время, применялась новейшая техника и использовался сравнительно высокооплачиваемый квалифицированный труд. Поэтому их хозяева не нуждались в найме несовершеннолетних и женщин. Столкнувшись с необходимостью свёртывания производства, они пытались «оздоровить» рынок за счёт конкурентов из Центрального промышленного района. Указывая на опасность закрытия своих предприятий и роспуска рабочих, петербургские фабриканты в первой половине 1880-х гг. не раз ходатайствовали о введении трудового законодательства. Московские промышленники, напротив, категорически возражали против какого-либо вмешательства в дела своих фирм. Их фабрики, действовавшие круглосуточно, технически были оснащены гораздо слабее петербургских. Нехватка машин компенсировалась неквалифицированным, дешёвым трудом крестьян окрестных деревень, применением ночных смен, работой детей, подростков и женщин. Поэтому всякое ограничение «свободы» на производстве москвичи считали пагубным для своих заведений, обвиняя петербуржцев в преследовании личных выгод³.

Либеральная печать, сообщая о многочисленных фактах бедственного положения фабричного населения, призывала ограничить произвол владельцев. «Каждый день уносит здоровье рабочих, — заявляла московская “Русская мысль”, — уродует их, отнимает жизнь, и государство имеет полное право, точнее сказать — на нём лежит святая обязанность вступить в борьбу с хлопчатобумажными баронами и суконными маркизами». В журнале требовали урегулировать отношения между нанимателями и работниками, установить нормированный рабочий день, запретить труд малолетних, призывали обеспечить занятым на производстве подросткам доступ к школьному обучению и учредить для надзора за соблюдением этих законов инспекцию из лиц, имеющих техническое или медицинское образование. По мнению редакции, «пример западноевропейских государств убедительно показывает, что от такого вмешательства государства несколько не пострадало правильное развитие фабричной и заводской промышленности, а в жертву невежеству и корыстолюбию капиталистов нельзя приносить благосостояние большинства населения»⁴.

В «Вестнике Европы» утверждалось, что именно неустроенность быта и условий труда рабочих является источником популярности социалистических идей. Как считали в петербургском журнале, российское общество недостаточно заботилось об улучшении жизни «фабричного люда» и напрасно обольщалось мыслью об отсутствии в стране безземельных работников и пролетариата. От самих предпринимателей либеральные публицисты не ожидали каких-либо усилий в этом направлении, не надеясь на их согласие поступиться даже небольшой частью прибыли. Поэтому они уповали только на правительство, приводя в пример политику О. фон Бисмарка в Германии, где «рабочий вопрос окончательно поставлен на широкий фундамент “государственного социализма” по Лассалевскому образцу». Одновременно пропагандировалась ор-

³ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 391, 392; Шельмагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М., 1947. С. 62, 63.

⁴ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1880. № 4. Отд. 2. С. 25, 26; № 8. Отд. 2. С. 33, 34; № 11. Отд. 2. С. 40; 1881. № 4. Отд. 2. С. 24–26; № 5. Отд. 2. С. 73, 74; № 8. Отд. 2. С. 41–44.

ганизация при поддержке властей артелей рабочих и «чисто-ассоциационного производства в больших размерах»⁵.

Экономист И.И. Янжул в «Отечественных записках» сделал обзор британских законов о труде детей и женщин, отметив его высокий уровень и благотворное влияние на развитие промышленности и здоровье работников. Автор полагал, что, послужив «прототипом» для других стран Европы, они могут стать образцом и для «разумно устроенной государственной регламентации» в России⁶. Леворадикальное «Дело» опубликовало ряд материалов о быте рабочих и необходимости школьного образования малолетних на предприятиях⁷. В этом петербургском журнале были уверены в том, что «фабричное законодательство, сдерживающее эксплуатацию голого труда капиталом и развившееся в Западной Европе в целый юридический кодекс, вполне будет у места и у нас, в тех точках нашей экономической среды, которые аналогичны с западноевропейским фабричным режимом»⁸.

В московской газете «Русский курьер» констатировалось: «Вопрос об отношениях хозяина-нанимателя к рабочим является в настоящее время для нас вопросом величайшей важности, требующим скорого решения, если мы не желаем прийти к тому же грозному конфликту, к которому в рабочем вопросе пришли государства Запада. Прежде всего требуется самое обстоятельное законодательство, которое бы точно определяло размеры произвола, возможного со стороны нанимателя-капиталиста»⁹. Еженедельник «Земство», также издававшийся в Москве, помимо создания системы охраны труда на фабриках и заводах, призывал также «поднять задавленные тяжёлым экономическим гнѐтом нравственные силы рабочих, призвать их к самодеятельности, расчистить широкое, свободное поле для самопомощи, дозволить образование рабочих союзов, оказавших великую услугу рабочему люду за границей»¹⁰. В той же газете врач-гигиенист Ф.Ф. Эрисман, возглавлявший земскую комиссию по осмотру предприятий Московской губ., провозгласил законы, ограждающие жизнь и здоровье фабричного населения, «необходимым атрибутом всякого благоустроенного государства». Однако он рекомендовал правительству не спешить с их изданием, но прежде тщательно изучить условия жизни рабочих, поручив проведение необходимых обследований органам земского и городского самоуправления¹¹.

Появление фабричного законодательства в России связано с именем видного либерального экономиста Н.Х. Бунге, возглавившего в мае 1881 г. Министерство финансов. Ранее в своих сочинениях он, ориентируясь на европейский опыт, активно доказывал необходимость охраны труда, развивал идеи социаль-

⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 833; *Абрамов П.* Образование и обеспечение быта рабочих в России // Там же. 1879. № 1. С. 321, 326, 327; Письма из Германии // Там же. 1881. № 10. С. 858.

⁶ *Янжул И.И.* Детский и женский фабричный труд в Англии и России // Отечественные записки. 1880. № 2. Отд. 1. С. 427–459; № 3. Отд. 1. С. 97–126; № 4. Отд. 1. С. 427–459.

⁷ Новые книги // Дело. 1880. № 10. Отд. 2. С. 111–117; *Шапков С.С.* Русский рабочий // Там же. 1881. № 5. Отд. 1. С. 179–209; № 6. Отд. 1. С. 217–241; *Ленский Б.* Фабрика и школа // Там же. 1882. № 5. Отд. 2. С. 36–57.

⁸ Новые книги // Дело. 1880. № 10. Отд. 2. С. 112.

⁹ Русский курьер. 1880. 22 октября. № 288.

¹⁰ Внутреннее обозрение // Земство. 1881. 14 января. № 7. С. 22.

¹¹ *Эрисман Ф.Ф.* К вопросу о санитарно-фабричном законодательстве // Земство. 1881. 9 декабря. № 54. С. 8, 9.

ного партнёрства, писал о кооперативном и профсоюзном движении рабочих, их участии в прибылях предприятий¹². Однако, возглавив министерство, Бунге, как и его предшественники, старался действовать осторожно, избегая грубого вторжения в производственные отношения, учитывал интересы фабрикантов и нередко шёл навстречу их требованиям, чтобы не нанести ущерб промышленности. Как сетовал Янжул, «Министерство финансов даже при почтеннейшем и честнейшем из людей Н.Х. Бунге держалось правила Фамусова из “Горе от ума”: “а что скажет княгиня Марья Алексевна?” или ближе к цели: “что скажет Н.А. Найдёнов и другие московские купцы?”»¹³.

В финансовом ведомстве был подготовлен законопроект, запрещающий труд малолетних (до 12 лет) и ночную работу детей 12–14 лет при ограничении их дневной смены восьмью часами. Для подростков 14–17 лет устанавливались 10-часовая смена днём и 6-часовая ночью. Фабрикантам предписывалось обеспечивать малолетним рабочим, не получившим начального образования, возможность посещать школу не менее двух часов в день, а если она отсутствовала в окрестностях предприятия, открывать её на свои средства. Для надзора за выполнением этих норм предстояло создать три округа (петербургский, московский, владимирский) во главе с фабричными инспекторами, которые подчинялись главному инспектору, состоявшему при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов. Ввести закон в действие предполагалось с 1 июля 1882 г.¹⁴

В обществе этот проект породил как надежды, так и сомнения. Либеральный народник Я.В. Абрамов в «Отечественных записках» скептически отзывался о реформаторских способностях правительства: «Вопрос теперь в том, насколько имеющий явиться фабрично-заводской устав изменит к лучшему современное, поистине возмутительное положение вещей на наших фабриках и заводах: представит ли он собой радикальное разрешение множества вопросов и задач, возникающих из современного строя фабричного мира, или он явится одним из тех безжизненных детищ канцеляризма, которыми нас беспрерывно благодетельствуют всевозможные комиссии? Явится ли он действительной реформой, оставляющей глубокие следы в народной жизни, или всё значение его появления будет ограничиваться утолщением Свода законов?»¹⁵. Социолог Б. Ленский (Б.П. Онгирский) предсказывал, что новые правила получат «лишь крайне ограниченное, паллиативное значение», поскольку «фабричные законы могут у нас в России принести пользу только при том условии, если одновременно с ними будет облегчаться для населения приложение труда на месте посредством широких экономических мероприятий, направленных к уменьшению податных тягостей, к увеличению производительности кустарных промыслов и особенно земледелия»¹⁶.

Между тем Московское отделение Совета торговли и мануфактур и Московский биржевой комитет представили в Министерство финансов свои возра-

¹² Степанов В.Л. Рабочий вопрос в социально-экономических воззрениях Н.Х. Бунге // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 3. С. 18–22.

¹³ Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 193.

¹⁴ РГИА, ф. 1149, оп. 9, 1882 г., д. 58, л. 57 об.—59 об.

¹⁵ Абрамов Я.В. Из фабрично-заводского мира // Отечественные записки. 1882. № 3. Отд. 2. С. 2.

¹⁶ Ленский Б. Указ. соч. С. 56, 57.

жения, прежде всего против запрещения ночной работы подростков и установления возрастного ограничения до 17 лет. Не устраивало их и возложение на владельцев предприятий обязанности открывать при фабриках школы¹⁷. Проект Бунге обсуждался в Государственном совете весной 1882 г. с участием экспертов из числа предпринимателей Петербургского и Центрального промышленных районов. В итоге москвичи добились ряда уступок: министру финансов разрешалось в течение двух лет после издания закона допускать на работу детей с 10 лет; несовершеннолетними признавались только лица 12–15 лет — им запрещалось трудиться более восьми часов в день, выходить в ночные и воскресные смены, а также наниматься на вредные производства. Правда, министр финансов в течение двух лет мог в случае необходимости разрешать им работать ночью. Обязанности хозяев в деле образования малолетних были сведены лишь к предоставлению им возможности ежедневно находиться в школе в течение трёх часов. Вместе с тем министр финансов получал право по своему усмотрению распространять действие закона на отдельные ремесленные заведения¹⁸.

В этой редакции Александр III утвердил проект 1 июня 1882 г.¹⁹ Закон должен был вступить в силу 1 мая 1883 г., однако московские предприниматели ходатайствовали перед Министерством финансов об отсрочке ещё на год, ссылаясь на то, что иначе не только они попадут в сложное положение, но и семьи рабочих потеряют в период кризиса существенный источник дохода²⁰. Бунге внёс соответствующее представление в Государственный совет, который согласился отложить введение закона в действие до 1 мая 1884 г.²¹ Весной 1884 г. финансовое ведомство признало и то, что возражения фабрикантов против принуждения их к устройству школ «заслуживают уважения», поскольку они не имеют для этого ни опыта, ни денежных средств²². Закон, утверждённый 12 июня 1884 г., подтвердил необходимость получения детьми начального образования в училищах, находящихся на предприятиях или в доступной близости, однако забота об этих заведениях возлагалась на фабричную инспекцию. Хозяевам лишь разрешалось по собственному желанию открывать у себя школы. При отсутствии начальных училищ в той или иной местности инспекторам следовало обращаться за содействием к уездному учебному началству, которому поручалось заниматься их учреждением при материальной поддержке земских и городских органов, сельских обществ, церковно-приходских попечительств и частных лиц²³.

Тем же законом вместо трёх фабричных округов создавались девять (Петербургский, Московский, Владимирский, Казанский, Воронежский, Харьковский, Киевский, Виленский и Варшавский). Отныне штат инспекции состоял из одного главного и девяти окружных инспекторов, а также их десяти помощников. От них во многом зависело проведение в жизнь новых законов. Бунге пригласил на службу людей, искренне старавшихся улучшить условия труда и быта рабочих. Первым главным инспектором стал инженер Е. Н. Андреев, которого вскоре сменил публицист и педагог Я. Т. Михайловский. В округа были

¹⁷ РГИА, ф. 1149, оп. 9, 1882 г., д. 58, л. 82–85.

¹⁸ Там же, л. 117–126 об., 137–146 об.

¹⁹ ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 931.

²⁰ РГИА, ф. 1149, оп. 10, 1883 г., д. 29, л. 2–4 об.

²¹ Там же, л. 8–8 об., 12–14; ПСЗ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1509.

²² РГИА, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 57. л. 27–28.

²³ Там же, л. 311–326 об., 330–334 об.; ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2316.

назначены экономист И.И. Янжул (Москва), врачи П.А. Песков (Владимир) и В.В. Святловский (Харьков), педагог С.И. Миропольский (Воронеж) и др.²⁴ Однако на малочисленную инспекцию легли чрезвычайно трудоёмкие задачи. Надзору 20 должностных лиц подлежали тысячи промышленных предприятий, рассредоточенных на огромной территории десятков губерний. Поэтому, несмотря на титанические усилия, инспекторам не удалось в полном объёме справиться со своими обязанностями²⁵.

Либеральная печать живо откликнулась на фабричные законы, тогда как консервативные издания долгое время хранили молчание. Пресса порицала отступление Министерства финансов от первоначального проекта под нажимом московских дельцов. «Русская мысль» считала, что власти упустили шанс провести более последовательную и радикальную реформу, которая в условиях промышленного кризиса — при избытке рабочих рук и повсеместном снижении заработной платы — отнюдь не ударила бы по интересам предпринимателей²⁶. Сильное разочарование вызвало и двухлетнее ожидание вступления закона в силу. «Эту отсрочку мы не можем объяснить себе ничем иным, кроме чрезмерной заботливости правительства об интересах фабрикантов и заводчиков, от которой давно бы пора отрешиться, — возмущались в петербургском журнале “Русское богатство”. — Сколько лет уже правительство нянчится с крупной промышленностью, устраивает разные покровительственные тарифы, а наши фабриканты всё не могут выйти из пелёнок, и, подобно балованным ребятам, им всё мало»²⁷. В редакции иронизировали над аргументами владельцев предприятий: «Здесь пускается в ход обыкновенно и “неокрепшая русская промышленность”, и невозможность конкурировать с Западной Европой, и даже теория государственного невмешательства и свобода народного труда. Это они-то, русские фабриканты и заводчики, живущие только “государственным вмешательством” в виде протекционных тарифов, субсидий и казённых заказов, пропагандируют теорию государственного невмешательства и свободного народного труда!»²⁸.

Публицисты отмечали несовершенство принятых законов по сравнению с нормами трудового права Великобритании, Германии, Франции и Швейцарии²⁹. В московском журнале «Юридический вестник» Н.А. Каблуков указал на огромное значение британского акта 1847 г. о нормировании работы малолетних, предотвратившего «вырождение подрастающего поколения», для роста производства и накопления капитала. «Отнимая возможность эксплуатации детских сил, — писал экономист, — оно сберегает значительную массу населения от преждевременного истощения. Эти сбережённые силы, при условии более правильного развития их, становятся тем более способными понять и охватить процесс экономического развития в его целом и, следовательно, получают возможность дать такое направление своей деятельности, которое ускоряет ход развития в интересах всего населения. Чем больше этих сил и чем

²⁴ Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России. 1882–1914 гг. М., 2009. С. 40–49.

²⁵ Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 33.

²⁶ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1882. № 5. Отд. 2. С. 96, 97.

²⁷ Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1882. № 8. С. 96.

²⁸ Там же. 1883. № 10. С. 204.

²⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 8. С. 722; Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1882. № 5. Отд. 2. С. 96, 97.

разностороннее они развиты, тем вероятнее быстрый и правильный путь развития народного благосостояния»³⁰.

Критику в печати вызвали также робкие попытки правительства обеспечить начальное образование малолетних. Петербургская газета «Неделя» отмечала, что применение закона на практике ничего не изменит, так как дети не станут посещать близлежащие училища, теряя рабочее время, вызывая недовольство хозяев и рискуя потерять заработок³¹. «Вестник Европы» предлагал при отсутствии рядом школ обязать фабрикантов открывать их в своих заведениях, за исключением тех случаев, когда сопряжённые с этим расходы окажутся несоизмеримы с величиной предприятия и числом задействованных на нём несовершеннолетних работников. В журнале полагали, что «каждая фабрика или завод должны быть рассматриваемы по отношению к детям как практическая, профессиональная школы, а потому к ним должны быть применяемы те же самые правила и условия, какие создаются для школ вообще». Поэтому надзор за малолетними рекомендовалось передать чиновникам не финансового, а учебного ведомства. По мнению «Вестника Европы», в идеале следовало вообще запретить приём на фабрики детей, не имеющих свидетельства об окончании курса народных училищ, и тем самым заставить родителей заботиться об образовании своего потомства³².

Особое внимание либеральная пресса уделила фабричной инспекции. «Русский курьер» назвал её «одним из благотельнейших современных учреждений». Вместе с тем отмечались её малочисленность и узость сферы компетенции, ограниченной в то время лишь наблюдением за исполнением закона о работе малолетних. «Пример Германии, — утверждал “Вестник Европы”, — во всех отношениях поставленной в несравненно лучшие условия, чем Россия, свидетельствует о том, что цели надзора могут быть достигнуты только путём часто повторяющегося посещения фабрик, возможного, в свою очередь, особенно ввиду наших огромных расстояний и дурных путей сообщения, только при значительном числе местных агентов инспекции». Редакция заявляла, что «при хорошем составе инспекции менее опасны пробелы самого закона, и наоборот, даже идеально-совершенный фабричный закон останется мёртвой буквой, если в исполнение его будет внесена канцелярская, формалистическая рутина». В печати также обращалось внимание на отсутствие каких-либо «карательных постановлений» для хозяев, которым за нарушения грозил лишь необременительный штраф, налагавшийся мировым судьёй по представлению инспектора. Между тем, как полагали публицисты, за наиболее крупные проступки следовало назначать арест и даже тюремное заключение. Либеральные издания призывали увеличить состав и финансирование инспекции, расширить её полномочия, настаивали на необходимости гласности и общественного контроля в фабричном деле. В частности, речь шла о предоставлении представителям земских и городских учреждений (гласным, членам управ, врачам, учителям) права посещать предприятия, собирать там нужную информацию

³⁰ Каблуков Н.А. Экономическая хроника // Юридический вестник. 1883. № 5. С. 71–72; № 9. С. 157.

³¹ Неделя. 1882. 4 июля. № 27; 1884. 22 июля. № 30.

³² Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 8. С. 723, 724; Из общественной хроники // Там же. 1884. № 7. С. 448; Внутреннее обозрение // Там же. № 11. С. 375, 376.

и доводить её до сведения инспекции³³. «Русский курьер» предлагал даже разрешить органам местного самоуправления промышленных губерний назначать собственных инспекторов, подчинённых, правда, окружному инспектору³⁴.

Несмотря на многочисленные замечания, в целом закон 1 июня 1882 г. вызвал одобрение в печати, которая рассматривала его как долгожданную «прелюдию» к решению рабочего вопроса. «Положим, это только начало и притом очень слабое, — писал Каблуков, — но и оно имеет помимо принципиального и практическое значение, так как избавит нас от поглощения малолетних детей фабриками и тем, с одной стороны, может косвенно повлиять на увеличение платы фабричным взрослым рабочим, ограничив предложение рабочих рук, а с другой стороны, заставит наших капиталистов позаботиться о более усовершенствованных приёмах производства и, стало быть, даст ещё новый толчок развитию капитализма и именно в направлении обобществления труда»³⁵. В «Неделе» указывали, что, «радуясь появлению настоящего закона, главным образом как первому шагу к ограждению человеческих прав в фабричном мире, разумеется, нельзя не видеть в этом шаге большой умеренности, заставляющей желать дальнейшего развития»³⁶. В московской газете «Русские ведомости» надеялись на лучшее: «Как бы то ни было, можно порадоваться, что фабричный закон скоро перейдёт в действительность. Недостатки и несовершенства, какие в ней есть, убедительнее выступят на деле, и ничто не помешает сделать поправки, указываемые опытом, если наше Министерство финансов пойдёт по тому направлению, которое становится всё более и более заметным в его политике»³⁷. Ещё больший оптимизм демонстрировало «Русское богатство»: «Можно надеяться, что наше законодательство, раз вступивши на путь ограждения интересов трудящихся классов, сделает для них в этом отношении не меньше, чем сочли это нужным законодательства других европейских государств»³⁸. По словам «Вестника Европы», отчёты инспекции за 1882–1883 гг., раскрывавшие неприглядную картину положения рабочих, подтверждали «необходимость и неотложность» его изменения, «только с большей последовательностью и решительностью»³⁹. В том, что «неминуемо и в скором времени должны последовать новые законодательные постановления», не сомневалась и «Русская мысль»⁴⁰.

Либеральные публицисты призывали к дальнейшему совершенствованию трудового права и распространению его норм на все промышленные регионы страны, чтобы упорядочить отношения между хозяевами и рабочими, обеспечить защиту трудящихся от несчастных случаев и последствий вредных производств, организовать для них медицинскую помощь, установить надзор за

³³ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 8. С. 725; Внутреннее обозрение // Там же. 1884. № 11. С. 371–373. См. также: Неделя. 1882. 4 июля. № 27; Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1884. № 4. Отд. 2. С. 97–99; Русские ведомости. 1882. 4 июня. № 150; 4 июля. № 180; Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1882. № 8. С. 94.

³⁴ Русский курьер. 1882. 4 июля. № 181.

³⁵ Каблуков Н.А. Указ. соч. № 5. С. 92.

³⁶ Неделя. 1882. 4 июля. № 27.

³⁷ Русские ведомости. 1882. 4 июня. № 150.

³⁸ Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1883. № 10. С. 203.

³⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. № 11. С. 377.

⁴⁰ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1882. № 5. Отд. 2. С. 97; Внутреннее обозрение // Там же. 1884. № 4. Отд. 2. С. 97.

санитарным состоянием предприятий и т.п.⁴¹ Каблуков настойчиво рекомендовал изменить неравное юридическое положение сторон, когда владельцам фабрик и заводов разрешалось легально подавать коллективные прошения в правительство и ходатайствовать о своих нуждах через биржевые комитеты и отделения мануфактурных советов, в то время как рабочим категорически запрещались любые формы протеста, в частности, забастовки с экономическими требованиями рассматривались властями как бунт. «А между тем, — отмечал он, — предоставление рабочим законных путей и мер для отстаивания своих интересов представляет единственное средство предупредить те кровавые столкновения и поджоги, к каким прибегают рабочие, чтобы добиться изменения невыгодных для них условий». При этом им позитивно оценивалась роль европейских профсоюзов, добивавшихся повышения заработной платы и сокращения рабочего дня⁴².

Забастовка на Вознесенской бумагопрядильной фабрике и в особенности знаменитая Морозовская стачка на Никольской мануфактуре (декабрь 1884 г. — январь 1885 г.) вызвали сильный общественный резонанс. «В корне обеих этих историй, — утверждала “Неделя”, — оказывается та же односторонность фабричного устава и обычаев, на которую не раз указывала печать». В газете считали, что вспыхнувшие на предприятиях волнения «в сотый раз напоминают нам о необходимости не только ускорить движение нашего фабричного вопроса, но и решительно изменить самые приёмы его решения»⁴³. «Русские ведомости» констатировали: «Главный источник фабричных беспорядков — это отсутствие надлежащей регламентации законодательным путём взаимных отношений фабричных вопросов и их хозяев и полное отсутствие в этой области специального правительственного надзора»⁴⁴. «Русский курьер» также заявил: «Нельзя искренне не пожелать, чтобы существующие недостатки нашего фабричного законодательства были как можно скорее устранены»⁴⁵. Не менее категорично выразился «Вестник Европы»: «Если необходимость коренной перемены в положении фабричных рабочих могла ещё подлежать в чьих-либо глазах какому-либо сомнению, то оно, по всей вероятности, устранено недавними событиями в губерниях Московской и Владимирской»⁴⁶.

Подъём стачечной борьбы заставил высказаться и консерваторов. Издатель-редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков был убеждён в том, что «у нас нет пролетариата в специальном значении этого слова, нет, следовательно, и рабочего вопроса», а «того решительного антагонизма между хозяевами и рабочими, какие бывают в других странах, у нас не замечается»⁴⁷. Правда, указывая на недопустимость стачек, он признавал, что во время промышленных кризисов обострение конфликтов на производстве требует вмешательства го-

⁴¹ Неделя. 1882. 4 июля. № 27; Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 8. С. 726; Русские ведомости. 1882. 4 июня. № 150; 4 июля. № 180; Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1884. № 4. Отд. 2. С. 97.

⁴² Каблуков Н.А. Указ. соч. № 9. С. 158.

⁴³ Неделя. 1885. 13 января. № 2; 20 января. № 3.

⁴⁴ Русские ведомости. 1885. 10 января. № 9.

⁴⁵ Русский курьер. 1885. 11 января. № 10.

⁴⁶ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 897.

⁴⁷ Москва, 15 февраля // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1884 год. М., 1898. С. 89–91; Москва, 29 мая. Б. // Там же. С. 287–289. Об отношении Каткова к рабочему вопросу подробнее см.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 91–102.

сударства⁴⁸. Причину забастовок в Иваново-Вознесенске и селе Никольском публицист усматривал «в произволе одной и разнужданности другой стороны», когда рабочих при фактическом бездействии властей обирали с помощью сокращения заработной платы, высоких штрафов и грабительских цен в лавках, провоцируя их тем самым на «противоправные» действия. По его словам, в итоге «фабричный люд» невольно «озлобляется» и «развращается», и хотя «никакого рабочего вопроса у нас, слава Богу, нет, но если такое положение дел, такая слабость и безответственность будут продолжаться, то явится, пожалуй, и рабочий вопрос, но только в иной форме, нежели на Западе»⁴⁹. Позицию Каткова одобрили даже его постоянные оппоненты в «Вестнике Европы» и «Русских ведомостях»⁵⁰.

Московская газета «Русь» И.С. Аксакова отозвалась о беспорядках на фабриках более примирительно. В ней напомнили о «чёрной туче промышленного кризиса», нависавшей над центральными губерниями и вызывавшей сокращение производства и массовые увольнения. «Не отрицая практикующихся, к несчастью, и иногда очень широко, злоупотреблений и притеснений рабочих на многих из наших заводов, — говорилось на её страницах, — мы тем не менее не решаемся видеть в них единственную причину волнений рабочих. Злоупотребления бывали и прежде. Администрация, которой, по всей вероятности, придётся иметь дело не с одними этими двумя случаями, должна иметь прежде всего в виду не столько внешний блеск быстрого и энергичного умиротворения, сколько величайшую осторожность в разборе этих сложных отношений. Стать на защиту угнетённых легко и приятно, но только глубокая справедливость к обеим сторонам может дать прочные гарантии, что этим угнетённым завтра же не будет ещё хуже, если, например, рабочие вследствие закрытия фабрики останутся вовсе без работы»⁵¹.

Впрочем, уже в следующем номере «Руси» появилась статья начальника службы эксплуатации Общества Юго-Западных железных дорог С.Ю. Витте «Мануфактурное крепостничество», в которой обосновывалась неотложность «скорейшего установления полных законов о рабочих и строгой инспекции для надзора за их исполнением». Автор настаивал на регулировании продолжительности рабочего дня, труда женщин и детей, на обеспечении техники безопасности и установлении ответственности предпринимателей за увечья и смерть на производстве и т.п. По его мнению, государству следовало также проявлять особую заботу об удовлетворении «духовных потребностей» трудящихся, предоставляя им возможность отправлять религиозные обряды, отмечать церковные и исторические праздники. «На это совсем не было обращено внимания на Западе, — писал Витте, — вследствие крайне материалистического направления, которое воцарилось там благодаря целому ряду исторических причин. Едва ли не в этом обстоятельстве заключается по преимуществу корень зла, проявляющегося в форме воинствующего социализма»⁵².

Депрессия в промышленности и забастовки ускорили разработку фабричных законов. Для их подготовки 14 февраля 1885 г. под председательством

⁴⁸ Москва, 15 февраля // Катков М.Н. Собрание передовых статей... 1883 год. М., 1898. С. 84–87.

⁴⁹ Москва, 18 января // Катков М.Н. Собрание передовых статей... 1883 год. М., 1898. С. 45–46.

⁵⁰ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 897; Русские ведомости. 1885. 3 марта. № 60.

⁵¹ Русь. 1885. 12 января. № 2.

⁵² Там же. 19 января. № 3.

товарища министра внутренних дел В.К. Плеве была образована межведомственная комиссия из чиновников МВД, финансового и судебного ведомств, а также фабрикантов обеих столиц. В первую очередь участники заседаний обсудили запрещение ночных смен для женщин и подростков, о чём неоднократно ходатайствовали петербургские предприниматели. Однако их инициативы неизменно наталкивались на резкие возражения Московского отделения Совета торговли и мануфактур⁵³. «Русские ведомости» утверждали, что «мотивы московской оппозиции скорее личного свойства» и обусловлены исключительно опасением понести убытки после кризиса, когда появится возможность увеличить выпуск продукции. Однако, как полагали в газете, «аргументы вроде того, что русский рабочий сделан из другого теста, что и фабрикант наш проникнут другим духом, что не следует нарушать добрых отеческих отношений на фабриках, едва ли кого-нибудь смогут убедить с тех пор, как эти “отеческие” отношения достаточно раскрылись»⁵⁴.

Комиссия Плеве 16 марта поддержала петербургских промышленников, и 1 мая Бунге и временно управлявший МВД И.Н. Дурново внесли в Государственный совет предложение запретить с 1 октября ночные работы для подростков до 17 лет и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках, а также предоставить министрам финансов и внутренних дел право распространять эту меру на другие отрасли. 10 и 20 мая Государственный совет одобрил этот проект, однако счёл целесообразным осуществить его в виде опыта, а через три года объединить правила о труде малолетних и отмене ночных смен в одном законе. 3 июня 1885 г. это решение утвердил император⁵⁵. Либеральные издания позитивно восприняли новый шаг в формировании системы трудового права. «Русская мысль» раскритиковала попытки московских предпринимателей отсрочить введение закона под предлогом недостатка времени для найма взрослых мужчин и увеличения числа машин, чтобы заменить женщин и подростков. В журнале объясняли подобные уловки нежеланием нести дополнительные расходы, так как женщинам платили вдвое меньше, чем мужчинам, а детям — на треть меньше, чем женщинам. При этом особо отмечалось, что «обязательная отмена ночной работы для детей и женщин, отмена, которая была всегда желательна и требуется самой элементарной гуманностью, всего удобнее могла быть осуществлена именно во время кризиса, когда и без запрещения на многих фабриках ночная работа прекращена, и когда почти на всех уменьшено число рабочих, а стало быть, представляется полная возможность с наименьшими пожертвованиями заменить отпущенными рабочими-мужчинами детей и женщин в ночной работе, где она ещё производится»⁵⁶.

Соглашаясь с подобными соображениями, Катков уже на стадии подготовки и обсуждения проекта, несмотря на личные связи с московскими промышленниками, встал на сторону их противников. В передовицах своей газеты он напоминал, что ночные работы не практикуются в крупнейших европейских странах и на значительной части петербургских и лодзинских предприятий. Вопреки уверениям фабрикантов, публицист был убеждён, что эта мера не приведёт к увеличению стоимости производства и не подорвёт благосостояние рабочих. Он ссылаясь на опыт Великобритании, где после запрещения ноч-

⁵³ РГИА, ф. 1152, оп. 10, 1885 г., д. 286, л. 23–32 об.

⁵⁴ Русские ведомости. 1885. 9 апреля. № 95.

⁵⁵ РГИА, ф. 1152, оп. 10, 1885 г., д. 286, л. 2–22, 33–35; ПСЗ-III. Т. 5. СПб., 1887. № 3013.

⁵⁶ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1885. № 10. Отд. 2. С. 96–98.

ных смен для детей, подростков и женщин промышленность стала развиваться быстрее. По его словам, изнурительный труд без полноценного сна пагубно сказывался на качестве продукции, вёл к росту числа штрафов и тем самым вызывал недовольство «фабричного люда». Кроме того, по мнению Каткова, одновременно следовало принять и закон о продолжительности рабочего дня, чтобы хозяева не увеличивали его до 14–15 часов в сутки, как это делалось на предприятиях без ночных смен⁵⁷.

«Русь» опубликовала статью кинешемского текстильного фабриканта А.Ф. Морокина, который благодарил правительство за «разумное распоряжение в распределении работ», удобное и полезное для здоровья подростков и женщин, получивших достаточное время для сна. Он полагал, что эта мера будет выгодна и владельцам заводов: объём выпускаемой продукции вряд ли сократится сколько-нибудь значительно, тогда как дневной труд отдохнувших людей всегда качественнее, чем ночной, а это позволит сократить брак на производстве и количество штрафов. Морокин сожалел лишь о том, что власти не решились на ещё более радикальную меру: «Новый закон допускает ночную работу только взрослым, а чем же виноват взрослый рабочий, когда на его плечи взвалют все ночные работы, что уже и делается в настоящее время? Его силы нужны для семейства, а закон позволяет впрягать его в самые трудные ночные работы на круглый год; от постоянной ночной работы может скорей истощиться организм, а следовательно и стать более восприимчивым к болезням»⁵⁸.

С московскими промышленниками солидаризировался только петербургский «Экономический журнал», издававшийся с 1885 г. А.П. Субботиным. Редакция не возражала против издания закона, но заявляла, что его следовало проводить «очень осторожно и заблаговременно», тогда как принятая мера оказалась «довольно скороспелой», и теперь владельцам предприятий для перехода с ночных работ на дневные придётся перестраивать производство, возводить новые корпуса и устанавливать дополнительное оборудование. Обозреватели журнала предсказывали, что осуществить всё это за отведённые несколько месяцев будет крайне сложно, и в итоге на улице окажутся десятки тысяч безработных, что неминуемо вызовет снижение оплаты труда⁵⁹. Уже после введения закона в действие отмечалось, что при переводе женщин на дневную смену продолжительность их рабочего времени увеличивалась до 14–15 часов, и тем самым создавалось «неудобное положение, вовсе нежелательное и парализующее те благие последствия, какие имел в виду законодатель»⁶⁰.

Между тем комиссия Плеве подготовила проект «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». При его обсуждении в марте 1885 г. предприниматели обеих столиц сочли нецелесообразным регламентировать в законе порядок распределения «штрафных денег», наделять инспекцию правом утверждать расценки на товары в фабричных лавках, чётко фиксировать в трудовом договоре обязанности рабочего, предупреждать его за две недели о предстоящем увольнении, а при

⁵⁷ Москва, 12 февраля // Катков М.Н. Собрание передовых статей... 1885 год. С. 81–83; Москва, 22 февраля. Б. // Там же. С. 103–105; Москва, 19 апреля // Там же. С. 187–188; Москва, 4 июня // Там же. С. 266–268; Москва, 25 июня. А. // Там же. С. 301–303; Москва, 18 июля // Там же. С. 347–349.

⁵⁸ Морокин А.Ф. О ночных работах на фабриках и заводах // Русь. 1885. 23 ноября. № 21.

⁵⁹ Экономическое обозрение // Экономический журнал. 1885. № 7. С. 19, 20.

⁶⁰ Там же. № 11. С. 30.

немедленном расчёте выдавать ему выходное пособие в размере половины месячного заработка. Напротив, они предлагали предоставить хозяевам возможность расторгнуть договор с рабочим в случае затруднений при сбыте продукции⁶¹. Однако заседавшие в комиссии чиновники отклонили большинство этих пожеланий, и после окончательной корректировки в финансовом ведомстве Бунге и Дурново 14 мая 1885 г. внесли проект в Государственный совет, одоббивший его после продолжительного обсуждения весной 1886 г. 3 июня Александр III утвердил новые правила, действовавшие вплоть до 1891 г. только в Петербургской, Московской и Владимирской губерниях⁶².

Отныне порядок найма и увольнения рабочих заносился в расчётные книжки, они получили право расторгать договоры в случае задержки зарплаты, побоев, тяжких оскорблений и т.п. Запрещалось оплачивать труд условными знаками или товарами, делать вычеты за долги, медицинское обслуживание, освещение мастерских и использование орудий производства, а также взимать проценты с тех сумм, которые выдавались на предприятии в долг. Устанавливались максимальные размеры штрафов, которые разрешалось взыскивать только за некачественную работу, прогулы и нарушение порядка, причём эти деньги передавались в особый фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих. Фабричной инспекции поручалось контролировать исполнение всех правовых норм, регулировавших трудовые отношения, утверждать заводские правила внутреннего режима, ассортимент и расценки в харчевых лавках, размер платежей за отведённые рабочим жилые помещения, за пользование банями, столовыми, чайными, предотвращать конфликты на предприятиях, призывать к ответу нарушителей закона и налагать на них штрафы.

В то же время резко ужесточались репрессивные меры против «бунтовщиков». За подстрекательство к стачкам они могли провести в тюрьме от четырёх до восьми месяцев, а за участие в них — от двух до четырёх месяцев (в случае применения насилия срок заключения удваивался). Самовольный отказ от работы до истечения договора грозил виновному арестом до месяца, за умышленное повреждение фабричного имущества полагалось лишение свободы от трёх месяцев до года. Для общего надзора за «благоустройством» в промышленных заведениях создавались губернские по фабричным делам присутствия под председательством губернатора. В их состав входили вице-губернатор, окружной прокурор, начальник жандармского управления, фабричный инспектор, члены от земских и городских учреждений. Однако в Петербурге, Москве и в тех городах, где действовали Совет торговли и мануфактур и его филиалы, деятелей местного самоуправления заменяли представители предпринимателей.

Общественность восприняла новые правила с энтузиазмом. «Наконец-то и наши рабочие дождались своего 19 февраля», — сказал один земский гласный прокурору Московского окружного суда П.Н. Обнинскому, который когда-то был мировым посредником первого призыва⁶³. По словам самого прокурора, принятые постановления были направлены «исключительно к благу рабочего класса, к защите его первейших человеческих интересов, к улучшению его нравственности»⁶⁴. «Экономический журнал» утверждал, что подобный акт «сделал

⁶¹ РГИА, ф. 1152, оп. 10, 1886 г., д. 211, л. 55–59 об.

⁶² Там же, л. 2–15 об., 98–111, 117–126; ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3769.

⁶³ *Обнинский П.Н.* Новый закон об организации фабричного надзора в Москве // Юридический вестник. 1887. № 1. С. 115–117.

⁶⁴ Там же. 1886. № 12. С. 739.

бы честь любому европейскому законодательству»⁶⁵. «Русский курьер» заявлял: «В законодательном регулировании отношений между рабочими и предпринимателями мы видим залог более правильного течения нашей общественной жизни, более человеческого отношения к рабочему». Особенно позитивно в газете оценивалось расширение функций фабричной инспекции, поскольку именно от неё «зависит исполнение таких постановлений закона, которые ведут как к охране рабочего от произвола хозяина, так и к охране общественного порядка»⁶⁶. В «Русской мысли» констатировали, что «закон этот вносит, наконец, некоторые определённые основания для взаимных отношений, зависевших доселе положительно от одного только произвола хозяев и управляющих»⁶⁷. Как признавало «Дело», «основания закона 3 июня — основания здоровые, шаг вперёд в нашем законодательстве, шаг, при настоящих условиях нашего быта, очень почтенный, несомненно способный к жизненному, прогрессивному развитию, как всякое здоровое зерно»⁶⁸. Более сдержанно выразился «Вестник Европы»: «В положении фабричных рабочих происходит перемена к лучшему, недостаточно лишь полная и решительная»⁶⁹.

Тем не менее в печати отмечалось, что правила касались только отношений нанимателей и рабочих, не охватывая другие стороны промышленного производства. В них отсутствовали также положения о минимальном сроке найма, о вычетах из зарплаты и по исполнительному листу, за долги фабричным лавкам. Взыскания за брак, прогулы и нарушения режима налагались по усмотрению администрации предприятия, что создавало почву для злоупотреблений и начисления непомерных штрафов при желании уволить неугодного работника. Особое внимание публицисты, как и ранее, обращали на неравноправие двух сторон — относительно мягкие санкции (незначительные штрафы) для хозяев и суровые (арест и тюремное заключение) для рабочих, считая, что декларируемая в законе защита их интересов может остаться «мёртвой буквой»⁷⁰.

Сильные нарекания вызвал и состав губернских присутствий, которые «Вестник Европы» назвал «лишней спицей в колеснице фабричного надзора», поскольку включённые в их состав чиновники различных ведомств, обременённые своими основными служебными обязанностями, не имели ни знаний, ни времени, чтобы вникать в какие-либо другие проблемы. В журнале опасались, что, «подчинив фабричную инспекцию смешанному коллегиальному учреждению и введя в его среду (по крайней мере, в столицах) представителей той самой силы, которую предстоит сдерживать и умерять, закон 3-го июня 1886 года открыл двери и окна всем влияниям, враждебным правильной регламентации фабричного труда»⁷¹. В «Неделе» задавались вопросом: «Успех надзора возможен лишь тогда, когда этот надзор энергичен, а можно ли требовать особенной энергии от губернского присутствия при бесчисленности наших губернских по всяким делам присутствий? Не возобладает ли тут одна

⁶⁵ Экономическое обозрение // Экономический журнал. 1886. № 14. С. 12.

⁶⁶ Русский курьер. 1886. 23 июня. № 170; 25 июля. № 202.

⁶⁷ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1886. № 8. Отд. 2. С. 201.

⁶⁸ Внутреннее обозрение // Дело. 1886. № 3—4. Отд. 2. С. 113—114.

⁶⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 807.

⁷⁰ Там же. С. 797—801; Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1886. № 8. Отд. 2. С. 202—207; Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1886. № 9. С. 176—179.

⁷¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 802, 803; Внутреннее обозрение // Там же. 1887. № 1. С. 368; Внутреннее обозрение // Там же. № 3. С. 362.

канцелярия?»⁷². Обнинский сожалел о том, что «младенцу, не выучившемуся ещё ступать, заготовлены оковы, закону, высокому и непогрешимому в идее, даны исполнители, способные только тормозить (в лучшем случае) его первые неизбежно колеблющиеся шаги». По его мнению, ни полицейским чинам, ни предпринимателям не место в новых структурах, для успешной деятельности которых вполне достаточно участия представителей губернской администрации и местного самоуправления⁷³.

Либеральная печать призывала правительство не останавливаться на достигнутом и распространить действие правил на другие губернии, применять их на всех предприятиях независимо от размера, расширить штаты, полномочия и финансирование фабричной инспекции, принять законы о нормировании рабочего дня, об ответственности хозяев за несчастные случаи на производстве и за развитие школьного образования в промышленных заведениях. Кроме того, публицисты предлагали также поставить на правовую основу обеспечение техники безопасности, медицинской помощи, санитарии и гигиены труда, включая устройство бань, больниц, аптек, заботу о жилых помещениях и питании рабочих, а также организацию благотворительных учреждений — детских приютов, богаделен, читален, библиотек⁷⁴. Обнинский предлагал объединить все фабричные законы в едином кодексе, «сгруппировав юридические нормы по отдельным производствам, и таким путём уничтожить возможность существующей эксплуатации и установить общую и единую охрану интересов жизни, здоровья и нравственности рабочих классов империи»⁷⁵.

Катков, рассматривавший нормирование труда малолетних и отмену ночных смен для женщин и подростков лишь как частные меры, одобрительно отнёсся к подготовке нового законопроекта. «Можно думать, — надеялся он, — что с предпринимаемым теперь изменением фабричного законодательства уничтожатся причины неприязненных отношений между фабричными и рабочими, и имевшие место нынешней зимой столкновения не повторятся». В передовицах «Московских ведомостей» настоятельно рекомендовалось запретить открывать кабаки и трактиры рядом с предприятиями, чтобы не допускать пьянства на производстве. Особое значение придавалось при этом функциям и личным качествам инспекторов: «Нельзя не пожелать, чтобы для отправления столь важной обязанности были избраны вполне благонадежные люди, чуждые тенденции. Если фабричная инспекция доверена будет людям с предвзятыми взглядами, то едва ли можно ожидать от её деятельности благих последствий»⁷⁶.

Однако окончательная редакция закона далеко не во всём оправдала ожидания Каткова. «Ограничиваясь исключительно определением юридических и экономических отношений между хозяином и рабочими, — с разочарованием писал он, — правила эти оставляют в стороне санитарные условия жизни

⁷² Неделя. 1886. 8 июня. № 23.

⁷³ Обнинский П.Н. Указ. соч. 1886. № 11. С. 591; № 12. С. 734.

⁷⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 805, 806; Внутреннее обозрение // Там же. 1887. № 1. С. 367; Внутреннее обозрение // Дело. 1886. № 3–4. Отд. 2. С. 113; Русские ведомости. 1886. 26 июля. № 202; Мануйлов А.А. Очерк нашего фабричного быта (на основании отчётов фабричных инспекторов за 1885 год) // Юридический вестник. 1887. № 3. С. 546–554; Обнинский П.Н. Указ. соч. 1886. № 12. С. 740; Экономическое обозрение // Экономический журнал. 1886. № 14. С. 14, 15; Финансовое обозрение // Там же. 1887. № 11–12. С. 142.

⁷⁵ Обнинский П.Н. Указ. соч. 1886. № 12. С. 741.

⁷⁶ Москва, 22 февраля. Б. // Катков М.Н. Собрание передовых статей... 1885 год. С. 103–105; Москва, 19 апреля // Там же. С. 187–188.

и работы фабричного рабочего. Разменявшись на юридические мелочи, крайне стеснительные как для хозяина, так и для рабочего, открывая широкий простор крючкотворству и чиновничьему произволу, правила эти ни словом не обмолвились об охране здоровья и жизни рабочих». Редактор «Московских ведомостей» обращал внимание на острую потребность в улучшении жилищных условий обездоленных пролетариев, которые нередко «скупенными массами» ютились в казармах, не удовлетворявших самым скромным гигиеническим требованиям, что подрывало семейные отношения и оказывало «дурное действие» на нравственность людей. Катков убеждал читателей, что, лишь обеспечив им «оседлость», т.е. отдельные удобные помещения, пригодные для самостоятельной хозяйственной жизни, владелец привяжет их к своему предприятию, способствуя формированию постоянной и квалифицированной рабочей силы⁷⁷.

А.С. Суворин в «Новом времени» указывал на «дилетантизм» малочисленных служащих фабричной инспекции, слабо знакомых с реалиями производственной деятельности, на огромный объём их обязанностей, позволявший большинству промышленных заведений уклоняться от какого-либо надзора, на недостаточное содействие судебных учреждений. Однако, заключал петербургский публицист, «вышеописанные неудобства не доказывают, впрочем, что новый закон был мертворождённым: он только мало ещё приспособлен к местным условиям России: сделать эти приспособления может только опыт и время. И в Англии прошло более шестидесяти лет прежде, нежели фабричное законодательство после различных частных поправок и изменений достигло известного совершенства»⁷⁸.

Московские предприниматели не смирились с навязанным им законом 3 июня 1886 г. и активно выступали за изменение статей, касавшихся наложения штрафов, начисления заработной платы, порядка расторжения договоров, состава фабричных присутствий и т.п. Их критическое настроение подогревалось первыми признаками окончания депрессии и оздоровления промышленности, открывавшего возможности для расширения производства. Интересы владельцев предприятий всячески отстаивали местные консервативные издания, которые, по ироническому выражению экономиста М.И. Туган-Барановского, видели в фабричных законах «чуть ли не социализм»⁷⁹. Они с негодованием отзывались о действиях инспекции и персонально Янжула, который пытался заставить хозяев выполнять установленные правила и, в частности, стал контролировать ассортимент и цены в фабричных лавках. Застрельщиком этой кампании в печати выступил С.Ф. Шарапов, основавший в начале 1886 г. газету «Русское дело». Он состоял секретарём учреждённого в 1885 г. Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговли (ОДСРПиТ) и имел репутацию «купеческого трибуна»⁸⁰.

Шарапов предостерегал от искусственного разжигания конфликта между трудом и капиталом: «С самым лучшим законом в руках можно посеять смуту и вызвать волнения рабочих даже там, где для этого нет никакой почвы, где отношения наиболее сердечны». Его возмущало, что в либеральной прессе «фабрикант, кто бы он ни был, носит чёрный ярлык злодея, бездушного эксплуататора, притеснителя, рабочий — белый или розовый ярлык угнетён-

⁷⁷ Москва, 6 марта. Б. // Катков М.Н. Собрание передовых статей... 1887 год. М., 1898. С. 122–124.

⁷⁸ Новое время. 1886. 27 сентября. № 3800.

⁷⁹ Туган-Барановский М.И. Указ соч. С. 401, 402.

⁸⁰ Русское дело. 1890. 11 марта. № 8.

ной жертвы, страдающего младшего брата и т.п.», и в этой агитации активно используется авторитет правительственного учреждения. «Инспекция, ко всеобщему удивлению русских людей, — писал Шарапов, — окрасилась вдруг в ярко-либеральный цвет. К ней воспылали все интеллигентные сердца, в ней стали видеть вовсе не то, что она есть на самом деле (или чем должна была бы быть), именно бодрствующий деятельный орган государства, регулирующий отношения между фабрикантами и рабочими. В ней увидали только оплот бедствующего пролетария, страдальца-работника против произвола жирного, дикого и свирепого угнетателя, фабриканта»⁸¹. По словам публициста, инспекция вполне оправдала ожидания либералов, особенно в Московском округе, где Янжул распоряжался, «не обращая ни малейшего внимания ни на требования закона, ни на условия фабричной жизни», и «сумел оскорбить и возмутить весь московский промышленный мир, который, смеем думать, состоит не из одних же чёрных злодеев»⁸².

«Русское дело» поддержали «Современные известия» Н.П. Гилярова-Платонова, которые в «Новом времени» характеризовались как «официозный орган московских лавочников и кулаков»⁸³. Обвиняя Янжула в самоуправстве и отсутствии «простого здравого смысла», газета заявляла, что «законодательное расширение личного произвола ничуть не прогресс, к какой бы сфере оно не применялось и какими бы добрыми намерениями не было одушевлено». Далее следовал риторический вопрос: «К чему же более ведёт это новое полицейское учреждение с широким личным произволом, к действительному ли ограждению прав рабочего и обузданию Тит Титычей или только к большей ещё деморализации?»⁸⁴. Вскоре Янжул опубликовал в «Современных известиях» ответ критикам, оправдывая свои требования, которые «имеют за себя законное основание, никому никакого вреда не делают, а наносят только ущерб немногим из фабрикантов, привыкшим вырывать через свои фабричные лавки чуть не всё то, что израсходовано в год на заработную плату»⁸⁵. Но затем в газете появилась статья за подписью «Фабрикант», где в действиях инспектора усматривалось «много нежелательного, странного и, если угодно, опасного», так как они «вносят смуту и сеют сначала недоразумения, а затем и ещё нечто худшее в существующие добрые и вполне сердечные отношения к рабочим». В предисловии к этой публикации Гиляров-Платонов согласился с мнением автора, упрекнув Янжула в «кабинетной благонамеренности»⁸⁶.

К нападкам на инспекцию присоединился даже либеральный «Русский курьер», ранее всегда превозносивший фабричное законодательство. Однако в сентябре 1885 г. при осмотре московского завода минеральных вод и шампанского, принадлежавшего издателю этой газеты Н.П. Ланину, Янжул выявил ряд нарушений закона о труде малолетних, составил протокол и передал дело в мировой суд, который признал предпринимателя виновным и наложил на него штраф⁸⁷. Возмущённый владелец опубликовал в «Русском курьере» заметку, оспорив справедливость предъявленных претензий и обвинив инспектора

⁸¹ Там же. 1886. 1 ноября. № 28—29.

⁸² Там же. 23 ноября. № 31; 1887. 12 апреля. № 2.

⁸³ Новое время. 1886. 7 июня. № 3688.

⁸⁴ Современные известия. 1886. 4 ноября. № 304.

⁸⁵ Там же. 9 ноября. № 309.

⁸⁶ Там же. 17 ноября. № 317.

⁸⁷ Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки... С. 87—89.

в вымогательстве взятки⁸⁸. Позднее, в разгар травли Янжула, Ланин перепечатал в своей газете статью из «Современных известий» и дополнил её собственными критическими замечаниями. По его словам, инспекция «не пользуется не только симпатиями среди фабрикантов и заводчиков, которых она главным образом касается, но и рабочих и даже малолетних рабочих, о благе которых она обязана заботиться». Он писал, что изгнание детей с предприятий лишило их заработка, привело к сокращению и удорожанию производства, создало угрозу существованию целых отраслей. Ланин сожалел о том, что «Министерство финансов дало своим мелким чиновникам право на такой безграничный произвол в их действиях и распоряжениях, которые весьма вредно могут отозваться на всём фабричном быте»⁸⁹.

Эта кампания вызвала ответную реакцию либеральной прессы. «Экономический журнал» доказывал, что дело фабричного надзора «было поставлено умело, и в него внесена была живая струя, необычная для наших бюрократических учреждений». Поэтому только «ретроградная группа» могла видеть в инспекции «какое-то неудобное социальное начало» и обвинять её служащих «в социалистических тенденциях»⁹⁰. Как писал «Вестник Европы», «западно-европейское фабричное законодательство представляет много шагов вперёд и ни одного крупного шага назад; нужно надеяться, что такова будет судьба и наших молодых фабричных законов, несмотря на ожесточённую агитацию против них, центром которой служит Москва, а главным орудием — некоторые московские газеты». В редакции полагали, что «настоящая цель газетных реакционеров — это такое изменение закона, после которого всегда было бы законно его неисполнение; это — узаконение порядка, стоящего вне закона». Журнал высоко оценивал деятельность инспекторов, сумевших в ряде случаев добиться улучшения условий труда и жизни рабочих, а также их отчёты, объективно отражавшие многочисленные нарушения фабричного устава, правил пожарной безопасности, медицинского обслуживания и т.п.⁹¹

Размышляя о надеждах предпринимателей обойти правила 3 июня 1886 г., Обнинский отмечал: «Самой заветной в этом направлении мечтой оказывается стремление удержать и восстановить ту хитросплетённую и столь излюбленную систему кабальных отношений рабочего к хозяину, которая прочно усвоена предшествующим бытом и против которой направлены самые решительные удары нового закона». И поскольку «тело и душу» его составляла фабричная инспекция, «надо оберегать это в высшей степени полезное, животворное учреждение», оказавшее «незабвенные заслуги» в предотвращении беспорядков. «А между тем, — сокрушался автор, — как мало сочувственных, ободряющих голосов шлёт ей то общество, на пользу которого она работает, и как мало протягивается оттуда рук помощи, чтобы честно поддержать её в непосильной борьбе! Зато в нареканиях, глумлениях, жалобах, доносах, анонимах и пасквилях недостатка нет». Обнинский подчеркнул, что все эти выпады — «только фантазмагория, только мыльный пузырь, только набор “страшных слов”, только косное желание стряхнуть с себя несносный, “нраву моему препятствующий”, чужой контроль»⁹².

⁸⁸ Русский курьер. 1885. 15 сентября. № 254.

⁸⁹ Там же. 1886. 5 ноября. № 305.

⁹⁰ Фабричная инспекция в России // Экономический журнал. 1887. № 4. С. 36, 37, 46.

⁹¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 366, 367, 369; № 3. С. 369.

⁹² Обнинский П. Н. Указ. соч. 1887. № 1. С. 117, 118; № 2. С. 336; № 4. С. 702–705, 710, 714, 715.

Как указывали «Русские ведомости», фабричные отчёты «представляют богатый материал для суждения об условиях роста нашей промышленности и положения рабочих», «свидетельствуют о том, что редкий инспектор ограничивался выполнением одной обязательной работы, что большинство из них, напротив, добросовестно вникало в экономический быт всего рабочего населения и подготовляло таким путём законодательное вмешательство против тех проявлений хищничества и произвола, которые им удавалось обнаружить». Заслугу инспекторов газета видела прежде всего в достижении главной цели, поставленной 1 июня 1882 г. — «положить предел изнурению детского организма и эксплуатации малолетнего и беззащитного фабричного населения собственными их родителями и промышленниками». Кроме того, отмечалась их особая роль в выявлении на практике отсутствия необходимых гарантий для начального образования несовершеннолетних работников⁹³.

Фельетонист «Нового времени» назвал Шарапова «юным шалуном московской литературы», который, добившись разрешения издавать газету, «пришёл в восторг, словно ребёнок, получивший давно желанную, драгоценную игрушку», и «стал налетать на ни в чём не повинных людей». Поддавшись «нашёптам» местных предпринимателей, он обрушился на Янжула, с целью «опорочить “либерала”, ненавистного “крупным фабрикантам”»⁹⁴. В другом фельетоне читателям сообщалось, что в Москве организовали выступления в прессе, чтобы «стереть с лица земли» фабричную инспекцию: «Но эта открытая, печатная борьба в одиночку ещё не страшна, страшен тот натиск, который готовится теперь в тиши одного из московских ресторанов. Московские и подмосковные фабриканты съехались на военный совет, обедают теперь и ужинают в компании, а в промежутках между ленивыми щами и “натуральными” раками точат зубы с антропофагическими целями. Что съесть инспекторов нужно, это для всех фабрикантов очевидно, только не решено ещё, под каким соусом»⁹⁵.

Вскоре ситуация в правительственных кругах изменилась в пользу московских промышленников. В конце 1886 г. Бунге уступил министерский пост И.А. Вышнеградскому — учёному-механику, игравшему видную роль в деловых кругах и возглавлявшему ранее правления нескольких крупных акционерных обществ. Он ревностно заботился об интересах предпринимателей и нуждах промышленности. «Вестник Европы» предсказывал, что его назначение для фабричного дела станет «переменой верного на неверное»⁹⁶. После вынужденного ухода Бунге многие открыто осуждали его политику. «С каким важным видом всезнания петербуржцы критиковали все его начинания, когда узнали, что он уволен!», — иронизировало «Русское богатство». В столице говорили, в частности: «Фабричный закон! Что такое фабричный закон! У ребятишек отняли заработок, да наставили новых чиновников!»⁹⁷. Либеральные издания защищали бывшего министра. Как утверждал «Вестник Европы», регламентация труда рабочих в совокупности с рядом других социальных мероприятий, «внушённых заботливостью о народном благе» (отменой подушной подати, учреждением Крестьянского поземельного банка и т.п.), «составляет одно целое,

⁹³ Русские ведомости. 1886. 9 ноября. № 308; 18 ноября. № 317.

⁹⁴ Новое время. 1886. 15 ноября. № 3849.

⁹⁵ Там же. 22 ноября. № 3856.

⁹⁶ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 3. С. 362.

⁹⁷ Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1887. № 1. С. 215.

проникнутое одной мыслью, одним духом»⁹⁸. Журнал «Дело» напоминал, что «введение фабричного законодательства у нас откладывалось с года на год, благодаря протестам заводчиков и фабрикантов, и, чтобы положить хоть начало ему, потребовалось таким образом немало энергии»⁹⁹.

Между тем промышленники центральных губерний с воодушевлением восприняли перемены в финансовом ведомстве. «Москва, игравшая роль пасынка за все тридцать лет действия пресловутой “новой” политики “молодых финансистов”, почувствовала, как прибыло у ней духа и надежд, — ликовал Шарапов, — и признала в И.А. Вышнеградском своего человека»¹⁰⁰. 10 марта 1887 г. московское отделение ОДСРПТ представило министру финансов записку, обвинив инспекцию в том, что она вступила на «ложный путь» вмешательства в сферы фабричной жизни, находящиеся за пределами её полномочий, и представляла себя защитницей рабочих против хозяев-эксплуататоров, тогда как их отношения представляют собой не перманентный конфликт, а, напротив, «союз, основанный на сходстве интересов и различии способностей, дополняющих одно другое». При этом предприниматели оспаривали правомочность распоряжений инспекторов, касавшихся условий найма, расчётных книжек, размеров и сроков выдачи заработной платы, правил внутреннего распорядка, ассортимента товаров и цен в фабричных лавках и т.п. Во второй записке, направленной главе финансового ведомства 30 марта, перечислялись изменения, которые следовало сделать в законе 3 июня 1886 г., чтобы он «соответствовал в полной мере истинным нуждам как фабрикантов, так и рабочих, устанавливая между ними наиболее правильные отношения»¹⁰¹.

Шарапов, являвшийся одним из составителей этих записок, поспешил сообщить о них читателям «Русского дела». «Первая разъясняет с достаточной подробностью, — писал он, — в какую либеральную кабалу попала русская фабричная промышленность только потому, что в одно прекрасное утро либеральное Министерство финансов извоило взглянуть на русских промышленников как на шайку эксплуататоров и утеснителей младшего брата и поспешило отдать их на обуздание десятку профессоров, докторов и адвокатов, снабдив последних чуть ли не диктаторскими полномочиями». Инспекция, по его словам, сразу же воспользовалась этим: «Словно издеваясь над русской промышленностью, она без всякой сколько-нибудь оправдываемой здравым смыслом цели, без всякого зазрения совести гнёт, уродует и ломает фабричные отношения»¹⁰². По поводу второй записки Шарапов утверждал, что «во всех изменениях, приведённых в ходатайстве, сквозит одно желание: оберечь тот мир и согласие, которое ненарушимо царило между русским капиталом и трудом вплоть до того момента, пока в эти добрые, сердечные отношения не ворвалась непрошенная либеральная опека, смутившая высшие правительственные сферы и сумевшая выставить русского предпринимателя перед обществом и властью в самом чёрном цвете»¹⁰³.

⁹⁸ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 1/2. С. 828.

⁹⁹ Внутреннее обозрение // Дело. 1887. № 1. Отд. 2. С. 14.

¹⁰⁰ Русское дело. 1887. 3 апреля. № 1.

¹⁰¹ Экономические заметки: к вопросу о фабричной инспекции // Русское обозрение. 1893. № 4. С. 1087—1113.

¹⁰² Русское дело. 1887. 12 апреля. № 2.

¹⁰³ Там же. 18 апреля. № 3.

«Русская мысль» в ответ заявила, что фабриканты Центрального района «не знают уже и пределов в своих притязаниях на какое-то привилегированное положение в государстве», требуя от правительства всевозможной поддержки, но категорически возражая против какого-либо административного надзора за своими предприятиями. «Агитация против фабричной инспекции возрастает, — отмечалось в журнале. — Органы печати, защищающие интересы фабрикантов, ополчаются против инспекции всеми теми аргументами, какие покойными крепостниками приводились против отмены крепостной зависимости. Отношения, какие существовали между фабрикантами и рабочими до издания прошлогоднего закона, восхваляются совершенно так, как крепостники хвалили патриархальные отношения рабовладения». При этом предприниматели обладали определёнными рычагами воздействия на власть, тогда как на страже интересов рабочих стояла только малочисленная инспекция, состав и функции которой никак не зависели от её подопечных. «А между тем, — писала “Русская мысль”, — фабриканты уже подняли вопль против нового учреждения и требуют ограничения или отмены его прав. Почему же это, когда им самим всё дано: и всякое покровительство, и всякое представительство, официальное и неофициальное, и право подачи прошений скопом, — почему? Да именно потому, что они — сила, единственная общественная сила у нас, которая за последнее время только выиграла в значении»¹⁰⁴.

Вышнеградский сочувственно отнёсся к запискам ОДСРПиТ, поскольку был «сильно предубеждён» против инспекции, называя её «больным органом» и «выдумкой Бунге». Новый министр собирался принять решительные меры. «Он говорит, — свидетельствовал академик В.П. Безобразов, — что это только сентиментальность, никуда не годная для фабричного дела: первый закон уже нанёс ущерб промышленности, нынешний 1886 г. сделает её просто невозможной. Фабриканты вопиют. Оставить так нельзя». В беседе с московским городским головой Н.А. Алексеевым Вышнеградский резко отзывался о действиях Янжула, который «мутит рабочих, настраивает против хозяев, со всех сторон его бранят — нет, этого больше я не потерплю и постараюсь сократить». Осенью он планировал внести в Государственный совет свои предложения о пересмотре правил 1886 г. и запросил для этого отзыв у Московского биржевого комитета, московских отделений Мануфактурного совета и ОДСРПиТ¹⁰⁵. Желая избавиться от неугодного института, министр финансов сначала даже охотно откликнулся на предложение министра внутренних дел гр. Д.А. Толстого передать инспекцию в ведение МВД¹⁰⁶. Вышнеградский прямо сказал Алексееву: «Пусть из инспекторов сделают станowych приставов!»¹⁰⁷.

Слухи о подобном замысле встревожили либералов. Обнинский считал, что в случае его реализации «фабричная инспекция исчезнет с лица земли русской»¹⁰⁸. По мнению «Вестника Европы», подобная перестановка привела бы к подчинению инспекции губернскому начальству и низвела бы её на степень технической полиции. «Неужели учреждение, так много сделавшее в короткое

¹⁰⁴ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 6. Отд. 2. С. 147.

¹⁰⁵ Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки... С. 176; Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1913. № 5. С. 273, 276.

¹⁰⁶ Балабанов М.С. Борьба фабрикантов против охраны труда // Архив истории труда в России. Т. 11/12. Пг., 1924. С. 119–122.

¹⁰⁷ Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки... С. 176.

¹⁰⁸ Обнинский П.Н. Указ. соч. 1887. № 4. С. 705.

время, будет принесено в жертву своекорыстным жалобам и легкомысленным наветам? — вопрошали в журнале. — Неужели будет зачёркнута одна из лучших страниц законодательной деятельности восьмидесятых годов?»¹⁰⁹. Иначе рассуждали в «Русской мысли»: «Действительно, может быть, лучше, чтобы фабричная инспекция была передана в то ведомство, которому принадлежит вообще охранение порядка, а призвание фабричной инспекции состоит именно в надзоре за соблюдением порядка как рабочими, так и фабричными распорядителями, и с финансами ничего общего не имеет». В журнале видели, как предприниматели влияли на политику Министерства финансов, и надеялись, что МВД «точнее разберёт, где кончается соблюдение на фабриках надлежащего порядка и где уже начинается простое живодёрство с корыстной целью»¹¹⁰. С этим соглашались и «Русские ведомости», писавшие, что «по справедливости» инспекция и должна состоять в ведении МВД¹¹¹.

В августе 1887 г. Вышнеградский посетил Нижегородскую ярмарку, где ему вручили записку от имени «всероссийского купечества». Впоследствии Шарапов признался, что именно он сочинил её по поручению своих московских покровителей¹¹². В этой петиции среди прочего звучали жалобы на «совершенно бесполезные затруднения для русской промышленности», происходившие от инспекции «ввиду несовершенств её организации и по непригодности её персонала». Ссылаясь на «долгое, спокойное и патриархальное прошлое русских производств», фабриканты порицали закон 3 июня 1886 г., отдавший их предприятия на милость некомпетентных лиц, преследующих «непонятные цели» и вносящих «раздор и разлад» в отношения между нанимателями и рабочими. Кроме того, в записке выражалась тревога по поводу возможной передачи инспекции из Министерства финансов, поскольку предприниматели не хотели иметь дело с МВД. Вышнеградский признал «основательность» претензий к инспекции, а также «умеренность и справедливость» пожеланий московского отделения ОДСРПит о пересмотре закона, пообещав удовлетворить это ходатайство¹¹³.

«Современные известия» объявили, что на ярмарке произошёл «серьёзный и, так сказать, душевный обмен мыслей между торгово-промышленными деятелями и высшим представителем и охранителем их польз, нужд и интересов», который «посвятил свои силы и труды поднятию и развитию экономического благосостояния страны». По словам газеты, визит министра финансов «укрепил несомненную надежду, что отечественные интересы находятся в руках, которые не разожмутся ради заграничной популярности или внутренних влияний, направленных к достижению не общих, а частных целей»¹¹⁴. В том же духе высказалась и петербургская консервативная газета «Гражданин» кн. В.П. Мещерского: «Теперь впервые, после многих лет сошлись русский финансист на Нижегородской ярмарке с русскими торговцами и промышленниками, сошлись — и заговорили о своих делах и нуждах на простом, всякому русскому понятном языке и, по-видимому, разошлись, поняв друг друга»¹¹⁵.

¹⁰⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 5. С. 363, 364.

¹¹⁰ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 6. Отд. 2. С. 149–151.

¹¹¹ Русские ведомости. 1887. 18 августа. № 226.

¹¹² Русское дело. 1890. 11 марта. № 8.

¹¹³ Злоба торгового дня: докладная записка торгующего на Нижегородской ярмарке купечества господину управляющему Министерства финансов и ответ на неё. М., 1887. С. 9, 10, 14, 15.

¹¹⁴ Современные известия. 1887. 19 августа. № 227.

¹¹⁵ Гражданин. 1887. 20 августа. № 67.

Со своей стороны, либеральная пресса осудила демарш предпринимателей и позицию министра. «Русская мысль» писала, что «вообще едва ли возможна какая-либо редакция закона об отношениях между фабрикантами и рабочими, которая могла бы удовлетворять фабрикантов, исключая разве той редакции, какую имел закон прежний, который единственным правом рабочих признавал право наниматься, а в остальном говорил только об их обязанностях. Таков именно и есть хозяйский идеал»¹¹⁶. В «Неделе» с явным сарказмом повторяли слова записки о «спокойном патриархальном прошлом» отечественной промышленности, заявляя: «Недовольство фабричной инспекцией, которая сразу пролила свет в разные углы застарелого “тёмного царства”, вполне понятно, но, конечно, ему знают цену в тех сферах, где вырабатываются правительственные меры»¹¹⁷. «Новое время», как и ранее, признавало некоторые недостатки и промахи инспекторов. «Но, чтобы прошлое русских производств до учреждения инспекции было не только “патриархальное”, но и “спокойное”, — это сущая напраслина, — считали в газете. — Кто же не помнит тех многочисленных случаев беспокойств и очень крупных, которые и были ближайшей причиной учреждения фабричной инспекции в видах установления нормальных и более обеспечивающих мир отношений между нанимателями и рабочими?»¹¹⁸.

Тем временем Вышнеградский учёл просьбу предпринимателей и отказался от своего намерения уступить инспекцию МВД, признав его «несвоевременным и неудобным»¹¹⁹. В ноябре 1887 г. по соглашению министров финансов и внутренних дел состоялось учреждение новой комиссии во главе с Плеве для пересмотра правил 3 июня 1886 г.¹²⁰ Однако её работа затянулась на долгие годы, и в итоге закон, утверждённый 8 июня 1893 г., внёс лишь незначительные изменения в действовавшие правовые нормы¹²¹. И всё же Вышнеградскому удалось частично выполнить свои обещания. Из состава инспекции были удалены лица, вызывавшие наибольшее раздражение, включая Янжула. Кроме того, 2 января 1890 г. Вышнеградский и новый министр внутренних дел И.Н. Дурново внесли в Государственный совет представление о кодификации и сведении законов 1 июня 1882 г. и 3 июня 1885 г. в один акт, сделав в проекте многочисленные уступки фабрикантам¹²². На заседаниях 24 февраля и 9 апреля 1890 г. Государственный совет не принял некоторые предложения министров и внёс свои коррективы. Тем не менее в новой редакции закона, подписанного императором 24 апреля, прежние требования смягчались: министр финансов получал право по соглашению с министром внутренних дел разрешать при необходимости на предприятиях труд детей старше 10 лет и ночную работу в стекольном производстве, инспекция могла допускать малолетних к работе в воскресные и праздничные дни, а губернатор или фабричное присутствие — ночные смены женщин и подростков 15–17 лет¹²³.

В печати по-разному оценивали этот закон. «Северный вестник» назвал его «значительным шагом вперёд» и «существенным улучшением нашего фабрич-

¹¹⁶ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 9. Отд. 2. С. 186–187.

¹¹⁷ Неделя. 1887. 23 августа. № 34.

¹¹⁸ Новое время. 1887. 19 августа. № 4120.

¹¹⁹ Балабанов М.С. Указ. соч. С. 123, 124.

¹²⁰ Там же. С. 127–130.

¹²¹ ПСЗ-III. Т. 13. СПб., 1897. № 9767.

¹²² РГИА, ф. 1149, оп. 11, 1890 г., д. 7, л. 2–49 об.

¹²³ Там же, л. 65–70 об., 72–81, 92; ПСЗ-III. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1892. № 6742.

ного законодательства», чему «нельзя не порадоваться». Правда, при этом выражалась надежда на то, что разрешения на допущение подростков и женщин к ночным работам будут выдаваться «лишь с крайней осмотрительностью»¹²⁴. «Вестник Европы» признал целесообразность поправок, внесённых Государственным советом в первоначальный проект, которые позволили избежать коренной ревизии правовых норм 1882–1885 гг. Однако в журнале осудили продление до девяти часов рабочего дня малолетних, а также наделение губернских присутствий правом разрешать ночные смены¹²⁵. В «Русской мысли» указывали на то, что новый закон не завершил регламентацию труда подростков и женщин, но осложнил её «допущением целого ряда изъятий из тех общих постановлений, которым ныне придаётся значение постоянных»¹²⁶.

Дискуссия в столичной печати выявила различные подходы к решению назревшей социальной проблемы. Либеральные издания приводили многочисленные неприглядные факты фабричной жизни и призывали к законодательной регламентации всех её сторон, полагая, что только таким способом можно защитить рабочих от произвола хозяев. Несмотря на все недостатки актов 1882–1886 гг., они рассматривались как первый этап в создании полноценного кодекса охраны труда. Вместе с тем, ориентируясь на опыт западных стран, либералы возражали против жёсткого административного диктата на предприятиях, выступали за привлечение земской общественности к содействию фабричной инспекции, за расширение прав рабочих вплоть до разрешения стачек с экономическими требованиями и создания профсоюзных организаций. Но подобные меры, воспринимавшиеся высшей бюрократией как недопустимые «вольности», в царствование Александра III не имели шанса на реализацию.

Консервативная пресса уделяла фабричному законодательству гораздо меньше внимания. «Московские ведомости» и «Русь» заинтересовались им только после Иваново-Вознесенской и Морозовской стачек. Причём Катков в данном случае солидаризовался с либералами, требовавшими усиления регулирующей роли государства на предприятиях. Правда, в отличие от них, он возражал против каких-либо «послаблений» рабочим, настаивая на недопустимости их самоорганизации и любых форм забастовочной борьбы. Его идеи легли в 1880-е гг. в основу концепции «попечительства» — жёсткой административной опеки над фабричным населением. «Русское дело» и «Современные известия» включились в полемику лишь после издания правил 3 июня 1886 г., положивших конец всевластию фабрикантов и существенно расширивших полномочия инспекции. Отстаивая интересы московских промышленников, Шарапов и Гиляров-Платонов критиковали законы 1882–1886 гг., ущемлявшие, по их мнению, интересы хозяев, нарушавшие принцип «свободы труда» и не соответствовавшие тем отношениям, которые якобы издавна сложились между рабочими и нанимателями. Требования фабрикантов и кампании в печати оказали влияние на политику Вышнеградского и руководства МВД, которые пошли на ряд уступок предпринимателям. Совершенствование фабричного законодательства надолго затормозилось и возобновилось лишь во второй половине 1890-х гг.

¹²⁴ События и новости // Северный вестник. 1890. № 6. Отд. 2. С. 81–83.

¹²⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1890. № 5. С. 365–368.

¹²⁶ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1890. № 5. Отд. 2. С. 173.

Цензура кинематографа в России в 1898–1914 гг.

Игорь Богомолов

Russian film censorship in 1898–1914

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24050052, EDN: SLDFUQ

Кинематограф сталкивался с цензурой на всём протяжении своего существования. За прошедшие сто лет накопилась значительная историография, повествующая о попытках (разной степени успешности) взять под контроль кино, сделать его «полезным», «безопасным», использовать как орудие пропаганды¹. Неизменный интерес вызывает начальный период существования кинематографа — времени, когда он осмысливался как технический и социокультурный феномен. В отечественной историографии первые исследования дореволюционной киноцензуры появились ещё в межвоенный период². Тогда же начали выходить в свет мемуары ведущих русских кинематографистов начала XX в.³ Историки обращались к теме законодательного регулирования кино до 1917 г., рассматривали особенности придворной, «духовной» цензуры⁴. Вместе с тем по-прежнему недостаточно исследована практика цензуры фильмов в столицах и в провинции, фрагментарны знания о проектах усовершенствования контроля над кино. В данной статье, на основе архивных документов и материалов периодической печати, предпринята попытка восполнить эти лакуны, проследить развитие кинематографической цензуры в более широком контексте — как часть социальных и культурных процессов, происходивших в позднеимперской России накануне Первой мировой войны.

Первые ограничения на кинематограф в России были наложены в 1898 г., с установлением предварительной цензуры фильмов с участием монарших особ. Согласно циркуляру МВД, такие ленты предписывалось показывать «не под музыку и каждый раз в особом отделении программы, после некоторо-

© 2024 г. И.К. Богомолов

¹ Phelps G. Film censorship. L., 1975; Robertson J.C. The hidden cinema: British film censorship in action, 1913–1972. L.; N.Y., 1989; Film and censorship: The Index reader / Ed. by R. Petrie. L.; Washington, 1997.

² См., например: Лихачёв Б.С. История кино в России (1896–1926). Материалы к истории русского кино. Ч. 1. 1896–1913. Л., 1927.

³ См., например: Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии: Воспоминания. М.; Л., 1937.

⁴ Россоловская В. Русская кинематография в 1917 г. М.; Л., 1937; Leyda J. Kino: a history of the Russian and Soviet film. L., 1960; Соболев П. Люди и фильмы русского дореволюционного кино. М., 1961; Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963; Tsivian Yu. Censure bans on religious subjects in Russian film // Une Unvention du diable? Cinéma des premiers temps et religion / Ed. by R. Cosandey, A. Gaudreault, T. Gunning. Lausanne, 1992. P. 71–80; Беляков В.К. Царская хроника — опыт кинопубликации // Киноведческие записки. 1993. № 18. С. 23–37; Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003; Янгиров Р.М. Другое кино: статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М., 2011; Друбек Н.Л. Рождение кино в Российской империи и киноцензура // Вестник ВГИК. 2017. № 4(34). С. 8–21; и др.

го промежутка, не в связи и не вперемешку с показыванием остальных видов, т.е. чтобы перед началом появления картины того или другого события опускалась занавесь, затем показывались бы одни лишь эпизоды этого события, после чего опять опускалась бы занавесь»⁵. В последующие годы установился и порядок придворной киноцензуры: фильмы предварительно просматривал младший чиновник Канцелярии Министерства императорского двора, дававший заключение о картине, вплоть до отказа в выдаче разрешения. Так, в 1902 г. была запрещена лента, на которой Николай II принимает депутацию польских крестьян. В 1905 г. не допустили к демонстрированию фильм, в котором император благословляет войска, отправлявшиеся на войну⁶. Однако примеров полного запрета выявлено мало, в большинстве случаев придворный цензор не находил в фильме «ничего предосудительного», ограничиваясь удалением отдельных кадров и сцен.

В 1900-х гг. происходило последовательное расширение перечня запретных тем. Учитывая опыт публичных демонстраций «царской» хроники, придворные цензоры добавили требование медленнее прокручивать плёнку, чтобы не вызывать смех и «нежелательное впечатление» у публики, смотревшей за быстро движущимися фигурами на экране. Внимательно и порой придирчиво оценивались жесты, движения и действия⁷. В цензуре время от времени принимали участие сами члены царской семьи, любившие смотреть «кинематографические спектакли»⁸. К примеру, императрица Александра Фёдоровна лично просматривала фильмы, показывавшие повседневную жизнь цесаревича и августейших дочерей⁹.

С развитием кинематографической промышленности и быстрым распространением кинотеатров встал вопрос о цензуре игровых фильмов и кинохроники. В России эта проблема изначально решалась на уровне городских и губернских властей. В ноябре 1907 г. вышло первое распоряжение петербургского градоначальника, согласно которому функции контроля над кинематографом возлагались на чинов участковой полиции. Приставы должны были «иметь неослабное наблюдение за показываемыми в... театрах картинами». При отсутствии разрешительной подписи «чинов инспекторского за типографиями надзора» лента изымалась из проката¹⁰. С 3 апреля 1908 г. столичным приставам предписывалось «не допускать к демонстрированию в синематографах явно соблазнительных изображений, а равно картин, несовместимых с требованиями об ограждении общественной нравственности». Лица, виновные в нарушении этого постановления, привлекались к ответственности в административном порядке¹¹.

Количество запретных тем поначалу было невелико. Не допускались картины «тенденциозного или политического характера», оскорбляющие «религиозное, патриотическое или нравственное чувство», изображающие «какое-либо преступление как из времён прошлого, так и настоящего»¹². По уровню строго-

⁵ Цит. по: Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 221–222.

⁶ Там же. С. 222–223.

⁷ Янгиров Р.М. Указ. соч. С. 153, 154, 348.

⁸ Григорьев С.И. Указ. соч. С. 223.

⁹ РГИА, ф. 472, оп. 49, д. 1441, л. 122, 122 об.

¹⁰ Сине-фоно. 1907. № 2. С. 9.

¹¹ Там же. 1908. № 12. С. 10.

¹² Лихачёв Б.С. Указ. соч. С. 35–36.

сти и дотошности кинематографическая цензура не шла ни в какое сравнение с печатной и драматической. Одной из причин было довольно снисходительное отношение властей. Бурное развитие кинематографа поначалу слабо интересовало правительство, видевшее в игровых фильмах скорее народное развлечение, безвредное для устоев государства. Отсюда и форма цензуры кино, которую современники, а за ними и исследователи, называли самой «мягкой». «Цензура была крайне примитивна. Обычно перед началом новой программы все кино обходили пристава и просматривали фильмы. В случае нахождения в них чего-либо “неудобного” фильм запрещался», — вспоминал актёр и режиссёр Б.С. Лихачёв¹³. С годами это представление мало менялось. Как отмечал в 1914 г. С.Т. Григорьев-Патрашкин, «под эгидой полицейской цензуры кинематограф пользуется, по сравнению с театром лицедеёв, почти полной свободой»¹⁴.

По мере развития кинорынка и увеличения количества кинотеатров контроль над ними становился всё сложнее. В октябре 1908 г. журнал «Сине-фоно» подробно описал практику просмотра лент перед прокатом в московских кинотеатрах. Цензуру осуществляли полицейские чины, как правило помощник пристава участка, который смотрел картины лично. К этому времени в Москве работали уже 65 кинотеатров, и зачастую полицейские не успевали просматривать все ленты. В результате обычной стала ситуация, когда одна и та же картина могла быть разрешена в одном кинотеатре, но запрещена в другом, иногда — на соседней улице, относившейся к другому участку¹⁵.

Однако установившаяся в 1907–1908 гг. система контроля государства над кинематографом вызывала массу нареканий со стороны фирм и прокатчиков. Цензура была децентрализована, что создавало широкий простор для «усмотрения», нарушало производственные процессы, уменьшало доходы кинопроизводителей и кинотеатров. Так, полиция запретила фильм «Отец и сын», 20 экземпляров которого кинопромышленник А.А. Ханжонков уже успел купить у фирмы «Гомон»¹⁶. В результате уже в ноябре 1908 г. кинофирмы обратились к московскому градоначальнику А.А. Адрианову с прошением «назначить одного чиновника» для просмотра всех картин, присвоения разрешительных номеров (например, Пате № 1, Ханжонков № 2 и др.) и занесения их в единый реестр¹⁷. Результатом обращения стали опубликованные 27 ноября 1908 г. «Правила осмотра в цензурном отношении синематографических лент», призванные установить «единообразие» цензуры фильмов и кинопрограмм. В заранее оговоренный с кинофирмами день чиновник градоначальства просматривал предполагавшиеся к выпуску ленты, заносил их в специальный список и присваивал им цензурные номера¹⁸. С ноября 1908 г. по октябрь 1914 г. должность цензора кино в Москве занимал Б.Б. Шереметевский. За эти годы он сумел упорядочить работу цензуры и заслужить авторитет у всей отрасли за умеренность и последовательность при вынесении решений¹⁹.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Театр и толпа // День. 1914. 22 марта.

¹⁵ Сине-фоно. 1908. № 2. С. 3.

¹⁶ Лихачёв Б.С. Указ. соч. С. 35.

¹⁷ Сине-фоно. № 4. С. 3.

¹⁸ Янгиров Р.М. Указ. соч. С. 90.

¹⁹ Сине-фоно. 1914. № 3. С. 24.

Исследователь отечественного кино первой половины XX в. Р.М. Янгиров отметил, что решения московского цензора стали «обязательными по всей стране»²⁰. Однако на практике власти других губерний и городов во многих случаях действовали самостоятельно. Это касалось и Петербурга, где решающее слово оставалось за приставами участков. Особенностью столицы было быстрое развитие сети кинотеатров, высокая плотность населения и большое количество учебных заведений, всевозможных обществ, союзов, партийных отделений. Именно здесь появилась тенденция, которая получила широкое распространение по всей империи уже в 1910–1911 гг.: цензурное давление не только «сверху», со стороны властей, но и «снизу» — от общественных организаций до педагогических советов и отдельных «неравнодушных» горожан. В отсутствие централизованной киноцензуры петербургская «общественность» становилась одним из главных инициаторов наложения запретов на «безнравственные» фильмы. «Сине-фоно» в октябре 1910 г. отмечал, что в столице кинолента могла быть снята с проката «по указанию лиц, ничего общего не имеющих с цензурой картин»²¹. Лишь в 1911 г. для «установления возможно большего единообразия в деле цензуры» просмотр кинолент в Петербурге был передан инспектору для надзора за типографиями, литографиями и подобными заведениями²², однако общественный фактор от этого не стал менее значимым.

В ноябре 1912 г. разразился скандал, связанный с фильмом режиссёра Я.А. Протазанова «Уход великого старца» о последних годах жизни Л.Н. Толстого. Картина вызвала в прессе шквал критики, в первую очередь за то, что была художественным произведением с «неправдоподобными» моментами, например — попытками писателя и его жены совершить самоубийство²³. «Вестник кинематографии» назвал ленту новым примером «падения» кино как искусства и удобным поводом для общественных нападок на отрасль: «Неужели творчество для экрана заключается в том, чтобы изображать заведомо ложную сцену свидания Софьи Андреевны с умирающим Львом Николаевичем, который благословляет и целует её, и... рядить актёра под великого писателя, для большего сходства наклеивая на собственный его нос второй нос из гуммозного пластыря? Где во всём этом, не говоря о правде, хотя бы тень правдоподобия, а не дикая и лживая карикатура?»²⁴. На защиту фильма и выпустившей его фирмы «П. Тиман и Ф. Рейнгардт» встал журнал «Сине-фоно», отметивший, что протестовать против экранизации «менее всех имеет права С.А. Толстая, та самая Толстая, которая собственноручно продала одной газете свои воспоминания об интимнейших подробностях своей жизни с Львом Николаевичем»²⁵. Родственники писателя выразили возмущение их киновоплощением в «карикатурных и оскорбительных для них положениях». Л.Л. Толстой после просмотра картины заявил, что «приложил все усилия к тому, чтобы она не увидела света. В России картина демонстрироваться не будет, это я могу сказать с уверенностью»²⁶. В дореволюционный период фильм действительно не выходил в широком прокате.

²⁰ Янгиров Р.М. Указ. соч. С. 153–155.

²¹ Сине-фоно. 1910. № 2. С. 6.

²² Там же. 1911. № 12. С. 16.

²³ В Ясной поляне // Русское слово. 1912. 4 ноября.

²⁴ Вестник кинематографии. 1912. № 54. С. 3–4.

²⁵ Сине-фоно. 1912. № 6. С. 22.

²⁶ Возмутительное надругательство над именем Л.Н. Толстого // Петербургский листок. 1912. 8 ноября.

В провинции ситуация с цензурой кино зависела от политических взглядов и мировоззрения местных чиновников и полицейских, «активности» общества и отдельных горожан, отношений кинофирм и владельцев электротeatров с властями. Ключевую роль играл фактор «начальника», мнение которого было зачастую весомее, чем рекомендации из Москвы и Петербурга. «Здесь можно смело сказать: что ни город, то нор, что ни барон, то фантазия», — сетовал «Сине-фоно»²⁷.

Предписания губернского начальства строго следить за кинорепертуаром исполнялись с особым рвением, так как не имели чётких границ по тематике, сюжетам, художественным качествам: запрещалось всё, что могло показаться «подозрительным» и опасным для «общественного спокойствия». Корреспондент «Сине-фоно» в г. Александровске Екатеринославской губ. писал в марте 1911 г.: «Ревностно, со свойственным провинциально-полицейским цензорам трусливым своеобразным скептицизмом следит наша уездная власть... за нашими кинематографами... Вырезается, конечно, всё то, что нашим цензорам кажется подозрительным [и] “умовозбуждающим”... О картинах более или менее, так сказать, общественного характера владельцы наших театров боятся прямо упоминать... Вырезались, например, картинки похорон Толстого, [С.А.] Муромцева, парламентских выборов в Англии и т.п. Картины, посвящённые пятидесятилетию юбилею освобождения крестьян, подвергнуты были все без исключения “опале”. Перед 19 февраля один вечер “для пробы” была пущена картина освобождения, но на другой же вечер была снята»²⁸.

В отсутствие чётких правил киноцензура нередко подменялась экспромтом, эмоциональным выступлением, которое могло изменить уже принятое решение. В 1910 г. в печати сообщалось о некоем прокуроре, который во время посещения кинотеатра прервал сеанс и потребовал объяснений от пристава, разрешившего картину о ходе революции в Португалии и установлении там республики²⁹. В том же году в Ярославле разрешение на показ ряда ранее запрещённых картин увязывали с отставкой местного губернатора, монархиста А.А. Римского-Корсакова³⁰. Напротив, в Могилёве в 1911 г. после прихода нового полицмейстера «разразилась целая буря административно-цензурных строгостей, которые беспощадно бичуют могилёвских демонстраторов и причиняют немалый материальный ущерб делу»³¹. Особое внимание властей привлекала хроника местной жизни. В 1911 г. полицмейстер Благовещенска потребовал вырезать из кинохроники кадры, снятые во время водосвятия 6 января, когда «произошло настоящее сражение полиции и таможенных стражников с публикой, шедшей за Амур за контрабандной водкой»³².

Наличие цензурного разрешения далеко не всегда служило основанием для беспрепятственного пропуска ленты в прокат. В июле 1909 г. владелец одного из кинотеатров в г. Козлове за демонстрацию картины «Растительный сок» распоряжением тамбовского губернатора Н.П. Муратова обязывался впредь не покупать ленты у прокатной конторы Аргасцева. Позже выяснилось, что фильм

²⁷ Сине-фоно. 1910. № 2. С. 6.

²⁸ Там же. № 12. С. 21.

²⁹ Там же. № 3. С. 14.

³⁰ Там же. № 9. С. 13.

³¹ Там же. 1911. № 18. С. 15.

³² Там же. № 11. С. 16.

был одобрен Шереметевским к показу в Москве³³. В 1913 г. в Ростове-на-Дону войсковой наказной атаман признал показ разрешённых картин с изображением грабежей, разбоев и краж «неудобным по местным условиям»³⁴. В том же году в Харькове запретили демонстрацию одобренной Св. Синодом ленты «Пьянство и его последствия»³⁵, при этом в Воронеже её разрешили³⁶. В прессе также регулярно появлялись анекдотические истории о запретах полицией картин с «подозрительными» названиями и вполне допустимым содержанием: «Как сделаться анархистом?», «Жандарм-спортсмен», «Одураченные полицейские» и др.³⁷ При этом частыми были и обратные примеры, когда в провинции цензура одобряла прокат фильмов, не допущенных в столицах. Так, запрещённая в Петербурге лента «Жизнь Иисуса Христа» в июне 1910 г. открыто демонстрировалась в близлежащем г. Териоки³⁸.

Зависимость цензуры от одного или нескольких влиятельных людей порождала систематический произвол в решениях о судьбе кинокартины, но открывала больше возможностей для обхода запретов. В этом деле кинотеатры и зрители выступали неизменными союзниками. Высокая конкуренция побуждала снижать цены на билеты до минимума окупаемости и завлекать публику всеми возможными путями. Широкое распространение получили подпольные кинотеатры, где показывали запрещённые картины³⁹, хотя подобное случалось и в легальных заведениях. В 1910 г. одесский инспектор по надзору за заведениями печати и книжной торговлей в объявлении отметил, что некоторые владельцы кинотеатров «позволяют себе после окончания платных представлений запирают входные двери, тушить огни у подъездов и затем, в присутствии многочисленных приглашённых лиц, демонстрировать картины самого порнографического содержания»⁴⁰. В Варшаве кинотеатр «Финезия» проводил такие сеансы «за особую, повышенную плату» и был за это оштрафован полицией на 300 руб.⁴¹ В Асхабаде в январе 1913 г. работников местной почтовой конторы уличили в продаже конфискованных кинолент⁴². «Единой цензуры тогда не было. А местные власти в лице пристава и околоточного надзирателя шли за небольшую мзду на уступки», — вспоминал Ханжонков⁴³.

То, что цензура кино нуждалась в централизации, сомнений не вызывало. Дискуссионным оставался вопрос о том, создавать ли новый цензурный орган, или передать эти полномочия существующим структурам. Самым очевидным вариантом была драматическая цензура. Её неназванный представитель в интервью «Петербургской газете» настаивал, что именно ей надо передать контроль над кино. Он обосновывал это тем, что «кинематографы превратились в настоящие народные театры, и цензура для них нужна потому такая же, как и для пьес, разрешаемых к постановке на народных сценах»⁴⁴. Ведущая отраслевая

³³ Сине-фоно. 1909. № 22. С. 6.

³⁴ Вестник кинематографии. 1913. № 20. С. 20.

³⁵ Там же. № 7. С. 14.

³⁶ Там же. 1914. № 6. С. 29.

³⁷ Сине-фоно. 1911. № 8. С. 16, 17; № 12. С. 21.

³⁸ Там же. 1910. № 20. С. 12.

³⁹ Михайлов В.П. Указ. соч. С. 263–265.

⁴⁰ Сине-фоно. 1910. № 11. С. 11.

⁴¹ Там же. № 13. С. 11.

⁴² Вестник кинематографии. 1913. № 3. С. 10.

⁴³ Ханжонков А.А. Указ. соч. С. 27.

⁴⁴ Цензура кинематографа // Петербургская газета. 1911. 7 августа.

печать, соглашаясь с необходимостью централизации цензуры⁴⁵, выступала за её автономию. «Вестник кинематографии» и «Сине-фоно», несмотря на частые разногласия между собой, последовательно выступали за объединение контроля над кино в Москве как общепризнанном центре русской кинопромышленности, благодаря чему «местная цензура, убивающая дело, — кончится»⁴⁶.

Большие надежды в этом смысле возлагались на I всероссийский съезд кинематографических деятелей, прошедший 5–9 августа 1911 г. На нём разгорелись споры по поводу развития киноотрасли, и в целом он оценивался участниками как неудачный, не оправдавший ожиданий⁴⁷. Вопрос о цензуре был одним из немногих, который не вызвал больших дискуссий. В докладе на съезде петербургский театровладелец К. Мильгрэн признавал: «Конечно, идеалом нашего существования было бы учреждение одного, единого для всей России органа цензуры, который... посмотрев картину, ставил бы вопрос о её допуске или негодности сразу на решительную официальную точку зрения». Мильгрэн отметил, что кино в России производилось в трёх центрах, и поставить его производство под контроль нетрудно. «А то сплошь да рядом происходят большие недоразумения между публикой и владельцем театра, который анонсирует какую-нибудь картину с громким названием, уже разрешённую для демонстрирования в Петербурге или Москве. Громкая, широковетельная реклама производит большую сенсацию... наступает, наконец, вечер, публика широкой волной льётся в двери кинематографа и вдруг... местному властью имущему данная картина почему-то не понравилась, и он приказывает снять её с афиши. Кто возместит убытки владельца театра, кому жаловаться, у кого искать защиты?», — вопрошал докладчик⁴⁸.

Участники съезда проголосовали за резолюцию об учреждении в Москве общей цензуры для всей России⁴⁹. Собранная делегатами комиссия представила свои предложения в МВД⁵⁰. Однако правительство медлило, предпочитая отдавать решения о запретах на откуп и под ответственность местных властей. Между тем непредсказуемость и непоследовательность цензуры приводили к потере доверия к кинотеатрам и репертуару конкретных производителей. Стремясь уверить, что сеанс состоится и показанное там будет вполне «приличным», кинофирмы в рекламе специально оговаривали успешно прошедшую цензуру их фильмов и пьес⁵¹. Крупные производители «пытались частным порядком заручиться высочайшим покровительством», однако им запрещалось использовать как рекламу царские похвалы их фильмов⁵².

Съезд проходил на фоне бурно растущего кинорынка. Электротеатры открывались во всех городах империи, вступая между собой в жёсткую конкуренцию. В погоне за зрителем они шли наиболее очевидным путём, выпуская в прокат фильмы с незамысловатыми, но привлекающими публику сюжетами. Это сразу вызвало большой и стабильный поток общественной критики, причём с противоположных флангов политического спектра. Во многом из-за

⁴⁵ Сине-фоно. 1911. № 18. С. 6; № 21. С. 11; Вестник кинематографии. 1911. № 13. С. 13.

⁴⁶ Вестник кинематографии. 1911. № 13. С. 13–14.

⁴⁷ Там же. № 17. С. 10; № 25. С. 10.

⁴⁸ Там же. № 19. С. 18–19.

⁴⁹ Там же. № 17. С. 23.

⁵⁰ Сине-фоно. 1911. № 23. С. 8–9.

⁵¹ См., например: Сине-фоно. 1914. № 14. С. 72.

⁵² Янгиров Р.М. Указ. соч. С. 88.

такого «лёгкого» репертуара кинематограф часто воспринимался как символ «падения нравов», вырождения культуры и её потакания «низменным инстинктам» толпы⁵³. В.М. Пуришкевич, неоднократно обращавшийся к теме кино-репертуара, сетовал на заседании Думы 4 марта 1914 г.: «Куда, на какую бы сторону современной русской жизни... мы ни оглянулись, везде... удручающая картина растления и маразма. Кинематограф заменяет театры, кинематограф с пьесами сомнительного характера и содержания, живопись стала декадентской, поэзия обращается в футуризм, литература... обращается в... порнографию»⁵⁴. «Вестник кинематографии» в июне 1911 г. подчёркивал необходимость именно «художественной» цензуры кино, позволяющей отбирать сюжеты для картин, отсеивать или жёстко ограничивать развлекательную программу. Под последним подразумевалось желание кинопрокатчиков показывать «неприхотливой публике всевозможную дребедень вроде гордо звучащих исторических драм с богатыми декорациями, костюмами и различными театральными эффектами. А наичаще демонстрируются всевозможные и до ужаса скучные увозы, покушения на чужую собственность и честь, похищения детей, погоня за ворами и т.д.»⁵⁵.

Подобные взгляды встречались в газетах и журналах весьма часто. В редком номере даже специальных изданий (не говоря о массовой печати) не упоминалось о примитивности сюжетных линий, бесполезности и вреде подавляющего большинства фильмов. Резко критиковались кинопроизводители и владельцы электротеатров за игнорирование не столь доходной просветительной функции кино, гонку за количеством и пренебрежение качеством выпускаемых лент. Особое внимание уделялось обилию в кино жестоких сцен. «Человеческая жизнь в нашей области не ценится ни в грош, — сетовал “Вестник кинематографии”. — Как только запутается коллизия, на которой построена картина; как только понадобится окончить слишком затянувшийся снимок, на сцене появляется пара выстрелов, утопленница, перегрызается чьё-нибудь горло, — и всё разрешается к общему удовольствию... Нигде не проливается такого количества крови, как в кинематографе. Почти столько же, сколько и на бойне»⁵⁶.

Будучи крупным техническим новшеством, кинематограф вызывал у многих современников недоверие и страх, ассоциировался с «нашествием», «поветрием», ворвавшимся в устоявшуюся жизнь. «Скоро в Петербурге, кажется, не будет дома без кинематографа», — иронизировал в 1911 г. фельетонист «Петербургской газеты»⁵⁷. Следствием стали преувеличения опасности просмотра фильмов для зрения, нервной системы, состояния психики⁵⁸. Кино воспринималось как угроза для традиционного культурного времяпрепровождения, например для чтения книг и, особенно, для театра, получившего опасного конкурента⁵⁹. Журнал «Театр и искусство» последовательно критиковал кинемато-

⁵³ Язвы печати // Московские ведомости. 1914. 13 февраля; Кинематограф и наши дети // Там же. 23 июля.

⁵⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия II. Заседания 29–52. СПб., 1914. Стб. 1386.

⁵⁵ Вестник кинематографии. 1911. № 13. С. 13–14.

⁵⁶ Там же. № 4. С. 9–10.

⁵⁷ Эскизы и проки // Петербургская газета. 1911. 3 января.

⁵⁸ Вред кинематографа // Петербургская газета. 1911. 10 марта; Вестник кинематографии. 1912. № 28. С. 24; № 31. С. 18.

⁵⁹ Открытки и кинематограф — заместители чистого искусства // Петербургская газета. 1910. 7 октября; Артистка Александринского театра И.А. Стравинская // Там же. 1911. 12 мая.

граф, отмечая в 1913 г. разницу между цензурой драматических произведений и фильмов: «Правда, полиция может снять [с проката] ленту, но зачем станет она снимать, если в ленте ничего страшного нет? Тогда как самую невинную пьесу мы должны иметь в цензурованном виде»⁶⁰.

В этой полемике на сторону кино встали многие обозреватели газет, видные писатели и театральные деятели⁶¹. К примеру, А.В. Амфитеатров в статье для «Вестника кинематографии» в 1912 г. писал: «Воевать надо не с кинематографом, а лишь с аферизмом, захватившим кинематограф в свои лапы. Запретительные меры и подписки тут нисколько не помогут, так как кинематограф — золотое дно, а доходных статей из лап не выпускают... Победить кинематографический аферизм может только правильно поставленная конкуренция, совершенно свободная, берущая верх своим качеством, а не профессиональным бойкотом и, тем паче, не цензурными мерами»⁶².

Страхам перед развитием кинематографа способствовали сообщения о произошедших во время сеансов убийствах, смертях, умопомешательствах, грабежах⁶³. Широкую огласку в 1914 г. получило обнаружение публичного дома в кинотеатре «Летучая мышь» на углу улиц Гороховой и Садовой в Петербурге⁶⁴. В предвоенные годы кинотеатр в принципе не рассматривался как безопасное место из-за несоблюдения владельцами противопожарных мер и санитарных норм, которые только разрабатывались⁶⁵. Следствием были скученность, недостаток воздуха в помещениях и многочисленные пожары⁶⁶, крупнейший из которых, случившийся в селе Бологое 20 февраля 1911 г., унёс жизни 64 человек.

Большой проблемой признавалось массовое посещение кинотеатров молодёжью. Жалобы на это родителей и профессиональных сообществ приняли без преувеличения всероссийский характер⁶⁷. К примеру, в Юрьеве местное общество врачей обратилось к властям города с ходатайством запретить детям до 17 лет посещать кинотеатры «ввиду вредного их влияния на глаза и нервную систему»⁶⁸. На I съезде кинематографических деятелей Мильгрэн отмечал, что на экран нельзя допускать «бессмысленно глупые драмы, пошлые, идиотские клоунады или ещё хуже, порнографию, ведь нужно помнить, что едва ли не 40% посетителей кинематографов — это дети, наше подрастающее поколение, и наша обязанность просвещать его, а не развращать»⁶⁹.

Враждебно к кино относились и местные педагогические сообщества. Как иронично замечал «Вестник кинематографии», они «провозгласили лозунг “Долой кинематограф!” и проводят его в жизнь с неумолимой настойчивостью,

⁶⁰ Цит. по: *Луговая А.В.* Становление массовой культуры в российской провинции: по материалам Ярославской губернии, 1890-е — 1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2013. С. 71.

⁶¹ Изобилие зрелищ // *Петербургская газета*. 1911. 18 сентября.

⁶² *Вестник кинематографии*. 1912. № 33. С. 12.

⁶³ Гимназисты-шантажисты // *Петербургская газета*. 1911. 21 апреля.

⁶⁴ *Вестник кинематографии*. 1914. № 9. С. 44.

⁶⁵ Там же. 1912. № 48. С. 7.

⁶⁶ Опять пожар кинематографа // *Петербургская газета*. 1910. 26 мая; Пожар кинематографа на Удельной // *Петербургская газета*. 1911. 16 апреля; Большой пожар на Охте // *День*. 1914. 19 марта.

⁶⁷ Подробнее см.: *Карпова В.В.* «...он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX в. // *История повседневности*. 2023. № 1. С. 78–95.

⁶⁸ Вред кинематографа // *Петербургская газета*. 1911. 10 марта.

⁶⁹ *Вестник кинематографии*. 1911. № 19. С. 18.

достойной лучшего применения»⁷⁰. Естественными союзниками педагогов были родители, нередко выражавшие недовольство репертуаром электротeatров⁷¹. Проблема активно обсуждалась на страницах прессы. К примеру, газета «Россия» в мае 1914 г. в статье «Берегите детей» отмечала, что во Франции были изъяты из обращения ленты «уголовного содержания», вредные для психики зрителя, в то время как в России такие сеансы не только разрешены, но и посещаются детьми. Возмущение автора статьи вызвал увиденный им в гостях случай, когда трое детей разыгрывали сцену убийства на почве ревности, увиденную ими в кино: «В момент моего прихода шестилетняя хозяйка лежала на полу, а рядом с ней — один из юных гостей с закрытыми глазами; маленький хозяин, упершись коленом в грудь сестрёнки, левой рукой держал её за волосы, а в правой руке энергично сжимал костяной ножик для разрезки книг; маленькая гостья спокойно сидела на столе и любовалась разыгрываемой сценой»⁷².

Многочисленные жалобы на «развращающее» содержание кинолент со временем вышли на уровень общественных и образовательных организаций. В 1911 г. в Юрьеве местная «комиссия по борьбе против безнравственной литературы» на собрании с участием более 200 человек обсудила вопрос о борьбе с «порнографией» на больших экранах⁷³. В Костроме воспитанницам Григоровской женской гимназии запретили посещать кинотеатры по будням, а в выходные — только с разрешения гимназического начальства⁷⁴. В марте 1914 г. собрание директоров петербургских средних учебных заведений рекомендовало воспретить учащимся посещать кинотеатры⁷⁵. В апреле 1914 г. в резолюции съезда учителей московского уездного земства отмечалось, что современный кинематограф «представляет большую опасность для подрастающего поколения». Съезд призвал издать специальный закон, ограждающий детей от «сомнительных в смысле нравственности картин», и одновременно начать создавать «земский кинематограф для школы и внешкольного образования»⁷⁶. В результате в мае 1914 г. вышел циркуляр начальника Московского учебного округа о воспрещении учащимся посещать кинематографы после 8 часов вечера⁷⁷.

Следующим этапом закономерно должно было стать формирование на местах официальных комиссий для оценки фильмов. Ещё в 1911 г. власти Приамурской губ. распорядились создать их во всех уездных городах, включив представителей полиции, городского самоуправления и местных учебных заведений. Такой же состав имели комиссии, созданные в 1914 г. в Пятигорске и Киеве⁷⁸. В мае того же года, на фоне уже полученного опыта на местах, Министерство народного просвещения (МНП) подняло вопрос об учреждении в городах особых комиссий для предварительной оценки картин, которые предполагалось показывать учащимся⁷⁹. В провинции их деятельность сразу оказалась в центре внимания различных ревнителей нравственности. Так, в Киеве в июне 1914 г.

⁷⁰ Вестник кинематографии. 1912. № 43. С. 10.

⁷¹ Там же. 1913. № 10. С. 10.

⁷² Цит. по: Там же. 1914. № 9. С. 28.

⁷³ Там же. 1911. № 8. С. 20.

⁷⁴ Там же. № 21. С. 14; Воспрещение учащимся посещать кинематографы // День. 1914. 8 марта.

⁷⁵ Сине-фоно. 1914. № 12. С. 14.

⁷⁶ Там же. № 15. С. 28.

⁷⁷ Вестник кинематографии. 1914. № 9. С. 31.

⁷⁸ Сине-фоно. 1911. № 14. С. 15; 1914. № 14. С. 35.

⁷⁹ Там же. 1914. № 15. С. 34; Вестник кинематографии. 1914. № 8. С. 30.

члены местного отделения Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА), называя себя «особой комиссией по наблюдению за увеселительными местами», направили киевскому губернатору Н.И. Суковкину заявление, что цензоры кино С.В. Баршевский и К.И. Бектабетов «пропускают в картинах много непозволительного и безнравственного»⁸⁰.

Стоит отметить, что правые уделяли кинематографу большое внимание, регулярно критикуя кинофирмы и кинотеатры за распространение сцен жестокости и порнографии и возвеличивание «уголовщины». Ещё в 1909 г. участники частного совещания Союза русского народа (СРН) в Ярославле заслушали доклад протоиерея О.Ф. Васютинского, выступившего за установление «строгой цензуры над книгами, синематографами и театральными представлениями»⁸¹. Всероссийский съезд СРН в ноябре-декабре 1911 г. постановил просить власти «контролировать деятельность кинематографов, дабы спасти учащихся от развращения» и «особенно строго наблюдать за кинематографами, посещающими деревни»⁸².

Активно критиковала кинематограф правая печать. В июле 1911 г. корреспондент «Земщины» описывал свои ощущения от просмотра фильма «Ужасы человеческого зверства» в грозненском электротеатре «Прогресс»: «Средневековые позорные зрелища снова воскресли, люди имеют возможность опять видеть, как режут, жарят, терзают человеческое тело, люди снова могут присутствовать в Колизее... С первой же картины заохала какая-то дама, закричали, заревели дети... Ну что же делать, если сама современная публика так любит “сильные ощущения”, что жаждет видеть кровавых зрелищ, каковы бы они ни были?»⁸³.

Одним из результатов стало распространение практики «общественного» контроля над кинематографом. РНСМА с 1909 г. изучал репертуар кинотеатров и получал «сигналы с мест» о показе «кошунственных, порнографических и антипатриотических картин»⁸⁴. Совет СРН в 1911 г. разослал во все свои отделения циркуляр о строгом наблюдении за киноафишей, особенно если в прокат выходили картины «духовного содержания»⁸⁵. Влиятельность правых организаций зачастую заставляла местные власти и прокатчиков идти на поводу и перестраховываться во избежание скандала. Так, в 1910 г. в Нижнем Новгороде полиция без объяснения причин запретила к показу фильм «Процесс Герценштейна»⁸⁶, несмотря на одобрение его московской цензурой. Нижегородский губернатор М.Н. Шрамченко при встрече с прокатчиком объяснил, что не против демонстрации этой ленты, но опасается выступлений со стороны «местной крайне правой организации»⁸⁷.

Представители кинопромышленности и отраслевая печать скептически отнеслись к полным запретам посещения электротеатров молодёжью, которая,

⁸⁰ Сине-фоно. 1914. № 18. С. 36.

⁸¹ Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 430.

⁸² Там же. Т. 2. М., 1998. С. 81.

⁸³ Кинематограф — орудие пытки // Земщина. 1911. 26 июля.

⁸⁴ Иванов А.А. Культурная политика русских правых в начале XX в. // Российская история. 2023. № 6. С. 65–68.

⁸⁵ Сине-фоно. 1911. № 2. С. 15.

⁸⁶ В фильме повествовалось о судебных процессах по делу об убийстве 18 июля 1906 г. депутата I Думы, экономиста и общественного деятеля М.Я. Герценштейна.

⁸⁷ Сине-фоно. 1910. № 15. С. 12.

по их мнению, в результате может проводить досуг ещё худшим образом⁸⁸. Кроме того, формальный запрет не означал, что дети и подростки не смогут посещать сеансы незаконно, при активной помощи заинтересованных владельцев кинотеатров. Примеров тому действительно было много. Так, в Саратове в октябре 1912 г. владельца кинотеатра «Фурор» арестовали за допущение на сеансы учащихся вопреки собранной со всех владельцев городских кинотеатров подписки. В итоге дело закрыли ввиду отсутствия официального запрета со стороны местных властей⁸⁹.

Оценивая идею учредить для кино специальные цензурные комиссии, «Сине-фоно» призвал кинофирмы войти с учебными заведениями в соглашение о предварительном просмотре фильмов педагогами, чтобы в случае одобрения учащиеся могли посещать сеансы. Хотя это, по сути, новое цензурное «ярмо», но «гораздо выгоднее для фабрикантов, прокатных контор и театровладельцев иметь на своей шее два ярма и всё-таки работать, чем иметь одно и не работать совсем»⁹⁰. Такая реакция отражала общественный запрос на ограничение или, по крайней мере, строгий контроль репертуара. В печати регулярно обсуждались проблемы создания «полезных», познавательных фильмов, развития «просветительного», «разумного» кинематографа⁹¹. Появлялись общества распространения такого кино⁹², откликались на этот запрос и местные власти. В апреле 1912 г. МНП внесло в Думу законопроект об отпуске 20 тыс. руб. постоянной комиссии народных чтений в Петербурге на оборудование кинематографического отдела для учебного процесса⁹³. В сентябре 1912 г. московская городская дума ассигновала средства на устройство образовательных и детских сеансов⁹⁴.

Значимую роль в этих дискуссиях играла Церковь, представители которой по-разному отнеслись к кино и его влиянию на общество, хотя доминирующим было недоверие, а иногда и откровенная враждебность⁹⁵. Понимая, что остановить развитие кинематографа уже невозможно, духовенство старалось также влиять на репертуар. К примеру, в Могилёве в 1911 г. полиция прервала демонстрацию ленты по рассказу А.П. Чехова «Хирургия» после жалобы местного священника⁹⁶.

Со временем и в церковной среде начало превалировать мнение о пользе кинематографа, если его достаточно жёстко контролировать. Протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский в 1914 г. в письме военному министру В.А. Сухомлинову отмечал, что кинокартины, поставленные для развлечения нижних чинов, «не всегда соответствуют своему назначению религиозно-нравственного воспитания» и часто носят «даже кощунственный характер». Он предложил усилить цензуру фильмов, выступая, однако, против их полного запрета⁹⁷.

⁸⁸ Вестник кинематографии. 1911. № 26. С. 15.

⁸⁹ Там же. 1912. № 48. С. 11.

⁹⁰ Сине-фоно. 1914. № 12. С. 14.

⁹¹ Вестник кинематографии. 1912. № 28. С. 12–14; № 46. С. 10; Полезное применение кинематографа // Петербургская газета. 1910. 17 декабря.

⁹² Вестник кинематографии. 1912. № 31. С. 15.

⁹³ Изо дня в день // Петербургская газета. 1912. 20 апреля.

⁹⁴ Вестник кинематографии. 1912. № 48. С. 2.

⁹⁵ Там же. 1911. № 12. С. 14.

⁹⁶ Сине-фоно. 1911. № 21. С. 23.

⁹⁷ Цит. по: Вестник кинематографии. 1914. № 11. С. 24.

Кино в целом ставило перед Церковью много вопросов, найти ответы на которые оказывалось не так просто. Споры вызвала, например, возможность записей церковных богослужений и посещение священниками кинотеатров. В 1912 г. уже были случаи съёмок в церквях и храмах, в том числе в Новоспасском монастыре⁹⁸. В провинции эти процессы шли гораздо медленнее. Весной 1913 г. в Саратове священник за два посещения кинотеатра подвергся наказанию в виде трёхмесячного заключения на послушание в монастырь с запрещением священнослужения⁹⁹. В этом вопросе местные власти (в частности оренбургский губернатор Н.А. Сухомлинов¹⁰⁰) опирались на циркуляр МВД, запрещающий демонстрировать фактически любые религиозные обряды — крестные ходы, похоронные процессии, а также реликвии, знаки и образы православной Церкви. На практике достаточно было изображения священника или даже нательного креста, чтобы пристав или инспектор получил право запретить фильм.

Особенное неудовольствие Церкви и значительной части общества вызвали продажи билетов на сеансы во время крупных православных праздников. На съезде СРН в 1911 г. особо отмечалось, что «русские люди просят, чтобы читали... христианское Воскресенье запрещением базаров и ярмарок в воскресные и праздничные дни, закрытием кабаков, кинематографов, трактиров в часы службы церковной»¹⁰¹. Представление о «греховности» просмотра кино в «красные» дни действительно было распространено, особенно в провинции. Бологовские старожилы в интервью 2004 г. упоминали городские слухи о том, что пожар 1911 г. стал «карой» за работу электротeatра в Прощёное воскресенье¹⁰².

В печати и среди самих кинопроизводителей раздавались призывы закрыть в эти дни кинотеатры, изменить программу на просветительскую или, по крайней мере, не использовать музыку. И хотя власти неоднократно выпускали соответствующие постановления, отдельные, особенно малые электротeatры всё равно продавали билеты на сеансы¹⁰³. Религиозная тематика в кино цензуровалась особенно строго, однако и в подобных случаях решение оставалось за конкретным чиновником. Так, ленту «Похороны Льва Толстого» запрещали в одних городах и разрешали в других¹⁰⁴. В 1911 г. псковский губернатор Н.Н. Медем не допустил показ фильма о похоронах П.А. Столыпина¹⁰⁵. При этом в 1912 г. в Киеве духовная цензура не увидела препятствий к демонстрации в электротeatрах похорон композитора Н.В. Лысенко¹⁰⁶.

Только в 1915 г. разрозненные запреты, касавшиеся религиозной тематики, были кодифицированы и упорядочены. 10 февраля увидели свет «Главные указания гг. инспекторам при просмотре кинематографических лент», составленные старшим инспектором типографий в Петрограде В.В. Познанским. Согласно им, запрещалось исполнение киноактёрами ролей Иисуса Христа,

⁹⁸ Живой экран. 1912. № 3. С. 7.

⁹⁹ Вестник кинематографии. 1913. № 8. С. 4.

¹⁰⁰ Там же. 1912. № 35. С. 16.

¹⁰¹ Правые партии... Т. 2. С. 67.

¹⁰² Ахметова М., Лурье М. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 350.

¹⁰³ Вестник кинематографии. 1913. № 4. С. 10.

¹⁰⁴ Сине-фоно. 1910. № 5. С. 8. Запрещались и другие ленты, изображавшие Толстого. См., например: Вестник кинематографии. 1913. № 20. С. 20.

¹⁰⁵ Сине-фоно. 1911. № 1. С. 13.

¹⁰⁶ Вестник кинематографии. 1912. № 52. С. 19.

Богоматери, ангелов и святых угодников, православных духовных лиц (священников, монахов, монахинь, епископов, патриархов), а также демонстрация Евангелия, хоругвей и «всякой церковной утвари». Иконы, крест или распятие в углу комнаты или на стене могли изображаться, «если окружающая обстановка не является оскорбительной для священных предметов». Разрешалось демонстрировать памятники с изображением святых, наружный вид храмов всех вероисповеданий и внутренний вид всех храмов, кроме православных. Кладбища и погосты могли изображаться при условии, что могилы будут зарыты и что там «не происходило сцен, не соответствующих данному месту и не инсценировались бы явления умерших». Разрешалось демонстрировать все религиозные процессии, за исключением православных, показывать богослужение запрещалось для «всех христианских вероисповеданий». Исключение делалось лишь для венчаний «по обряду не православного вероисповедания»¹⁰⁷.

Следует отметить, что проблемы, вставшие перед русским кинематографом, не были уникальными. Через схожие процессы принятия и осмысления кино как социального явления в той или иной мере проходили в начале XX в. все страны мира. На то, что новости о цензуре фильмов в Европе и Америке доходили до России регулярно, указывает, например, речь Пуришкевича в Думе 19 мая 1914 г. Он отметил, что «кары на кинематограф с каждым годом на Западе увеличиваются», чего в России не наблюдалось, и посетовал, что «мы... ссылаемся на пример Западной Европы только тогда, когда нам это выгодно для известных целей»¹⁰⁸. Потребовав от депутатов обратить должное внимание на «новый бич, на кинематограф», Пуришкевич в конце выступления бросил в зал киноленту¹⁰⁹.

Зарубежный опыт киноцензуры печать внимательно отслеживала и анализировала¹¹⁰. К примеру, в Англии в 1913 г. кинопромышленники сами ввели цензуру кинолент, но вскоре признали такой формат весьма затратным и не всегда удобным. Поставленный на эту работу за немалое содержание, цензор зачастую был излишне строг и отклонял в том числе и очень дорогостоящие проекты кинокартин. Однако отказываться от такой системы англичане не собирались, так как правительственная цензура могла быть ещё медленнее, непоследовательнее и в конечном счёте дороже¹¹¹.

Иначе обстояло дело во Франции, где с 1906 г. цензура кино фактически отсутствовала. Накануне Первой мировой войны там предпринимались попытки вновь усилить контроль. Согласно положению, изданному Государственным советом в начале 1914 г., кинотеатры приравнялись не к театрам, имевшим права и вольности, а к выставкам. Местные власти могли требовать от всех учреждений, не подходивших под определение театра, предварительного просмотра программы и удаления любых её пунктов¹¹².

В Германии до войны цензура лент почти повсеместно (за исключением Баварии, Брауншвейга и Вюртемберга) возлагалась на местные полицейские

¹⁰⁷ Вся кинематография: настольная, адресная и справочная книга. М., 1916. С. 68–69.

¹⁰⁸ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия II. Заседания 53–75. СПб., 1914. Стб. 1000.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 1201.

¹¹⁰ Борьба с кинематографами // Петербургская газета. 1912. 21 марта; Театральное эхо // Там же. 28 июня; Вестник кинематографии. 1912. № 35. С. 12–14; № 36. С. 11–14.

¹¹¹ Сине-фоно. 1914. № 13. С. 42.

¹¹² Там же. № 16. С. 38.

власти, выдававшие разрешение показывать фильмы либо всем, либо только взрослым. При этом на полный запрет киноленты власти шли только в крайнем случае, когда не позволяло содержание или технически невозможно было вырезать «запрещённые» кадры¹¹³. Пагубность децентрализованной цензуры журнал «Сине-фоно» показывал на примере Австралии, где возникли схожие с Россией проблемы, прежде всего непоследовательность и противоречивость решений местных цензоров¹¹⁴. «Мечта всех кинематографических деятелей» была реализована в 1913 г. в Италии, где право запрещать картины предоставили исключительно цензурному комитету при Министерстве внутренних дел¹¹⁵.

Шанс на упорядочение и централизацию цензуры появился во время обсуждения Думой проекта нового Устава о печати в 1913–1914 гг. Внесённый министром внутренних дел Н.А. Маклаковым законопроект предполагал фактический возврат предварительной цензуры, усиление ответственности издателей, увеличение штрафов¹¹⁶. С острой критикой правительственного варианта Устава выступило большинство газет и журналов, в том числе правых¹¹⁷. Проект стремился охватить все виды цензурного контроля, не был забыт и кинематограф, вынесенный вместе с грампластинками в особый раздел, статьи 140–143. Уже в первой из них оговаривалось, что для этих видов цензуры «общие правила сего Устава не применяются». В следующей статье подтверждалось, что наблюдение за публичной демонстрацией фильмов «лежит на обязанности местной полицейской власти». Владелец кинотеатров статья 142 обязывала не допускать в прокат ленты и пластинки «преступного содержания». Наконец, министру внутренних дел, по соглашению с министрами финансов и торговли и промышленности, предоставлялось право воспрещать ввоз в Россию фильмов и грампластинок «тех заграничных фирм, в произведениях коих будет усмотрено нарушение действующих в империи уголовных законов»¹¹⁸. Таким образом, законопроект МВД усиливал цензурный контроль в «традиционных» областях цензуры (печатная, драматическая, иностранная, духовная), но в отношении кинематографа не вносил принципиальных новшеств, оставляя фактически тот же порядок, что сложился ранее.

При рассмотрении законопроекта думской комиссией эти статьи рассматривались отдельно, на заседании 18 января 1914 г. Докладчик комиссии гр. Э.П. Беннигсен предложил исключить статьи о цензуре кино как «подлежащие внесению скорее в устав о полиции, чем в устав о печати». Не возражая в принципе, депутаты П.В. Герасимов, Н.Н. Львов, П.Н. Милюков и гр. Д.П. Капнист отметили «чрезвычайную важность и сложность вопроса о надзоре за кинематографами. Особые черты этого вида представлений — изображение всего в сгущённых красках, потворство вкусам толпы, производимое ими на психику малолетних неблагоприятное воздействие». Это уже вызвало в «некоторых странах (Швеции, Швейцарии) борьбу за оздоровление кинематографа. Нельзя, однако, достигнуть этого оздоровления установлением цензу-

¹¹³ Сине-фоно. № 20. С. 30.

¹¹⁴ Там же. 1916. № 5–6. С. 75.

¹¹⁵ Там же. № 17–18. С. 62.

¹¹⁶ Подробнее о его разработке см.: *Сопова А.П.* Правовое регулирование периодической печати в Российской империи в начале XX века. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 80–95.

¹¹⁷ *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России в период кризиса Третьеиюньской системы: диалог о пути политического развития (1910–1917 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. С. 342–346.

¹¹⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 6, д. 492, л. 24.

ры... со стороны органов полицейской власти». Депутаты считали, что необходимо разработать отдельное положение о кинематографах, выработать правила их посещения молодёжью и привлечь к цензуре кино «компетентных людей, облечённых соответствующими полномочиями». В итоге статьи 141–143 были исключены из законопроекта как не подпадающие под законодательство о печати, что подтверждала и оставленная статья 140¹¹⁹.

В прессе исключение из законопроекта статей о кино и грампластинках расценивалось как новое отложение на неопределённый срок решения накопившихся проблем. В конце января 1914 г. юрисконсульт фирмы «Братья Пате» собрал совещание представителей кинофабрик, на котором предложил направить в Думу депутацию для разъяснения сложности положения кинематографа и необходимости упорядочения контроля над ним. «Сине-фоно» призвал кинопромышленников собрать средства для отправки делегации, отметив, что в сравнении с потерями от цензурной непоследовательности этот расход «крайне ничтожен и сторицей окупится в случае удовлетворения... ходатайства»¹²⁰. Однако комиссия о печати, судя по журналу её заседаний, к вопросу о киноцензуре уже не возвращалась, а рассмотрение статей нового Устава о печати прервало начало Первой мировой войны.

* * *

Наиболее ёмкую и удачную оценку работы кинематографической цензуры как института в России начала XX в. дал Р.М. Янгиров: «Цензурное вмешательство в эту сферу творчества так и не сформировало кодифицированных правовых норм, реализовавшись лишь в практике частных прецедентов, не имевших во многих случаях силы обязательного и безоговорочного исполнения в пределах всей страны»¹²¹. Однако именно такой итог заслуживает исследовательского внимания своей уникальностью и непривычным распределением «ролей» между государством и обществом. В отличие от цензуры печати и драматических произведений, в случае с кино государство изначально являлось не единственным, а порой и не главным инициатором упорядочения, централизации и институционального оформления цензуры. Правительства всех стран мира до 1914 г. подходили к её ужесточению осторожно, прислушиваясь к общественным настроениям и мнению профессионального сообщества. В России киноиндустрия с первых лет существования находилась под куда большим давлением «снизу», чем «сверху», на её положении в полной мере сказались дискуссии о путях развития культуры, о «нравственности», проблемах воспитания молодёжи и о многих других социальных процессах в России начала XX в. Первая мировая война и революция подвигли Российское государство в полной мере вмешаться в этот прежде развивавшийся хаотично мир кинематографа.

¹¹⁹ Там же, оп. 5, д. 581, л. 95 об., 96.

¹²⁰ Сине-фоно. 1914. № 9. С. 1–2.

¹²¹ Янгиров Р.М. Указ. соч. С. 62.

Карты — инвективы. К вопросу о «европейско-азиатской» идентичности России в сатирической картографии XIX в.

Татьяна Филиппова

**Maps as invective.
«European-Asian» identity of Russia
in satirical cartography of the 19th century**

Tatiana Filippova

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24050066, EDN: SKZIMW

Семантизация пространства: историко-культурные корни и традиции.

Сатирические карты мира, создававшиеся европейскими художниками на протяжении XIX столетия и ставшие в ту эпоху эффективным атрибутом внешнеполитической пропаганды, наглядно демонстрируют удивительные историко-культурные коллизии в отношениях Пространства и Ментальности, воссозданные средствами карикатуры. По справедливому замечанию П. Опалина, «от пропагандистского плаката подобные карты отличает бо́льшая насыщенность в сюжетах и оценках политической злобы дня»¹, что придаёт этому источнику полифоничное звучание при расследовании политических взаимоотношений в «концерте» великих держав. Отмечу, что от газетных и журнальных карикатур сатирические карты отличала пространственная широта, разнообразие «репертуара» критических риторик, многовекторность сатирического посыла, совмещение сразу нескольких стратегий изображения и осмеяния противника, наконец, глубина культурно-исторической традиции при визуализации географических пространств как главного смыслового объекта².

Сатирические карты Европы и мира (по крайней мере, часть этого внушительного собрания пропагандистских визуальных материалов XIX в.) не раз попадали в поле зрения историков. Но до некоторых пор они использовались, скорее, как яркий иллюстративный ряд к тем или иным европейским и мировым политическим коллизиям, а не как особый визуальный источник. Впрочем, некоторые публикации историко-культурного характера уже дали старт

© 2024 г. Т.А. Филиппова

¹ Опалин П. Медведь, осьминог и злые мужики. Россия глазами соседей по сатирической карте // Воронцово поле. 2022. № 2. С. 83.

² Надо отметить, что история сатирических карт в XIX в. во многом повторяла историю политической сатиры в целом, питаясь растущими пропагандистскими нуждами великих держав. См.: Coupe W.A. Observations on a Theory of Political Caricature // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11. P. 79–95; Kemnitz Th.M. The Cartoon as a Historical Source // Journal of Interdisciplinary History. 1973. Vol. 4. P. 87–99; и др. Пережив бурный расцвет в XIX — начале XX столетия, к середине прошлого века популярность и распространённость сатирических карт значительно уменьшилась, уступив место технически менее затратной и более оперативной сатире в виде моносюжетных карикатур, агитационных листовок и пропагандистских плакатов.

этой работе, обозначив интересные перспективы данного исследовательского направления³.

Картографирование земель, территорий расселения народов, отдельных государств и цивилизационных ареалов всё уверенней интерпретируется как исторически укоренённое интеллектуальное занятие, нацеленное на познание исторических судеб человечества. В его рамках «карты суть географические изображения, способствующие пространственному пониманию предметов, идей, условий, процессов или событий в человеческом мире»⁴. Именно в этой исследовательской «оптике» подобные источники несут важную для историка информацию, демонстрируя образно-пространственное, оценочное восприятие исторических, политических, экономических, культурных и идейных перипетий той или иной эпохи.

Ставя перед собой цель выявить хотя бы часть историко-культурных истоков и традиций изображения Российской империи на европейских сатирических картах XIX в., позволю себе небольшой исторический экскурс. В центре моего внимания — одно из направлений европейской картографии, визуально нацеленное на духовную, религиозную трактовку пространства земного мира и его обитателей. Речь идёт о так называемых *mappe mundi* — христианских «вселенских картах» с изображением библейской картины мироздания, пронизанной напряжённым духовным настроением и продиктованной религиозными ценностными ориентирами⁵.

Подобные карты не были предназначены для практической ориентации на реальной географической поверхности земли. На них не следовало искать ни точных расстояний, ни масштаба изображаемых территорий, ни перепадов рельефа местности, ни абриса береговых линий. Впрочем, эти произведения человеческого интеллекта и духовной культуры обещали гораздо большее — ориентацию в духовном мире, с присущим ему делением на сферы Добра и Зла, Рая и Преисподней. В этой изначальной картине мироздания Восток и Запад, Азия и Европа, известные людям страны и земли фантастические, освоенные и неизведанные пространства представляли как символы, метафоры религиозной интерпретации мира и его судьбы — от Сотворения до Апокалипсиса. Тем самым они выступали носителями оценочных характеристик, наглядно воспроизводя метапространство борьбы Света и Тьмы, заданное библейским канонам.

Западная традиция образного картографирования (какими бы ни были конкретные задачи этого интеллектуального занятия) вполне закономерно отличалась европоцентричностью. Однако путь к подобной трактовке пролегал через устоявшуюся модель духовного восприятия Востока, сформированную

³ См., к примеру: *Barron R. Bringing the map to life: European satirical maps 1845–1945* // *Belgeo*. 2008. № 3–4. P. 445–464; *Нурминен М.* Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры. М., 2017; *Опалин П.* Медведь, осьминог и злые мужики... С. 78–87; *Опалин П.* «Паровой каток» на просторах Европы // *Воронцово поле*. 2022. № 3. С. 50–55; *Harvey P.* The Hereford World Map: Medieval World Maps and their Context. L., 2006; *Wilma G.* Animals and Maps. Berkeley, 1969; *Brotton J.* Great Maps. Dorling Kindersley. Ltd., 2014; *Harley J.B.* «Maps, Knowledge and Power», The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments. Cambridge; N.Y., 1988. P. 277–312; *Berger H.* Figures of a Changing World: Metaphor and the Emergence of Modern Culture. Bronx, 2015; etc.

⁴ The History of Cartography / Eds. J.B. Harley, D. Woodward. Vol. 1. Chicago; L., 1987. P. XVI.

⁵ См.: *Лиманская Л.Ю.* *Mappe mundi* как модель peregrinatio vitae // *Вестник РГГУ. Сер. Философия, Социология. Искусствоведение*. 2017. № 4. С. 64–73.

христианской теологией. Для европейской традиции наиболее характерен тип карт мира, появившихся ещё в античное время и получивших своё развитие в эпоху Средневековья — так называемые карты *Orbis Terrarum*⁶. Они играли роль своеобразного учебника по истории мироздания и духовного путеводителя. Примечательно, что Восток (Азия) помещались на этих картах в верхней части изображения мира, наглядно отмечая не географический ориентир, а символический Верх, Небеса, Рай, место восхода Солнца, источник Блага, божественного Света, Второго Пришествия, что давало средневековому человеку метаисторическую перспективу движения Истории и личной духовной судьбы. В обобщённом понимании человека европейского Средневековья «Восток», «Юг», «Запад», «Север», «Европа», «Азия» выступали как сферы духовного освоения, поклонения или критических инвектив, что не могло не проявиться в характере образного «картографирования» и интерпретации этих пространств как богословских, идеологических, а затем и политических конструкций⁷.

Природа картографирования как занятия начала придавать воссозданию образа Вселенной (а также роли стран, государств) разнообразные интерпретации. Так, со временем «Восток» (в значении «не-Европы») в соответствии с «ориенталистской» традицией стал выступать не источником Света, а, скорее, набором мифологизированных штампов, моральных стигматизаций, политических страхов и геополитических вожделений, диктуемых европейской геополитической экспансией⁸. «Границы» и пространственные ориентиры на подобных картах (физико-географические, политические, культурно-символические) со временем менялись, но дихотомия между разными объектами сохранялась. Эти же свойства семантизации пространства со временем стали накладываться и на государства, приобретая более приземлённый, но не менее функциональный характер. К тому же сами по себе культурные, политические, цивилизационные особенности Европы, «Запада» не оставались неизменными. Это не могло не влиять на характер восприятия Азии и трактовку образов «Востока», оказавшегося по мере его освоения западной мыслью цивилизационно разнообразным, но от того не менее

⁶ Т-О карты, или *Orbis Terrarum* («Круг Земли») имели несколько изначально заданных символических пластов. Три известные части мира делились — как буквой «Т» — священными водными пространствами — Средиземным морем, отделяющим Европу от Африки, реками Дон (Танаис), отделяющей Азию от Европы, и рекою Нил, отделяющей Африку от Азии. Тройственное деление мира соответствовало его библейскому разделению между сыновьями Ноя и также ориентировало на положение Востока сверху карты, подчёркивая духовную значимость этого источника Божественного света. Окружность (буква «О») символизировала океанские воды, окружающие земную твердь. Подробнее об истоках духовной семантизации пространства на подобных картах мира см.: Woodward D. Reality, symbolism, time, and space in medieval world maps author(s) // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 75. 1985. № 4. P. 512–514; Nordenskiöld A.E. Facsimile-atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. N.Y., 1975. P. 9–14.

⁷ The History of Cartography. Vol. 1. P. 48–60.

⁸ Некоторые примеры деконструкции мифодизайна различных восточных субкультур в европейской интеллектуальной традиции см.: Гришин М.В. Мифологизация традиционного Востока в искусстве и научной мысли Запада. М., 2013. Оригинальный и плодотворный подход к деконструкции культурно-географических образов России находим в работах Д.Н. Замятина (*Замятин Д.Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4(23). С. 34–45; Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004*).

«опасным», «чуждым», хотя зачастую и привлекательным. Грандиозные евроазиатские пространства, принадлежавшие иному религиозному миру, населялись на европейских картах чудовищами, драконами, гигантскими змеями — символами Зла, людьми без головы с лицом на груди или одноногими существами⁹. Опираясь на визуальный язык культурных символов, аллегорий и метафор, эти карты проделывали путь от духовных путеводителей к идеологическим.

Картографирование позднего Средневековья и Нового времени, постепенно отходившее от античных и библейских условностей изображения мира, приступило к созданию конкретных картин (желаемого) геополитического доминирования Запада. Так, озабоченный мусульманской угрозой христианскому миру венецианский купец и хронист Марино Санудо в книге с картами, выполненными генуэзским картографом Пьетро Весконтте, создал собственную картину мира («завоевание на карте»). На ней изображена географическая «реальность» победы над исламом — с отвоёванными у мусульман землями¹⁰, своего рода визуальный мифодизайн средневекового христианского идеала. Политизация духовного назначения этого типа карт со временем лишь нарастала. Уже к XVI в. «карты вообще и карты мира в особенности были частью глобальных политических игр европейских правителей»¹¹.

Эпоха бурных географических открытий и уточнения реальных контуров и размеров континентов и материков не только не лишила новые карты своих символических смыслов, но и добавила им дополнительные значения, пусть и более рациональные, но от этого не теряющие своей семантизирующей силы. Яркий пример из того же XVI в. — «Планисфера Кантино» («Мир для двух королей»), наглядно и откровенно зафиксировавшая претензию раздела мира на сферы геополитического влияния между монархами Испании и Португалии¹². Изображение пространства всё более центрировалось задачей манипулирования им.

Нельзя не отметить, что воображение художников-картографов было сколь неистощимым, столь и идейно заданным. Популярная в XVI в. карта Европы в нескольких сохранившихся вариантах вписывалась в изображение «Девы», («Королевы», «католической Церкви»). «Европа» в такой образной трактовке воспроизводилась с небольшими вариациями разными художниками, став устойчивой эмблемой континента¹³ — обители христианской духовности и просвещённости, противостоящего «варварству» и «греховности» остального мира. У «ног» Европы или на самом подоле её одеяния (символический «низ»!) помещались земли, обозначенные как «Скифия», «Сарматия», «Тартария» (синоним «инфернальных», неизведанных пространств), реже — «Московия», «Россия».

⁹ Нурминен М. Мир на карте... С. 59.

¹⁰ См.: Sanudo M. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross. Translated by P. Lock. Surrey, 2011.

¹¹ Нурминен М. Мир на карте... С. 246.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Barron R. Bringing the map to life: European satirical maps 1845–1945 // Belgeo. 2008. № 3–4. P. 445–449.

«Европа в виде Королевы (Девы)». 1589 г. Г. Бантинг. Магдебург¹⁴

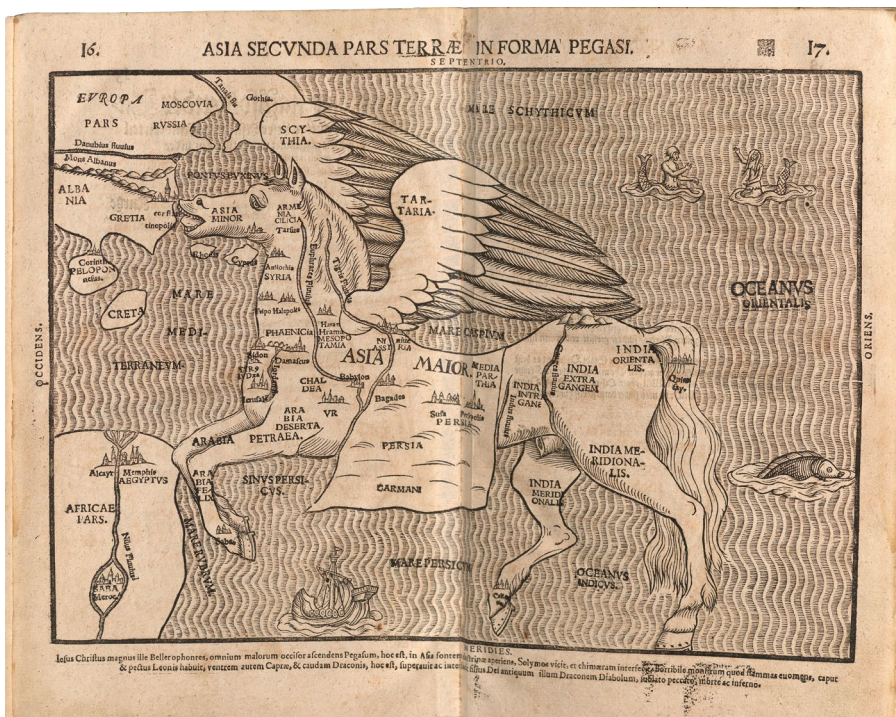
Любопытен и созданный в ту же эпоху «географический» образ Азии, представленной силуэтом «Пегаса» (пусть и крылатого, но всё же животного), обращённого своей «малоазиатской» головой к стратегически важным Босфору и Дарданеллам; в абрис его крыльев вписывались Сибирь и Центральная Азия¹⁵.

Со временем библейская традиция трактовки неизвестных, а потому «опасных» земель окончательно мутировала в сторону светских интерпретаций и перенеслась на изображение государств-соперников по геополитическому пространству Европы и Азии. Однако параметры и фобийная направленность сконструированного ещё в Средневековье мифодизайна (далёкое—неизвестное—опасное—враждебное—демоническое) остались, по сути, прежними и лишь обрели более конкретные и актуальные адресаты. Образ «злых дикарей» эксплуатировался в европейской культуре вплоть до конца XIX в.¹⁶

¹⁴ «Europe in the Shape of a Queen (Virgin)». Книжная карта. Автор — протестантский теолог Гейнрих Бантинг. Магдебург. Опубл.: *Itinerarium Sacrae Scripturae*, 1589 (URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~347174~90114651:Europe-in-the-Shape-of-a-Queen-Eur?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:Europe%20Virgin;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY~8~1&mi=4&trs=21 (дата обращения: 21.07.2024)).

¹⁵ Перечисленные карты сохранились в богатейшей коллекции исторических карт, собранной историком и коллекционером Д. Рамзи (URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY> (дата обращения: 21.07.2024)).

¹⁶ Нурминен М. Мир на карте... С. 37.

«Азия в виде Пегаса». 1589 г. Г. Бантинг. Магдебург¹⁷

Приобретая под влиянием географических открытий и развития научных знаний большую реалистичность форм, интересующие нас карты не становились более «нейтральными» в оценочном отношении, поскольку наполнялись актуальными для своего времени смыслами. Подчёркивая роль этого визуального источника как средства утверждения политического и социального контроля, Дж.Б. Харли вскрыл суть подобных интенций в образном картографировании: «Как в отношении избирательности их содержания, так и в отношении их знаков и стилей изображения, карты представляют собой способ осмысления, артикуляции и структурирования человеческого мира, который ориентирован на определённые наборы социальных отношений, поощряется ими и оказывает влияние на них. Принимая такие предпосылки, становится легче увидеть, насколько они подходят для манипуляций со стороны сильных мира сего»¹⁸.

В XIX в. образная традиция европейского картографирования обрела новые мотивы. Геополитические реалии и имперские эгоизмы меняли абрисы политической географии мира, но старая традиция образно-символического изображения тех или иных пространств выжила, подпитываясь внешнеполитическими амбициями государств и практическими интересами политиков. По мнению М. Нурминен, «культурно-историческая информация сопутствовала и далее европейским картам», неизменно сопровождая всё более точные си-

¹⁷ «Asia in the Form of Pegasus». Книжная карта. Автор — протестантский теолог Гейнрих Бантинг. Магдебург. Опубл.: Itinerarium Sacrae Scripturae, 1589.

¹⁸ The History of Cartography. Vol. 1. P. 296—297.

луэты открываемого мира «изображениями королей, флагов, государственных символов, знаков владения и мощи»¹⁹. Эта традиция демонстрировала гораздо более рациональные обоснования деления пространства мира на территории «своего», «иного», «чужого», «соседа», «врага», объекта агрессии и жертвы колониальной эксплуатации. Важным здесь было всё: толщина нанесения линий государственных границ (реальных и желаемых), зарамочная информация, рисунки с условным изображением обитателей и правителей тех или иных территорий, цветовая гамма, символические пометки, накал художественной экспрессии.

От этого исторического момента оставалось уже совсем близко до следующего витка в развитии карт, визуально семантизирующих пространство — на этот раз в сатирическом, гротескном ключе политической карикатуры. При всём своём своеобразии, они, по сути, продолжили традицию изображения стран и земель как «географических» воплощений Добра и Зла, прогресса и отсталости, гуманизма и жестокости. По мере приближения к интересующему нас времени можно говорить о состоявшейся мутации упомянутой традиции в сторону остросатирического, критически-оценочного изображения географического пространства, всё более жёстко размежевавшегося на территории государств-соперников, метрополий и колоний. На фоне общего бурного развития в XIX в. политической сатиры разных жанров²⁰ сатирические карты мира стали наделять уже конкретные государства и народы положительными или отрицательными свойствами, антропоморфными или звериными чертами, демоническими или героическими характеристиками. Этот процесс в целом проходил в русле развития и усиления критического потенциала европейского сатирического рисунка — от Франсиско Гойи до Оноре Домье и Гюстава Доре (искривление форм, драматичность поз, фантастические извращения человеческого облика²¹). На это во многом влияли социальные и культурные кризисы Европы, переживавшей обострение своих внутри- и внешнеполитических противоречий.

Если эпоха Ренессанса и великих географических открытий нерасторжимо связала географическую информацию с европейской державной и торговой политикой, дипломатией и пропагандой²², то с той же закономерностью вступление человечества в XIX столетие — век раздела мира, формирования «больших» идеологий, вражды наций и империй, создания военно-политических блоков — дало старт бурному развитию сатирической картографии, взявшей на себя задачу пропагандистского обслуживания внешнеполитических амбиций. Гротескность способов визуализации и шаржированность образов тех или иных географических пространств отражали политическую заданность карикатурных стратегий в рамках их новой, сатирической семантизации.

На фоне растущего запроса политиков и государственных деятелей²³ сатирические карты зачастую жёстче и наглядней (и уж точно масштабней), чем газетная и журнальная карикатура, демонстрировали картину международных конфликтов и межгосударственных противостояний своего времени. Большую

¹⁹ Нурминен М. Мир на карте... С. 19.

²⁰ Соуре W.A. Observations on a Theory of Political Caricature. P. 89–91.

²¹ Зедльмайр Х. Утрата середины. М., 2008. С. 133–134.

²² Нурминен М. Мир на карте... С. 186.

²³ См.: Streicher L.H. On a Theory of Political Caricature // Comparative Studies in Society and History. 1967. Vol. 9. P. 427–429.

роль в продвижении этих тенденций сыграли и «историчность национальных (этнопсихологических) стереотипов», и «эмоционально-ценностное (чаще — негативное) восприятие “чужого” как основа алгоритма отбора и интерпретации фактов взаимодействия»²⁴. В этом же историко-культурном русле, близком к дискурсу «ориентализма», протекало развитие сатирического картографирования в «восточном», «азиатском» направлении, поскольку «имагинативная география в стиле дихотомии “наша земля — земля варваров” не обязательно предполагает, что варвары тоже признают это различие. Достаточно и того, что эту границу провели в своём сознании “мы”, а “они” становятся “ими”, потому что и их территории, и их ментальность маркируется как отличная от “наших”»²⁵. Панорамная широта, многоадресность критического посыла, совмещение сразу нескольких стратегий изображения и осмеяния противника были пропагандистски выгодными свойствами сатирических карт как специфического визуального источника²⁶.

Обращаясь к теме «европейско-азиатской», «западно-восточной» идентификации России на европейских сатирических картах XIX в., мы, собственно, и сталкиваемся с историко-культурными обстоятельствами предыстории подобного картографирования, поскольку «представление о Европе как едином географическом пространстве возникло намного раньше, чем идея об обще-европейской идентичности, объединяющей всех жителей континента. Исторические карты, открывая окно во времени, позволяют заглянуть в историю формирования европейской идентичности, этот многоэтапный процесс, в котором географические и идеологические границы как в Европе, так и во всём известном мире неоднократно перекраивались»²⁷.

Идейное, эмоциональное, мировоззренческое, ценностное разнообразие визуальной информации, которое предоставляет нам сатирическое картографирование «места» России, предопределялось и политическими условиями, и традициями этой области интеллектуальных занятий²⁸. По мнению М. Нурминен, «мы можем говорить о различных и параллельно существовавших изображениях и интерпретациях, в которых смешивались старые традиции и инновационные решения»²⁹. Не удивительно поэтому, что сатирическим образам российских царей (а также германских канцлеров, австрийских императоров, османских султанов и проч.), «вписанным» в пространственные абрисы их владений в XIX в., предшествовали традиции изображения властителей прежних эпох, подчёркивавшие политический смысл их присутствия в «географическом» измерении³⁰.

²⁴ Подробнее см.: *Репина Л. П.* «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.

²⁵ *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 86.

²⁶ *Опалин П.* Медведь, осьминог и злые мужики... С. 85–86.

²⁷ *Нурминен М.* Мир на карте... С. 11.

²⁸ Примечательные и полезные рассуждения на тему связи пространственных ориентиров и психосоциальных характеристик общественного сознания см.: *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 229; *Замятин Д. Н.* Политико-географические обзоры... С. 39–40.

²⁹ *Нурминен М.* Мир на карте... С. 19.

³⁰ Как отмечает Нурминен, «персонажи, олицетворяющие королей на средневековых картах, наглядно показывали, кому принадлежат власть и право собственности на земли, а следовательно, влияние на политику, пропаганду и дипломатию» (*Нурминен М.* Мир на карте... С. 19).

Образ власти и географический образ как бы совмещались под сатирической «копиркой» художников-картографов. Как заключил Д.Н. Замятин, «пространства России, воспринимаемые прежде всего как мощный образ (мета-образ) пространственного воления или пространственного определения во властных координатах, порождают, в свою очередь, образные поля, в которых те или иные политические, культурные, социальные и экономические интенции могут проявляться как целенаправленные образные системы, имеющие географическое выражение»³¹.

Смутные упоминания ещё в XVI–XVII вв. земель «Скифии», «Сарматии», «Тартарии», где обитают полудикие народы, терзаемые кровожадными грифонами³², со временем как бы «совместились» в «оптике» европейских наблюдателей с территорией России, что привело к визуальной «демонизации» изображения её земель. Тем самым закладывались элементы стигматизации самого пространства и его обитателей через географические характеристики. Пространственно находясь на периферии развитых культурно-географических регионов и мировых цивилизаций прошлых тысячелетий, в условиях жёсткого климата и растущей централизации власти, Россия воспринималась как воплощение «отсталости», «дикости», «агрессивности». Это и содержательно, и символически не могло не сказаться на восприятии культурных смыслов и цивилизационных идентичностей Российской империи как территориального явления глобального масштаба, часто транслируясь через риторику «русской угрозы». Учтём эти обстоятельства, обращаясь к вопросам образной трактовки «азиатско-европейской» дихотомии как стратегии сатирического картографирования России европейскими художниками-карикатуристами XIX в.³³

Россия: «западно-восточные» идентичности в сатирическом «измерении». Британская карта эпохи наполеоновских войн даёт нам образ Европы, слабо «населённой» изображениями представителей разных государств. И это притом, что в журнальной карикатуре, пропагандистских листках и лубке образы монархов как неперемненных участников европейских коллизий прочно заняли своё место ещё в XVIII в.³⁴

Территория России выглядит как огромное пространство, где по пустующим землям полудикий охотник гоняется за диким зверем. Сложность, неоднозначность русско-английских отношений той поры отразилась, как представляется, в преуменьшении роли Российской империи. «Причудливый эскиз Европы» по уровню сатирической критики и фобийности пока явно отстаёт от журнальной, плакатной и лубочной карикатуры, которая полным ходом развивалась в Европе и России в первом десятилетии XIX в., следуя перипетиям

³¹ Замятин Д.Н. Политико-географические образы... С. 40.

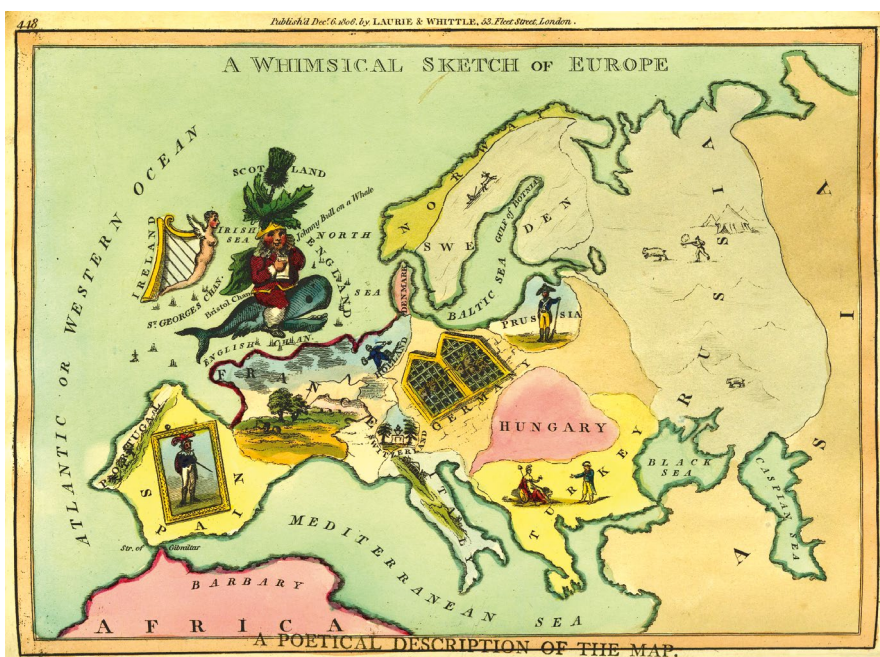
³² Нурминен М. Мир на карте... С. 55.

³³ Европейским сатирикам-картографам был свойственен приём, отличавший труды их далёких предшественников, повторявших и тиражировавших с некоторыми изменениями те или иные удачные визуальные образы и смыслы. Это позволяет нам выбрать для анализа из всего многообразия существующих сатирических карт эпохи лишь наиболее характерные и популярные у современников образцы, вдохновившие художников-карикатуристов разных стран как на прямое подражание, так и на их сюжетное и образное развитие.

³⁴ См., к примеру: Успенский В., Россомехин А., Хрусталёв Д. Имперский шаг Екатерины: Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб., 2016; Кустова А.Е. «Бродячие» сюжеты в русской и западноевропейской карикатуре эпохи Наполеоновских войн из собрания Государственного литературного музея // Обсерватория культуры. 2016. № 4. С. 442–450.

наполеоновских войн и давая исследователю основание назвать это явление «военно-стратегической карикатурой»³⁵.

Примечательно, что Российская империя — вопреки своему физическому размеру и геополитическому «весу» — поначалу изображалась европейскими карикатуристами на «задворках» цивилизованного мира, в правом верхнем углу сатирической карты и «нависала» над Европой. Инерционная мощь подобного визуального «давления» зачастую воспринималась в западном мире как неизменная угроза «соседям». Пример тому — цивилизационно-географическая трактовка частью европейских наблюдателей смысла Восточного вопроса как одного из самых конфликтогенных факторов XIX столетия. Так, французский политик О. Барро заявлял, что восточный кризис середины века означает не конфликт между западной и восточной цивилизациями, но конфликт между «цивилизацией западной и цивилизацией русской». «Именно для того, чтобы последняя не проглотила первую, — уверял он, — мы должны любой ценой не допустить поглощения Россией Османской империи и оккупации ею Константинополя»³⁶.

«Причудливый эскиз Европы». 1806 г. Англия³⁷

Впрочем, импульсы традиционного российского продвижения на Восток также имели устойчивые «внутренние» стереотипы идейно-политической се-

³⁵ Ченуров И. В. Изобразительные средства отечественной карикатуры XVII–XX вв. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5(166). С. 143–144.

³⁶ Цит. по: Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018. С. 141.

³⁷ A Whimsical Sketch of Europe. L., 1806 (URL: <https://www.britishmuseum.org/collection> (дата обращения: 21.07.2024)).

мантизации пространства. «Грёза об Индии», «мечта о Царьграде», «крест на Святую Софию», освоение Манчжурии под рукой «Белого царя» — эти и другие идеологемы, изъятые из философско-культурного контекста и переведённые западными наблюдателями в пугающую область геостратегий, создавали лишние поводы для отнесения России к условной «Азии». Постепенное продвижение России на Восток в этой логике побуждало сатириков придавать самой России черты «азиатскости» как синонима агрессивности устремлений. Не удивительно, что актуализация образа России на сатирических картах следовала, как правило, ритму обострений Восточного вопроса.

Из того же источника, как представляется, брались атрибуты «азиатскости» в создании визуальных образов России (бородатые мужики, дикие казаки и калмыки, свирепые медведи с нагайками, европейский «фасад» власти и «азиатчина» масс). Анахроничные в реальности, эти атрибуты давали эффектный образный ряд для шаржирования этнокультурной специфики России в духе дискурса ориентализма. Подобные образные инвективы обретали статус «реальности» на фоне того, как в цивилизационном пространстве Балкан, Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока всё крепче затягивался роковой узел противоречий между европейскими и евроазиатскими державами. В победном 1812 г. Россия, по словам британского философа-слависта, «в одно прекрасное утро проснулась первым лицом на европейской сцене, сознавая своё грозное, подавлявшее всех вокруг могущество и — не без ужаса и отвращения — воспринимаясь европейцами как величина не просто равная, но явно превосходящая их своей не знающей снисхождения силой»³⁸. Победа над Наполеоном, вступление в Париж, укрепление позиций в Азии и на Балканах, роль в европейских революциях 1848 г., наступательная позиция Петербурга в Восточном вопросе и его поражение в Крымской войне ужесточили европейские риторики вражды в адрес России.

«“Медвежья” ипостась России и русских, заложенная травелогам и хорографиями европейских путешественников и компиляторов XVI–XVII веков», стала особенно популярной в европейском сатирическом рисунке в XIX в.³⁹ Повторявшийся во множестве журнальных и газетных карикатур образ России как «медведя-хищника»⁴⁰, опасно надвигающегося на европейские страны из своих диких азиатских просторов, особенно наглядно заработал именно на сатирических картах.

На немецкой «Шуточной карте театра военных действий» 1854 г. контекст событий Крымской войны ужесточил «медвежьи» риторики критики России. «Зверь» энергично «топчет» территорию Крыма, а в лапах «медведя» в царской короне, самого выразительного персонажа на карте, — не боевое оружие, а инструмент истязания — плеть-«кошка» с вплетёнными в неё черепами. Примечательно, что ею «медведь» грозит не столько Турции, сколько странам Европы. По мнению европейских сатириков, подобная отсылка к теме «восточных жес-

³⁸ Берлин И. Рождение русской интеллигенции // Вопросы литературы. 1993. Вып. 6. С. 188–213.

³⁹ Россомехин А.А. Россия в английской карикатуре // Анатомия смеха. Английская карикатура XVIII — первой трети XIX века. М., 2016. С. 280.

⁴⁰ Данный символ не раз становился объектом историко-культурного анализа исследователей. См., к примеру: «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012; Успенский В.М., Россомехин А.А., Хрусталёв Д.Г. Медведи, казаки и русский мороз. Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб., 2016; Опалин П. Медведь, осьминог и злые мужики... С. 85–86.

токостей»⁴¹ роднила империю Романовых с Османской державой. «Медвежья» метафора и изображение кнута призваны были подчеркнуть репрессивный характер внешней и внутренней политики николаевской России.

«Шуточная карта театра военных действий (с высоты птичьего полёта). 1854 г. Гамбург»⁴²

Отмечу, что значительная часть европейских пропагандистов эпохи Крымской войны вообще отказывала России в принадлежности к христианским странам⁴³. Впрочем, и позднее художники-сатирики — вполне в духе «ориенталистских» трактовок — объясняли авторитарные, экспансионистские свойства политической культуры России её «азиатской» наследственностью⁴⁴. Создаётся ощущение, что европейские карикатуристы задействовали позаимствованные из глубин истории страхи средневековых картографов по поводу «Скифии» и «Тартарии», опасно приблизившихся к Европе из своей полумифической периферии. Интересно отметить, что изображения на сатирической карте Малой Азии, Кавказа, Персии, Центральной Азии и Сибири даются «обезличенно», как азиатские пространства «медвежьего» доминирования. Исключение составляет лишь Турция, имеющая устойчивый визуальный образ, порождён-

⁴¹ Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012. С. 296–311.

⁴² «Komische Karte des Kriegsschauplatzes». 1854. Hamburg. University of Amsterdam, The Allard Pierson's image bank (URL: <https://uvaerfgoed.nl/beeldbank/xview?identifier=hdl:11245/3.1064> (дата обращения: 21.07.2024)).

⁴³ Мироненко-Маренкова И.К. Царь-тиран и его дикие рабы: образ России во французской пропаганде времён Крымской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 7. М., 2016. С. 252.

⁴⁴ Кочукова О.В., Кочуков С.А. Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг.: сатирическая графика в «журнальных войнах». Саратов, 2001. С. 187–248.

ный «индюшачьим» каламбуром⁴⁵. Её «европейско-азиатское» расположение на карте и размеры территорий явно не устраивают «медведя», вынужденного временно отступить, но готового к новым боям.

На карте заметна и любопытная переключка с образом белого медведя как «предка русских», появившегося в «Истории Святой Руси» — сатирической истории России, созданной Г. Доре по горячим следам событий Восточной войны⁴⁶. Язвительная «хроника» в картинках — от дикого «медведя», прародителя и эмблемы России, до «диких», но побеждённых русских воинов и их «невменяемого» царя Николая I — вся проникнута настроениями реванша за унижительный для французов 1812 год⁴⁷. Ставшая на краткое время бестселлером, книга французского автора вскоре была изъята из магазинов.

Политические актуальности менялись, но «медвежий» образ, обыгранный Доре, лишь укрепил стратегии осмеяния России в разных жанрах европейской карикатуры. Так, бельгийская «Карта разобщённой Европы» 1864 г. развивает тему, показывая последствия Крымской войны для России и её соседей.

Как представляется, именно азиатско-европейская дихотомия культурной и цивилизационной идентичности России наводит художника-сатирика на любопытную мысль о раздвоении образа лесного зверя. «Европейский» «белый медведь» всё ещё травмирован итогами Восточной войны и истекает кровью на Крымский полуостров, не без опаски, но со злобой поглядывая в сторону европейских стран. «Белый» мишка был вынужден вернуть Турции Карс, отдать Молдавии кусок Бессарабии, получить временный запрет иметь военный флот на Чёрном море, но на шкуре его по-прежнему читаются надписи «агрессия», «тирания», «дикость», «жестокость», а на царской короне изображены черепа. Более уверенный в себе «азиатский» «бурый мишка» основательно расположился в восточных («варварских», как отмечено на карте) владениях России, бдительно наблюдая за соседями по Азии. Турецкая же «индюшка» на Балканах, слегка «съёжившаяся» под давлением Австрии и Пруссии, по-прежнему находится в поле зрения «европейского медведя», лишь до поры вынужденного отступить от объекта своих притязаний.

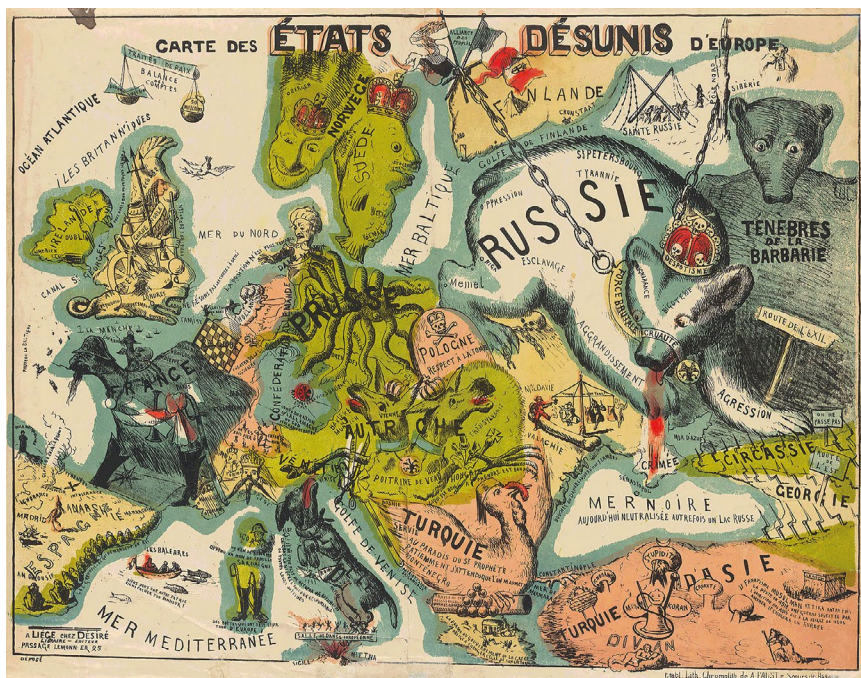
Карта «Комическая Европа. Развлечение для молодёжи» известного французского художника-карикатуриста Андре Белложа (1867) существенно отличается своим настроением и от предшествовавших, и от последующих сатирических карт эпохи. Россия представлена на ней мужчиной с подчёркнуто европейскими внешними атрибутами — модная шляпа-котелок (появилась в 1850 г. в Англии, стремительно заменяя устаревшие шляпы-цилиндры), аристократический монокль, изящный шейный платок, гротескные, вполне «западные», хотя и шаржированные, черты лица, с улыбкой обращённого в сторону Европы.

Азиатские территории России населяют не вполне понятные создания, а Османская империя по обе стороны Проливов представлена звероподобными, хищными существами с жадно открытыми пастьми и клювами, нацеленными на Россию, Грецию и балканские страны. Как тут не вспомнить средневековые «вселенские карты», на которых грифоны и прочие чудовища, населяющие «Азию», терзают несчастных обитателей полулегендарных «Сарматии», «Скифии», «Тартарии».

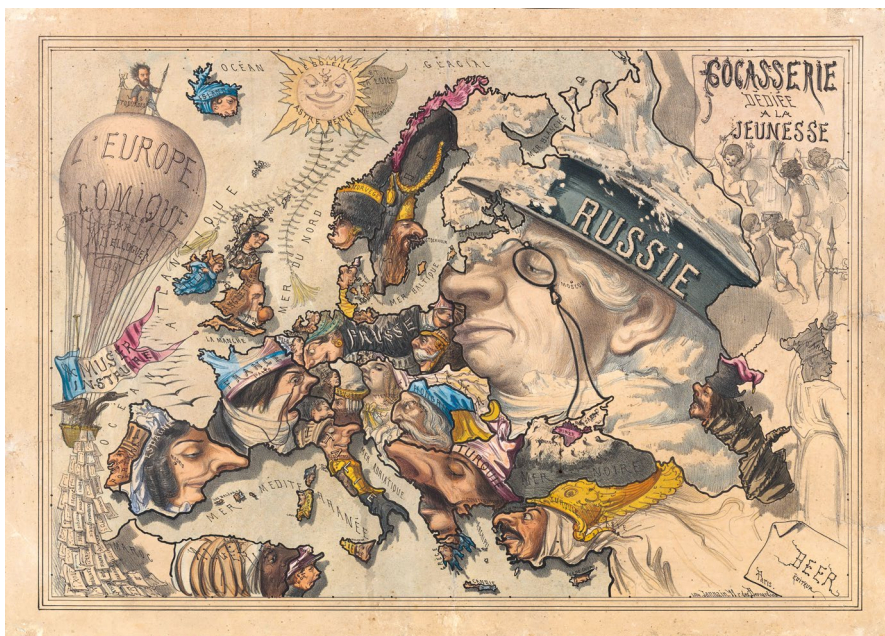
⁴⁵ Turkey — Турция; turkey — индюшка (англ.).

⁴⁶ Доре Г. История Святой Руси. М., 2012. С. 7.

⁴⁷ Там же. С. 163–172.

«Карта разобщённой Европы». 1864 г. Бельгия⁴⁸

«Комическая Европа. Развлечение для молодёжи». 1867 г. А. Беллож. Франция⁴⁹

⁴⁸ «Carte des états désunis D'Europe». 1864. National Library of Sweden (URL: <https://data.kb.se/dark-17661548> (дата обращения: 21.07.2024)).

⁴⁹ «Europe Comique. Cocacasserie dédiée à la jeunesse». 1867. Париж. Yale University Library (URL: <https://collections.library.yale.edu/catalog/15258885> (дата обращения: 21.07.2024)).

В данном случае антропоморфность европейских обитателей карты должна была подчеркнуть «зооморфность» «коллективного Востока» как метафору отсталости и «звериной» агрессии. Необычный, европеизированный образ России, возможно, отражает позитивное восприятие частью западного общества процессов, стартовавших в России в связи с эпохой Великих реформ и деятельностью Александра II, «приблизившего» империю Романовых к Европе. Во всяком случае, растущее влияние русской культуры, искусства, литературы в 1860-х гг. говорит в пользу такой трактовки. Впрочем, вероятно и то, что необычная карта, самим автором обозначенная как «развлечение для юношества», была не более чем шуткой.

Особняком в числе сатирических карт стоит серия ярких карикатурных изображений стран Европы, выполненных шотландским гравёром Уильямом Харви (псевдоним Алеф) и изданных в виде книги в Лондоне в 1869 г. Художник точно и остроумно вписал силуэты европейских стран в их государственные границы. Карикатурные изображения оригинальны по идейному замыслу и мастерски исполнены. Создаётся ощущение, что автора интересует не столько политическая актуальность образов, сколько культурные представления, исторические стереотипы и национальные предрассудки. Собственно, тем и интересна эта серия, вольно или невольно продолжающая многовековую европейскую традицию образной, подчас неожиданной трактовки географических пространств.

Россию в этой серии мы видим в гротескном, многозначительном «симбиозе» медведя, сросшегося спиной... с кем? Разные описания рисунка дают разные версии — «поп», «царь», некий обобщённый «русский» в экзотическом костюме. Впрочем, автор предлагает зрителю подсказки. В верхней части изображения реют имперские орлы на флаге и гербе, подчёркивая «государственную» метафору созданного образа. То, что *alter ego* «русского медведя» является не кто-нибудь, а император всероссийский — в стилизованном одеянии, — вполне прозрачно, на мой взгляд, подчёркивают и стихи на маргиналиях карты (они сопровождают образ каждой страны в этой карикатурной галерее): «Пётр и Екатерина, и Александр, / и безумный Павел, и Николай, их несчастные тени / бродят по холодным пространствам, а император А[лександр] Второй / считается повелителем Орлов, Священников и Медведей»⁵⁰.

В этом симбиозе дикого лесного зверя и либерального царя-освободителя обнаруживается ряд многозначительных смыслов и намёков, возможно, отражающих уточнённое представление о роли России как государства на геополитическом пространстве Евразии. Общий силуэт этого странного «дуэта» точно соответствует границам европейских владений Российской империи. При этом своей «звериной» ипостасью с недвусмысленно оскаленной пастью он обращён к Европе, а спокойным, человеческим лицом — к Азии, «своей» и «зарубежной». Возможно, за этим стояло желание подчеркнуть двойственность «западно-восточных» векторов политики России, а также факт её просвещённого («человеческого») доминирования на «диких», необъятных пространствах Азии, осваиваемых «под рукою Белого царя».

⁵⁰ Английский оригинал: «Peter, and Catherine, and Alexander / Mad Paule, and Nicholas, poor shadows wander / Out in the cold; while Emperor A. the Second / In Eagles, Priests, and Bears Supreme is reckoned» (URL: <https://pixels.com/featured/lilian-lancaster-russia-1868-vintage-map.html> (дата обращения: 21.07.2024)).

«Сатирическая карта новой Европы 1870 года». П. Гадоль. Франция⁵²

Но более всего от художника досталось Российской империи. Свирепо оскаленный, огромный «мужик» с мешком «наворованного» за спиной, предстаёт фигурой равно опасной для всех — и своими размерами, и явным напористым порывом на запад. Его чудовищная фигура повторяет своим силуэтом абрисы российской границы, за которые стремится вырваться. Голова этого жутковатого «грабителя» помещена между Белым и Балтийским морями, а полы одежды стелются на побережье Чёрного моря, за которым — «дремлющая» в своей восточной неге и оттого беспомощная «Турция-одалиска». Очевидно, замысел художника-сатирика питался свежей обидой на нейтралитет, который Александр II объявил в самом начале франко-прусской войны. Традиция русско-французской культурной приязни в этой ситуации явно отходила на дальний план, уступая место разочарованию и досаде. Как сердито пояснил Гадоль в подписи к карте, «Россия похожа на пугало, которое хочет набить свою котомку»⁵³.

Очередной виток обострения на Балканах в середине 1870-х гг. лишь поначалу концентрирует направленность европейской критики в адрес Османской империи и её репрессивной политики в отношении христианских народов региона⁵⁴. События русско-турецкой войны 1877–1878 гг., успехи русского оружия и дипломатии, подъём настроений «славянской взаимности» в российском обществе явно настораживают европейских наблюдателей, особенно в Англии,

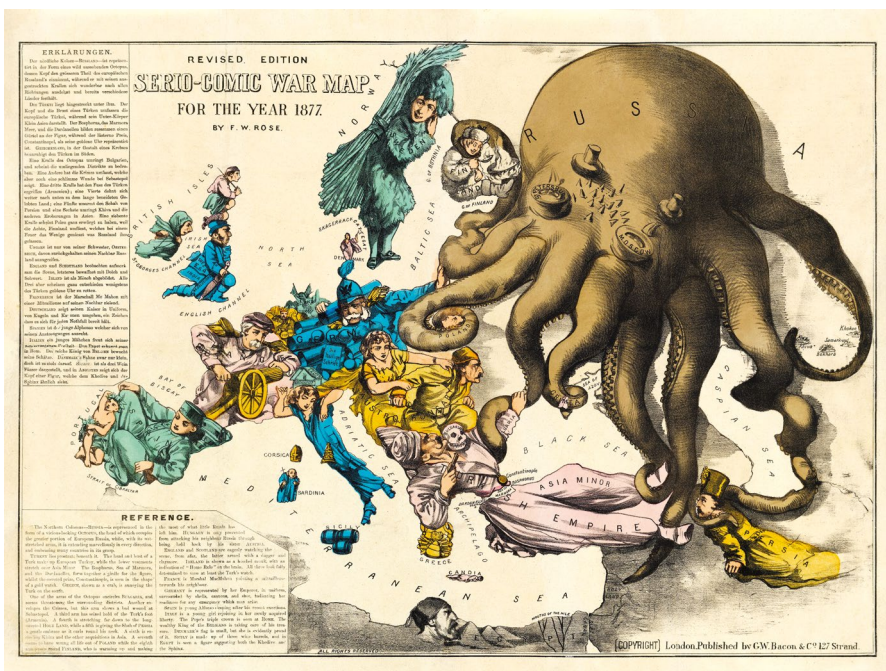
⁵² «Nouvelle Carte D'Europe Dressée Pour 1870». Yale University Library (URL: <https://collections.library.yale.edu/catalog/15258886> (дата обращения: 21.07.2024)).

⁵³ Подробнее см.: Опалин П. Медведь, осьминог и злые мужики... С. 80.

⁵⁴ См.: Кочукова О.В., Кочуков С.А. Смех как оружие. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в российской и европейской сатирической печати. М., 2022. С. 151–155.

традиционной сопернице России в Восточном вопросе. Антироссийская пропаганда того времени приобрела особые масштабы, остроту и энергию, используя новые формы и возможности информационного противостояния. «Журнальные войны», бесспорно, лидировали в пропагандистских баталиях соперничавших на Балканах держав⁵⁵. Постепенно сатирические карты также вышли на новый уровень популярности в своей критике противника и «возгонке» риторик вражды.

Британские художники и графики, носители наиболее зрелой в Европе традиции политической карикатуры⁵⁶, в ту пору особо отличались в изображении образов России как противника на сатирических картах мира. Это и не удивительно: по мнению исследователей, «вся европейская карикатура периода Балканского кризиса выделяла аспект соперничества России и Великобритании в качестве основного определяющего фактора международных отношений»⁵⁷. Так, под влиянием настроений в британском обществе и антироссийского внешнеполитического курса официального Лондона известный британский художник Фредерик У. Роуз создал выразительную «Полушутливую военную карту на 1877 год».

«Полушутливая военная карта на 1877 год». Ф. Роуз. Англия⁵⁸

⁵⁵ См. подробнее: Там же. С. 6–8, 213–217.

⁵⁶ «Английская картина мира состояла из стереотипов, многие из которых дожили до наших дней — не в последнюю очередь благодаря яркому и эффектному изображению в карикатуре» (Успенский В. М. Джон Булл и другие // Анатомия смеха... С. 147).

⁵⁷ Кочукова О. В., Кочуков С. А. Смех как оружие... С. 218.

⁵⁸ Serio-Comic War Map For The Year 1877. Revised Edition. Frederic Rose. Cornell University Digital Library (URL: <https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:19343682>).

Карта «шутлива» действительно лишь наполовину, её выразительные и остросатирические приёмы охотно тиражировались картографами-карикатуристами других европейских стран. Автор отошёл от привычной «медвежьей» метафоры в изображении России. На карте она приняла устрашающий вид гигантского осьминога, из мрачных и неведомых восточных глубин наплывающего на пространство Европы, «прихватив» уже кое-что в Азии. Укрепление позиций России на Балканах и на Кавказе, а также продвижение в Средней Азии — все эти внешнеполитические обстоятельства, вызывавшие тревогу на Западе, сконцентрировались в изображении морского чудовища. Османскую империю в образе янычара осьминог разрывает щупальцами надвое — в критически важной для «концерта» европейских держав зоне Проливов. Персию, маленького, беспомощного человечка, он крепко обхватывает за шею, лишая возможности не только сопротивляться, но даже вздохнуть. Кавказские территории подмяты грузным телом чудовища, а закаспийские и среднеазиатские земли обвиты, как лассо, ещё одним щупальцем «алчного осьминога». Польша и Финляндия уже им крепко схвачены, Германия пытается его оттолкнуть, но больше занята своими проблемными отношениями с Францией, продолжая вооружаться «до зубов». Англия же нарочито сдержанно наблюдает за происходящим со своего далёкого острова (что ни в коей мере не отражало реальную вовлечённость Лондона в перипетии Восточного вопроса).

Заметим: главный референтный персонаж в соотнесении с образом России здесь Турция. На этот раз её образ «свиного янычара» теряет у британского автора свою привычную критическую остроту. Да, художник изображает на плече «турка» череп, что наглядно символизирует Болгарию как жертву и жестокую расправу над участниками Апрельского восстания 1876 г. Вызвав осуждение во всём мире (в том числе и в части английской печати), турецкие репрессии во многом спровоцировали переход Балканского кризиса в горячую фазу. И всё же именно Российская империя в представлении британского художника видится худшим злом: в её освободительную миссию на Балканах британский художник не верит, тогда как в её масштабных агрессивных целях — убеждён.

Во многом копирует работу британского автора голландская «Юмористическая карта военных действий» того же года с «осьминожьей» метафорой, что подчёркивает популярность этого образа и формирующуюся общность европейских трактовок роли Российской империи на международной арене. Эта карта несколько контрастировала подчёркнуто дружественному характеру тогдашних отношений Нидерландов и России. «Заразительность» политической фобии под названием «русская угроза» в ряде случаев — судя по сатирическим картам эпохи — легко преодолевала географические границы, культурные традиции и даже экономические интересы европейских держав.

В конце XIX в. происходил постепенный отход внешнеполитических ориентиров великих держав от традиционного династического курса к более прагматической мотивации⁵⁹ (финансово-экономические и геостратегические задачи, колониальная экспансия и проч.). Усиливался идеологический фактор в международной политике, возрастала роль и возможности прессы. Все эти процессы не могли не обострить критические риторики чутких к переменам создателей сатирических карт.

⁵⁹ Тарановски Т. «Европейцы» и «восточники». Между Европой и Азией: небесспорная симметрия // Родина. 1995. № 8. С. 58.

«Юмористическая карта военных действий». 1877 г. Нидерланды⁶⁰

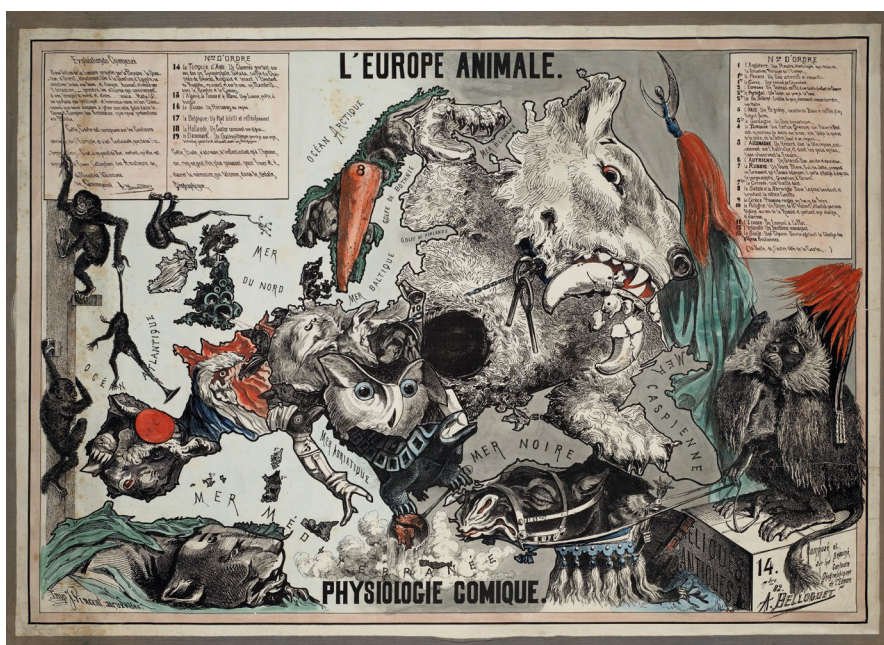
В 1882 г. уже упомянутый французский художник Беллож на этот раз предложил современникам, пожалуй, самую экспрессивную карту эпохи противостояния на континенте под говорящим названием «Европейский зверинец». Буйное воображение сатирика населило пространство Европы и частично Азии массой животных разной степени агрессивности. Анализ каждого из этих образов требует отдельного историко-культурологического исследования. Отмечу лишь, что работа сатирика наглядно отразила международный контекст того времени.

Карта была создана на фоне гибели либерального монарха Александра II и перехода Александра III к более консервативному и наступательному политическому курсу. Одновременно обострялась борьба европейских держав за раздел и передел мира: очередной виток «Большой игры»⁶¹ между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии; британская оккупация Египта при формальном сохранении прав Турции на эту территорию; создание Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией. Впрочем, для того времени жёсткая сатира французского художника в отношении императорской России, с которой через семь лет республиканская Франция заключила эпохальный военно-политический союз, смотрелась несколько неожиданно. Ведь, казалось бы, «жившая воспоминаниями о разгроме её нем-

⁶⁰ «Humoristische Oorlogsk kaart». 1877. J.J. van Brederode. Haarlem, Netherlands. University of Amsterdam. The Allard Pierson's image bank (URL: <https://hdl.handle.net/11245/3.1220> (дата обращения: 21.07.2024)).

⁶¹ Примечательно, что сам термин «Большая игра» имеет в том числе и карикатурный исток, наполняясь на протяжении столетия растущей энергией противостояния Великобритании и России в Центральной Азии (Анатомия смеха... С. 301).

цами в 1870 году, Франция 80-х годов видела в России свою спасительницу»⁶². Очевидно, что автором двигало привычное отношение к Российской империи как к агрессору. Все «звери» на карте Европы выглядят нелепо или неприглядно, но довольно статично. Чего только стоит полусонная, дряхлая «мартышка» на верблюде — Турция, не замечающая того, как исламский полумесяц, словно круассан, легко крошится в пасти грандиозного русского «медведя». Напротив, образ России полон агрессивной динамики, он откровенно довлеет над общей панорамой европейских коллизий и однозначно трактуется сатирической пропагандой как негативный.

«Европейский зверинец». 1882 г. А. Беллож. Франция⁶³

С конца 1870-х гг., по мере ухудшения отношений Германии и России, ужесточался и язык немецких сатириков. Секретный договор 1879 г. как первый откровенно антирусский договор Берлина и Вены, «Тройственный союз» 1882 г., политика взаимных экономических санкций, вступление на болгарский престол ставленника Германии принца Фердинанда Кобургского⁶⁴, рост неприязни между монархами двух империй — всё это не могло не проявиться в новых «образах вражды» в политической карикатуре.

Так, на «Шуточной карте Европы» 1888 г. большинство стран континента изображены в человеческом облике. Респектабельней всех ожидаемо предстаёт Германия, чинно расположившаяся за накрытым столом.

⁶² Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 390.

⁶³ L'Europe animale — physiologie comique, 1882. André Belloguet. National Palace Museum / Taipei, Taiwan (URL: <https://theme.npm.edu.tw/exh108/Animal/common/images/selection/2-0/img4.jpg> (дата обращения: 21.07.2024)).

⁶⁴ Рыбачёнок И.С. Восточный вопрос в политической карикатуре // Россия и мир глазами друг друга... Вып. 7. С. 108.

«Россия-медведь» ужасает и размерами, и поведением. В пасти «зверя» — маленькие человеческие фигурки, жертвы его непомерного аппетита. «Медведь» отвернулся от других «обитателей» Европы, равно как и они от зверя-каннибала. В годы Первой мировой войны германская сатирическая картография дала образцы пламенеющей ненависти к России как к врагу. Но истоки этого нового витка фобийности были заложены уже в конце XIX в., в ходе процесса оформления военно-политических блоков.

«Шуточная карта Европы». 1888 г. Германия⁶⁵

В последние два года уходящего века британский художник Ф. Роуз создал две сатирические карты, которые, как представляется, подводят содержательный итог карикатурному картографированию европейской политики за сто лет. Свойственные автору изобретательность в создании образов вражды и масштаб рефлексии на политические темы для современникам-карикатуристам впечатляющий образец для подражания, а историкам и культурологам — яркий пример зрелого мифодизайна европейских фобий, в том числе и в отношении Российской империи.

Сатирическая карта Роуза «Рыбалка в беспокойных водах» 1899 г. требует тщательного визуального анализа — до такой степени плотно она «населена» государствами-персонажами. Карта действительно касается не только европейских, но и мировых проблем, отражая глобализацию европейской кон-

⁶⁵ «Komische Karte von Europa». 1888. Германия (URL: <https://opensea.io/assets/matic/0x2953399124f0cbb46d2cbacd8a89cf0599974963/72063385139056973156829662164170174963861778505654734286721682459438318878819> (дата обращения: 21.07.2024)).

фликтности с перенесением её перипетий на другие регионы мира⁶⁶. Только на первый взгляд кажется, что на карте царит неразбериха. На самом же деле каждое государство до предела сосредоточено и занято вмешательством в дела соседей по континенту и заморских территорий. Именно такова авторская метафора коллективной «рыбалки».

«Рыбалка в мутной воде». Серио-комическая карта Европы. 1899 г. Ф. Роуз. Англия⁶⁷

Рыбаки ждут «клёва». Так, Франция пытается удержать на крючке африканскую Фашоду, а Турция закинула удочку к Криту⁶⁸. Но главный персонаж «рыбалки» — бесспорно, Россия, точнее, российский император. Цветом, размером и значимостью его фигура на карте доминирует. Изображён он не без элементов сходства с Николаем II. Впрочем, это касается лишь лица монарха, грандиозная фигура которого на карте не без иронии контрастировала с его небольшим ростом в реальности — времена были далеки от политкорректности. Русский царь пляшет вприсядку, топча сапогами земли Европы и Азии, а его удочка заброшена через весь материк, в сторону Японии, которая лишь символически угадывается маленьким дракончиком на периферии азиатских просторов. Фигура русского царя на этот раз изоморфна уже значительной части

⁶⁶ Характерная для конца XIX в. проблема гонки вооружений и соперничества на морях проявилась в «маринизме», ставшем неотъемлемой составляющей политики всех великих держав и дежурной темой политической карикатуры. Подробнее см.: Голиков А. Стандарт двойной силы. Маринизм в политической карикатуре на рубеже XIX–XX веков // Родина. 2015. № 2. С. 149–150.

⁶⁷ «Angling in Troubled Waters». A Serio-comic map of Europe. 1899. Fred. W. Rose. England. National Library of Sweden (URL: <https://data.kb.se/dark-17661577> (дата обращения: 21.07.2024)).

⁶⁸ В ходе Ближневосточного кризиса 1894–1898 гг. встал вопрос об отделении острова от владений Османов. Англия в образе традиционного Дж. Буля пытается удержать на крючке крокодила — символ Египта, который в конце XIX в. она взяла под свой контроль.

азиатской территории страны, изображение которой сжато, чтобы уместиться на рисунке, но вполне узнаваемо.

За соперничеством европейских «рыбаков» угадываются и гонка морских вооружений, и торговая конкуренция, и борьба за колонии. В этом контексте увлечение царя продвижением его империи «навстречу восходящему солнцу» вызывало растущие опасения в Европе, и прежде всего в Англии, имевшей свои интересы в регионе. Любопытная деталь: британский сатирик изобразил в руке российского императора оливковую ветвь мира и интерпретировал этот жест как знак лицемерия. Тот факт, что в 1899 г. Николай II выступил с инициативой созыва первой международной мирной конференции в Гааге, несколько не убедил художника в миролюбии российского монарха.

В 1900 г. появилась ещё одна сатирическая карта Роуза «Джон Булл и его друзья», где повторяется «осьминожий» образ России. Карикатурист стремился подчеркнуть рост экспансионистских устремлений Российской империи в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

«Джон Булл и его друзья». Серио-комическая карта Европы.
1900 г. Ф. Роуз. Англия⁶⁹

Так, европейские страны, отвернувшись от опасного «осьминога», устремились (с надеждой?) взгляды в сторону бравого английского вояки. Он во всеоружии и по-прежнему бдительно наблюдает со своих островов за происходящим на континенте. «Осьминог» же зримо демонстрирует британские страхи по поводу нового витка эскалации Восточного вопроса: он крепко обхватил Турцию с Персией и протянул другие щупальца в направлении Афганистана и Китая. Более того, голова «китайца» уже плотно схвачена осьминожьим щупальцем.

⁶⁹ «John Bull and his friends». A Serio-comic map of Europe. 1900. Fred. W. Rose. England. National Library of Sweden (URL: <https://data.kb.se/dark-17661577> (дата обращения: 21.07.2024)).

Несмотря на то что в 1899—1901 гг., во время Ихэтуаньского восстания в Китае, Англия и Россия воевали на одной стороне, автор явно не воспринимал Россию как союзника. В текстовом пояснении к карте не без сарказма подчёркивается, что империя Романовых, «несмотря на благородные старания царя произвести впечатление своим мирным обликом, по-прежнему остаётся осьминогом».

Метафорическая трактовка России как объекта политических инвектив. На протяжении XIX столетия сатирические карты с «европейско-азиатским» образным акцентированием места России в мире стали неперенным атрибутом информационно-пропагандистского пространства Запада. Разные по уровню смысловой трактовки, по художественному исполнению и качеству рисунка, они демонстрировали как оригинальные, так и повторяющиеся приёмы и сюжеты, отражая ритм военных столкновений и международных кризисов, охлаждений и сближений между различными государствами и военно-политическими блоками. И если на пространстве европейских средневековых *mappe mundi* неразделимо сосуществовали история, география и богословие, то в сатирических работах художников-картографов XIX в. столь же «плотно» присутствовали в своём прагматическом единстве политика, идеология и экономический интерес.

Очевидно, что сатирические карты являют собой не только пропагандистский феномен идейно-политических коллизий, но и плод глубоко укоренённых в культурной памяти человечества интеллектуальных занятий и — что ещё примечательней — управленческих стратегий власти. Как следствие, видение и воспроизведение мира в культурно-географической символике часто находятся вне сферы рационального познания и не напрямую зависят от степени информированности и компетентности автора, поскольку изначально осуществляются с разной степенью предвзятости и с заранее заданными целями. Даже в эпоху торжества идей рационализма, имперской прагматики и *realpolitik* за критической риторикой и карикатурным гротеском сатириков-картографов угадываются подсознательно-иррациональные страхи, надежды, упования и неприязни, всплывающие из глубин мифологизированной интерпретации универсума. Неудивительно поэтому, что образная картография в её сатирическом варианте несёт в себе груз психоистории фобий, фаний, маний, религиозного мифотворчества и моральной стигматизации «другого», «иноного», «врага».

Впрочем, это не мешало вполне прагматическому использованию работ карикатуристов-картографов. Сатирические карты мира, сформировав на протяжении XIX столетия особый жанр карикатуры, стали эффективным оружием в идеологических и политических коллизиях эпохи. «Европа», «Запад» играли в этом визуальном источнике центрирующую роль, тогда как «Азия», «Восток» продолжали оставаться «периферийными» пространствами, объектом, а не субъектом мировой политики. За критическим шаржированием «действующих лиц» в этой пространственной дихотомии угадывались как веками укоренившиеся богословские представления о силах Добра и Зла (вариант для XIX в. — Прогресса и Отсталости), так и более приземлённые идеологемы «своих» и «чужих», союзников и противников, «цивилизованности» и «дикости».

Invectiva, как известно, изначально являла собой одну из форм памфлета (в расширительной, современной трактовке — оскорбительная речь, брань, выпад), осмеивающего или обличающего реальное лицо, группу, сообщество,

политический курс, поведенческие особенности, инокультурные проявления и т.п. На протяжении XIX в. сатирические карты выступали своего рода визуально-пространственными инвективами. В горизонте противопоставления Европы и Азии они содержали набор обвинений в адрес соседа, внешнего противника, геополитического соперника, носителя иных политических, идейных, культурных ориентиров и ценностей, попросту *другого*. На этих картах, за редким исключением, нет друзей, редки союзники, не часты проявления культурной приязни (что, впрочем, естественно следует из целей и методов сатиры). При этом присутствует калейдоскоп меняющихся и множащихся объектов вражды, настроений тревожности и угрозы, моральных осуждений и политических фобий в их «географическом» измерении. Образ России — огромного, малоизвестного, а потому опасно нависающего над Европой с северо-востока пространства «Зла» — в большинстве случаев работал в формате политических инвектив и нравственной стигматизации, интерпретируя «архаику» её государственного устройства как источник внутривнутриполитической репрессивности и внешней агрессии.

Семантизация европейскими художниками-сатириками географического изображения России как «пространства угрозы» не просто фиксировала политические реалии конкретного момента, но и работала на воспроизведение соответствующих фобий. «Инерционность рецепции России как огромного и “неповоротливого” государства с неизведанными и неосвоенными до сих пор пространствами»⁷⁰ вполне уживалась в западном восприятии с представлением о динамично нарастающей агрессивности империи Романовых. Европейские наблюдатели опасались, что усиление России за счёт Азии приведёт к разрастанию пространства архаической, агрессивной в своих «ордынских» традициях цивилизации.

Характерно, что Россия предстаёт не меньшим «азиатом» и большим злом, чем «дряхлые» османы. Создатели сатирических карт здесь шли в общем русле традиций европейской сатиры. Принадлежность России к «цивилизованным» государствам и общность её духовных и культурных основ с европейским миром подвергались сомнению в большинстве западных карикатур именно в эпохи балканских кризисов и обострений Восточного вопроса⁷¹.

Для европейской сатиры было свойственно изображать русских, да и славян в целом, в виде персонажей подчёркнуто «неевропейских», «восточных», а российскую власть — худшим воплощением репрессивной политики. Примечательно, что визуальный образ России на протяжении века у сатириков зримо продвигался на Восток, как бы расширяя «фигуру» страны или её правителей в «азиатском направлении». Сама же Азия «постепенно перестаёт быть близким “диким” пространством», попадая в абрисы российской государственности и её символов. Подобная демонстрация «западно-восточной» дихотомии России служила «отчуждению» её пространства от «цивилизованного мира».

По мысли Д.Н. Замятина «российское пространство — в своём дискурсивном выражении — часто воспринималось и до сих пор воспринимается во многом как самостоятельный и весьма важный властный ресурс. Именно в случае российского пространства и в связи с ним можно говорить о власти пространства, причём эта власть обретает непосредственный, буквальный и ощутимый

⁷⁰ Замятин Д.Н. Политико-географические образы... С. 39.

⁷¹ См. подробнее: Кочукова О.В., Кочуков С.А. Смех как оружие... С. 151–220.

характер»⁷². Сатирическое картографирование позволяло исторически обосновать извечность противостояния Запада и Востока, их принципиальные различия и выявить корни цивилизационного доминирования западных стран. Роль и место России в этом противостоянии европейские сатирики — вслед за политиками и государственными деятелями — интерпретировали в терминах «пространства угрозы», «извечной отсталости». Историческое (геополитическое) соперничество с Российской империей создавало идеологически удобную и политически функциональную возможность для Европы самоидентифицироваться «от противного» — т.е. создать образ России как не-Европы, вопреки географическим границам континентов.

Нельзя недооценивать значение и влияние европейских сатирических карт XIX в. как инструмента создания и транслирования образа России. Среди создателей таких карт были действительно одарённые художники и изобретательные в своём сарказме сатирики. Их высокое мастерство не требовало поясняющих подписей — визуальные образы говорили сами за себя.

Как представляется, требуется углубление и расширение подходов к исследованию подобных карт как источника, изучение всего спектра критических риторик, заложенных авторами разных эпох в интерпретацию политического пространства мира. Но уже сейчас есть основания увидеть в сатирических картах своего рода Хронотоп, разворачивающийся перед взором наблюдателя, современника, исследователя. Особый окрас этому источнику придаёт, безусловно, политически мотивированный сарказм, сатирически интерпретирующий международную «реальность» и межгосударственные отношения.

Критические трактовки и обличительные инвективы в адрес самого географического пространства, навязывающие ему устойчивый набор негативных свойств, стали характернейшей чертой сатирического картографирования мира в XIX в., отражая идейно-политические установки европейского ориентализма. Россия как объект подобного сатирического картографирования — убедительное тому свидетельство.

⁷² *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы... С. 39.

Народный комиссариат юстиции и разработка советского законодательства: от революционной борьбы к законности

Николай Федосеенков

**The People's Commissariat of Justice
and the development of Soviet legislation:
from the revolutionary struggle to legality**

*Nikolay Fedoseenkov
(«Nauka» Publishers, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24050078, EDN: SKVZJK

Роль Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР в контексте работы над ранним советским законодательством уже попадала в поле зрения исследователей¹, но до сих пор остаётся малоизученной. В связи с этим представляется важным проследить ход кодификационной работы, которая проводилась под руководством ведомства при проведении реформы 1922 г. и в последующие годы, показать её особенности, уточнить позиции правоведов, работавших над первыми советскими кодексами, выяснить, с какими проблемами они столкнулись, какие существовали в то время точки зрения на новое законодательство.

НКЮ оказался в числе 13 основных органов управления нового государства, созданных при формировании Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР в ноябре 1917 г. Его первым руководителем стал Г.И. Оппоков (А. Ломов), окончивший экстерном юридический факультет Московского университета, но не имевший опыта работы по специальности. Однако он не успел вступить в должность, так как был командирован в Москву для установления там советской власти. 16(29) ноября временным заместителем наркома по делам юстиции назначили П.И. Стучку — видного и плодовитого теоретика и практика, возглавлявшего следственно-юридический отдел Петроградского военно-революционного комитета и юридический отдел ВЦИК. Подавляющее большинство сотрудников прежнего Министерства юстиции участвовало в забастовке государственных служащих, однако это его не смутило. Стучка считал, что «судебное ведомство сразу освободится от массы неспособных карьеристов наверху, а в низах произойдёт то естественное обновление, которое необходимо для будущей великой демократии»².

Исходя из этого он приступил к ускоренной комплектации наркомата кадрами, стремясь привлечь лояльных новой власти чиновников. Разработанный им план «Об отмене прежнего деления Комиссариата юстиции на департаменты» предполагал создание шести отделов: личного состава и су-

© 2024 г. Н.Н. Федосеенков

¹ См., например: Садков В.Н. Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство (1917–1922 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

² Стучка П.И. Избранные работы по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 283.

доустройства, законодательных предположений и кодификации, публикации законов, административно-хозяйственного, тюремного и секретариата. Однако 12 декабря вакантный пост наркома занял представитель партии левых эсеров И.З. Штейнберг. При нём появилась коллегия, в которую вошли три большевика (Стучка, М.Ю. Козловский, П.А. Красиков) и левые эсеры А.А. Шрейдер и В.А. Алгасов. Изменилась и структура ведомства: добавился седьмой и, как казалось, ключевой отдел кодификации, который возглавил Шрейдер.

С этого времени в НКЮ начался период острой идейной борьбы. Однако разработка нового законодательства шла в одном направлении. Так, под руководством Шрейдера был составлен «План Свода законов русской революции»³, появилось также «Советское уголовное уложение». С одной стороны, левые эсеры воспринимали революционный свод как новое издание «Свода законов Российской империи», который следовало лишь привести в соответствие с «республиканским строем»⁴. Некоторые современные исследователи считают левоэсеровский проект компромиссным в условиях перехода от старого законодательства к новому⁵. С другой — Шрейдер оговаривал необходимость развития «революционного самосознания»⁶ и не избегал «левой» политической риторики, причём не только в целях компромисса с более радикальными большевиками. В этой связи неудивительно, что и Свод, и Уложение исходили из приоритета коллективных, общественных интересов над потребностями отдельной личности (заложив в этом смысле основы будущего советского законодательства)⁷. Кроме того, в нормах Уложения вместо термина «подданный» фигурировал «гражданин», что соответствовало декрету «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», согласно которому все звания и наименования гражданских чинов ликвидировались и вводилось общее наименование «гражданин Российской Республики»⁸.

Тем не менее проекты Свода и Уложения не опубликовали и в итоге отклонили. Предполагают, что это произошло из-за «ярко выраженного антагонизма между Штейнбергом и Лениным»⁹, но здесь скорее можно говорить о позиции большевистской партии в целом (к примеру, резко отрицательно оценили Уложение Стучка¹⁰ и Д.И. Курский). С января 1918 г. влияние большевиков в НКЮ начало усиливаться, а в марте, после выхода левых эсеров из состава правительства, ведомство возглавил Стучка — их самый активный оппонент. В его коллегию также вошли юрист Н.В. Крыленко, занимавшийся в первые

³ Шрейдер А.А. От Народного комиссариата юстиции // Правда. 1918. № 225. С. 2.

⁴ Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4. С. 137.

⁵ См.: Трошкина Д.Э. Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. Т. 48. 2023. № 3. С. 529–539.

⁶ ГА РФ, ф. 353, оп. 2, д. 164, л. 36.

⁷ Щелконогова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 128.

⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918. № 3. Ст. 31.

⁹ Концевой И.А. «Левый эсер, которого странным ветром занесло в революцию...»: И.З. Штейнберг в советском правительстве // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 120.

¹⁰ Стучка П.И. Избранные работы... С. 243.

послереволюционные месяцы армейскими делами, и Курский, ранее руководивший наркоматом по юридическим делам Московской губ.¹¹

В августе Стучку сменил Курский, который демонстрировал меньше радикализма, уверенно утверждая, что комиссариату необходимы сотрудники с юридическим образованием¹². Это означало ставку на старых специалистов, особенно в вопросах законотворчества. К концу года коммунисты составляли лишь около 20% служащих учреждения, прочие с июля, после удаления из его состава ещё остававшихся левых эсеров, числились беспартийными. Начался переход от неосуществимых проектов к непосредственной работе под руководством СНК и партии.

Творческая деятельность в обновлённом наркомате сконцентрировалась в отделении государственного права, которое возглавлял М.А. Рейснер — юрист с преподавательским и научным опытом. В условиях нехватки законов, которые отвечали бы сложившейся политической ситуации, НКЮ на несколько лет превратился в орган, который консультировал, уточнял формулировки, давал оценку решениям народных судов и трибуналов, одновременно подступая к более глобальной задаче — выработке законодательства.

Для этого следовало организовать деятельность аппарата. 22 марта 1918 г. коллегия после бурного обсуждения приняла постановление «О более точном распределении работ между отделами Комиссариата». Структура учреждения обновлялась, теперь в него входили отделы судостроительства и личного состава, законодательных предположений и кодификации, публикации законов, административно-хозяйственный и тюремный, а также секретариат. Отделом гражданского права руководил Стучка, государственного права — Рейснер. 13 мая коллегия приняла решение о создании новых отделов — следственного и ликвидационного. Последний проводил в жизнь политически важный для того времени декрет «Об отделении церкви от государства». Стратегией деятельности НКЮ занимались в отделе судостроительства и личного состава. Его возглавил сам Курский, взявший на себя ответственность за разработку законодательства в области судостроительства и судопроизводства и его увязку с позицией партии. Так, утверждение 30 ноября положения «О народном суде РСФСР»¹³ привело к торжеству концепции большевиков, выступавших за «единый народный суд», запретив использовать в судопроизводстве дореволюционные законы. Поскольку наркомату приходилось отдавать приоритет текущей работе, большую роль в его структуре играл секретариат, который, отвечая на многочисленные запросы, занимался толкованием декретов. Такая структура в основном сохранялась до реформы 1922 г.

Отметим, что представители НКЮ играли активную роль в разработке декретов, принимали деятельное участие во всевозможных комиссиях, имевших отношение к законодательству, работали над двумя первыми советскими кодексами — законов об актах гражданского состояния и законов о труде. Данные законодательные акты не только заложили основы нового семейного и трудового права, но и доказали профессионализм сотрудников наркомата,

¹¹ Интересно отметить, что все входившие в состав коллегии ведомства в разное время учились на правоведов.

¹² См., например: *Курский Д. И.* Ближайшие задачи Народного комиссариата юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 3.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 85. Ст. 885.

способность ведомства объединять для необходимой работы старые и новые кадры независимо от их политических убеждений. Исследователи видят в этом немалую заслугу Курского¹⁴.

В 1919 г. Совнарком и НКЮ, несмотря на заявления о приоритете местного самоуправления, активно повели политику централизации. Курский подчёркивал, что «отступления от норм законности и чрезвычайные органы носят временный характер на период борьбы с контрреволюцией»¹⁵. Как попытку осуществлять связь с чрезвычайными органами и давать оценку их работе можно воспринимать создание Особой межведомственной комиссии при ВЧК во главе с Крыленко, который занимался революционными трибуналами и организовал Центральную коллегия обвинителей при Революционном трибунале ВЦИК, считающуюся предшественницей прокуратуры. Ответственные сотрудники НКЮ, помимо основной служебной нагрузки, выполняли поручения ЦК РКП(б), Совета обороны и Реввоенсовета. Ведомство и его глава нередко работали под прямым руководством Ленина. Известно письмо последнего Курскому: «Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»¹⁶. Но в Совнаркоме наркомат занимал достаточно скромное положение, и личных контактов наркома с председателем правительства было сравнительно немного. В годы Гражданской войны торжествовал принцип «революционной целесообразности», НКЮ не имел возможности, да и не стремился что-либо ему противопоставить.

Исследовательская деятельность НКЮ в это время приостановилась, в середине 1919 г. даже перестал выходить журнал «Пролетарская революция и право». Исключением стала работа группы А.Г. Гойхбарга, предпринявшей попытку систематизации уголовного законодательства. Она разработала «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», среди прочего обобщившие практику трибуналов и народных судов. Её руководитель до революции поддерживал социал-демократическое движение, возглавляя отдел кодификации и законодательных предположений НКЮ, некоторое время оставался беспартийным, но заработал репутацию инициативного юриста, лояльного большевикам. В начале 1919 г. он вступил в РКП(б) и сыграл существенную роль в создании законодательства, привлекая к этой работе лучших специалистов. В то же время он считал, что право как таковое постепенно отомрёт, и фактически выступал за торжество правового нигилизма¹⁷.

В 1920 г. вышло постановление «Об отделах Народного комиссариата юстиции». Их число увеличилось до 11, и первым значился отдел судостроительства, который возглавил Курский. Сотрудники этого отдела занимались организацией народных судов, революционных трибуналов, органов следствия, обвинения и защиты и наблюдали за их деятельностью¹⁸. Важнейшую роль для судей в то время играл обще-консультационный отдел, дававший заключения по правовым вопросам. Он контролировал деятельность юрисконсультов, по существу

¹⁴ См.: *Максимова О.Д.* Роль Д.И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве // *Правоведение*. 2014. № 4. С. 225–236.

¹⁵ *Курский Д.И.* Избранные речи и статьи. М., 1958. С. 88.

¹⁶ *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5. Т. 50. М., 1970. С. 70.

¹⁷ См.: *Гойхбарг А.Г.* Основы частного имущественного права (очерки). М., 1924. С. 58.

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 675.

выполняя их функции в отсутствие стабильного законодательства и сложившейся судебной традиции.

Кроме того, в 1920 г. состоялся III съезд деятелей советской юстиции (ранее он назывался съездом «областных и губернских комиссаров юстиции»). НКЮ намеревался привлечь к работе широкие круги общественности, началась разработка положения «О народном суде РСФСР». Создание таких судов связывали с революционным творчеством масс¹⁹. Они действительно появились во времена безвластия как стихийная попытка сохранить правопорядок. Ленин подчёркивал, что это прежде всего «органы привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению», «орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства», наконец, «орудие воспитания к дисциплине»²⁰.

Система народных судов, созданная к лету 1918 г., состояла из двух уровней: «мировой» юстиции (местных судов и уездных съездов местных судей) и «общей» юстиции (окружных судов и кассационного суда в столице). Суды появлялись под сильным влиянием левых эсеров, практиковались демократические выборы судей и даже выборы их уездными, городскими, районными или волостными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Важную роль в разъяснении правоприменительной практики имели уездные советы (съезды) местных судей — там практики занимались толкованием самых разных вопросов²¹. В систему судов «общей» юстиции входили окружные суды, охватывавшие по несколько уездов. Члены таких судов избирались местными советами. Они составляли судебный округ (ещё в соответствии с прежним законодательством) и действовали коллегиально: в решении гражданских дел участвовали трое судей и четверо заседателей, уголовных — судья и 12 заседателей.

Считалось, что окружные суды менее близки к революционным реалиям и в условиях национализации земли и промышленных предприятий и ограничения частной собственности неизбежно должны отмереть, поскольку дело шло к сокращению количества подсудных им «крупных» исков. Кроме того, НКЮ стремился унифицировать систему судов и сделать её более управляемой. Риски, связанные с уничтожением окружных судов, осознавались: Курский утверждал, что и в системе народных судов возможно увеличение количества заседателей до 12²². Скорее всего, вытеснение окружных судов объяснялось тем, что они занимались делами, превышавшими компетенцию судов местных, неизбежно вступая в конкуренцию с ревтрибуналами.

21 октября 1920 г. Президиум ВЦИК утвердил окончательный вариант Положения, в котором указывалось, что «при решении дел народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием»²³. Это был новый термин, менее радикальный, чем «революционное правосознание».

¹⁹ См.: Токарев Ю. С. Роль Советов в судебном строительстве (октябрь 1917 — июнь 1918 гг.) // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти (Труды ЛОИИ). Вып. 14. Л., 1973. С. 240–247.

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 197.

²¹ Семенко А. В. Становление системы народных судов РСФСР в 1917–1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 88.

²² Курский Д. И. О едином народном суде // Курский Д. И. Избранные статьи и речи. С. 55.

²³ Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 599–608.

Законотворческая деятельность оживилась в конце зимы 1921 г., после прекращения крупных боевых действий. Статьи о законности стали появляться в массовой прессе. Тогда же открылся Институт советского права, задача которого заключалась в «осознании сложной системы Советского права»²⁴. Летом на страницах газеты «Известия ВЦИК» разгорелась дискуссия о проблемах советской юстиции, в которой приняли участие представители местных судебных органов и НКЮ²⁵. Она шла и в прессе, и на заседаниях коллегии наркомата, и постепенно трансформировалась в не менее активную дискуссию о новых кодексах, которые принимались в 1922 г.

Тем временем ведомству приходилось конкурировать с другими органами. Подчас возникали конфликтные ситуации, о чём свидетельствует докладная записка временно исполнявшего должность заведующего отделом судостроительства А.А. Лисицына. Он указал на слабость органов юстиции и отсутствие централизации, что не позволяло полноценно выполнять профессиональные задачи. Кроме того, «власть имущие» ведомства (наркоматы финансов и продовольствия, Рабоче-крестьянская инспекция) не оказывали НКЮ должной поддержки, создавалось впечатление, что в восприятии многих государственных деятелей «юстиция — маленькое дело»²⁶. Это не устраивало сотрудников наркомата и часть профессионального сообщества.

В такой ситуации осуществлялась реформа 1922 г., в организации которой, в особенности в подготовке кодексов, НКЮ сыграл значительную роль. Параллельно, в соответствии с установками IX съезда Советов, принявшего резолюцию об укреплении «революционной законности»²⁷, происходило расширение кадрового состава ведомства. Декрет 1 февраля 1923 г. утвердил «Положение о Народном комиссариате юстиции». На него возлагалось общее руководство всеми судебными учреждениями, включая прокуратуру и органы следствия, а его глава становился одновременно прокурором республики²⁸. Роль НКЮ в складывавшейся системе власти упрочилась.

Сам наркомат отныне состоял из коллегии, в которой председательствовал нарком, и шести отделов: судостроительства и надзора; административно-финансового; законодательных предложений и кодификаций; прокуратуры; культов и издательского. Кадровый состав ведомства условно можно поделить на три части: «старые партийцы», «спецы» и «выдвиженцы». В основных отделах трудились беспартийные, лишь меньшинство из них выражали симпатии к большевикам²⁹. Привлечение к работе квалифицированных профессиональных юристов (в том числе бывших сотрудников Министерства юстиции) позволило организовать передачу опыта от них к молодым специалистам, как правило, не имевшим образования, но проявившим организационные способности и хорошо понимавшим политические установки.

С годами ситуация менялась: НКЮ неизбежно встраивался в вертикаль власти, которой руководили партийные органы, его деятельность политизировалась. В этом процессе заметную роль сыграл Крыленко, с декабря 1922 по

²⁴ Известия ВЦИК. 1921. 1 июня.

²⁵ Там же. 14 июня.

²⁶ Садков В.Н. Наркомат юстиции РСФСР... С. 149.

²⁷ IX Всероссийский съезд Советов (19–27 января 1924 г.): стенографический отчёт. М., 1921. С. 64.

²⁸ Известия ВЦИК. 1923. 4 февраля.

²⁹ См., например: Садков В.Н. Наркомат юстиции РСФСР... С. 154.

1929 г. заместитель наркома юстиции РСФСР, а также старший помощник прокурора РСФСР; он вёл активную работу в качестве государственного обвинителя, теоретика и публициста. Будучи старым большевиком, Крыленко занимал в партии более высокое положение, чем коллеги по наркомату. Он соединял принцип «революционной законности» с актуальными политическими задачами, направленными на торжество классовых принципов: «Революционная законность есть тот метод единообразного проведения указанных партией директив, который партия требует обязательно проводить от всех своих организаций по всей периферии сверху донизу»³⁰.

Штабом проведения преобразований в НКЮ (в том числе связанных с переходом к нэпу и его регулированием) и после 1922 г. оставался отдел законодательных предположений и кодификации. Он занимал в системе ведомства достаточно независимое положение. Во время работы над важными законами по его инициативе собирались межведомственные комиссии, в которые входили ответственные работники ВСНХ, наркоматов, Госбанка, деятели науки. Именно в этот отдел поступали законопроекты всех ведомств, подлежавшие внесению на обсуждение правительства, и принимались они к рассмотрению только после одобрения этой инстанцией. Даже нарком не всегда мог напрямую руководить отделом, приходилось искать компромисс с его сотрудниками.

В связи с задачами индустриализации и коллективизации объём компетенций НКЮ расширился. Согласно Положению о НКЮ, утверждённому постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 3 июня 1929 г.,³¹ главной функцией наркомата стало проведение единой судебной политики на территории РСФСР. Кроме того, ему поручались «общее руководство деятельностью органов юстиции, а также разработка мероприятий по упрощению и улучшению их организации», «руководство деятельностью и наблюдение за ней всех органов расследования в области борьбы с преступностью», совместная работа с НКВД СССР. НКЮ даже пришлось уделять немало внимания контролю над хлебозаготовками. Так, новый глава ведомства Н.М. Янсон 25 октября 1929 г. подписал циркуляр, в котором говорилось: «Категорически предлагается: 1) не позднее 10 ноября представить в прокуратуру Республики исчерпывающие доклады о ходе хлебозаготовительной кампании и об участии в ней органов прокуратуры; 2) в дальнейшем на 20 и 5 числа каждого месяца представлять доклады о дальнейшем разворачивании хлебозаготовок; 3) ответственность за своевременную и полную информацию возлагается на край-, облпрокуроров»³². Подобных материалов было немало: НКЮ принял активное участие в переходе от нэпа к новым формам экономической жизни.

В то же время в Положении говорилось о подчинении учреждения ВЦИК, его Президиуму и СНК РСФСР. Подразумевалось и подчинение партийным органам. Таким образом НКЮ лишился инициативы в разработке стратегии развития юридических органов и правовой системы, в нём формировался коллектив профессионалов, способных стать квалифицированными исполнителями. В принятии стратегических решений представители НКЮ участвовали лишь эпизодически, на уровне личных инициатив Курского, Крыленко, Янсона и др.

³⁰ XVI съезд ВКП(б): стенографический отчёт. Ч. 1. М.; Л., 1930. С. 353.

³¹ Собрание узаконений РСФСР. М., 1929. № 41. Ст. 434.

³² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 736–737.

В новом Положении устанавливалось руководство ведомства — нарком и два его заместителя: прокурор Республики и председатель Верховного суда. Таким образом, помимо коллегии, появилась «большая тройка», у каждого из членов которой имелся собственный небольшой аппарат. В конце 1920-х гг. в связи с расширением функций Прокуратуры и Верховного суда зашла речь об упразднении НКЮ. 27 февраля 1930 г. на рассмотрение 28-го пленума Верховного суда СССР был внесён проект резолюции по «Основам судостроительства СССР и союзных республик», в котором говорилось, что, поскольку функции НКЮ частично распределены между Верховным судом и Прокуратурой, а законодательная инициатива может быть передана другим высшим органам, для существования ведомства нет оснований³³. Появились предложения об объединении НКЮ и НКВД в единую структуру или передаче задач ключевого для НКЮ отдела законодательных предположений и кодификации во ВЦИК³⁴. Даже Положение 1929 г., включившее Верховный суд в систему НКЮ, не пресекло споров. Однако благодаря ему наркомат как таковой сохранился.

Укрепление органов защиты правопорядка опиралось на поддержку в разных слоях общества; многие в начале 1920-х гг. видели спасение в укреплении логичного, понятного строя, основанного на законах. Писатель И.Г. Эренбург выразил мнение, особенно распространённое в среде интеллигенции: «Самое главное было... убедиться, что происходящее — не страшный, кровавый бунт, не гигантская пугачёвщина, а рождение нового мира с другими понятиями человеческих ценностей»³⁵. Чтобы революция не превратилась в «пугачёвщину», прежде всего необходимы были законы и работающие на их основе органы защиты правопорядка. Важную роль в запуске этого механизма сыграл Наркомат юстиции. В этом не только политическое, но и социальное его значение.

³³ Кожевников М.В. История советского суда. Изд. 2. М., 1957. С. 258.

³⁴ Мелкумян В. Нужна реорганизация Наркомюста // Советская юстиция. 1930. № 6. С. 15–17.

³⁵ Цит. по: Бородин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 127–136.

Сельское хозяйство СССР в 1930-е гг.: итоги социалистической реконструкции

Владимир Ильиных

Soviet agriculture in the 1930s: results of socialist reconstruction

Vladimir Ilinykh

(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)

DOI: 10.31857/S2949124X24050082, EDN: SKTLGQ

К числу базовых задач отечественной аграрной историографии относится изучение сельского хозяйства — одной из важнейших сфер, демонстрирующих эффективность экономического строя государства. К числу наиболее значимых проблем в рамках этой темы относятся последствия осуществления форсированной коллективизации.

В советской историографии наиболее существенный вклад в изучение сельского хозяйства 1930-х гг. внесли И.Е. Зеленин, М.А. Вылцан, Н.Я. Гущин¹. По их мнению, массовая коллективизация создала условия для поступательного развития аграрной экономики. Однако к концу первой пятилетки началось сокращение сельскохозяйственного производства по ряду основных показателей (валовые сборы, поголовье скота). Политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов с середины 1930-х гг. позволило преодолеть возникшие в начале десятилетия трудности, провести техническую реконструкцию и существенно нарастить производство аграрной продукции. Достигнутый к концу десятилетия уровень производства превзошёл уровень мелкотоварного и капиталистического сельского хозяйства дореволюционной России. Продовольственную проблему удалось в основном решить.

В постсоветской историографии возобладала более критичная оценка. Интересно, что лучше всего оказалась изучена аграрная экономика начала 1930-х гг. В работах В.В. Кондрашина, Р. Дэвиса и С. Уиткрофта сделан вывод о том, что форсированная коллективизация привела к глубокому кризису данной сферы. Его вызвали прежде всего сверхнормативное отчуждение продук-

© 2024 г. В.А. Ильиных

Статья подготовлена в рамках апробации главы книги 2 13-го тома 20-томного издания Института российской истории РАН «Истории России».

¹ Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933–1941 гг.). М., 1966; Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). М., 1970; Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973; Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975; Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. М., 1978; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М., 1982; История советского крестьянства. В 5 т. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986; Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1987.

ции, отсутствие у колхозников стимулов к труду, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и совхозах².

Изучению сельского хозяйства во второй половине 1930-х гг. уделялось существенно меньшее внимание. Проблемы его развития рассматривались в немногочисленных трудах, посвящённых аграрной истории отдельных регионов России³. Так, детально исследована динамика сельскохозяйственного производства в Сибири. Известно, что в 1933–1934 гг. в регионе началось преодоление кризиса отрасли. Нарастало производство продукции полеводства и животноводства. Тем не менее достигнутые к 1938 г. показатели численности скота существенно уступали уровню десятилетней давности. Посевные площади увеличились по сравнению с доколхозным периодом, однако зерновую проблему в Сибири решить не удалось. Урожайность хлебов оставалась низкой и неустойчивой. Вызванное угрозой новой мировой войны утяжеление налогово-податного обложения деревни привело к рецессии аграрной сферы региона⁴.

Цель настоящей статьи – на основе анализа динамики развития сельского хозяйства и его организационно-производственной структуры выявить кратко- и среднесрочные последствия социалистической реконструкции аграрного сектора экономики СССР. Основное внимание при этом будет уделено определению степени решения поставленных перед её началом задач.

Формулировка цели исследования требует дать определение его базовому понятию. Аграрные преобразования 1930-х гг. традиционно обозначаются как коллективизация. Однако данный термин, который в узком значении сводится к объединению единоличных крестьянских хозяйств в колхозы, а в широком охватывает колхозное строительство в целом, слишком ограничен для целей описания всего многообразия изменений, охвативших организацию сельскохозяйственного производства, обмен и распределение его продукции. Эти изменения следует определять как социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, в рамках которой произошла радикальная смена аграрного строя страны.

Глубокий кризис конца 1910-х – начала 1920-х гг. удалось преодолеть при помощи нэпа. Крестьяне, получившие хозяйственную свободу, достаточно быстро восстановили посевные площади и поголовье продуктивного скота. Однако экономическое и политическое давление государства на зажиточные слои деревни привело к замедлению темпов развития и консервации мелкотоварности крестьянского хозяйства. В конце 1920-х гг. сталинское руководство пришло к выводу, что оно препятствует модернизации страны⁵.

² Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М., 2011; Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929–1933). М., 2014.

³ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века. Коллективизация и её последствия. Владивосток, 2004; Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010; Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. / Отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2011; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / Отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2012; и др.

⁴ Сельское хозяйство Сибири в XX веке... С. 88, 91–92, 103–104; Аграрная политика советского государства... С. 566–567, 602–603.

⁵ См.: Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации / [В.А. Ильиных и др.]. Новосибирск, 2015. С. 39–40.

Выходом из положения должна была стать социалистическая реконструкция аграрного сектора экономики, которая предполагала организацию в сжатые сроки крупных социалистических сельхозпредприятий. По мнению большевистских теоретиков, это позволило бы внедрить новейшие технические достижения, применить агрикультурные новации и существенно повысить производительность сельского хозяйства. Достигнутое в результате этих мер наращивание валового и товарного производства позволило бы многократно увеличить объёмы аграрного экспорта, доходы от которого шли на развитие промышленности. В задачи колхозов и совхозов входило не только наращивание экспорта, но и повышение материального благосостояния городского и сельского населения, удовлетворение внутренних потребностей страны в продуктах питания и сырьё⁶. Социалистическая реконструкция должна была быстро решить обострившиеся проблемы: зерновую, животноводческую и сырьевую.

Форсированная коллективизация началась в 1929 г. К концу 1931 г. в колхозы вступило более 60% крестьянских дворов⁷, однако затем темпы снизились. Вытеснить единоличные хозяйства из сельхозпроизводства не получилось. Успеха удалось достичь лишь в земледелии: в 1931/32 хозяйственном году единоличники засевали 20% от общей площади посева, тогда как колхозы — 68%. Однако в отношении продуктивного скота картина оказалась иной: летом 1932 г. в колхозах содержалось 24,9% поголовья крупного рогатого скота (КРС) (в том числе 14,5% коров), 23,2% овец и коз, 27,7% свиней, а в единоличных хозяйствах — соответственно 33, 35,9, 34 и 25%. Составной частью советской аграрной экономики стали личные приусадебные хозяйства (ЛПХ), которых планы социалистического строительства не предусматривали. В ЛПХ колхозников коров содержалось больше, чем в единоличных (38,7%), свиней — примерно столько же (25%), а крупного и мелкого рогатого скота — меньше (31,2 и 27,9%).

Наряду с коллективизацией развернулось широкомасштабное совхозное строительство. Однако доля совхозов и иных государственных хозяйств в посевных площадях равнялась 10%, в поголовье КРС в целом — 8,7, коров — 8,1, овец и коз — 13,8, свиней — 16,6%⁸. Удельный вес совхозов в валовом производстве (в стоимостном выражении) в 1932 г. составил 10,6%, ЛПХ колхозников — 14,4, единоличных хозяйств — 23,9, колхозов — 51,1%⁹.

На начало июля 1934 г. уровень коллективизации достиг 71,4%. Оставшиеся 6,3 млн единоличников смогли адаптироваться к сложившимся политико-экономическим условиям и отказывались вступать в колхозы. Руководство страны сочло ситуацию недопустимой и приняло решение усилить административное давление и налогообложение. Уровень коллективизации к началу июля 1936 г. достиг 90,5%¹⁰, численность единоличных хозяйств значительно сократилась. Снизился и их вклад в производство: в 1935 г. они засевали уже лишь 5,2% от общей площади посева, в них содержалось 14% КРС, 15,4% овец и коз, 8,7% свиней.

⁶ Там же. С. 43–44.

⁷ История советского крестьянства. Т. 2. С. 196.

⁸ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 511; Социалистическое строительство СССР: статистический ежегодник. М., 1935. С. 367.

⁹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 55.

¹⁰ Колхозы во второй сталинской пятилетке: статистический сборник. М.; Л., 1939. С. 1–3.

Ведущее место в продуктивном животноводстве заняли личные хозяйства. На 1 января 1935 г. в личном секторе — на подворьях колхозников и иных категорий населения — размещались 48,3% поголовья КРС (из них 60,4% коров) и 49% свиней — больше, чем на предприятиях социалистического сектора (37,6, 25,7 и 42% соответственно). Последние лидировали лишь по овцам и козам (45,8 против 38,8%). Совхозы (за счёт подсобных хозяйств отделов рабочего снабжения) имели относительно высокую долю в поголовье свиней (21,5%). Колхозы абсолютно преобладали лишь в растениеводстве: в 1935 г. на их долю приходилось 78,7% посевных площадей, тогда как у совхозов — 12,2%, а личного сектора — всего 3,9%¹¹.

К концу 1930-х гг. роль единоличников удалось свести к минимуму. В 1937 г. их доля в валовом производстве (в стоимостном выражении) составляла 1,5%. В то же время личный сектор за счёт более высоких темпов развития упрочил лидирующие позиции в животноводстве. К началу 1938 г. удельный вес ЛПХ населения в поголовье КРС вырос до 61% (в том числе коров — до 73), овец и коз — 52, свиней — 62%. Доля личного сектора в общей площади посева оставалась незначительной (4,5%), однако ЛПХ оказались ведущими производителями картофеля и овощей (49 и 46% от общей площади посадок данных культур) и занимали заметное место в выращивании продовольственных бахчевых культур, кормовых бахчей и корнеплодов, конопли (36, 24 и 15%). Благодаря всему этому они держали почётное второе место по удельному весу в валовом производстве — 26,3%. Колхозы оставались ведущей формой организации аграрного производства (62,9% «вала»), однако этот рост обеспечило лишь лидерство по посевам (86%). На долю совхозов приходилось 9,3%, их доля и в площади посевов, и в общей численности скота снизилась (в свинопоголовье — до 11%)¹².

В конце 1930-х гг. в организационно-производственной структуре сельского хозяйства произошли изменения, однако они не повлекли радикальных сдвигов. Социалистический сектор уступал по темпам развития личному. Одну из причин этого власти видели в отвлечении трудовых ресурсов в ЛПХ. Многие колхозники предпочитали крайне низко оплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих подворьях, который не только давал более стабильный доход, но и позволял выжить в голодные годы. При этом многие из них превышали размеры приусадебного участка и количество скота, определённые уставом сельхозартели¹³.

В связи с этим в 1939 г. началась кампания по ограничению ЛПХ. У их владельцев изымались «излишки» скота и земли, существенно ограничивались нормативные размеры личных хозяйств рабочих и служащих¹⁴, повышалось их налогообложение. Следствием возросшего административного и налогового-податного гнёта стало «ужатие» ЛПХ, снижение доли личного сектора в поголо-

¹¹ Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: статистический сборник. М.; Л., 1940. С. 108; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. С. 1369.

¹² Животноводство СССР... С. 108; Посевные площади СССР. 1938 г.: статистический справочник. М.; Л., 1939. С. 21–22; РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 110.

¹³ См.: Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство рабочих и служащих Сибири в 1930-е годы: динамика и тенденции развития // Уральский исторический вестник. 2022. № 3. С. 150.

¹⁴ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е годы / Под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. С. 59–60.

вье скота и, как следствие, валовом производстве сельхозпродукции (до 23,2% в 1940 г.). Завершение коллективизации (к 1 июля 1940 г. её уровень достиг 96,9%) привело к фактическому исчезновению единоличников (0,3%)¹⁵. Удельный вес колхозов увеличился до 67,2%, а совхозов — не изменился. Но, несмотря на ослабление ЛПХ, они оставались основными производителями молока и картофеля, значительной части овощей и мясной продукции. Таким образом, в полной мере заменить мелкотоварное производство крупным обобществлённым не удалось. Более того, ЛПХ оказались ещё более мелкотоварными, нежели крестьянские хозяйства периода нэпа.

Форсирование коллективизации в значительной степени определялось задачей скорейшего решения зерновой проблемы. Колхозы и совхозы должны были не только быстро заменить крестьянские хозяйства, но и существенно увеличить производство зерна, однако добиться этого не удалось. В 1929/30 сельскохозяйственном году посевы зерновых увеличились на 6%, в 1930/31 г. — на 2,6%, а в 1932 г. снизились на 4,5%. В итоге хлебная нива выросла лишь на 3,8%. Отметим, что за это время посевы технических культур возросли на 69% (табл. 1). Высокие темпы наращивания площади их посадок объясняются более экономически выгодными условиями выращивания. Заготовительные цены на технические культуры были выше, чем на зерновые, для их производителей предусматривались снабжение сортавыми семенами или посадочным материалом, выдача продуктов переработки (жмыхов, хлопковаты, растительного масла, сахара и др.), а также продажа хлеба и других продовольственных товаров по государственным ценам, установленным на невысоком уровне¹⁶.

Таблица 1

**Посевные площади во всех категориях хозяйств
в 1929–1934 гг. (тыс. га)**

Культуры	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Зерновые	96012	101761	104406	99700	101554	104677
Технические	8800	10466	14039	14877	11981	10710
в том числе хлопок	1056	1583	2137	2172	2052	1937
сахарная свёкла	771	1036	1394	1538	1211	1183
Весь посев	118050	127218	136285	134435	129693	131379

Составлено по: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. С. 238, 241.

В 1930 г. был собран рекордный за всю предыдущую советскую историю урожай: 83,5 млн т (по официальным данным). Однако в 1931 и 1932 гг. сбор снизился до 69,5 и 69,9 млн. Причинами этого стали менее благоприятные погодные условия и нехватка рабочего тягла. Общее число рабочих лошадей в СССР с июля 1929 г. по июль 1932 г. сократилось на 31%¹⁷. Большинство колхозных лошадей находились в истощённом состоянии из-за неудовлетворительного

¹⁵ РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 55 (данные в границах СССР до 1939 г.).

¹⁶ Ильиных В.А. Становление и функционирование контрактационной системы в Сибири (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. Самара, 2015. С. 364.

¹⁷ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. С. 511.

ухода и нехватки кормов, и поставки тракторов не смогли компенсировать эти потери. Но наиболее негативное влияние на результаты посевных кампаний оказывало падение трудовой дисциплины. Минимизация оплаты труда колхозников стала причиной массовых отказов от выхода на производство или работы «спустя рукава».

Согласно опубликованным сведениям, валовой сбор зерновых в 1930–1932 гг. оказался выше показателей предыдущего трёхлетия на 2,5%. Однако позднее выяснилось, что данные официальной статистики завышались. Предназначенные для служебного пользования документы Центрального управления народно-хозяйственного учёта Госплана СССР содержали значительно более низкие цифры производства: зерна в указанные годы собрали на 6,3% меньше, чем в 1927–1929 гг. В то же время государственные хлебозаготовки в 1930/31–1932/33 гг. увеличились по сравнению с 1927/28–1929/30 гг. на 77%¹⁸. Таким образом, товарность зернового хозяйства резко выросла, однако она имела внеэкономический принудительный характер.

Наращивание государственных хлебозаготовок позволило резко увеличить объёмы вывоза зерна из страны. Если в 1930 г. экспорт хлебопродуктов составил 4764 тыс. т, то в 1931 г. – 5956 тыс., что в 1,8 и 2,2 раза соответственно превысило предыдущий максимум, достигнутый в 1923/24 г. (табл. 2)¹⁹. Сверхнормативное отчуждение и вывоз необходимого для внутреннего потребления хлеба стали причиной массового голода в деревне и острого дефицита продовольствия в городах. В этих условиях руководству СССР пришлось резко снизить объём экспорта зерна, уменьшив его в 1932 г. по сравнению с предыдущим годом почти втрое.

Таблица 2

Экспорт зерна из СССР в 1926–1940 гг. (тыс. т)

Год	Объём экспорта	Год	Объём экспорта
1926/27	2099	1934	769
1927/28	289	1935	1517
1929	178	1936	321
1930	4764	1937	1277
1931	5056	1938	2054
1932	1727	1939	277
1933	1684	1940	1155

Составлено по: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. ... Ч. 1. С. 110, 144, 179, 199.

Таким образом, зерновая проблема в СССР ещё больше обострилась, её решение (как и решение иных проблем аграрного производства) пришлось пе-

¹⁸ Там же. С. 270; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 854; *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010. С. 340; *Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. С. 496.

¹⁹ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг.: статистический обзор. Ч. 1. М., 1960. С. 84.

ренести на отдалённый срок. Основным способом виделось организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов.

В 1933 г. началось восстановление зернового хозяйства. Этих культур в 1934 г. посеяли на 5% больше, чем в 1932 г., и на 9% больше, чем в 1929 г. (табл. 1). Валовое производство в 1933 г. по официальным данным увеличилось по сравнению с предыдущим годом почти на 30% (хотя в 1934 г. сбор незначительно снизился)²⁰. Благодаря этому в начале 1935 г. удалось отменить карточки на хлеб и другие виды продовольствия. Во второй половине 1930-х гг. в связи с внедрением севооборотов, которые фактически игнорировались ранее, посевная площадь зерновых несколько снизилась (табл. 3). Существенно увеличился уровень механизации: к 1940 г. сев механизировали на 56%, уборку — на 46%²¹.

Таблица 3

**Посевные площади в СССР в 1935 и 1938 гг.
и в РСФСР* в 1938 и 1940 гг. во всех категориях хозяйств
(тыс. га)**

Культуры	СССР		РСФСР	
	1935 г.	1938 г.	1938 г.	1940 г.
Зерновые	103 440	102 411	71 453	70 143
Технические	10 642	10 960	6 146	6 201
в том числе хлопок	1 954	2 083	234	244
сахарная свёкла	1 225	1 180	341	336
Овощебахчевые и картофель	9 337	9 385	6 178	5 953

Составлено по: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. С. 1367–1369; Посевные площади СССР. 1938 г. ... С. 21–22, 23–24, 41, 93, 95, 111, 119; Посевные площади СССР: статистический сборник. Т. 1. М., 1957. С. 20, 22, 24, 26.

* Сведения по РСФСР приведены с включением Карельской АССР (Карело-Финской ССР), но без учёта Крымской АССР.

Среднегодовой валовой сбор зерновых в амбарном весе за годы второй пятилетки составил 72,9 млн т (в 1925–1929 гг. — 73,3 млн т). Негативное влияние на динамику хозяйства оказывали ежегодные недороды на части территории страны: в 1935 г. — на Юго-западе Сибири, в 1936 г. — в Поволжье, на Урале, в Казахстане и ряде районов Центрально-Чернозёмной полосы, в 1937 г. — в Астраханской обл. Неурожаи усугублялись несоблюдением агротехники. Исключением стал 1937 г., принёсший рекордный за 1920–1930-е гг. сбор: 97,4 млн т при урожайности 9,3 ц/га в амбарном весе²². Как следствие, с 1932 г. резко сократились объёмы экспорта. Относительного максимума (2 млн 54 тыс. т) они достигли в послеурожайном 1938 г., в остальные годы вывоз был существенно меньше (табл. 2).

²⁰ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. С. 239.

²¹ Сельское хозяйство СССР: статистический сборник. М., 1960. С. 420.

²² Социалистическое строительство СССР: статистический ежегодник. М., 1934. С. 12, 203; РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 63; Народное хозяйство СССР в 1958 г.: статистический ежегодник. М., 1959. С. 352.

Несмотря на недород, доля отчуждения хлеба государством у сельхозпроизводителей лишь увеличивалась. Минимальные размеры плановых хлебозаготовок в годы второй пятилетки (23 млн 246 тыс. т в 1933/34 г.) на 45% превышали нэповский максимум, достигнутый в 1929/30 г. В 1937/38 г. объём заготовок был на 78% больше, чем в 1929/30 г.²³ Сверхнормативное изъятие приводило к нехватке семян. Также резко сокращались выдачи зерна в счёт оплаты труда: в колхозах, пострадавших от неурожая, она ограничивалась небольшим натуральным авансом во время уборки. Следует отметить, что хлеб являлся основным продуктом питания сельских жителей, отсутствие запасов зерна означало наступление массового голода²⁴. Распределение полученных от государства натуральных ссуд в недородных районах позволяло его предотвратить, однако локальные голодовки случались. Недостаток зерна в неурожайных районах сказывался и на снабжении работников совхозов.

Зерновое производство, как, впрочем, и другие отрасли советского растениеводства, характеризовалось неустойчивой и низкой урожайностью. Несоблюдение оптимальных севооборотов вызвало падение плодородия почв. Резко возросли потери при уборке. На совещании передовых комбайнёров и комбайнёрок 1 декабря 1935 г. И.В. Сталин заявил, что достигнутые в развитии зернового хозяйства результаты не отвечают растущим потребностям страны, и поставил задачу «года через три-четыре» довести ежегодное производство хлеба до 7–8 млрд пудов²⁵. Генсек имел в виду потенциальный (биологический) урожай, определявшийся перед началом уборки. Амбарный же урожай, т.е. собранный в зернохранилища, оказывался значительно меньше из-за потерь во время уборки и обмолота.

Поставленной Сталиным цели удалось добиться лишь в 1937 г. Биологический урожай тогда составил 7,3 млрд пудов, тогда как в 1935 г. — 5,5 млрд, 1936 г. — 5, 1938 г. — 5,8, 1939 г. — 6,2 млрд. В амбарном весе урожая 1938 и 1939 гг. составили соответственно 73,6 и 73,2 млн т²⁶. Основной причиной снижения сборов снова оказались неблагоприятные природно-климатические условия, усугубленные низким уровнем агротехники. Недобор зерна оказал влияние на снабжение населения. 14 ноября 1939 г. Наркомат торговли СССР информировал вышестоящие инстанции, что «торговля хлебом и мукой в настоящий момент происходит с большим напряжением, а в отдельных краях и республиках — с перебоями»²⁷.

В 1940 г. производство зерна оказалось выше, чем в предыдущие два года (6,7 млрд пудов в биологическом весе в границах до сентября 1939 г.), но так и не достигло минимального уровня сталинских контрольных цифр. Высокий урожай в последнем предвоенном году собрали в традиционных земледельческих районах — на Украине, в Краснодарском крае, в то время как для Юго-западной Сибири и Северо-восточного Казахстана год оказался недородным. В амбарном весе урожай 1940 г. составил 86,9 млн т²⁸.

²³ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири... С. 496, 498, 499.

²⁴ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов... С. 55.

²⁵ Правда. 1935. 4 декабря.

²⁶ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1409, л. 1, 15–17; Ильиных В.А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2022. С. 143.

²⁷ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Т. 2. 1929–1984 гг. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. С. 177.

²⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1409, л. 1, 15–17; Ильиных В.А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири... С. 143.

Снижение валовых сборов государство снова компенсировало увеличением налогово-податного бремени. В результате при меньшем валовом сборе объём плановых хлебозаготовок в 1940/41 г. превысил уровень 1937 г. в 1,4 раза. В Новосибирской обл. даже в условиях катастрофического неурожая колхозам пришлось сдать на 14% больше²⁹. В недородных районах начался голод.

Значительно большие успехи оказались достигнуты в сфере производства хлопка. Основными районами хлопководства являлись Узбекистан, Туркмения и Таджикистан. Посевы в них выросли в 1930 г. на 50%, в 1931 г. — ещё на 35%. Однако если в 1929 г. с каждого га собрали 8,2 ц, а максимальный сбор в 1920-х гг. составлял 9,2 ц/га (в 1925 г.), то в начале 1930-х гг. урожайность снизилась до 6–7 ц/га, понизились и темпы роста валового сбора (+29% в 1930 г. и +16% в 1931 г.). В 1932 г. посевы хлопка увеличились менее чем на 2%, сбор с гектара упал до 5,9 ц, а валовой сбор — на 1,6%³⁰. Это объяснялось общей бесхозяйственностью коллективного хозяйства на этапе его становления. Полностью заменить традиционные методы производства передовыми технологиями не удалось. Так, если тракторная вспашка под хлопчатник росла, что позволило существенно увеличить посевную площадь, то другие операции механизировались минимально или не механизировались вообще. В 1932 г. минеральные удобрения внесли лишь на 3,7% посевной площади хлопка. Расширение посевов, не сопровождавшееся совершенствованием технологии, вело к ухудшению обработки почвы. Ирригационная система не поддерживалась в должном состоянии. Семена были засорены³¹.

Тем не менее СССР удалось добиться хлопковой независимости. Если в 1927/28 г. удельный вес заграничного хлопка составлял 43% всей переработки промышленности, то в 1932 г. — только 5,2%, причём почти такой же объём экспортировался³².

Далее площадь посевов хлопчатника снизилась из-за отказа от использования под выращивание культуры непригодных сельхозугодий, а к концу 1930-х гг. возросла благодаря освоению новых земель, но так и не достигла максимального уровня 1932 г. Несмотря на это, в 1940 г. площадь пашни (2080 тыс. га) превышала показатель 1929 г. вдвое. Среднегодовой валовой сбор в годы второй пятилетки составил 18,4 млн ц (в 1925–1929 гг. — 6,7 млн, в 1930–1932 гг. — 12,2 млн). В 1938–1940 г. в среднем в год собирали 26,6 млн ц хлопка-сырца³³. Факторами наращивания сборов являлись крупномасштабное ирригационное строительство, механизация пахоты, сева и междурядной обработки. Крупные колхозы оказались лучше приспособлены для товарного выращивания хлопка, нежели дехканские хозяйства. Стимулом для развития отрасли стало также значительное увеличение в 1935 г. заготовительных цен и введение премий-надбавок за сдачу государству сверхплановой продукции. Однако одновременно началась монокультуризация севооборотов, которая

²⁹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири... С. 499, 500.

³⁰ Социалистическое строительство СССР... М., 1934. С. 177, 211.

³¹ Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов. М., 1935. С. 143; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 300–304.

³² Туленбаев Б.А. Решение хлопковой проблемы в СССР // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 10.

³³ Посевные площади СССР: статистический сборник. Т. 1. С. 6; РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 56, 63; Социалистическое строительство СССР... М., 1934. С. 177, 211; Победы социалистического сельского хозяйства. М., 1939. С. 88.

привела к распространению вредителей и болезней, что негативно сказалось на урожайности культуры. Нерациональным оказалось использование воды при поливах. На заготпункты нередко сдавался недозрелый и влажный, а как следствие низкокачественный хлопок.

Существенных достижений удалось добиться в выращивании сахарной свёклы. Основными районами промышленного свеклосеяния являлись Украина и Центрально-Чернозёмная полоса. Посадки культуры в 1930–1931 гг. ежегодно увеличивались на 35%. Благоприятные погодные условия 1930 г. привели к беспрецедентному росту урожайности: валовой сбор превысил предыдущий максимум, достигнутый в 1927 г., более чем на треть. 1931 г. оказался хуже — урожайность снизилась с 135,3 до 86,4 ц/га, сбор — с 140,2 до 120,5 млн ц (табл. 1)³⁴, — но всё же мог считаться удовлетворительным. А вот следующий, 1932 г. стал кризисным. Прирост посевов составил лишь 10%, сбор с одного гектара (64,3 ц) был меньше, чем в самом недородном для данной культуры 1929 г. (81,1), валовой сбор снизился по сравнению с предыдущим годом на 46%³⁵. Свекловичные районы одновременно являлись и зернопроизводящими, из-за чего операции по выращиванию свёклы и хлебов могли совпадать по времени. Как следствие, рабочих рук не хватало, в том числе в связи с увеличением площади посадок, что приводило к затягиванию сельхозработ. Плохая погода, недостаточная прополка, массовое заражение посевов вредителями и истощение почвы привели к падению урожайности.

В середине 1930-х гг. посадки сахарной свёклы снизились. Основной причиной этого стал отказ от монокультуры в свеклосеющих хозяйствах и внедрение в них севооборотов. Урожайность и объёмы производства при этом выросли. Если в 1925–1929 гг. среднегодовой валовой сбор культуры составлял 84,4 млн ц, а в 1930–1932 гг. — 108,8 млн, то в годы второй пятилетки — 150,5 млн, а в 1938–1940 г. — 181,1 млн ц³⁶.

Выращивание культуры относилось к числу наиболее механизированных. В 1940 г. по зяблевой вспашке и посеву уровень механизации составил 96%, междурядной обработке — 79, подкормке на тракторной тяге — 86, подкопке — 83%³⁷. Колхозное производство также оказалось более производительным, чем единоличное крестьянское. Проблемой свеклосеяния оставалась относительно низкая и неустойчивая урожайность. Отчасти это объяснялось недостаточным внесением на поля удобрений и затягиванием сроков выполнения сельхозработ.

В целом сырьевую проблему в части производства хлопка и сахарной свёклы к концу 1930-х гг. удалось решить. Однако потребности населения и промышленности в продуктах их переработки имели тенденцию к возрастанию.

На животноводческую отрасль негативное влияние оказал кризис начала 1930-х гг. Следствием форсированной коллективизации стало значительное снижение поголовья скота. К середине лета 1932 г. численность КРС в целом по сравнению с 1929 г. сократилась на 39,3%, в том числе коров — на 30,9; свиней — 43; овец и коз — 65% (табл. 4). Основными причинами беспрецедентного сброса стада стали сначала массовый забой скота крестьянами перед вступлением в колхоз или уходом в город, а затем начавшийся голод. Кроме

³⁴ Социалистическое строительство СССР... М., 1934. С. 211.

³⁵ Там же; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 278–279.

³⁶ РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 56, 63; Социалистическое строительство СССР... М., 1934. С. 177, 211.

³⁷ Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 4. М., 1955. С. 670.

того, планы государственных скотозаготовок систематически превышали как нормативы, так и реальные возможности владельцев скота. У единоличников и колхозников часто отбирали единственную корову. В колхозах и совхозах, куда принудительно передавался обобществлённый скот, отмечался значительный уровень падёжа как взрослых животных, так и — в первую очередь — молодняка из-за ненадлежащего ухода и нехватки кормов.

Таблица 4

**Поголовье продуктивного скота в СССР в 1929–1934 гг.
во всех категориях хозяйств (тыс. голов на июнь–июль)**

Год	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Овцы и козы	Свиньи
1929	67 112	30 360	146 976	20 384
1930	52 486	26 693	108 758	13 559
1931	47 916	24 413	77 692	14 443
1932	40 561	21 028	51 141	11 611
1933	38 380	19 551	50 244	12 068
1934	42 437	19 555	51 949	17 456

Составлено по: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. С. 511.

Восстановление животноводства началось лишь в 1934 г. (табл. 4, 5). Однако достигнутые к концу 1930-х гг. показатели существенно уступали уровню конца 1920-х гг. Так, летом 1938 г. овец и коз насчитывалось меньше, чем летом 1928 г., на 30%, коров — на 18, КРС в целом — на 10%. И лишь поголовье свиней превышало уровень 1928 г. на 18%³⁸. При этом бо́льшая часть стада продуктивного скота содержалась в личных хозяйствах.

Продуктивность колхозно-совхозного животноводства из-за недостатка специализированных помещений, низкого уровня кормопроизводства, неудовлетворительного ухода за животными росла крайне медленно. Высоким оставался падёж, особенно молодняка, резко возраставший в неурожайные годы. Абсолютно преобладал ручной труд. В личных хозяйствах скот содержался в лучших условиях, но в недородные годы кормообеспечение ухудшалось во всех группах, что приводило к снижению продуктивности скота. Надой и товарный выход молока уменьшались. В то же время сверхнормативный забой животных приводил к взрывному, но недолгому увеличению производства мяса. Забитый в ЛПХ скот в начале зимнего сезона компенсировал потери других продуктов питания. Однако уже к концу зимы — началу весны продовольственная ситуация в деревне ухудшалась. В посленеурожайный год предшествующий сброс поголовья вёл к общему сокращению производства животноводческой продукции и снижению уровня потребления. Из-за огромного урона поголовью даже в высокоурожайном 1937 г. мяса, молока и шерсти произвели на 39, 16 и 42% меньше, чем в 1928 г.

³⁸ Животноводство СССР... С. 4.

**Поголовье продуктивного скота в СССР* в 1935–1938 гг.
и в РСФСР** в 1938 и 1941 гг. во всех категориях хозяйств
(тыс. голов, на 1 января)**

Год	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Овцы и козы	Свины
СССР				
1935	38 869	19 031	40 771	17 116
1936	46 000	20 000	49 900	25 900
1937	47 500	20 900	53 800	20 000
1938	50 921	22 685	66 595	25 716
РСФСР				
1938	31 263	14 845	41 174	14 430
1941	27 848	14 247	51 234	12 090

Составлено по: Животноводство СССР... С. 108; Численность скота в СССР: статистический сборник. М., 1957. С. 8, 15, 22, 30.

* Сведения по СССР приведены в границах до 1939 г. Данные за 1939–1941 гг. в границах после 17 сентября 1939 г. не выявлены.

** Сведения по РСФСР приведены с включением Карельской АССР (Карело-Финской ССР), но без учёта Крымской АССР.

Снижение валового производства частично перекрывалось увеличением товарности. Наиболее товарными являлись специализированные совхозы. В колхозах товарность также была выше, чем в крестьянских хозяйствах периода нэпа, однако она в значительной степени имела внеэкономический характер. ЛПХ населения, напротив, отличались меньшей товарностью. Часть произведённой в них продукции также отчуждалась в виде обязательных поставок. В 1937 г. государственные заготовки мяса выросли по сравнению с 1932 г. в 1,2 раза, молока и молочных продуктов – в 2,6, шерсти – в 1,9 раза³⁹.

На вышеупомянутом совещании передовых комбайнёров Сталин указал на растущие потребности населения в мясе и молочных продуктах, для удовлетворения которых «необходимо... иметь хорошо поставленное животноводство с большим количеством скота, мелкого и крупного»⁴⁰. Однако налогово-податной и административный прессинг на личные хозяйства привёл к снижению численности поголовья по большинству видов. К началу 1941 г. в РСФСР свиней стало на 16%, КРС в целом – на 11, коров – на 4% меньше, чем в начале 1938 г., и лишь количество овец и коз увеличилось на 24% (табл. 5). В итоге ситуация в животноводстве к началу войны усугубилась, отрасль, несмотря на наращивание объёмов заготовок, не могла удовлетворить спрос на свою продукцию, что привело к ухудшению снабжения ею стремительно увеличивавшегося городского населения.

³⁹ Победы социалистического сельского хозяйства. С. 125.

⁴⁰ Правда. 1935. 4 декабря.

В конце 1930-х гг. возникли проблемы со снабжением горожан картофелем. Колхозы РСФСР в 1938–1940 гг. снизили его посадки на 20%⁴¹, в ЛПХ они также сократились. Причиной явилась трудоёмкость данной культуры в сочетании с дефицитом трудовых ресурсов.

Большевистские теоретики предполагали, что социалистическая реконструкция сельского хозяйства приведёт не только к многократному увеличению производства аграрной продукции, но и позволит повысить материальное благосостояние основных масс крестьянства. Однако форсированная коллективизация дала противоположный эффект. В основных зернопроизводящих регионах СССР она вызвала массовый голод, а недоедание (латентная форма голода) охватило практически всю территорию страны. Большинство жителей более «благополучных» сельских районов питались главным образом картошкой и низкокачественным хлебом, объёмы потребляемого не обеспечивали физиологического минимума⁴².

Государство предприняло ряд мер по устранению голода. На первом съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Сталин поставил задачу в 2–3 года «сделать всех колхозников зажиточными»⁴³. Значимая роль в этом отводилась развитию ЛПХ. Полученные от них доходы должны были компенсировать низкий уровень оплаты труда в колхозах. Органам власти на местах и колхозам вменялось в обязанность ликвидировать «бескоровность» колхозников, оказывая им помощь в приобретении и выращивании молодняка. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, предусматривавший более высокие предельные нормативы содержания скота и площади приусадебных посадок членов колхозов. Ограничения снимались и с развития личных хозяйств рабочих и служащих — их предельные размеры уравнивали с нормами для колхозников⁴⁴. Благодаря этому темпы развития личного сектора экономики выросли. В 1935–1937 гг. поголовье овец и коз в ЛПХ колхозников увеличилось в 2,1 раза, свиней — в 1,9, КРС в целом — в 1,6, коров — в 1,4 раза. Посадки на приусадебных участках членов колхозов с 1934 по 1938 г. выросли в 1,7 раза⁴⁵.

Личное хозяйство давало большую часть потребляемых колхозниками продуктов питания, за исключением хлеба. По данным бюджетных обследований в 1936/37 гг. удельный вес продуктов, полученных колхозниками из ЛПХ, в общем объёме составил: молока — 99%, мяса — 98, овощей — 83, картофеля — 75, зерновых — 6,4%. Более того, за счёт реализации продукции, выращенной на подворье, даже в благоприятные для колхозного производства годы формировалось около половины всех денежных доходов колхозных семей⁴⁶. В годы недородные из-за минимизации оплаты труда в колхозах ЛПХ становились основным источником поступления и продуктов питания, и денег.

Ещё более высокими темпами развивались ЛПХ проживавших в сельской местности рабочих и служащих. За 1935–1937 гг. численность овец и коз здесь

⁴¹ Посевные площади СССР... 1938 г. С. 121; Посевные площади СССР. Т. 1. С. 22.

⁴² См.: *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 83–84.

⁴³ Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 705.

⁴⁴ См.: *Очерки истории крестьянского двора...* С. 55–57; *Ильиных В.А.* Личное приусадебное хозяйство... С. 147.

⁴⁵ *Животноводство СССР...* С. 108; *Социалистическое строительство СССР.* М., 1936. С. 294; *Посевные площади СССР. 1938 г. ...* С. 21.

⁴⁶ *Вылцан М.А.* Завершающий этап создания... С. 200, 202, 204.

увеличилась в 3,9 раза, КРС в целом — в 2,4, коров — в 2,2, свиней — в 2 раза. Площадь приусадебных посадок выросла на 30%⁴⁷.

Содействовать достижению зажиточности должно было увеличение оплаты труда в колхозах, однако росла она медленно. В 1932 г. выдача зерна на 1 трудодень составляла 2,3 кг, в 1935 г. увеличилась до 2,4 кг, а в 1936 г. снизилась до 1,6 кг⁴⁸ из-за неурожая. В ряде недородных районов РСФСР тогда начался голод⁴⁹. Так, в мае 1937 г. руководство Омской обл. обратилось в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой о выделении продовольственной ссуды для неурожайных районов. Оно сообщало «о полном отсутствии хлеба во многих колхозах», о том, что «на почве отсутствия хлеба развиваются заболевания, установлены многие случаи употребления в пищу трупов павших животных (районы: Вагайский, Дубровинский, Исетский, Упоровский, Омутинский и др.)»⁵⁰.

В условиях высокого урожая 1937 г. выдача зерна на трудодень выросла до рекордных 4 кг. Колхозный двор в среднем по стране получил 17,4 ц хлеба, в зерновых районах страны — 22,6, в РСФСР — 21,1 ц. Помимо этого колхозникам выплачивали деньги. В 1937 г. выдача по трудодням на один двор составила 376 руб. В республиках Средней Азии относительно небольшая выдача зерна компенсировалась высокой денежной оплатой. Так, в Узбекской ССР на 1 колхозный двор полагалось 4,9 ц хлеба и 2034 руб. В РСФСР выплачивалось существенно меньше — в среднем 231 руб., в том числе на Северном Кавказе — 644 (максимальное значение), на Верхней Волге — 88 (минимальное). По данным бюджетов колхозников по 17 областям европейской части РСФСР, за второе полугодие 1937 г. доля денежных поступлений от выдачи на трудодни составляла лишь 9% от общей суммы их денежных доходов⁵¹.

1937 г. стал для колхозников самым благополучным годом десятилетия. Однако достигнутый тогда уровень среднедушевого потребления по молоку и молочным продуктам, мясу и салу уступал уровню потребления сельского населения в 1923/24 г. — не самом благополучном из нэповских лет (соответственно на 48 и 13%), приблизился к нему по хлебу и хлебопродуктам (98%), а превзошёл лишь по картофелю (на 15%)⁵².

Затем натуральная оплата труда снизилась. В 1938 г. выдача на один колхозный двор по стране составила 10 ц зерном, в 1939 г. — 8,3, в 1940 г. — 9 ц, на один трудодень — 2,2, 1,8 и 1,6 кг соответственно. Это средние данные, следует иметь в виду, что в части колхозов натуроплата оставалась незначительной. В 1938 г. в РСФСР без выдачи зерна остались 2,8% колхозов, в 39,7% хозяйств

⁴⁷ Животноводство СССР... С. 108; Сельское хозяйство СССР. С. 1369; Посевные площади СССР. 1938 г. ... С. 21.

⁴⁸ История советского крестьянства. Т. 2. С. 377.

⁴⁹ Подробнее см.: *Осокина Е.А.* Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936/37 года // Отечественная история. 1998. № 2. С. 92–107; *Леконцев О.Н.* Голод 1936 г. в Кировской области и Удмуртской АССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 21–27; *Корнилов Г.Е.* Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 23. 2016. № 4. С. 60–66.

⁵⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. / Отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2002. С. 224.

⁵¹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 55; Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 109–110; *Вылцан М.А.* Завершающий этап создания... С. 204.

⁵² *Вылцан М.А.* Завершающий этап создания... С. 208.

выдача на трудодень фактически сводилась к натуральному авансу, не превышавшая 1 кг⁵³.

Сопоставимые сведения о денежной оплате колхозников в конце 1930-х гг. отсутствуют, поскольку до 1937 г. включительно по данному показателю учитывали только колхозников, а затем в подсчёт зачислили трактористов МТС. В 1938 г. средняя денежная оплата на 1 колхозный двор в СССР в целом равнялась 480 руб., в 1939 г. — 479, в 1940 г. — 462 руб. В Узбекистане денежная оплата в 1938 и 1939 гг. снизилась до 1978 и 1804 руб. даже с учётом трактористов⁵⁴. В 1940 г. в Новосибирской обл. доля выплат по трудодням составляла 15,9% от общей суммы денежных доходов колхозников⁵⁵.

В результате зажиточными колхозники так и не стали, напротив, снижение оплаты труда и ограничение размеров ЛПХ привело к ухудшению их материального положения. В 1940/41 г. недородные районы Юго-западной и Северо-западной Сибири поразил сильный голод. Катастрофическая засуха не только минимизировала натуроплату труда, но и привела к недороду в ЛПХ «второго хлеба» — картофеля. Пик голода, как всегда, пришёлся на конец зимы — начало весны. Большинство колхозников к этому времени исчерпали изначально скудные запасы зерна и картофеля, съели мясо забитого осенью в связи с угрозой бескормицы скота, а у оставшихся личных коров наступил перерыв лактации⁵⁶.

Таким образом, в краткосрочной перспективе социалистическая реконструкция привела к глубокому кризису во всех отраслях сельского хозяйства, массовому голоду в деревне и острому дефициту продовольствия в городах. С 1933 г. началось медленное восстановление сельского хозяйства. Однако в среднесрочной перспективе зерновая, животноводческая и в целом продовольственная проблемы так и остались нерешёнными. Не удалось в полной мере заменить мелкотоварное производство крупным механизированным, низким оставался уровень материального благосостояния колхозников. Удалось лишь справиться с задачей обеспечения промышленности хлопком и сахарной свёклой.

⁵³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 65, л. 58; История советского крестьянства. Т. 3. С. 106–107.

⁵⁴ История советского крестьянства. Т. 3. С. 107.

⁵⁵ Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 175. Доля поступлений от работы в МТС составляла 3,1% от общей суммы денежных доходов, от работы по найму в сторонних организациях — 7,7, от продажи продукции ЛПХ (в том числе в счёт контрактации) — 59,2%.

⁵⁶ Аграрная политика советского государства... С. 588–589.

Осеннее ополчение на защите Москвы (октябрь 1941 г. — январь 1942 г.): от рабочих и истребительных батальонов к регулярным частям Красной армии

Константин Дроздов

**Autumn militia in defense of Moscow (October 1941 — January 1942):
from workers' and fighter battalions to regular units of the Red Army**

Konstantin Drozdov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24050097, EDN: SKSWAU

О создании дивизий народного ополчения (ДНО) в Москве в октябре—декабре 1941 г.¹ немало написано ещё в 1960—1980-х гг.² Однако они до сих пор остаются в тени летнего ополчения, и даже современные исследователи, обращаясь к данной теме, как правило, воспроизводят советский нарратив, не добавляя ни новых источников, ни хотя бы свежего аналитического взгляда³. Как следствие, целостная история формирования осенью 1941 г. добровольческих частей из рабочих/коммунистических и истребительных батальонов, их роли в обороне столицы и последующей трансформации в кадровые части РККА до сих пор не написана⁴. Между тем ставшие доступными исследователям источ-

© 2024 г. К.С. Дроздов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

¹ Ещё советская историография выделяла два периода формирования московского ополчения: летний, когда в начале июля 1941 г. были сформированы 12 московских ДНО, и осенний. Подробнее о периодизации см., например: *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974. С. 126; *Колесник А.Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 22—23.

² См., например: *Выстояли и победили: документы и материалы.* М., 1966; *Москва — фронту. 1941—1945: сборник документов и материалов / Отв. ред. С.М. Кляцкин.* М., 1966; *Ополчение на защите Отечества: документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев.* М., 1978; и др.

³ См., например: *Добров П.В.* Боевой путь 53-й Гвардейской Краснознамённой Тартуской стрелковой дивизии (3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия г. Москвы). Донецк, 2005; *Воронин А.Б.* Москва 1941. М., 2016. С. 340—350; *Бирюков В.К.* Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017; и др.

⁴ Следует подчеркнуть, что почти весь фактологический и аналитический материал, важнейшие статистические данные по истории формирования осенних ДНО, на которые ссылались советские историки и продолжают ссылаться современные, основывается на рукописи «Оборона Москвы войсками Московской зоны обороны» (М., 1942). Отдельные её фрагменты, посвящённые истории формирования рабочих дивизий и строительству оборонительного рубежа на ближних подступах к столице, впервые опубликованы в 1966 г.: *Москва — фронту. 1941—1945... С. 50—77, 131—142.* Целиком труд «Оборона Москвы войсками Московской зоны обороны» увидел свет лишь в 2001 г.: *Битва за Москву: история Московской зоны обороны / Сост. С.С. Илизаров, С.В. Костина.* М., 2001.

ники, прежде всего из ЦАМО РФ, ЦГА Москвы и научного архива ИРИ РАН, позволяют значительно расширить понимание данной темы.

В частности, в архиве ИРИ сохранились многочисленные интервью и воспоминания рабочих, служащих, учащихся, которые осенью 1941 г. стали командирами, бойцами и политработниками 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии (3-я МКСД), а также бойцов истребительных батальонов отдельных районов столицы, которые в дальнейшем стали основой формирования для 4-й и 5-й Московских стрелковых дивизий (4-я и 5-я МСД)⁵. В материалах, собранных сотрудниками «Комиссии Минца» в 1942–1947 гг. по горячим следам тех событий и ранее не публиковавшихся, достаточно подробно освещён начальный период создания добровольческих частей. На их основе, а также с учётом уже опубликованных и выявленных в других архивах документов я предлагаю реконструкцию ключевых моментов истории осеннего ополчения Москвы.

После вяземской катастрофы (начало октября 1941 г.) советскому командованию ценой невероятных усилий удалось восстановить Западный фронт: найти последние неиспользованные резервы в действующей армии и столице, вывести на основные укрепрайоны Можайской линии обороны более или менее боеспособные части и завязать на малоярославецком, Можайском и Волоколамском направлениях упорные оборонительные бои против танковых и механизированных дивизий вермахта. Тем не менее к середине октября Можайская линия оказалась частично прорвана, что создало угрозу быстрого выхода противника на ближние подступы к Москве. В этих условиях ЦК ВКП(б) и ГКО объявили эвакуацию правительства и наркоматов, основных предприятий оборонной промышленности, минировании важнейших административных и промышленных объектов города⁶.

12 октября ГКО принял решение в кратчайшие сроки создать новую систему оборонительных рубежей⁷. В условиях отсутствия регулярных войск занять их должны были части, формировавшиеся из москвичей-добровольцев, и истребительные батальоны 25 районов столицы. Так началось создание третьей (после ржевско-вяземской и Можайской) линии обороны и формирование войск обороны Москвы, преобразованных 2–3 декабря в Московскую зону обороны (МЗО). Руководство обороной столицы и подступов к ней возложили на командующего Московским военным округом (МВО) и войсками московского гарнизона генерал-лейтенанта П.А. Артемьева. В тесной связке с командованием округа должны были действовать, оказывая друг другу самую активную помощь и поддержку, городские и районные партийные организации, а также Моссовет.

⁵ Вслед за другими исследователями не считаю 2-ю МСД (затем – 129-я СД) ополченческой. Она формировалась в октябре 1941 г. за счёт личного состава 242-й СД, 1-го корпуса ПВО, 648 и 660-го стрелковых полков, 472-го гаубичного артполка, а также москвичей и жителей Подмосковья, призванных по мобилизации. Поэтому, хотя присутствие в этой дивизии определённого числа москвичей-добровольцев несомненно, в данной статье она рассматриваться не будет.

⁶ Подробнее см.: Москва военная. 1941–1945: мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995. С. 101–111; Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001. С. 231–236, 251–261, 272; Воронин А.Б. Москва 1941. С. 289–302; 326–333.

⁷ Постановление ГКО «О строительстве третьей линии обороны г. Москвы» № 768сс от 12 октября объявило о мобилизации в порядке трудовой повинности 200 тыс. человек из Москвы и 250 тыс. из области.

Днём 13 октября Московский горком провёл собрание партийного актива, на котором с докладом выступил первый секретарь горкома и обкома А.С. Щербаков. Он заявил: «По совету ЦК мы должны сосредоточить свои усилия на следующих мероприятиях... Коммунисты, комсомольцы и беспартийные хотят активно, с оружием в руках, принять участие в бою. Мы приступили к созданию в районах рот, а в некоторых районах батальонов... Назначение этих батальонов — быстро обучить стрелковому, пулемётному, гранатомётному и миномётному делу. Как только военное дело будет изучено, наши роты немедленно будут вливаться в действующие части. Не исключено, что нашим ротам придётся выполнять и самостоятельные задачи. В этом свете — отбор в роты провести тщательно, подобрать людей крепких, цепких и преданных. Тем более что количество людей будет значительно меньше, чем было взято в народное ополчение. Практические поручения и детали этого мероприятия секретарям РК сообщены»⁸. В резолюции собрания первым пунктом в списке задач партийных организаций значилась «организация рот и батальонов в районах из коммунистов, комсомольцев и беспартийных для быстрейшего их обучения стрелковому, пулемётному, миномётному и гранатомётному делу, особенно для борьбы с танками, с тем чтобы затем вливать их в действующие части»⁹.

В этот же день секретариат МГК принял постановление о создании городского штаба по формированию коммунистических/рабочих рот и батальонов под руководством заведующего военным отделом горкома А.И. Чугунова. В него также вошли С.Г. Чесноков (штаб МВО), А.Н. Шелепин (горком ВЛКСМ), С.К. Черных (горвоенком), П.С. Сергеев (горсовет Осоавиахима). Одновременно создавались районные штабы в составе 3—5 человек. Райкомам поручалось закончить формирование рот и батальонов 14 октября и немедленно приступить к их обучению по сокращённой программе¹⁰. Они формировались в каждом из 25 районов Москвы как на добровольной основе, так и в порядке партийной мобилизации. «Штат батальона трудящихся» насчитывал 697 человек, из них управление батальона — 10, две стрелковые роты — 448, пулемётная рота — 130, взвод истребителей танков — 40, отделение боевого питания — 17, отделение связи — 7, хозяйственный взвод — 15, медико-санитарный — 17 человек¹¹.

Запись в батальоны фактически началась ещё на собрании партактива. В последующие два дня по заводам и учреждениям прошли митинги, на которых звучал призыв МГК к защите Москвы, по их окончании начиналась запись добровольцев. В некоторых районах прошли собрания партактива. «Группа политработников политуправлением МВО была выделена главным образом за счёт партийных курсов, в помощь МГК ВКП(б) по формированию рабочих

⁸ РГАСПИ, ф. 88, оп. 1, д. 851, л. 3—4.

⁹ См.: Ополчение на защите Москвы: сборник документов / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М., 1978. С. 92.

¹⁰ См.: ЦГА Москвы, ф. П-4, оп. 12, д. 75, л. 7. «Программа боевой подготовки батальонов трудящихся г. Москвы (на первые три дня)», подписанная начальником городского штаба полковым комиссаром Чугуновым, распределяла время так: политическая подготовка — 3 часа, огневая — 16, тактическая — 2, строевая — 3, сапёрная — 2, штыковой бой — 4 часа. Занятия должны были проводиться ежедневно по 10 часов с отрывом от производства, 10—15 минут ежедневно отводилось политинформации, инструктаж младшего комсостава проходил накануне занятий и только практически (Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 4, л. 1—2).

¹¹ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 4а, л. 1—3.

батальонов, и в ближайшие два дня после инструктажа лично тов. Щербакова помогала формировать организованные подразделения на предприятиях районов города и сводить их в рабочие батальоны порайонно. Под размещение рабочих батальонов были заняты преимущественно школы, расположенные близко к райкомам», — рассказывал в июне 1943 г. начальник политотдела 53-й гвардейской СД подполковник К.А. Бирюков¹².

Приказ войскам Московского гарнизона № 005/оп от 14 октября за подписью Артемьева и начальника штаба МВО генерал-майора Кудряшова определил линию оборонительного рубежа. Главный участок в форме полукруга радиусом 15–20 км проходил через Ростokino, Лихоборы, Коптево, Химки, Ивановское, Щукино, Петтех, высоту 180,4, Кунцево, Матвеевское, Никольское, Зюзино, Волхонку, Батраково. Оборонительным строительством руководил заместитель председателя исполкома Моссовета М.А. Яснов, а самим рубежом — заместитель председателя исполкома Моссовета по МПВО и заместитель командующего МВО генерал-майор С.Ф. Фролов, который получил поручение в ближайшие два дня сформировать его штаб. Рубеж следовало разбить на пять секторов, назначив их начальников и комиссаров, а занять его должны были коммунистические и комсомольские батальоны. Моссовету предстояло «выделить из числа формируемых партийно-комсомольских батальонов в распоряжение начальника оборонительного рубежа необходимое количество этих батальонов, после того как они будут сколочены»¹³. Вечером 14 октября в Моссовет в распоряжение Фролова прибыла группа слушателей Военной академии им. Фрунзе, которая должна была рекогносцировать рубеж на четырёх секторах из пяти. «У меня в памяти запечатлелись, и, вероятно, у каждого тогда из присутствующих, слова генерала: “Костями лечь, но Москвы не сдать”. На этом он закончил разъяснение общей задачи», — вспоминал и.д. начальника штаба 53-й гвардейской СД гвардии майор Г.А. Жерихин¹⁴.

15 октября на заседании Военного совета МВО рассматривались ход формирования рабочих батальонов и вопросы обеспечения их вооружением в тех районах, где не имелось военных заводов. Вечером Фролов приказал Жерихину срочно вооружить 25 батальонов. «В складе оружия было очень много, — вспоминал последний, — но винтовки, штыки и патроны не соответствовали по своим системам... Встречались польские винтовки, но патронов польских не было, а были только русские¹⁵... В 9 часов 16 октября все районы, за исключением Таганского и Первомайского, были вооружены. После уже сам Чугунов... связывался с секретарями этих районов. Часам к 12 они также были вооружены... Я доложил генерал-майору Фролову, что приказ выпол-

¹² Там же, оп. 37а, д. 7, л. 10. В октябре 1941 г. Бирюков был слушателем окружных партийных курсов Политуправления МВО в звании батальонного комиссара. Вскоре его назначили комиссаром 1-го боевого участка обороны Москвы, а в ноябре — начальником политотдела 3-й МКСД.

¹³ ЦАМО РФ, ф. 450, оп. 11158, д. 12, л. 3–5.

¹⁴ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 3, л. 1. В октябре 1941 г. старший политрук Жерихин был слушателем Военной академии им. Фрунзе, сдавал экзамены. О проведении им 15 октября рекогносцировки 5-го сектора обороны см.: Там же, л. 1–1 об.

¹⁵ Практически все бойцы рабочих/коммунистических батальонов, дававшие интервью сотрудникам Комиссии или оставившие воспоминания об этом времени, рассказывают, что вооружали их 16–17 октября, как правило, винтовками и пулемётами иностранного образца (польские, французские, латвийские, канадские и др.). Это крайне затрудняло процесс обучения и овладения оружием.

нен, что задержка получилась из-за двух районов, по таким-то причинам»¹⁶. Тем временем командный состав формируемых батальонов к 3 часам утра 16 октября прибыл в Моссовет на совещание с Фроловым, где тот сообщил о прорыве Можайской линии и необходимости в скором времени выступить на рубежи обороны¹⁷.

На заводах, предприятиях и в учреждениях активно шла запись добровольцев, прежде всего из числа коммунистов и комсомольцев, и отправка их на сборные пункты (как правило, они располагались в зданиях школ). Там они получали вооружение и обмундирование, проходили первоначальное обучение (изучение материальной части стрелкового оружия), а затем маршевым порядком выступали на рубеж. Как это происходило 14–17 октября, можно представить из интервью, отложившихся в архиве «Комиссии Минца»¹⁸. Среди прочего отмечалось, что парторганизации заранее готовили списки коммунистов, которые должны были пойти на защиту Москвы, т.е. формирование батальонов проходило не только за счёт беспартийных добровольцев. Так, рабочий завода «Москабель», член партии с 1938 г. В.Г. Егоров вспоминал: «14 октября меня вызвали в партбюро. Членами партбюро были Смыслов, Сергеев. Они говорят: “Тов[ариш] Егоров, Москва в опасности, надо идти защищать Москву”. У них был приготовлен список»¹⁹. Комиссар батальона трудящихся Советского района Г.Я. Гольштейн подтверждал: «14.10.41 г. в 10 часов утра было созвано совещание секретарей первичных парторганизаций Советского района, где было объявлено секретарём РК ВКП(б) т. Андреевым о формировании батальона трудящихся г. Москвы. В связи с этим было предложено секретарям парторганизаций отобрать самых лучших членов парторганизаций, комсомольцев и непартийных большевиков с предприятий, учреждений и учебных заведений в порядке добровольной записи, а также в порядке партмобилизации»²⁰. Интересно отметить, что, несмотря на панику, охватившую столицу 16 октября, число желающих вступить в батальоны не уменьшалось. Командир батальона Свердловского района П. Пшеничный вспоминал: «16 октября прибыло около 150 человек, из них часть отпросилась на несколько часов для проводов эвакуирующихся семей, часть из них потом не возвратилась. Всего из этого состава осталось около 140 человек. Зато 16 и 17 октября, когда угроза Москве почувствовалась наиболее остро, наплыв добровольцев, и партийных, и беспартийных, значительно усилился. РК ВКП(б) производил тщательный отбор, и даже при этих условиях мы к концу дня 17 октября имели около 350 человек»²¹.

¹⁶ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 3, л. 1 об.–2.

¹⁷ См. об этом воспоминания командира танковой роты 3-й МКСД младшего лейтенанта С.Н. Григорьева, которому секретарь Куйбышевского райкома поручил сформировать в районном коммунистическом батальоне пулемётную роту. Он сам присутствовал на этом совещании (Там же, д. 1, л. 2–2 об.).

¹⁸ Большинство из интервьюируемых оказались в составе рабочих/коммунистических батальонов, из которых формировались полки 3-й МКСД, ставшей затем 130-й СД, а в 1943 г. – 53-й гвардейской СД.

¹⁹ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 19, л. 1.

²⁰ Там же, оп. 37б, д. 145, л. 1.

²¹ Там же, д. 148, л. 2. Безусловно, факты дезертирства из батальонов имели место во время паники 16–17 октября, когда жители столицы стали спешно покидать её (см., например: ЦГА Москвы, ф. П-67, оп. 3, д. 2, л. 342), однако они не носили массового характера.

Бойцами, командирами и политработниками оказались люди самых разных возрастов, профессий, образовательного уровня. «Здесь были металлурги и часовщики, слесаря и бухгалтера, токаря и агрономы, преподаватели и студенты, но всех их объединяло общее дело — защита Москвы», — писал В.И. Козлов, тогда 19-летний студент индустриально-конструкторского техникума, который ушёл добровольцем в батальон Дзержинского района²². Один из участников создания Ростокинского батальона вспоминал, что «в батальон шли лучшие люди, которые свою жизнь не отделяли от жизни партии и советской Родины»²³.

В период с 12 по 20 октября оружие и боеприпасы завозились из Подмосковья (Загорск, Бабушкино) и затем распределялись через военотделы райкомов²⁴. Кроме того, оружие поставляли «из районных советов Осоавиахима и райсовета, от учебных заведений, а также от крупных предприятий»²⁵. В Киевском районе для этой цели использовали реквизит Мосфильма, «в числе которого оказалось значительное количество изношенных и неукomплектованных французских винтовок, применявшихся при съёмках исторических фильмов»²⁶. Кроме того, «гранаты боевые, как РГД-33, так и “полька”, были получены непосредственно с заводов промкооперации, их производящих, по знакомству, на основании простой записки», и др.²⁷

Практически все вступившие в батальоны вспоминали о трудностях овладения оружием, прежде всего пулемётами иностранных образцов. Причём как «патриоты-добровольцы» их «подчас впервые видели», так и сами командиры знали это оружие «весьма приблизительно, более понаслышке»²⁸. В первые дни большинство бойцов занимались набивкой пулемётных лент, так как патроны получали в пачках: «Никаких приспособлений не было, и вся рота засела для того, чтобы ручным способом набивать патроны. Набивали по не привычке очень неумело, патроны располагали так, что перекося был обеспечен»²⁹. Пулемётная рота из батальона Советского района 16 октября получила 16 станковых «Максимов», 40 лент и 10 тыс. патронов: «Несмотря на ручной способ набивки патрон[ов], отдельные бойцы набивали до 100—110 патронов в час, с одновременным выравниванием их в ленте»³⁰. Тем же самым занимались

²² Там же, д. 163, л. 5.

²³ Там же, д. 149, л. 1.

²⁴ См. «Отчёт о работе за период октябрь 1941 г. — январь 1942 г.» уполномоченного Военного совета МВО и МЗО батальонного комиссара Н. Анцеловича (Там же, д. 17, л. 4).

²⁵ Там же, д. 163, л. 5.

²⁶ Там же, д. 146, л. 1—1 об.

²⁷ «Отдельные винтовки, гранаты и небольшое количество патрон[ов] доставлялись бойцам в батальон без всякого учёта, как отобранные у гражданского населения, подобранные в районах расположения других частей и т.д.» (Там же, л. 1 об.). Бойцы Советского батальона случайно обнаружили на улице бесхозный грузовик с грузом 990 противотанковых гранат, которые доставили в расположение части (Там же, д. 145, л. 1).

²⁸ Там же, д. 135, л. 2 об. О том, какие трудности приходилось преодолевать бойцам рабочих батальонов в ходе изучения материальной части иностранных пулемётов и винтовок, которыми их вооружали, см. стенограмму беседы с Партигулом, а также воспоминания военкома 4-й батареи лёгкого артиллерийского полка 3-й МКСД И.А. Лихарева, который в октябре 1941 г. был одним из организаторов пулемётной роты Куйбышевского батальона (Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 8, л. 1 об.; оп. 37б, д. 140, л. 1 об.—3).

²⁹ Там же, оп. 37а, д. 8, л. 1 об.

³⁰ Там же, оп. 37б, д. 143, л. 2 об. «В тот же день, т.е. 16 октября, и до вечера 17-го велась непрерывная учёба по управлению пулемётом и основой его работы, изучением его частей, на-

бойцы Куйбышевского батальона: «Возвратились в роту часов в 10 утра, привезли оружие: пулемёты, винтовки, гранаты... Весь огромный коридор школы заставлен пулемётами и патронными ящиками, все свободные руки бойцов, в том числе и дружинниц, заняты набивкой лент»³¹. О том, как 16–17 октября бойцы Свердловского батальона набивали пулемётные ленты в здании театра «Ленком», рассказывал гвардии майор С.П. Партигул: «Располагались мы в зрительном зале театра. Стулья были сдвинуты в сторону. На сцене происходила набивка патронов, а на полу мы спали. Присаживались на стулья и там отдыхали, изучали пулемёт»³².

Затем началось изучение материальной части оружия, гранат, строевые занятия³³. В первое время у бойцов отсутствовало обмундирование, большинство по-прежнему носили гражданскую одежду: «Вид у нас был боевой, но далеко не военный... кто в ботинках, кто в сапогах, в шубах, пиджаках и пальто. Всюду мелькали разноцветные мешки за плечами. Кепки, шляпы и шапки пестрели на головах» (из воспоминаний о формировании батальона Москворецкого района)³⁴. Схожая ситуация наблюдалась и в Свердловском районе: «Обмундирования форменного мы не получали, но те, кто был плохо одет или обут, тому выдавали обувь, телогрейки, шаровары и т.д.»³⁵; «Удаётся получить кое-где обмундирование, все одеты пёстро, кто в шапке, а кто в пилотке»³⁶.

16 октября в дополнение и изменение приказа от 14 октября командующим войсками оборонительного рубежа стал генерал-майор Д.В. Крамарчук³⁷, до этого — начальник штаба истребительных батальонов Москвы и Московской обл.; Фролов стал его заместителем³⁸. Рубеж разделили на три боевых участка, каждый под командованием начальника и комиссара³⁹. Остальные пункты приказа касались коммунистическо-комсомольских (они же рабочие) и истребительных батальонов, которые должны были занять оборонительный рубеж к 10 часам утра 17 октября с задачей не допустить прорыва противника. Их поручалось «свести в полки, сформировав из коммунистических и комсомольских батальонов два полка и четыре полка из истребительных батальонов»⁴⁰. Штабы полков сформировать по штату военного времени». Окружному

водкой, правилом ведения огня, скрытой подноской патронов... Для более успешной подготовки весь личный состав роты был распределён на отделения с таким расчётом, что в каждом отделении были первые и вторые номера, служившие [ранее] в РККА пулемётчиками» (Там же, л. 2 об.—3).

³¹ Там же, оп. 37а, д. 1, л. 2 об.

³² Там же, д. 8, л. 1 об. Из воспоминаний бывшего политработника Тимирязевского рабочего батальона Н.И. Жура от 26 февраля 1945 г.: «В одном углу землянки (автор ошибается, это происходило ещё в стенах школы, где формировался батальон. — К.Д.) пулемёт чешской системы изучает боец — помощник военного райпрокурора тов. Попов, в другом углу немецкий пулемёт изучает работник библиотеки Ленина тов. Козлов» (Там же, д. 15, л. 3).

³³ Там же, оп. 37б, д. 145, л. 2.

³⁴ Там же, д. 138, л. 2.

³⁵ Там же, д. 148, л. 3.

³⁶ Там же, оп. 37а, д. 1, л. 3 об.

³⁷ Находился в этой должности до 24 октября 1941 г.

³⁸ См. об этом интервью Бирюкова: Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 7, л. 10 об.

³⁹ Первый участок включал район Дмитровского, Ленинградского и Волоколамского шоссе; второй — магистраль Москва—Минск, Хорошёвское шоссе; третий — Можайское, Наро-Фоминское и Малоярославское шоссе от Кунцево до Люберец.

⁴⁰ Затем полков станет пять.

интенданту указывалось принять батальоны на довольствие и обеспечить их бесперебойным питанием⁴¹.

В 2 часа утра 17 октября Крамарчук издал приказ войскам рубежа, согласно которому «для обороны г. Москвы назначены два коммунистическо-комсомольских полка и пять истребительных полков, усиленных артиллерией и танками». 1-й и 2-й коммунистические полки под командованием майора Е.И. Зелика занимали оборону на боевом участке № 1 (северо-западные подступы). 1-й и 2-й истребительные полки обороняли участок № 2 (начальник — майор П.С. Гавилевский), а 3-й, 4-й и 5-й — участок № 3 (начальник — полковник С.Е. Исаев).

Сохранился боевой приказ № 1 штаба участка № 1 за подписью Зелика от 8 часов утра того же дня. В нём, в частности, говорится, что «мотомехчасти противника намереваются захватить северо-западные подступы к Москве и город Москву», в связи с чем полки должны организовать к 10 часам утра оборону по линии Владыкино—Иваньково—посёлок Хорошёвский—северная окраина Всехсвятского⁴². Сохранилось также боевое донесение № 1 того же штаба от 8 часов утра 18 октября о том, что полки в составе 11 рот к 19 часам вечера предыдущего дня заняли оборону на линии Владыкино—Никольское—Шукино. При этом 1-й полк в составе шести рот (Кировская, Первомайская, Сталинская, Сокольническая, Красногвардейская, Бауманская) оборонял участок Владыкино—Никольское—станция Подмосковная, а 2-й в составе пяти рот (Калининская, Ростокинская, Молотовская, Коминтерновская, Куйбышевская) — Никольское—Хорошёво—железнодорожная балка. При этом Зелик сообщил, что станковые пулемёты к стрельбе не готовы, подготовка пулемётчиков слабая, «бойцы стрельбой из винтовок не овладели, так как все винтовки иностранного происхождения, которые ранее не изучались», к тому же большинство винтовок не имеют ружейных принадлежностей⁴³. 19 октября Зелика сняли с должности за то, что он не смог организовать своевременный выход на рубеж обороны остальных 14 батальонов. 20 октября его сменил полковник А.И. Ромашенко, а Зелик стал начальником оперативного отделения штаба боевого участка.

По состоянию на 19 октября в 1-й полк вошли добровольцы 14 районов: Красногвардейского, Кировского, Первомайского⁴⁴, Сталинского, Сокольнического⁴⁵, Краснопресненского⁴⁶, Бауманского, Ленинградского, Советского⁴⁷,

⁴¹ ЦАМО, ф. 450, оп. 11158, д. 12, л. 12—13. Впервые приказ № 007/оп от 16 октября 1941 г. опубликован в сборниках: Москва — фронту. 1941—1945... С. 24—25; Ополчение на защите Москвы... С. 198—199.

⁴² ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 5, л. 2.

⁴³ Там же, д. 10, л. 5.

⁴⁴ О формировании рабочего батальона Первомайского района см. в отчёте о работе военного отдела Первомайского райкома по состоянию на 1 сентября 1942 г.: Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 25, д. 2, л. 2 об.

⁴⁵ О формировании рабочего батальона Сокольнического района см. стенограмму беседы за 12 марта 1943 г. с заведующим военным отделом Сокольнического райкома А.В. Виноградовым и политруком пулемётной роты батальона И.К. Головлёвым: Там же, оп. 18, д. 1, л. 2 об., 8.

⁴⁶ О формировании в Краснопресненском батальоне роты геологов из студентов и преподавателей Московского геологоразведочного института см. послевоенные воспоминания профессора И.Я. Пантелеева: Москва прифронтовая... С. 245—250.

⁴⁷ О формировании рабочего батальона Советского района см. воспоминания за январь 1942 г. батальонного комиссара Гольштейна и заместителя командира отдельного батальона свя-

Свердловского⁴⁸, Фрунзенского⁴⁹, Киевского, Ленинского и Тимирязевского⁵⁰. Штаб полка располагался в Тимирязевской сельскохозяйственной академии⁵¹. Во 2-й полк должны были войти добровольцы остальных 11 районов: Москворецкого⁵², Октябрьского⁵³, Дзержинского⁵⁴, Железнодорожного⁵⁵, Таганского, Калининского, Ростокинского⁵⁶, Молотовского⁵⁷, Коминтерновского⁵⁸, Куйбышевского⁵⁹ и Пролетарского. Его штаб расположился в районе деревни Щукино⁶⁰. Пунктом переформирования батальонов в стрелковые полки стала сельхозакадемия с прилежащими к ней оборонительными рубежами (Ли-

зи 130-й СД воентехника 1-го ранга Калинина: Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 145, л. 1–2; д. 143, л. 1–3.

⁴⁸ О формировании рабочего батальона Свердловского района см. стенограмму беседы с Партигулом, в октябре 1941 г. парторгом пулемётного взвода 8-й роты 3-го батальона 1-го коммунистического полка и воспоминания за 11 января 1942 г. П.М. Пшеничного — бывшего командира Свердловского рабочего батальона, а затем командира 664-го СП 130-й СД: Там же, оп. 37а, д. 8, л. 1–2 об.; оп. 37б, д. 148, л. 1–5. Последний погиб в бою в районе Сутоки 16 августа 1942 г.

⁴⁹ О формировании рабочего батальона Фрунзенского района см. воспоминания за 12 октября 1942 г. его бывшего военкома батальонного комиссара Бахирева: Там же, д. 144, л. 5–8.

⁵⁰ О формировании рабочего батальона Тимирязевского района см. воспоминания Жура за 9 октября 1942 г. и бывшего командира этого батальона М.Д. Кудрина: Там же, оп. 37а, д. 15, л. 1–3; оп. 37б, д. 144, л. 14–17 об.

⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 43, л. 6. Численность 1-го СП составляла на вечер 19 октября 5 606 человек (без учёта батальона Фрунзенского района), на 21 ноября — 5 456 (Там же, л. 14).

⁵² О формировании рабочего батальона Москворецкого района см. воспоминания за 9 марта 1942 г. старшего политрука Плинера, бывшего военкома Москворецкого рабочего батальона, за 13 января 1942 г.; младшего сержанта Королёва, а также бывших бойцов батальона: Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37б, д. 144, л. 1–4; д. 160; д. 138, л. 1–4; д. 164, л. 7–9.

⁵³ О формировании рабочего батальона Октябрьского района см. записи за 1942 г.: Там же, д. 144, л. 13–15.

⁵⁴ О формировании рабочего батальона Дзержинского района см. воспоминания за январь 1942 г. бойца-снайпера В. Козлова, Н. Кузнецова и бывших бойцов: Там же, д. 163, л. 4–6; д. 142, л. 1–3; д. 135.

⁵⁵ О формировании рабочего батальона Железнодорожного района см. воспоминания за 1942 г. его бывшего военкома Мельникова и бывших бойцов: Там же, д. 147, л. 1–2 об.; д. 164, л. 1–3, 9–11.

⁵⁶ О формировании рабочего батальона Ростокинского района см. воспоминания за 22 января 1942 г. интенданта 2-го ранга К.П. Фролова, а также стенограмму беседы с заведующим военным отделом Ростокинского райкома В.Д. Васильченко: Там же, д. 149, л. 1–3; разд. 9, оп. 10, д. 1, л. 1–1 об.

⁵⁷ О формировании рабочего батальона Молотовского района см. воспоминания за 1942 г.: Там же, разд. 1, оп. 37б, д. 139.

⁵⁸ О формировании рабочего батальона Коминтерновского района см. воспоминания за 11 января 1942 г. секретаря партбюро управления штаба 2-го стрелкового полка московских рабочих Валяева: Там же, д. 162, л. 1–5.

⁵⁹ Рабочий батальон Куйбышевского района насчитывал 670 человек, в основном состоял из служащих наркоматов (совхозов, финансов, боеприпасов и др.). О том, как происходило его формирование, см. стенограмму беседы от 19 сентября 1942 г. с его бывшим комиссаром Я.Ф. Богомолкиным: Там же, оп. 37а, д. 2, л. 1–1 об. О формировании пулемётной роты в составе батальона см. воспоминания младшего лейтенанта С.Н. Григорьева «Враг у стен Москвы» за август 1942 г.: Там же, д. 1, л. 1 об.—4 об.; опубл.: Москва прифронтовая... С. 238–241. См. также воспоминания за 1942 г. политруков А.П. Парфёнова — военкома 5-й батареи и И.А. Лихарева — военкома 4-й батареи лёгкого артиллерийского полка, а также бывшего политрука роты Д.С. Минина: Там же, оп. 37б, д. 141, л. 1–5; д. 140, л. 1–4 об.; д. 213.

⁶⁰ ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 43, л. 10. Численность 2-го СП составляла на 12 часов 19 октября 3 061 человек (без учёта батальонов Октябрьского и Таганского районов), на 21 ноября — 3 606 (Там же, л. 12).

хоборы)⁶¹. Командный состав полков формировался из слушателей последних курсов Военной академии им. Фрунзе. Так, майор Кузнецов стал командиром 1-го СП, а старший лейтенант Дудченко — начальником его штаба, капитан Довнар — командиром 2-го СП, старший лейтенант Павлов — начальником штаба. Но трудности заключались в том, что в батальонах «командный состав был из добровольцев, не имеющих воинской закалки», командование батальонов располагалось в зданиях школ, «и их местонахождение не всегда было известно»⁶².

В боевом приказе № 2 от 22 часов вечера 23 октября за подписью полковника Ромашенко говорится о местах дислокации частей участка № 1 в составе двух полков, усиленных тремя артиллерийскими дивизионами, и о необходимости подготовить оборону к 19 часам вечера 24 октября, «имея задачу не допустить противника к северо-западным подступам г. Москвы»⁶³. С этой целью в 15.30 24 октября штаб участка № 1 приказал организовать охрану всех шоссе и железнодорожных мостов на участке обороны 1-го и 2-го полков из расчёта одно стрелковое отделение с ручным пулемётом на каждый мост. 26 октября начальник штаба 2-го полка старший лейтенант Токарев донёс о выполнении приказа: Тушинский мост и само Тушино взяты под охрану 1-м батальоном, мосты в районе Гориносова и Павшина — 3-м батальоном, посты на них выставлены⁶⁴.

В боевом донесении № 1 штаба 1-го участка от 24 октября в штаб обороны войск Москвы говорится о том, что «формирование частей 1-го боевого участка в основном закончено». Даны подробные сведения о численном составе и боевом вооружении двух коммунистических стрелковых полков. 1-й полк состоял из четырёх батальонов, каждый из которых включал в себя три стрелковых и одну пулемётную (16 станковых пулемётов) роты, взводы связи, разведывательный и медико-санитарный. Специальные подразделения при управлении полка были сформированы полностью, за исключением батарей противотанковой артиллерии (из-за отсутствия материальной части). Общая численность личного состава составила 3683 человека, из них старшего комначсостава — 27, среднего — 265, младшего — 609, рядовых — 2782 человека. Признавалось, что «подготовка личного состава чрезвычайно низкая». На вооружении полк имел 2940 винтовок, из них отечественных — 388, французских — 1031, польских — 1100, английских — 72, канадских — 201 и чехословацких — 147. Станковых пулемётов насчитывалось 173 (из них отечественных — 77, чехословацких — 6, немецких «Максима» — 90), ручных — 110 (из них отечественных — 29, польских — 39, чехословацких — 11, американских — 15), пистолетов ППД и автоматов — 93, браунингов — 16.

⁶¹ В ходе формирования полков происходило слияние нескольких батальонов. Например, Ростокинский слился с Коминтерновским (Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 149, л. 2). Батальон Свердловского района объединили с батальоном Сокольнического, он стал именоваться 3-м стрелковым батальоном 1-го коммунистического полка (Там же, д. 148, л. 5).

⁶² Там же, д. 132, л. 1. 3-й коммунистический полк был образован позже — 30 октября 1941 г. под командованием майора Лукутина (военком — Жерихин, которого вскоре сменил Богомолкин). О том, как 29–30 октября происходило формирование полка, см. стенограмму беседы с Жерихиным: Там же, оп. 37а, д. 3, л. 4–4 об.; ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 43, л. 98–99, 101–101 об.; д. 40, л. 93.

⁶³ ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 5, л. 4.

⁶⁴ Там же, д. 6, л. 27–28.

2-й полк также состоял из четырёх батальонов общей численностью 3232 человека, из них старшего комначсостава — 12, среднего — 285, младшего — 365, рядовых — 2570 человек. Подготовка состава аналогична 1-му полку, на вооружении числилось 2077 винтовок (отечественных — 408, французских — 452, польских — 1212, австрийских — 5), 123 пистолета ТТ, 91 ручной и 113 станковых пулемётов⁶⁵. В результате из 25 рабочих/коммунистических батальонов Москвы в соответствии со штатами военного времени сформировали восемь батальонов, составивших два коммунистических полка. На 24 октября их численность достигла 7963, а к 30 октября, после передачи им некоторых специальных подразделений (артдивизионов), — 9753 человек⁶⁶.

Одновременно на рубежи обороны стали выходить бойцы истребительных батальонов, из которых сформировали пять полков. В.А. Колесниченко, бывший в те дни военным комиссаром батальона Железнодорожного района, вспоминал, что ещё 15 октября начальник Управления НКВД по Москве и Московской обл. Журавлёв вызвал к себе на совещание батальонных командиров и комиссаров и сказал, что «немцы находятся недалеко от Москвы, и надо подготовиться к отправке на фронт». 16 октября последовал приказ отбыть на рубеж. 17 октября командование батальона провожала секретарь райкома Наумова. «Мы погрузились и отправились в Воронцово, — рассказывал Колесниченко, — 3 километра от Москвы. Там нам были указаны позиции. Бойцы приступили к рытью окопов. Затем нас отправили в другое место, по направлению к Подольску, на окраину посёлка завода им. Сталина. Там мы вместе с населением принимали участие в рытье окопов и блиндажей. Это было уже 20 октября. За эти пять дней мы переходили с места на место... на участке Котлов. Мы рыли окопы самостоятельно, а рядом с нами население рыло оборонительные укрепления. Через два дня мы вырыли окопы и засели в них. Затем нас сменила кадровая часть, и нас перебросили обратно в Кунцевский район, в деревню километров 10 от Москвы. Мы снова там вырыли окопы в конце октября и начале ноября и стояли там 2 месяца. Каждая рота заняла свою позицию, и батальон, включившись в полк⁶⁷, вместе с полком готовился к обороне. Наши бойцы принимали участие в разведке, в передовом охранении и здесь стояли до января месяца»⁶⁸.

Следует отметить, что добровольческие формирования включали в себя довольно много девушек и женщин. Только в 3-й МКСД их насчитывалось до 600. «Помню, что в полку и во всей дивизии оказалось много женщин, не толь-

⁶⁵ Там же, д. 7, л. 3—5. «На 24.10.1941 г. во всех рабочих батальонах, из которых затем будут сформированы два полка, русские винтовки составляли немногим больше одной пятой от всего числа» (Битва за Москву... С. 140).

⁶⁶ Битва за Москву... С. 136.

⁶⁷ Батальон Железнодорожного района входил в состав 4-го истребительного полка 2-го боевого участка Западной группы войск, с 29 октября передан в состав 2-й отдельной бригады московских рабочих, которую 15 ноября преобразовали в 5-ю МСД.

⁶⁸ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 17, д. 4, л. 2 об. — 3; впервые опубли.: Москва военная... С. 287—293. Подробное описание того, как истребительный батальон Ленинского района вышел на оборонительные рубежи в районе Кунцево—Аминьево, оборудовал линию обороны, проводил боевую подготовку и др., см. материалы к истории батальона, подготовленные его бывшими бойцами В. Новским и А.Е. Хлебниковым: Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 7, д. 5. Об истории формирования и участии в обороне на ближних подступах к столице истребительного батальона Первомайского района см. стенограммы бесед за 1947 г. с его бывшими бойцами: Там же, разд. 1, оп. 255, д. 3, 5—6, 8, 11—13.

ко медработников. Они входили и в лыжный батальон, а позднее главным образом в санбат и в канцелярию полка»⁶⁹, — вспоминал в 1965 г. А.Л. Сидоров, в октябре 1941 г. политрук 3-го полка 3-й МКСД, будущий директор Института истории АН СССР. «Часть девушек потом отсеяли, и нас осталось человек 15. Мы стояли в школе несколько дней, рвались в бой. Ничего не было, дали какие-то канадские винтовки, доисторические, — рассказывала бывшая медсестра 3-й МКСД Л.М. Бернштейн. — Я была в сапёрной роте. Ребята строили укрепления, тянули проволочное заграждение, я ходила с ними. Поцарапается кто-нибудь, ужалится — я оказывала помощь, добывала хлеб ребятам у крестьян, иногда молоко»⁷⁰.

24 октября приказом № 013 командующего войсками МВО Артемьева части обороны, занимавшие участки на ближних подступах к Москве, свели в три войсковые группы: северо-западную, западную и юго-западную. Первая (бывший боевой участок № 1), командиром которой стал бывший комендант 35-го укрепрайона полковник Ромашенко, состояла из 1-го и 2-го коммунистических стрелковых полков⁷¹, 262, 276 и 278-го отдельных артдивизионов противотанковой обороны (ПТО). Её задача состояла в обороне полосы по линии Коровино—Химгородок—Шукино—Марьино Роща с целью прикрыть Клинское и Волоколамское направления. Разведку следовало вести в направлениях: Шереметьевский, Чёрная Грязь, Юрлово, Нахабино.

Вторая группа (бывший боевой участок № 2)⁷² под командованием Крамарчука, состояла из 1–5 истребительных стрелковых полков⁷³, 49-й отдельной роты, 261, 266, 267, 273-го отдельных артдивизионов ПТО, дивизиона РС, 16-го и 17-го воздухоплавательных отрядов. Она должна была оборонять полосу Шукино—Конюшки—Кунцево—Раменки—Никольское—Воронцово—Шелепиха—Воробьёво с целью прикрытия Можайского и Наро-Фоминского направлений. Передовая позиция устанавливалась на линии Тропарёво—Сетунь, а разведку предстояло вести вдоль Можайского и Наро-Фоминского шоссе и старой Калужской дороги до рубежа Покровское—Малые Вязёмы—Апрелевка—Красная Пахра.

⁶⁹ Москва прифронтовая... С. 238.

⁷⁰ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 13. Об участии в обороне Москвы в составе рабочего батальона Дзержинского района см. воспоминания К. Кравченко за 1942 г. а также воспоминания за 13 января 1942 г. машинистки 1-го батальона 2-го стрелкового полка 3-й МКСД М. Шеболаевой: Там же, оп. 37б, д. 137, д. 159.

⁷¹ При публикации ошибочно напечатали: «Боевой состав: 1-й и 4-й коммунистические сп» (Москва — фронту. 1941–1945 гг. ... С. 30). Эта ошибка в более грубой форме («1-я и 4-я коммунистические сд») перекочевала в сборник: Ополчение на защите Москвы... С. 218.

⁷² Управление Московского оборонительного рубежа преобразовали в управление Западной группы.

⁷³ По документам ЦАМО РФ удалось установить, что 3-й, 4-й и 5-й истребительные полки вплоть до 28 октября составляли 2-й боевой участок Западной группы войск обороны Москвы и состояли из 15 истребительных батальонов (3-й полк — Молотовский, Калининский, Фрунзенский, Пролетарский и Кировский батальоны; 4-й полк — Сталинский, Сокольнический, Ростокинский, Первомайский и Железнодорожный; 5-й полк — Октябрьский, Дзержинский, Тимирязевский, Ленинградский и Свердловский батальоны). Вскоре Сталинский батальон передали в подчинение 332-й СД Юго-Западной группы войск обороны. 1-й и 2-й полки составляли 1-й боевой участок Западной группы, их формировали за счёт остальных 10 батальонов (ЦАМО РФ, ф. 1392, оп. 1, д. 5, л. 1–2 об.). 27 октября состав истребительных полков этой группы пополнили батальоны Красногорского, Химкинского, Кунцевского, Ленинского, Люблинского, Перовского и Ухтомского районов (URL: <https://buchwurm.livejournal.com/472388.html>).

Наконец, третья группа (бывший боевой участок № 3), которую возглавил командир 332-й СД полковник С.А. Князьков, состояла из 332-й стрелковой дивизии им. Фрунзе, 268-го отдельного артдивизиона ПТО и отдельного истребительного батальона⁷⁴ и обороняла полосу Деревлево—Котляково—Братеево—Нижние Котлы—Нагатино, прикрывая подольское направление. Передовая позиция располагалась по линии Узкое—Красное—Царицыно—Хохловка. Разведку следовало вести в направлениях: Подольск, Домодедово, Бронницы⁷⁵.

В это же время был утверждён новый план обороны Москвы⁷⁶. К началу ноября все имеющиеся войска насчитывали 39023 человека. При этом 24304 (62,3%) составляли добровольцы рабочих (коммунистических) и истребительных батальонов. Партийно-комсомольская прослойка в первых составляла 80–90%, во вторых — 60%⁷⁷.

Приказом МВО № 0021 от 28 октября управление Северо-Западной группы войск и два коммунистических полка были преобразованы в Дивизию московских рабочих под командованием полковника Ромашенко. В её составе создали третий полк, объединив 3-й и 5-й батальоны 1-го и 4-й батальон 2-го коммунистических полков. Истребительные полки 1-го и 2-го боевых участков Западной группы войск преобразовывались в 1-ю и 2-ю отдельные бригады московских рабочих⁷⁸. С этого момента, на мой взгляд, начинался новый этап

⁷⁴ Речь идёт об истребительном батальоне Сталинского района, приданном 332-й СД с задачей прикрывать левый фланг Юго-Западной группы. 19 ноября его окончательно оформили как отдельный батальон и включили в состав 332-й СД (ЦАМО РФ, ф. 450, оп. 11179, д. 1, л. 44–46).

⁷⁵ Ополчение на защите Москвы... С. 218–220. 2-я московская стрелковая дивизия составляла резерв (Битва за Москву... С. 148). К этому времени передовая граница полосы обеспечения оборонительного рубежа проходила по линии Химки—Митино—Архангельское—Рождествено—Одинцово—Рассказово—Прокшино—Гавриково—Боброво—Табалово—Мисаилово—Дроздово. Главная полоса обороны: Коровино—Химгородок—Никольское—Серебряный бор—Кунцево—Котлярово—Братеево. Вторая полоса оборудовалась по линии Московской окружной железной дороги.

⁷⁶ ЦАМО РФ, ф. 450, оп. 11158, д. 7, л. 5–11.

⁷⁷ Битва за Москву... С. 145. В сводке МГК о количестве добровольцев на 15 ноября значилось: в народном ополчении — 105 490 человек, в истребительных батальонах — 12 581, в рабочих — 10 141, в отрядах истребителей танков — 1 635 (Выстояли и победили... С. 176–177). Часть людей из отрядов истребителей танков направлялась в ополченческие части. Так, например, 11 ноября 56 бойцов сформированного в Коминтерновском районе противотанкового истребительного батальона (отряда) по указанию партийных органов направили в 1-ю отдельную бригаду московских рабочих (ЦГА Москвы, ф. П-68, оп. 1, д. 201, л. 15).

⁷⁸ ЦАМО РФ, ф. 1392, оп. 2, д. 5, л. 3. В первом параграфе приказа частям Дивизии московских рабочих № 002 от 1 ноября говорилось: «На основании приказа войскам Московского военного округа № 0021 от 28.10.1941 г. переименовать Северо-Западную группу обороны г. Москвы в Дивизию московских рабочих». Далее речь шла о переходе дивизии на новые штаты и создании предусмотренных по ним спецподразделений. Так, например, создавался артиллерийский полк ПТО из трёх дивизионов (262, 276 и 278-й), ранее приданных 1, 2 и 3-му стрелковым полкам московских рабочих. Также создавалось управление артиллерийского полка ПТО со взводом управления (Там же, ф. 1167, оп. 1, д. 7, л. 7). Аналогично и бывшие истребительные полки преобразовывались в отдельные бригады рабочих. Например, формирование управления 2-й бригады должно было происходить за счёт личного состава бывшего 38-го УР, а 4, 5 и 3-й стрелковые полки переименовывались в 7, 8 и 9-й полки московских рабочих. Также за счёт двух отдельных артдивизионов 38-го УР (261 и 268-го) и взвода управления создавался артполк ПТО (Там же, ф. 1392, оп. 2, д. 5, л. 1–2). Командиром 2-й отдельной бригады московских рабочих стал полковник Исаев. В приказе № 002 от 29 октября по 2-й отдельной бригаде московских рабочих значилось, что «во исполнение приказа войскам МВО от 28.10.1941 г. считать сего числа 2-й боевой участок Западного оборонительного рубежа г. Москвы расформированным... с 29.10.1941 г. именовать 2-й отдельной бригадой московских рабочих» (Там же, оп. 1, д. 103, л. 4). 1-ю отдельную бригаду в составе трёх полков (3,

в истории осенних добровольческих формирований — они пошли по пути необратимого преобразования в кадровые части РККА. В те же дни (28–30 октября) окончательно расформировали рабочие/коммунистические батальоны, а их личный состав распределили по подразделениям вновь созданной дивизии⁷⁹. «Мы перешли на довольствие красноармейского пайка в 1 СП, так как до 29.10.41. мы питались в столовой треста Главресторан, частично за свой счёт и за счёт райсовета», — вспоминал спустя несколько лет Гольштейн⁸⁰. Схожую ситуацию наблюдал Партигул, тогда политработник батальона Свердловского района: «Мы перешли на нормальное питание частей Красной армии — походная кухня, котелки и т.д. К этому же времени мы были и обмундированы. Причём вместо удобных бушлатов нам выдали почему-то чёрные шинели, которые придали нам вид не то пожарных, не то вахтенной охраны»⁸¹.

Организационная перестройка войск обороны Москвы продолжилась. Приказом частям 2-й бригады № 006 от 15 ноября 1-ю и 2-ю отдельные бригады московских рабочих преобразовали в 4-ю и 5-ю московские стрелковые дивизии⁸². Дивизия московских рабочих в соответствии с приказом о переименовании и переходе на новые штаты № 003 от 17 ноября стала 3-й МКСД⁸³.

В начале–середине ноября на Западном фронте наступила оперативная пауза: немецкие части не сумели прорваться к Москве, им пришлось остановить наступательные действия для перегруппировки и подтягивания резервов. Благодаря этому части обороны столицы смогли завершить оборудование оборонительного рубежа, провели боевую и политическую подготовку, боевое слаживание («сколачивание»), доукомплектование личным составом⁸⁴. Работа проходила в быстром темпе. Так, боевой приказ по Дивизии московских рабочих № 10 от 3 ноября требовал от командиров полков к исходу дня завершить строительство оборонительных сооружений, а для личного состава построить землянки-блиндажи, оборудовав их нарами, матами и печами. Основной упор в боевой подготовке следовало сделать на практическом освоении оружия, состоящего на вооружении бойцов, отделений, взводов, рот, и на умении бороться с танками в любых условиях. Оружие во время строительных работ следовало держать вблизи, составленным в козлы, под охраной часового. Категорически запрещалось размещать личный состав для отдыха в домах⁸⁵.

С 29 октября 3-я рота 2-го СП, получив полное обмундирование, выступила на новый оборонительный рубеж в районе деревни Щукино. Бойцы

4 и 5-й) сформировали из состава управления и частей 1-го боевого участка Западной группы войск обороны, её командиром стал майор Гавилевский (Там же, ф. 1387, оп. 2, д. 1, л. 1).

⁷⁹ В частности, рабочий батальон Советского района расформировали приказом по батальону № 4 от 29 октября, а его личный состав распределили по подразделениям 1-го СП (Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 4, л. 6–12).

⁸⁰ Там же, д. 145, л. 2.

⁸¹ Там же, оп. 37а, д. 8, л. 3 об.

⁸² ЦАМО РФ, ф. 1392, оп. 1, д. 103, л. 11–12.

⁸³ Там же, ф. 1167, оп. 1, д. 7, л. 9–10.

⁸⁴ 11 ноября штаб обороны Москвы потребовал от частей представить в отдел укомплектования заявку на пополнение до штатной потребности рядовыми и младшим начсоставом по военно-учётным специальностям (Там же, ф. 450, оп. 11179, д. 1, л. 5). 21 ноября мобилизационно-организационный отдел штаба МВО директивой № 0119 на укомплектование личным составом частей обороны определил следующую численность: для 3-й МКСД — 1 055 младшего начсостава и 1 258 рядового; для 5-й МСД — 518 и 1 378; для 4-й — 455 и 772; для 2-й — 126 и 645 (Там же, л. 58 об.).

⁸⁵ Там же, ф. 1167, оп. 1, д. 6, л. 16.

роты вспоминали: «Наряду с земляными работами проводились первые боевые стрельбы, бросание гранат и зажигательных бутылок. Многие из бойцов здесь стреляли впервые... бойцы впервые перешли жить в землянки, которые оборудовали хорошо и в короткий срок, даже провели электричество и радио». 13 ноября рота передвинулась ближе к фронту, в район деревни Мякинино, где «приходилось сочетать работу на постройке рубежа с круглосуточными усиленными караулами по охране рубежа, мостов и минных полей. Постройка рубежа была проведена в очень короткий срок. Начавшиеся морозы и непрерывные боевые тревоги не приостановили темпов работ и боевой и политической учёбы на рубеже»⁸⁶. С другой стороны, Партигул свидетельствовал: «Более или менее нормальная учёба началась только в ноябре... начали проводиться учебные стрельбы»⁸⁷.

Наряду с военным обучением добровольцев, многие из которых до этого не служили в армии, важнейшей задачей командиров и политработников стало поддержание дисциплины, изучение и освоение личным составом воинского устава, армейских порядков. В сентябре 1942 г. Богомолкин рассказывал: «Народ был сугубо гражданский. У нас было много директоров, начальников главков. Получилось так, что младший командир, командир взвода и даже отделения командовал над своим начальником главка. Тот рядовым оказался, а этот командиром отделения. Он очень робко к нему подходил: Пётр Иванович — гроза вчерашняя. Нам много пришлось поработать над авторитетом и ролью низового командира. Большое панибратство было. Они вместе выпивают — свои люди, с одного завода, из одной организации. А на второй день у них ничего не клеится. Командир роты пил с ними, а те ему достают, потому что они влиятельные люди. Обратно возвращаются: этот командир, этот подчинённый — ничего не получается. Подчинённый смотрит на командира: да брось ты петушиться, я тебя не знаю, что ли. Нам иногда даже приходилось репрессировать больших людей»⁸⁸. Партигул отмечал: «Слабость дисциплины определялась общей неорганизованностью и тем, что часть ещё не устоялась... Так как бойцам разрешалось ходить в магазины за хлебом и другими вещами, многие ходили и не спрашивая разрешения»⁸⁹.

По-видимому, одним из первых документов, касавшихся боевой подготовки личного состава, стал приказ штаба 3-й МКСД № 007 от 11 ноября. В нём формулировались цели и задачи для старшего, среднего и младшего командного состава, рядовых бойцов⁹⁰ и штабов разных уровней. В частности говорилось: «При проведении занятий по боевой подготовке особое внимание обратить на отработку смелого, инициативного бойца и командира, готового вести бой в окружении с превосходящими силами противниками до полного его уничтожения. Обратить особое внимание на отработку вопросов ведения боя и огня ночью и при наличии распутицы и снега. 30% всех занятий проводить ночью, тренируя комсостав и бойцов в умение быстро ориен-

⁸⁶ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 138, л. 5–6 об.

⁸⁷ Там же, оп. 37а, д. 8, л. 3. «Когда мы надавали много оружия, начали массово практиковаться, пошли ЧП: и при чистке стреляют, и при разборе стреляют, гранаты не добрасывают. А мы уже вышли воевать» (Там же, д. 2, л. 2).

⁸⁸ Там же, д. 2, л. 1 об.–2.

⁸⁹ Там же, д. 8, л. 3.

⁹⁰ Так, согласно приказу, рядовые должны были научиться самоокапыванию и маскировке в обороне и наступлении, штыковому бою (особенно в окопах).

тироваться на местности»⁹¹. 21 ноября вышел приказ по 3-й МКСД № оп/27, который требовал от командиров стрелковых полков срочно закончить все оборонительные работы и с утра 23 ноября перейти на 12-часовые занятия по боевой подготовке⁹².

Но провести полноценную подготовку ни 3-я дивизия, ни её соседи — 4-я и 5-я — не успели, так как обстановка на фронте резко изменилась: противник возобновил наступление. Утром 26 ноября, когда немецкие танковые и пехотные дивизии вышли на рубеж Рогатино—Беладино—Солнечногорск, последовал приказ по 3-й МКСД № 7 о приведении войск обороны в полную боевую готовность. В нём говорилось: «Всем частям и подразделениям дивизии занять основные боевые позиции в окопах и блиндажах. Командирам частей перейти на основные командные и наблюдательные пункты». Командиры подразделений дивизии должны были организовать усиленную разведку по четырём направлениям с целью обнаружения противника⁹³. Было приказано «немедленно выдать на руки бойцам зажигательные бутылки из расчёта по две на каждого бойца и по две противотанковые гранаты», а также мобилизовать приданные дивизии огнемётные подразделения⁹⁴. В боевом донесении штаба 3-й МКСД № 2 в штаб обороны Москвы от 27 ноября говорилось: «Части дивизии к 20.00 26.11.1941 г. приведены в полную боевую готовность, личный состав частей находится в окопах, командиры частей на своих основных КП (Командный пункт. — *К.Д.*). Батальоны обеспечены боевыми патронами по одному боевому комплекту на руках и одному на БПП (Батальонный патронный пункт — *К.Д.*). Снабжены бутылками с зажигательной жидкостью и противотанковыми минами. Штаб дивизии на КП переходит 11.00 28.11.1941 г.»⁹⁵. 30 ноября вышел приказ по 3-й МКСД № 0011 «О взрыве минированных объектов», согласно которому части дивизии, на участках которых расположены такие объекты, должны были немедленно привести их в готовность, проверив исправность подрывного оборудования⁹⁶.

В связи с продвижением противника вдоль Волоколамского шоссе части 3-й МКСД вновь приводились в полную боевую готовность. Командиры получили приказ проверить ориентацию системы огня на стыках между полками, а командир 2-й СП — увязать и проверить систему огня на стыке с частями 4-й МСД⁹⁷. 4—5 декабря командиры 1-го и 3-го СП получили указания отдельными батальонами занять новые рубежи обороны — на направлениях вероятных подступов противника — и приготовиться не допустить его продви-

⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 41, л. 54.

⁹² Там же, д. 8, л. 80.

⁹³ Там же, д. 5, л. 23.

⁹⁴ Там же, д. 6, л. 8.

⁹⁵ Там же, д. 10, л. 1. В это же время в целях наилучшего использования отдельных артиллерийских дивизионов ПТО, находившихся в составе артиллерийских частей обороны, установления тесной связи с пехотой и взаимодействия с ней, четыре артдивизиона ввели в состав стрелковых дивизий, «считая их дивизионами ПТО дивизий, ввиду неукomплектованности последними дивизий», а оставшиеся три оставить отдельными дивизионами с временной передачей их соответствующим дивизиям (приказ штаба обороны г. Москвы № 016 от 27 ноября). В штат 3-й МКСД вошёл 278-й отдельный артдивизион (ОАД) и ей же временно придали 262-й; в состав 4-й МСД — 266-й и 267-й; в состав 5-й МСД — 273-й и 261-й. 268-й ОАД вошёл в состав 332-й СД (Там же, ф. 450, оп. 11179, д. 1, л. 73).

⁹⁶ Там же, ф. 1167, оп. 1, д. 41, л. 47.

⁹⁷ Там же, д. 6, л. 6.

жения к переднему краю обороны⁹⁸. Партигул отмечал: «Режим был такой, как будто мы находимся на переднем крае: спали, не раздеваясь, пулемёты всегда находились в окопах, причём полрасчёта дежурила у пулемёта, а половина отдыхала»⁹⁹. Бывший доброволец с завода «Москабель» лейтенант А.И. Малыгин рассказывал: «Мы заняли оборону, рыли окопы, делали землянки. Немцы были у Химок... были случаи, что происходили авиационные налёты, просачивались немецкие автоматчики»¹⁰⁰. Другой ополченец с того же завода В.Г. Егоров, направленный в район Дмитрова на охрану минных полей и мостов, вспоминал: «Боеприпасы мы брали с собой. В окопах было сделано хранилище, где лежали гранаты. Личное оружие было с собой: винтовка, пара гранат РГД. Остальные гранаты были в специальном хранилище в окопах... Однажды нам подвезли горячую пищу. Мы вылезли пообедать, в это время нас обстреляли немцы с самолёта, среди бела дня... Расставили посты. У каждого моста мы заложили тол, провели соответствующие шнуры. Цель была такая: на случай наступления немцев мы преграждаем им путь и взрываем мосты»¹⁰¹.

Как только началось успешное контрнаступление советских армий и миновала непосредственная угроза захвата столицы, ополченческие дивизии, со 2 декабря входившие в Московскую зону обороны, вновь приступили к боевой подготовке, началось их доукомплектование недостающим личным составом и специальными частями. 14 декабря последовал приказ командиру 3-го стрелкового полка 3-й МКСД снять передовые отряды с занимаемых рубежей, а все заграждения и минированные объекты в районах передовых отрядов сдать по акту воинским частям, расположенным впереди¹⁰². 15 декабря вышел приказ № 018 «О боевой подготовке частей и подразделений», согласно которому с 16 декабря в частях дивизии, находившихся на позициях, предстояло отводить на боевую подготовку шесть часов в день плюс два часа ежедневно на самоподготовку к предстоящим занятиям. В специальных подразделениях и частях, которые не находились на оборонительных позициях, на занятия по боевой подготовке отводилось 12 часов в день. Главное внимание следовало уделить «изучению оружия и подготовке его к безотказному действию в зимних условиях», «умению вести меткий прицельный огонь каждым стрелком и наводчиком», «знанию команд по управлению огнём командиром отделения и взвода», «изучению местности, её разведыванию, наблюдению за полем боя», «быстроте изготовления к бою отделения и взвода, добываясь инициативного занятия места бойцом в боевом порядке»¹⁰³. Н.И. Жур вспоминал, что военная подготовка личного состава и материальное обеспечение специальных подразделений заметно усилились в середине декабря, а лозунгом на декабрь 1941 — январь 1942 г. стал призыв в ускоренные сроки подготовить из себя грамотных в военном деле бойцов¹⁰⁴. При этом учёба сочеталась с непосредственной обороной Москвы. «Тактические занятия в масштабе отдельных частей и в целом

⁹⁸ Там же, л. 4—5. Подробнее о боевой деятельности отдельных разведотрядов ополченческих дивизий, их участии в оборонительных боях в конце ноября — начале декабря см.: Битва за Москву... С. 243—246.

⁹⁹ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, л. 8, л. 3.

¹⁰⁰ Там же, д. 18, л. 2.

¹⁰¹ Там же, д. 19, л. 2 об.

¹⁰² ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 6, л. 1.

¹⁰³ Там же, д. 41, л. 30.

¹⁰⁴ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 15, л. 3.

дивизией... показали, что личный состав дивизии в основном сложен, оружием овладел и с основами элементарной тактики наступательного боя и обороны знаком... занятия получили высокую оценку со стороны командующего МВО генерал-лейтенанта Артемьева и члена Военного совета дивизионного комиссара Телегина. Тов. Щербаков поставил задачу отработки ряда специальностей, как то: снайперов, миномётчиков и др.», — вспоминал тогдашний начальник политотдела дивизии Бирюков¹⁰⁵.

Приказ № 076 от 28 декабря «Об итогах боевой подготовки за декабрь и задачах на январь 1942 г.» отметил главные ошибки при проведении занятий: «Большинство командиров плохо готовится к проведению занятий, в результате чего качество учёбы низкое... в учёбе с командным составом и особенно с бойцами руководители занятий допускают словесность, всячески избегая показ и практическую тренировку в показанном, в силу этого усвояемость низкая... большинство занятий проводятся не практически в поле, на стрельбище, в тире и т.д., а в помещении и землянках теоретически... ночные тактические занятия большинством командиров частей и подразделений недооцениваются, практически их не проводят»¹⁰⁶. Основной ставилась задача по «сколачиванию отделений, взвода и роты». Тактическую подготовку требовалось вести по темам наступательного боя и отрабатывать с таким расчётом, чтобы «к концу января части могли делать трёхсуточные марши с боями при минимальном отдыхе и быть боеспособными». Взводные и ротные учения следовало проводить методом подвижных лагерей на двухсторонних занятиях, причём каждая рота должна была пройти в январе два трёхсуточных марша. Треть всех тактических занятий проходила ночью. Наконец, запрещалось проводить занятия методом лекций и читки уставов, только практически, главным образом в поле. Заканчивался приказ призывом, чтобы к 1 февраля «наша коммунистическая дивизия по своей сколоченности и подготовленности к бою приблизилась к уровню подготовки кадровой дивизии»¹⁰⁷.

4 января 1942 г. начальник штаба 4-й МСД подполковник Блинов подал докладную записку, в которой проанализировал боевую и политическую подготовку комсостава и рядовых бойцов. Он сделал вывод, что «дивизия боеспособна и готова к выполнению боевых задач... однако наступательный бой в частях и подразделениях дивизии требует тщательной и упорной работы личного состава... особенно по организации взаимодействия родов войск»¹⁰⁸.

Одной из главных задач, поставленных перед командованием частей 3-й МКСД, стало перевооружение их одним видом и типом оружия. С этой целью началось его внутреннее перераспределение. Начальник артснабжения

¹⁰⁵ Там же, д. 7, л. 11 об. О тактических занятиях, проходивших 6 января 1942 г. в 1-м батальоне 2-го СП 3-й МКСД, см. в воспоминаниях К. Кравченко: Там же, оп. 376, д. 137, л. 5.

¹⁰⁶ ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 41, л. 1.

¹⁰⁷ Там же, л. 2–3. В приказе № 083 от 1 января 1942 г. «Об итогах проверки боеготовности подразделений 3-го СП и ход боевой подготовки» отмечено, что «боевая подготовка... формально развернута, но качество проводимых занятий далеко не соответствует современным требованиям и проводится на чрезвычайно низком уровне». Как вопиющий факт отмечалось отсутствие во 2-м взводе 5-й роты при обучении бойцов штыковому бою палок и чучел на них, в результате чего уклады производятся в воздух. Кроме того, «бойцы допускаются к стрельбе из чужих винтовок, что совершенно неправильно, в результате чего показатели по стрельбе неудовлетворительны». Каждый взвод обязали к 3 января иметь палки и чучела для обучения бойцов штыковому бою и улучшить качество стрелковой подготовки (Там же, л. 6–7).

¹⁰⁸ Там же, ф. 56, оп. 12241, д. 674, л. 5–7.

1-го СП младший лейтенант Агов вспоминал, что это позволило вооружить весь личный состав 1-го батальона полка русскими винтовками, 2-го — польскими и 3-го — французскими. Все канадские винтовки с вооружения изъяли, «затем, по мере поступления русских винтовок, стали изыматься из 3-го батальона французские винтовки. В настоящее время (январь или начало февраля 1942 г. — *К.Д.*) на вооружении полка остались только два вида стрелкового оружия: русские и польские винтовки»¹⁰⁹. Также перераспределили ручные и станковые пулемёты. На вооружении его полка остались только станковые пулемёты «Максим» калибра 7,62 мм¹¹⁰.

Часть бойцов бывших рабочих/коммунистических батальонов, признанных негодными к службе на фронте по возрасту и состоянию здоровья, откомандировали в распоряжение райкомов ещё в конце октября — начале ноября 1941 г. Например, из Советского батальона отчислили 60 человек¹¹¹, из Куйбышевского — 50¹¹². 25 ноября штаб 3-й МКСД направил командирам и военкомам частей директиву, в которой указал: «В соответствии указаний Военного совета МВО и в дополнение к нашей директиве № 082 от 21.11.41 “Об увольнении рядового состава непризывного возраста” разъясняю. Произвести увольнение рядового состава непризывного возраста, который нецелесообразно использовать (больные, политически неблагонадёжные, с солидным преклонным возрастом, физически слабый и является обузой). Командир дивизии разрешает оставить рядовой состав 17–18-летнего возраста — способный, энергичный, физически развитый и желающий отбивать врага от столицы. Также разрешаю оставить женщин-дружинниц в боевых подразделениях (пулемётчики, снайперы) — способных, смелых и энергичных, которые подчас не уступят по качеству мужчинам»¹¹³. Егоров в интервью отмечал: «Здесь мы переформировались. Отсеяли старые возрасты. У нас был разношёрстный состав по возрасту: были бойцы 1892 г.р. и 17–18-летние девушки. Нам было указано отсеять старые возрасты и очень молодые, отобрать самый цвет. Среди девушек было недовольство, что мы их отсеяли... Из 18-ти девушек, находившихся в роте, оставили 5, причём одну послали в санбат, остальных оставили бойцами»¹¹⁴. На их место приходили призывники из запасных полков столицы и Подмосковья.

Преобразование бывших рабочих/коммунистических и истребительных батальонов в полноценные кадровые части РККА закончилось в январе 1942 г. созданием и укомплектованием спецподразделений во всех московских дивизиях осеннего формирования: артиллерийского полка, медсанбата¹¹⁵, отдельных моторазведывательного¹¹⁶ и сапёрного батальонов, батальона

¹⁰⁹ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 376, д. 150, л. 1. При слиянии батальонов в 1-й СП оказалось, что бойцы вооружены разнотипными и разнокалиберными винтовками, преимущественно иностранного образца (французские — 33%, польские — 30, канадские — 15, русские — только 22%).

¹¹⁰ Там же, л. 1 об.

¹¹¹ Там же, д. 145, л. 2.

¹¹² Там же, д. 140, л. 4.

¹¹³ ЦАМО РФ, ф. 1167, оп. 1, д. 42, л. 7. Скорее всего, выполнить этот приказ командиры частей смогли лишь после начала контрнаступления советских войск, т.е. не раньше середины декабря.

¹¹⁴ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 19, л. 3.

¹¹⁵ О формировании медсанбата в 3-й МКСД см.: Там же, д. 5, л. 1.

¹¹⁶ Об этом см.: Там же, д. 7, л. 15–15 об.

связи, автороты подвоза и даже танковой роты, которой не полагалось быть в штате дивизии¹¹⁷.

Необходимо сказать несколько слов о помощи со стороны партийных и советских органов власти, оказанной добровольческим формированиям, несмотря на тяжелейшую военно-политическую и экономическую обстановку, а также о личном участии в оказании этой помощи Щербакова. Бирюков отметил немаловажный факт: многие райкомы партии поддерживали связь со «своими» батальонами. Вплоть до декабря они обеспечивали бойцов, командиров и политработников не только папиросами, табаком и продуктами, но даже горячей пищей (через отдельные столовые), тем самым облегчив им постепенный переход на армейское питание: «Зачастую на третье блюдо подавался не только компот, но и в октябре, ноябре и декабре месяцах 1941 г. даже пирожное. На закуску, как правило, подавались икра, сельди и обязательно водка. Это усиленное питание дало возможность напряжённой работе по сооружению обороны под Москвой, где необычайно большой объём земляных работ преодолевался не только энергией, но и подкреплялся питанием». Руководство Краснопресненского райкома вплоть до отъезда дивизии на Северо-Западный фронт обеспечивало «свой» рабочий батальон не только продуктами, но и тёплым бельём, свитерами, шарфами; также помогали в оснащении батальонов Бауманский, Сталинский, Сокольнический и Куйбышевский райкомы. Большую помощь в обеспечении посудой (ложки, миски, тарелки, котелки, половники и т.д.) оказал Московский горком комсомола, организовавший сбор этих вещей в порядке помощи комсомольской организации дивизии¹¹⁸.

Щербаков требовал от политотдела дивизии ежедневных докладов о ходе обеспечения районами рабочих батальонов, во второй половине октября помог с обеспечением Северо-Западной группы обороны Москвы лошадьми, упряжью и фуражом, затем организовал сбор валенок и зимнего обмундирования для бойцов. Перед отъездом на фронт Бирюков вместе с командиром и комиссаром дивизии побывал на встрече с ним: «Прощаясь, он говорил о том, что мы должны беречь народ, воевать разумно, хитростью и не допускать необдуманных поступков со стороны даже младших командиров; как можно больше уделять внимания вопросам материально-бытового обеспечения бойцов, следить, чтобы люди всегда были сыты, чисты, тепло одеты, обеспечены оружием. Прощаясь, Щербаков просил передать всем бойцам, командирам и политработникам, что Московский комитет партии в целом, создавая дивизию, кровно связан с ней, любит её и будет всячески помогать и поддерживать её. Пожелал боевых успехов и сказал в рифму: “Вам ни пуха, ни пера, ждёт Москва от вас добра”»¹¹⁹.

Располагаясь на московском оборонительном рубеже, ополченческие дивизии осеннего формирования стали важным резервом, прикрывавшим тылы Западного фронта на случай немецкого прорыва к Москве. В непосредственной близости от передовой линии фронта, в обстановке, приближенной к боевой, шло обучение их личного состава. В итоге к середине января 1942 г. бывшие добровольческие батальоны постепенно влились в состав Красной армии: они

¹¹⁷ Об этом см.: Там же, д. 1, л. 5 об.—7 об.; д. 3, л. 4 об.; ЦАМО РФ, ф. 450, оп. 11179, д. 1, л. 128, 131.

¹¹⁸ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, разд. 1, оп. 37а, д. 7, л. 8.

¹¹⁹ Там же, л. 11 об.—12 об.

были переведены на содержание по штату регулярных войск¹²⁰, завершили перевооружение и переформирование, получили новые наименования¹²¹ и в конце января — начале февраля убыли на Северо-Западный и Калининский фронты.

Подведу итоги. В истории осенних добровольческих формирований, вставших на защиту Москвы, можно выделить два этапа. Первый — с 14 по 28–30 октября 1941 г. Сначала в сжатые сроки (14–17 октября) были сформированы, вооружены и выведены на новый рубеж обороны 25 рабочих/коммунистических батальонов. Затем, к 24 октября, их свели в восемь батальонов, составивших два (1-й и 2-й) коммунистических полка Северо-Западной группы войск обороны Москвы. В то же время 25 истребительных батальонов были включены в состав войск обороны г. Москвы, их свели в пять полков, которые составили 1-й и 2-й боевой участок Западной группы войск.

Хронологические рамки второго этапа: с конца октября — середины ноября 1941 г. до конца января 1942 г., когда добровольческие формирования становились кадровыми частями РККА. В период с 28–30 октября по 14–15 ноября коммунистические/рабочие полки были преобразованы сначала в Дивизию московских рабочих, а затем в 3-ю Московскую коммунистическую стрелковую дивизию, а истребительные полки — сначала в 1-ю и 2-ю отдельные бригады московских рабочих, а затем в 4-ю и 5-ю московские стрелковые дивизии. В них вводилась структура, предусмотренная по штатному расписанию армейских подразделений, происходило перевооружение одним видом и типом оружия, проводился отсев негодных к прохождению службы. Затем с ноября началась постоянная боевая учеба командного и рядового состава. Так у советского командования появился резерв на ближних подступах к столице, который расположился в тылу Западного фронта и находился в постоянной боевой готовности на случай возможных прорывов противника.

Документы личного происхождения (стенограммы бесед с участниками добровольческих формирований осени 1941 г., их воспоминания), соединённые с официальной военной документацией осенних ДНО (приказы, боевые донесения, справки, отчёты), позволили впервые создать объёмную картину формирования рабочих/коммунистических батальонов/полков и дальнейшего их преобразования в регулярные части Красной армии. Живые свидетельства, ранее не использовавшиеся исследователями, дают возможность взглянуть на события осени–зимы 1941 г. глазами самих ополченцев, понять мотивы их поступков, передать впечатления, настроения, чувства, в общем — ощутить и лучше понять, прежде всего, гуманитарную составляющую, человеческое измерение военной повседневности в один из самых тяжёлых периодов Великой Отечественной войны.

¹²⁰ В книге учёта формирования, прибытия и убытия частей и соединений МЗО за 1942 г. указана численность личного состава дивизий народного ополчения осеннего формирования перед их отправкой на фронт. 3-я МКСД: начсостав — 819 человек, младший начсостав — 1329, рядовой — 7502, всего — 9650. 4-я МСД: начсостав — 819, младший начсостав — 1436, рядовой — 8708, всего — 10963. 5-я МСД: начсостав — 747, младший начсостав — 1220, рядовой — 8285, всего — 10252 (ЦАМО РФ, ф. 450, оп. 11179, д. 6, л. 1 об.—2). См. также таблицу 7 об общей численности дивизий и их партийно-комсомольском составе к моменту включения в состав РККА (Битва за Москву... С. 163). Как следует из этих данных, в 3-й МКСД коммунисты и комсомольцы составляли 70%, а в 4-й и 5-й — около половины их общей численности.

¹²¹ 3-я МКСД стала именоваться 130-й стрелковой дивизией, 4-я МСД — 155-й СД, 5-я МСД — 158-й СД, 2-я стрелковая дивизия — 129-й СД (директива штаба МВО № 0150 от 20 января 1942 г.).

Формирование образа Комитета государственной безопасности СССР в общественном мнении 1954–1991 гг.

Юлия Гусева, Василий Христофоров

Formation of the public image of the KGB in 1954–1991

Julia Guseva

(Moscow City University, Russia),

Vasiliy Khristoforov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24050105, EDN: SKRUKS

В фокусе статьи — основные тенденции презентации деятельности государственных спецслужб в публичном пространстве в 1954–1991 гг. Для их понимания нами будет проанализировано основное содержание медийного дискурса, сопровождавшего деятельность Комитета государственной безопасности (далее — КГБ, Комитет) СССР на разных исторических этапах. Этот образ включал в себя представления о собственном прошлом, о традициях и новациях в работе и о специфической корпоративной этике. В данной статье последовательно рассматривается динамика этого процесса: от первых попыток самооправдания и «самоочищения» эпохи Н.С. Хрущёва до использования инструментов периода гласности в корпоративных интересах. Медийный дискурс КГБ мы рассматриваем прежде всего как выражение изменений государственной политики в отношении спецслужб, как воплощение «больших» общественно-политических процессов.

Эволюция ведомственного нарратива о собственном прошлом и настоящем может быть рассмотрена с использованием методологических подходов *memory studies*. «Продвигая или поддерживая определённые интерпретации коллективного прошлого, мнемонические акторы далеко не всегда ставят во главу угла формирование определённой концепции прошлого: они стремятся легитимировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы», — подчёркивает О.Ю. Малинова, один из ведущих российских специалистов в области исследований исторической памяти¹. Конкурирующие на поле символической и реальной политики акторы обладают различными ресурсами, помогающими им одерживать верх в борьбе за приобретение символического капитала (престиж, легитимность, влияние)². Малинова также обращает внимание на ограниченность наших представлений о внутригрупповой интерпретации собственной истории, которая крайне важна, «особенно когда

© 2024 г. Ю.Н. Гусева, В.С. Христофоров

¹ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.: СПб., 2018. С. 33.

² Там же. С. 31, 49 и др.

речь идёт об институциональных акторах, чья повестка существенно влияет на конфигурацию всего поля»³.

Тема данной статьи даёт возможность рассмотреть динамику формирования и трансляции ведомственных нарративов и изучить процесс «изобретения» традиций и ритуалов, помогает конструировать коллективную идентичность группы сотрудников спецслужб, позволяет сделать выводы о значимости этой профессиональной группы на поле символической и реальной политики. Большое значение имеет оценка потенциального влияния медийного дискурса КГБ о себе и своём прошлом на механизмы взаимодействия органов госбезопасности с обществом и формирование общественного имиджа спецслужб в целом на различных исторических этапах.

Актуальность этой тематики также продиктована важностью изучения феномена постсоветского общества, которое, по мнению социологов и политологов, во многом унаследовало черты советского габитуса, в том числе по отношению к органам госбезопасности. Несмотря на всю мощь критики, обрушившейся на Комитет в первые годы перестройки, страх и неприязнь к его репрессивной деятельности, россияне в постсоветский период сохранили пиетет в отношении сотрудников спецслужб. Социологические опросы фиксировали преимущественно позитивный образ чекиста-профессионала, наделённого массой достоинств⁴.

Имеющаяся историография даёт обширную базу для понимания общих подходов к рассмотрению истории отечественных спецслужб в советский период. Однако общественный имидж, нарративы о собственном прошлом и их медийные составляющие исследовались мало, чему есть масса объяснений. Советское академическое сообщество последовательно уклонялось от изучения КГБ. Значительное количество работ по этой теме появилось лишь в постсоветский период⁵, однако его усилия по улучшению собственного образа до сих пор не рассматривалась. Традиционно обращается внимание на повышенную медийную активность в работе председателей Комитета: Ю.В. Андропова⁶,

³ Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) // *Полития*. 2019. № 3(94). С. 104–105.

⁴ «Оказывается, что сотрудник КГБ — это романтизированный образ некоего героя. Для простой советской женщины кэзэбешник до сих пор — это такой супергерой, советский тип супермена. Она его боится, но он сильный. Он умный. Это — Штирлиц. Это какие-то, видимо, образцы из кинофильмов. И это у людей, которые в целом относятся к КГБ как к машине подавления, с опаской и тревогой», — отметили в своём социологическом исследовании О. Крыштановская и С. Уайт (*White S., Kryshchanovskay O. Public Attitudes to the KGB: A Research Note // Europe-Asia Studies*. Vol. 45. 1993. № 1. P. 169–175).

⁵ См. историографический анализ отечественных работ: *Хлобустов О.М.* Некоторые вопросы историографии КГБ СССР (конец 80-х гг. — 2006 г.) // *Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб*. Т. 3. М., 2007. С. 64–92; *Авилова Н.Л., Шуров А.И.* Актуальные вопросы историографии органов КГБ СССР // *Известия Курского государственного технического университета*. 2010. № 3(32). С. 121–127; *Пожаров А.И.* Противоречия и споры в историографии деятельности советских органов госбезопасности в период 1953–1964 гг. // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 279–307; *Пожаров А.И.* Современная источниковая база по истории советских спецслужб 1950–1960-х гг. // *Отечественные архивы*. 2009. № 5. С. 29–36.

⁶ *Петров Н.В.* Время Андропова. М., 2023; *Петров Н.В.* Свои люди в органах государственной безопасности // *Режимные люди в СССР*. М., 2009. С. 303–325; *Pringle R.W.* Andropov's Counterintelligence State // *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence*. 2000. Vol. 13:2. P. 193–203.

реже — И.А. Серова⁷. Затруднён и объективный анализ деятельности КГБ, поскольку остаётся много секретной и непроверенной информации⁸.

Более свободные от идеологического прессинга иностранные учёные-советологи неоднократно обращались к истории КГБ, в том числе к сюжетам его корпоративной этики и опыту по улучшению собственного имиджа в период перестройки⁹. Так, Дж. Федор отмечает, что процесс «изобретения» ведомственных традиций стартовал после создания ФСБ России в 1995 г. и был тесно связан с восприятием органами государственной безопасности собственной истории в советский период, со сложившимся пантеоном выдающихся личностей и общественным восприятием их деятельности¹⁰.

Преломление образов сотрудников разведки и контрразведки в массовой культуре и в советском кинематографе активно изучается сегодня и в России, и за рубежом. Сравнивается работа советской и американской «шпионской» киноиндустрии, обращается внимание на связь государственной политики и кино¹¹.

Советский правовой порядок отличала крайне высокая степень секретности и игнорирование иерархического принципа. Документы о работе КГБ представляли собой один из самых невидимых элементов «айсберга» советских правовых норм, где огромный корпус ведомственных приказов, инструкций, распоряжений, положений был скрыт от посторонних глаз¹². При этом мы имеем дело со специфической советской культурой секретности, на которую, кроме прочего, влиял и образ спецслужб в массовом сознании.

Современные исследования могут опираться на сборники документов и материалов, выпущенные самим Комитетом, а также документы, отражающие усилия КГБ по формированию собственного публичного имиджа¹³. Весьма показателен с точки зрения исторического и текущего «перестроечного» нарратива изданный в 1990 г. сборник интервью и материалов выступлений председателя КГБ и его заместителей с симптоматичным названием «КГБ лицом к народу»¹⁴. В нём собраны высказывания высшего руководства Комитета о текущем

⁷ Петров Н.В. Иван Серов — председатель КГБ. М., 2021.

⁸ Зданович А. Введение // Команда Андропова. Сборник воспоминаний и архивных материалов / Сост. В.К. Былинин. М., 2005. С. 9.

⁹ Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. СПб., 2012; Knight A. The Selling of the KGB // The Wilson Quarterly. Vol. 24. 2000. № 1. P. 16–23; Hosaka S. The KGB and Glasnost: A Contradiction in Terms? // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Vol. 31. 2023. № 1. P. 57–90; Miles S. The Problems of Perestroika: The KGB and Mikhail Gorbachev's Reforms // Slavic Review. Vol. 80. 2021. № 4. P. 816–838.

¹⁰ Федор Дж. Указ. соч. С. 11, 147, 172.

¹¹ Викторов Д., Львов О. Не только Штирлиц. Контрразведка в советском кинематографе. М., 2022; Север А. Исаев: информация к размышлению. М., 2009; Секиринский С. Советские реалии в зеркале телесериала «Семнадцать мгновений весны» // Россия и современный мир. 2003. № 3(40). С. 148–160; Sukovataya V.A. Spy and Counterspy as a «Cultural Hero» in the Soviet Cinema of the Cold War // Diacronie. Studi di Storia Contemporanea. 2017. № 30, 2; Jens E. Cold War Spy Fiction in Russian Popular Culture: From Suspicion to Acceptance via Seventeen Moments of Spring // Studies in Intelligence. Vol. 61. 2017. № 2. P. 31–35.

¹² Huskey E. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // Law and Social Inquiry. Vol. 15. 1990. № 3. P. 419–424.

¹³ Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС» / Сост. И.И. Кудрявцев. Новосибирск, 1995; Политбюро и органы государственной безопасности / Сост. О.Б. Мозохин. М., 2017.

¹⁴ В сборнике представлены материалы выступлений руководства ведомства перед общественностью за май 1989 г. — январь 1990 г. (КГБ лицом к народу. Сборник интервью и материалов

моменте, об оценке «трудных» страниц в истории ведомства. При подготовке статьи также использованы материалы прессы периода перестройки, которые показывали характер коммуникаций органов госбезопасности с обществом¹⁵.

КГБ в постсталинский период. Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР¹⁶, в ведении которого находились вопросы разведывательной и контрразведывательной работы, охраны государственной границы и другие общественно-политические задачи, был создан 13 марта 1954 г. Деятельность спецслужб регламентировалась лишь секретными инструкциями. Строго засекреченное Положение о КГБ при Совете министров СССР, подписанное Хрущёвым 9 января 1959 г., определило организационную структуру Комитета и направления его деятельности, сохранявшиеся относительно неизменными вплоть до 1991 г. В Положении указывалось, что КГБ и его структуры на местах являлись «политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального комитета партии и правительства по защите Социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР». Комитет и его органы были обязаны «держат тесную связь с трудящимися, постоянно опираться на их помощь»¹⁷.

Современные исследования показывают, что советские спецслужбы были сильной организацией, обладали мощной и разветвлённой сетью структур в каждой союзной и автономной республике, крае, области и районе страны, с агентами (добровольными помощниками) в каждой ячейке общества. Однако ни в один из периодов советской истории они не находились вне контроля Кремля. Можно согласиться с оценкой Н. В. Петрова, что «роль ВЧК—КГБ в различные периоды истории не может быть определена в строгих рамках подчинённости партии. Нельзя исключать и имевшего место взаимовлияния»¹⁸.

Важно отметить, что до XX съезда КПСС советские органы госбезопасности находились вне любых видов критики, и это приводило к сильной зависимости от них высшего партийного руководства. Содержательная оценка их работы стала возможной только после данной Хрущёвым отмашки «сверху» и носила сугубо аппаратный, закрытый от общества, характер.

В качестве примера можно привести датированное 23 декабря 1954 г. письмо Хрущёву бывшего прокурора СССР Г. Н. Сафонова с анализом причин, «приведших к нарушениям законности в деятельности органов госбезопасности и неэффективности прокурорского надзора»¹⁹. Сафонов обращал внимание на тотальную бесконтрольность деятельности НКВД со стороны партии и наличие параллельных структур, «государства в государстве»: «свой аппарат наблюдения, своя армия, свой суд, свои места заключения, зависима от него система прокуратуры и трибуналов»²⁰. Используя своё высокое положение

выступлений Председателя и заместителей Председателя КГБ СССР. М., 1990).

¹⁵ Howard L., Zeman N. The KGB on TV // Newsweek. 1991–04–29. Vol 117. Issue 17 (URL: https://archive.org/details/sim_newsweek_1991-04-29_117_17 (дата обращения: 28.10.2024)).

¹⁶ 5 июля 1978 г. КГБ повысил свой статус до самостоятельного ведомства: от КГБ при Совете министров СССР в просто КГБ СССР, однако это было формальностью. В своей оперативной работе Комитет никогда не отчитывался перед Советом министров, только перед ЦК КПСС (Петров Н. В. Время Андропова. С. 473).

¹⁷ Политбюро и органы государственной безопасности. С. 713–719.

¹⁸ Петров Н. Свои люди в органах государственной безопасности. С. 311–312.

¹⁹ Политбюро и органы государственной безопасности. С. 688–700.

²⁰ Там же. С. 694.

и огромную власть, «которая опиралась на мощь государственного органа, наделённого чрезвычайными правами, и особенно скрытую от глаз и по существу полностью бесконтрольную оперативно-агентурную его деятельность... эти враги партии (Л.П. Берия) использовали органы госбезопасности в своих преступных целях». Они «специально добивались такого опасного для государства положения, когда один и тот же орган сам возбуждает, сам расследует и сам судит»²¹. В результате «органам государственной безопасности был создан непомерный авторитет, отнюдь не оправданный их работой»²².

Анализ этого и ему подобных материалов показывает, что в центр внутри-аппаратной критики помещались два основных тезиса: возвращение органов госбезопасности под контроль партии²³ и к революционным истокам, к этическим идеалам чекистов-«рыцарей революции» в ВЧК времён Ф.Э. Дзержинского. Неслучайно именно в 1958 г. ему был возведён памятник возле здания КГБ в Москве.

В публичном дискурсе внимание переводилось от системных проблем и общих недостатков работы всей системы госбезопасности, которые обсуждались внутри советского и партийного аппарата, на «перегибы» отдельных лиц (Л.П. Берия, Г.Г. Ягода, Н.И. Ежов, В.С. Абакумов). На этом этапе становилась актуальной задача дистанцироваться от сталинского наследия, которое порицалось на государственном уровне. Мы видим момент зарождения представлений о «нравственной чистоте», «моральном таланте» и бескорыстии чекистов в их борьбе с «врагами советской власти» и этическим образцам времён ВЧК–НКВД²⁴.

Реноме КГБ в 1960-х – середине 1980-х гг. Заметное изменение в общественном восприятии спецслужб и их публичном позиционировании связано с приходом в 1961 г. на пост главы Комитета В.Е. Семичастного. Пытаясь откреститься от тяжёлого сталинского наследия, он анонимно писал в «Известиях», что «многие молодые коммунисты пришли в КГБ, и нет сейчас в КГБ человека, который бы во времена культа личности Сталина принимал участие в репрессиях против невинных советских людей»²⁵. В служебной записке в ЦК КПСС 22 января 1963 г. он утверждал, что в репрессиях виноват «Берия и его банда», а сейчас, «при неослабном руководстве» ЦК КПСС и лично Хрущёва, «возрождены славные традиции ВЧК»²⁶.

Семичастный первым озаботился вопросами улучшения имиджа КГБ. Как показывает исследование Дж. Федор, именно при нём начались попытки кинематографистов изобразить чекистов в положительном ключе. Они были сравнительно менее институционализированы, чем те, которые предпринимались в 1967–1982 гг. командой Андропова²⁷. В это время началось то, что исследо-

²¹ Там же. С. 689, 693.

²² Там же. С. 694.

²³ Возвращением к приоритету правового регулирования над неправовыми нормами и стремлением поставить под контроль партии спецслужбы и объясняется принятие в 1959 г. Положения о КГБ.

²⁴ Лёзина Е. ВЧК и её преемники: методы террора и практики дискриминации. К 100-летию основания советской тайной полиции // Вестник общественного мнения. 2017. № 3–4(125). С. 123.

²⁵ Полмар Н., Аллен Т.Б. Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. В. Смирнова. М., 1999. С. 566.

²⁶ Политбюро и органы государственной безопасности. С. 721.

²⁷ С начала 1960-х гг. на экранах стали появляться молодые интеллектуалы, опрятные герои в строгих костюмах. Создавался образ «культурного» сотрудника секретной службы. Редактор ро-

ватели называют «культурным ренессансом КГБ»: сотрудничество с творческой интеллигенцией при производстве фильмов и романов на тему истории и славного прошлого советских спецслужб. Позитивный имидж формировался через публикацию ранее скрывавшихся подвигов советских разведчиков и агентов. Страна узнала о подвигах Р. Абеля, К. Филби, Р. Зорге. На помощь спецслужбам пришёл Ю. Семёнов, выпустивший книгу, ставшую основой сценария популярного фильма «Семнадцать мгновений весны».

В 1981 г. к 65-летию юбилею КГБ вышел снятый по заказу Госкомитета по телевидению и радиовещанию и по сценарию Семёнова четырёхсерийный фильм «20 декабря» о рождении советской спецслужбы. В роли Дзержинского снялся М.М. Козаков, а режиссёр фильма Г.Г. Никулин и актёр В.И. Головин за роль Б.В. Савинкова были удостоены Государственной премии имени братьев Васильевых. В 1978–1989 гг. ежегодно проводился конкурс на лучшее произведение в области литературы и кино с вручением Премии КГБ СССР. Его лауреатами в разные годы становились режиссеры П.Г. Чухрай и В.П. Фокин, актёры В.В. Тихонов и Г.С. Жжёнов, писатели Ю. Семёнов и В. Ардаматский²⁸.

Художественные фильмы «ТАСС уполномочен заявить...», «Операция «Трест»», «Ошибка резидента», «Государственная граница» и многие другие вошли в золотой фонд отечественного кинематографа. Их герои популяризировали работу органов госбезопасности, пытаясь конкурировать с зарубежным кино по привлекательности своих героев. Зачастую им это удавалось. «Историческая ирония состоит в том, что старт фильма “Семнадцать мгновений весны” в 1973 г. и пересмотр отношения советского общества к этой профессии совпал со скандалами в американских спецслужбах — Уотергейт и ряд других. Сам образ Джеймса Бонда был намного беднее, и иные американские киногерои явно проигрывали виртуозному Штирлицу», — писал Э. Дженс²⁹.

В итоге советское кино во многом с подачи и при поддержке Комитета сформировало романтизированный образ разведчика и контрразведчика: умного, сильного, изобретательного профессионала³⁰. В массовом сознании, особенно у женской части общества, именно Штирлиц олицетворял типичного представителя советских спецслужб. Разведывательная сторона деятельности КГБ, овеянная ореолом загадочности, риска, силы и изобретательности, заметно перевешивала «тёмные» страницы его истории³¹, которые в публичном поле в этот период практически не обсуждались.

мана В.М. Кожевникова «Щит и меч» (1965), ставшего впоследствии культовым произведением, отмечал, что офицер разведки в нём изображён «высокоинтеллектуальным человеком» (*Федор Дж.* Указ. соч. С. 53).

²⁸ *Викторов Д., Львов О.* Не только Штирлиц... С. 308–310.

²⁹ *Jens E.* Op. cit. P. 31–35.

³⁰ Образ советского контрразведчика представлялся сходным образом: «Обаятельный и обязательно скромный парень от 25 до 50, в хорошем, всегда отглаженном, но не слишком дорогом костюме, не в стоптанных штиблетах, который всегда сдержан, умён, корректен, с тонким чувством юмора, с ощущением русского языка, с явно выраженным чувством правды и справедливости, способностью восстановить эту справедливость в широком смысле слова без оглядки на идеологические догмы, со спокойным чувством долга, с чувством меры, уравнивающим чувство долга, умеющий, когда это действительно нужно, своевременно достать и применить пистолет» (*Викторов Д., Львов О.* Не только Штирлиц... С. 4–5).

³¹ *Крыштановская О.В.* Опыт проведения социологических исследований Службы государственной безопасности // КГБ: вчера, сегодня, завтра. Сборник докладов. М., 1993. С. 133.

В мае 1982 г., оставляя свою службу в КГБ, Андропов с удовлетворением констатировал значительное улучшение публичного имиджа организации. На прощальной Коллегии КГБ он говорил: «Мы — чекистская организация. Когда мы говорим, что роль органов поднята, она поднята, конечно, усилиями всей нашей партии, всего нашего Центрального Комитета... Поэтому служить верно, служить самоотверженно Центральному Комитету партии — это первая задача чекистов, и надо нам весь чекистский коллектив в этом духе воспитывать»³². Таким образом, сохранялся нарратив преемственности ВЧК и «чекистских идеалов».

КГБ в информационном пространстве 1985–1991 гг. В годы перестройки два запроса на обновление («сверху», от М.С. Горбачёва, и «снизу», от различных слоёв советского общества) формировали сильную турбулентность. В этих условиях КГБ находился в наихудшем положении: чем больше множились ряды сомневающихся и критикующих, тем больше негативных стрел летело в адрес «охранителей» монополии КПСС. Комитет находится в эпицентре критики из-за особой близости к партийным органам и масштабности произведённого им социального эффекта.

Специфическое информационное пространство, которое сложилось в Советском Союзе в конце 1980-х гг., оказывало серьёзное влияние на формирование негативного образа КГБ. Комитет находился под нарастающим шквалом критики из дальнего зарубежья. Особенно сильно по его позициям били «откровения» перебежчиков — бывших сотрудников спецслужб (О. Гордиевский, В. Кузичкин, В. Шеймов и др.) и мнения пострадавших от преследований диссидентов³³. Одновременно вскрывшиеся детали успешных и эффективных операций КГБ против ЦРУ, открытие «советских секретов» (реальных и мнимых) способствовали формированию имиджа могущественного «монстра», который стремился держать в страхе весь мир³⁴.

О.М. Хлобустов отметил, что свобода выражения собственной позиции, «снижение ответственности СМИ за публикуемые статьи, привело к появлению многочисленных фальсификаций и мифов, положило начало неподцензурному распространению зарубежных и “самиздатовских” изданий, публикациям без элементарного анализа разножанровых книг зарубежных авторов, [которые отличала] сенсационность и даже истеричность подачи материалов и необоснованные претензии на “историческую истину в последней инстанции”»³⁵. Автор привёл данные контент-анализа ряда публикаций центральных и региональных изданий 1989 г.: «Всего анализировалось более 900 статей прес-

³² Петров Н.В. Время Андропова. С. 571–573.

³³ Продажа «секретов КГБ» представляла собой высокодоходный бизнес. Следует отметить, что из уст профессиональных историков неоднократно звучали критические высказывания относительно достоверности книг и документов Комитета, к которым приложили руку диссиденты и перебежчики, звучали упреки в тенденциозности, бездоказательности тезисов и сомнительности отдельных фактов и цифр. «Мир после холодной войны наводнён дразнящими рассказами из архивов КГБ. Но новая литература по советскому шпионажу может быть гораздо менее показательной, чем кажется... Вероятно, лучший подход — это относиться к этим книгам с тем же скептицизмом, который мы применяли к советским публикациям, из которых требовательный читатель мог бы многое почерпнуть» (*Knight A. Op. cit.* P. 16–23).

³⁴ Shebarshin L. Reflections on the KGB in Russia // *Economic and Political Weekly*. Vol. 28. 1993. № 51. P. 28–29.

³⁵ Хлобустов О.М. Общественное мнение населения об органах государственной безопасности (конец 1980-х — 1990-е гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных

сы по вопросам освещения деятельности органов госбезопасности на различных этапах их существования». Около 70% изученных статей имели ярко выраженный негативный, «разоблачительный» характер в отношении деятельности органов госбезопасности, в основном они касались периода 1930–1950-х гг. Но эти «выводы» экстраполировались на современную деятельность органов. 20% составляли «нейтральные» публикации и только около 10% — «позитивные» материалы о современной деятельности органов КГБ. Последние, как правило, были подготовлены при участии подразделений общественных связей органов КГБ СССР³⁶.

Очевидно, в этих условиях профессиональные, взвешенные оценки истории спецслужб не были востребованы. Настоящие дивиденды получали авторы мистификаций и публицистических опусов, а также западные разведки. Для КГБ такая ситуация имела двоякие последствия: с одной стороны, дискредитировалась его работа, с другой — формировался миф о всесии советских спецслужб. Всё это заставляло КГБ постепенно перестраивать свою работу на новый лад. Анализ ведомственных публикаций показывает, что Комитет отнюдь не препятствовал процессу перестройки, напротив — был его активным участником. По мере того как темпы реформ Горбачёва менялись от довольно умеренных к гораздо более радикальным, КГБ, как и весь остальной государственный аппарат, старался не отставать³⁷.

Как объяснялась необходимость демократизации деятельности правоохранительных органов и разрешение очевидного противоречия между конспиративными методами, закрытостью спецслужб и требованиями гласности? Ответ заключался в специфической трактовке понятия «гласность» и доказательств её соответствия корпоративным интересам. Так, Ф.Д. Бобков³⁸ в интервью журналу «Родина» подчёркивал, что многое в работе органов понималось «превратно, да и сейчас так понимается ввиду их прежней закрытости, недостатка гласности или гласности односторонней»³⁹. Демократию предлагалось сделать союзником Комитета в «работе с массами». В.А. Крючков неоднократно говорил, что «советские люди вправе знать о деятельности, характере органов КГБ» и что гласность — «это состояние постоянного сближения чекистов с трудящимися», чтобы «избежать шельмования и отвергать клевету средств массовой информации западных стран»⁴⁰. Аналогично разъяснялась необходимость развития гласности в деятельности органов и войск КГБ в одноимённом решении Коллегии ведомства⁴¹. Так решалась двойная задача: возвращение доверия общества и нивелирование репутационных потерь.

катаклизмов. Материалы международной научно-практической конференции (Омск, 23 ноября 2017 г.). Омск, 2017. С. 238.

³⁶ Там же.

³⁷ Miles S. The Problems of Perestroika... P. 816–838.

³⁸ Бобков Филипп Денисович (1925–2019), в 1969–1983 гг. — начальник 5-го Управления КГБ СССР («Пятка»), которое занималось политическим сыском, вело разработку зарубежных антисоветских центров и организаций, критиковавших советский режим, боролось с «инакомыслием».

³⁹ Перестройка на площади Дзержинского. Интервью Ф. Бобкова журналу «Родина» // Родина. 1989. № 11. С. 51.

⁴⁰ КГБ лицом к народу... С. 37.

⁴¹ Решение Коллегии КГБ СССР «О развитии гласности в деятельности органов и войск КГБ СССР» было опубликовано в газете «Правда» 7 мая 1989 г. и содержало следующую установку: «Сделать более понятными для советской общественности цели и содержание чекистской работы, объяснить необходимость использования органами госбезопасности своих специфических средств

В публичных выступлениях Крючков неоднократно заявлял: «Не интересы общества и государства должны приспосабливаться к деятельности органов госбезопасности и их служб, а, наоборот, органы КГБ и их службы должны неукоснительно подчиняться интересам общества и государства, исходить из них»⁴². В духе времени заявлялось, что гарантия от возврата к прошлому — неукоснительное соблюдение и строжайшее исполнение каждым сотрудником Конституции СССР, законов и подзаконных актов. Важным представлялось «укрепление связи органов с народом, так как обеспечение государственной безопасности — наша общая задача»⁴³. Говорилось о необходимости нового закона о КГБ, чтобы укрепить правовые основы его работы: «Основным нормативным документам КГБ насчитывается до 30 лет и более. За это время произошли глубокие изменения, сложились новые условия»⁴⁴.

Особое внимание уделялось болезненной теме Большого террора, вновь зазвучали знакомые установки постсталинской эпохи. «Прежде всего я хочу подчеркнуть, — говорил в интервью журналу “Неделя” заместитель председателя КГБ В.П. Пирожков, — что мы, работники органов госбезопасности, бескомпромиссно осуждаем массовые репрессии 30–40-х и начала 50-х годов, творившееся беззаконие, искренне разделяем общую боль нашего народа, всецело поддерживаем решения партии о скорейшей и полной реабилитации каждого невинно пострадавшего»⁴⁵. На вопросы «Сколько наказано (и как) ежовских и бериевских палачей, следователей, надзирателей? Не можете ли Вы привести примеры, назвать имена?», видный чекист отвечал: «За грубейшие нарушения социалистической законности 1 342 сотрудника НКВД–МГБ были приговорены к различным мерам наказания, в том числе к расстрелу. В их числе Берия, Ежов, Кобулов, Фриновский, Прокофьев, Агранов, Абакумов и другие. Кроме того, 2 370 сотрудников наказаны в партийно-административном порядке (уволены, лишены пенсий, званий и пр[оч.])... Сегодня в рядах чекистов нет ни одного работника, хотя бы в малейшей степени причастного к злодеяниям периода сталинизма»⁴⁶.

Годы перестройки отмечены фактами общественной критики КГБ, которая подразумевала публичные разъяснения и признание собственных недоработок. На вопрос о том, какую роль в обострении межнациональных проблем в СССР играют США, Крючков отвечал так: «Конечно, на той стороне не бездействуют, они пытаются активно влиять на положение дел в нашей стране. Но, товарищи, давайте искать причины прежде всего в родном доме, у себя.

и методов во имя защиты интересов советского народа и общества». Ранее, в феврале 1988 г., председатель КГБ издал указание «Об использовании материалов КГБ в газете “Аргументы и факты” и отдельных программах Центрального телевидения», а в апреле 1988 г. в «АиФ» появилась официальная рубрика «КГБ СССР сообщает и комментирует». В июле 1988 г. Коллегия поручила органам безопасности «шире использовать возможности средств массовой информации, в том числе телевидения, для разъяснения руководящей роли и политики партии в обеспечении государственной безопасности, интересующих общественность вопросов о работе органов государственной безопасности» (КГБ лицом к народу... С. 113, 117; А как у них. КГБ по-французски? // Аргументы и факты. 1990. № 2. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1651117> (дата обращения: 28.10.2024)).

⁴² КГБ лицом к народу... С. 6–7.

⁴³ Там же. С. 34.

⁴⁴ Там же. С. 8.

⁴⁵ Там же. С. 28–34.

⁴⁶ Там же. С. 30.

Искать причины в себе, где мы когда-то неправильно поступили»⁴⁷. Отвечая на вопрос об «ошибках и просчётах» КГБ во время событий в Ферганской долине, он признавал: «Да... Не было достаточно острой, принципиальной оценки. Мы видели, что события назревают, но по-настоящему в колокол не ударили»⁴⁸. Сходные оценки давались работе ведомства в ряде других конфликтов на национальной почве.

Как отмечают специалисты, мероприятия по внедрению начал гласности можно свести к четырём областям. Во-первых, органам КГБ предлагалось установить регулярные контакты с местными СМИ и издательствами для распространения новых сюжетов. Задействовались ресурсы телевидения и крупных советских газет⁴⁹. Во-вторых, меры гласности включали в себя социологические элементы: анализ вопросов населения о работе КГБ и изучение реакции различных слоёв общества на публичные выступления сотрудников. В-третьих, центральные органы управления и его местные подразделения создали комиссии по изучению и оценке архивных документов. Наконец, вновь созданным отделам «З» (защита конституционного строя), бывшего 5-го управления, было поручено разъяснить населению свои задачи, подчеркнув, что их усилия направлены в первую очередь на внешнего противника и основаны на «точном и неуклонном соблюдении советских законов в условиях создания правового государства»⁵⁰.

Получив задание работать с телеаудиторией, некоторые подразделения КГБ смело перешли к прямому эфиру, тщательно его спланировав⁵¹. В г. Горьком местное управление Комитета отбирало лиц для дебатов, чтобы развеять слухи о КГБ, аргументировать его позитивную роль в обществе, а также задавать острые вопросы о либералах, которые доминировали на таких собраниях, с особым упором на их предполагаемые связи с Западом. Эти встречи снимались сотрудниками на видео, затем проводился критический анализ, чтобы выявить ошибки со стороны офицеров, например, упущенные возможности дискредитировать оппозицию или неверные ответы на неожиданные вопросы⁵².

КГБ также привлекали к работе ветеранов-чекистов, проявивших «склонность к литературной деятельности», предоставив им эксклюзивный доступ к архивным материалам, «объективно отражающим историческое прошлое советского государства и органов госбезопасности»⁵³. И если на первом этапе перестройки пресс-службы и центры по связям с общественностью органов КГБ явно проигрывали своим оппонентам по информационному противоборству, то со временем ситуация заметно изменилась.

⁴⁷ Там же. С. 14.

⁴⁸ Там же. С. 16.

⁴⁹ К сентябрю 1988 г., по сравнению с предыдущим годом, было создано 235 книг, 10 полнометражных игровых и документальных фильмов, 40 короткометражных и телефильмов на чекистскую тематику, помимо опубликованных 7,5 тыс. статей (*Hosaka S. The KGB and Glasnost...* P. 68).

⁵⁰ Ibid. P. 60–63.

⁵¹ Сотрудники КГБ организовали собственные «авторские группы (коллективы) из числа писателей, журналистов, учёных», аналогичные тому, что позже стало известно как «пул» журналистов. Они «разрабатывали планы публикации статей, создания фильмов и телепрограмм об истории ВЧК–КГБ, помогали потенциальным авторам в подборе материалов» (Ibid).

⁵² *Поделякин и Суханов*. Тактика простая – в ряду митингующих! // Сборник КГБ СССР. 1991. № 154, см. также: *Miles S. The Problems of Perestroika...* P. 816–838.

⁵³ *Окунев В.* Чекист и гласность // Сборник КГБ СССР. 1991. № 155. С. 27–29.

Таким образом, в этот период проявили себя основные нарративы исторической преемственности от ВЧК, как по-настоящему ленинской структуры, к КГБ: во многих интервью самопрезентация происходила через термин «чекист». Был возрождён постсталинский дискурс «самоочищения», отмежевания от страниц «трудного» прошлого; вновь использовалась хрущёвская концепция «связи с народом».

Заключение. Образы КГБ в медиа и его забота о собственном имидже представляют собой проекцию изменения государственной политики (а в перестроечный период — и общественного мнения) в отношении спецслужб в различные исторические эпохи. До перестройки советское общество в целом было относительно монолитно в оценках деятельности органов государственной безопасности. Восхищение профессионализмом и неподкупностью советских разведчиков соседствовало со страхом и уважением. С 1985 г. органы госбезопасности весьма активно включились в работу в информационном поле, производили собственный медийный дискурс и активно транслировали его в публичном поле, т.е., говоря современным языком, получили опыт политтехнологической и PR-работы. Пропагандировалась необходимость сохранения мощных силовых структур. В результате Комитету удалось упредить внешний реформистский дискурс, трансформировать общественное мнение в свою пользу. Медиа-инструменты и приобретённый органами госбезопасности опыт их использования оказали существенное влияние на политические технологии постсоветской России.

Начиная с постсталинской эпохи закрепился нарратив преемственности, когда КГБ позиционировал себя в качестве наследника ВЧК и символической фигуры Дзержинского, но отделял себя от НКВД—МГБ. Само название «чекисты» характерно для всех исторических этапов. По словам Н.В. Петрова, «Андропов на излёте своей многолетней службы в КГБ изрёк знаковую фразу “Чекист — профессия особая”, определив тем самым не только особый статус, но и исключительное положение службы государственной безопасности в системе советских государственных органов»⁵⁴. Подобные установки, помноженные на культивирование представлений о нравственной чистоте и бескорыстии чекистов в их борьбе с «врагами советской власти», подкреплялись и усилиями творческой интеллигенции. Результатом стала романтизация образа сотрудника КГБ, которая оказывает влияние и на современную общественную оценку деятельности ведомства в советское время.

⁵⁴ Петров Н.В. Свои люди в органах государственной безопасности. С. 303.

Российская Федерация в первый год реформ: сложности и противоречия перехода к рынку

Роман Кирсанов

**Russian Federation in the first year of reforms:
difficulties and contradictions of the transition to the market economy**

Roman Kirsanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24050114, EDN: SKOXOQ

На рубеже 1980–1990-х гг. в Советском Союзе начались преобразования, в результате которых за короткое время произошли резкие изменения в самых разных сферах жизни общества и одновременно обострились многие социально-экономические проблемы. Стартовые условия реформ осложнили значительный территориальный и экономический масштаб государства; сложная, но малоэффективная система «планового социалистического распределения»; отсутствие опыта свободного предпринимательства в условиях рынка и кризис финансовой системы; рост бюджетного дефицита и государственного внешнего долга; сокращение объёмов производства, снижение экспортных и импортных возможностей, а впоследствии — распад единого экономического пространства и разрыв хозяйственных и технологических связей между отраслями и предприятиями. Обременительные военные расходы и многомиллиардные кредиты убыточным предприятиям накачивали экономику пустыми деньгами и подхлёстывали инфляцию. В развитых странах Центральный банк обладает правом (и возможностью) отказывать властям в тех случаях, когда их финансовые притязания угрожают стабильности курса национальной валюты. Советский же Госбанк, напротив, регулярно предоставлял правительству кредиты для покрытия бюджетного дефицита, создавая угрозу ослабления рубля. Правила и процедуры, по которым осуществлялась трансформация экономики, изначально отличались слабой проработанностью, неопределённостью и неустойчивостью. В итоге развитие событий существенно отличалось от ожиданий инициаторов перемен, довольно быстро утративших над ними контроль.

По масштабу преобразований период конца 1980-х — начала 1990-х гг. сопоставим с эпохой, начавшейся в 1917 г. Кардинальные изменения затронули все сферы жизни общества, которое разделилось на «очень богатых» и «очень бедных». Для многих наших сограждан то время прочно ассоциируется с «шоковой терапией», галопирующей инфляцией, безработицей, коррупцией, финансовыми пирамидами, понижением уровня жизни и угрозой голода. Больше всего пострадали работники бюджетной сферы, причём их зависимость от государства выросла из-за задержек с выплатой зарплаты, отсутствия у большинства частной собственности, доступа к распределению материальных благ и т.д. В кризисном состоянии пребывала и экономика. Спад охватил почти все её отрасли, в том числе работавшие на потребительский рынок. Вследствие систематического недоинвестирования повысилась степень износа основных

фондов, увеличились сроки использования устаревших машин и оборудования, остро не хватало средств на технологическую модернизацию. Падение цены на нефть сократило приток валюты, резко ограничив возможности закупать за рубежом продовольствие и потребительские товары.

Реформы 1990-х гг. получили в научной и публицистической литературе самые разные оценки. Часть работ принадлежат перу самих реформаторов, многие из которых вышли из научной среды. Е.Т. Гайдар оказался прав: «Дискуссии о том, что в эти годы было сделано правильно, что неправильно, кто был прав, а кто нет, будут идти долго»¹. По его мнению, крупномасштабное падение производства практически не зависело от проводившейся экономической политики и являлось типичным для постсоциалистических стран в первые три года реформ под воздействием «шоковой терапии». Гайдар также указал на главную черту экономики позднего Советского Союза — неустойчивость, поскольку её рост обеспечивался преимущественно за счёт масштабного экспорта нефти в период высоких цен на неё².

Народный депутат СССР и министр внешних экономических связей РСФСР в 1990–1991 гг. В.Н. Ярошенко вспоминал, как после подавления августовского путча безуспешно пытался разубедить Гайдара в правильности его экономических воззрений, а в декабре 1991 г. направил в правительство несколько аналитических записок с критикой методов либерализации экономики. Результаты деятельности нового правительства он оценил крайне негативно: «“Шоковая терапия” Гайдара взвинтила до небес гиперинфляцию, швырнула в нищету почти всё население России, обнулила огромные многолетние сбережения, хранившиеся в Сбербанке, обрушив покупательную способность населения. Произошло ураганное разрушение российской экономики. Кроме того, проведение “либерализации внешнеэкономической деятельности” по Авену привело к потере многих внешних рынков, резко сократило экспорт и валютные поступления, разорило государственную казну. Деятельность “реформаторов” породила новые, невиданные доселе виды коррупции чиновников»³.

Р.И. Хасбулатов, в 1991–1993 гг. председатель Верховного совета РФ, выступал последовательным оппонентом Гайдара. Либерализацию цен, по его убеждению, провели в отсутствие сложившейся рыночной инфраструктуры — почти вся экономика страны состояла из государственного сектора и перевести её в короткие сроки на конкурентную основу было невозможно. Сокращение государственных расходов на финансирование экономики имело отрицательные последствия для всех отраслей хозяйства и социальной сферы, при этом бездефицитный бюджет сформировать не удалось. Приватизация проводилась с серьёзными нарушениями законодательства. В результате «крайне непрофессиональной работы» правительства спад производства приобрёл почти повсеместный характер, предприятия испытывали острый дефицит оборотных средств, стремительно нарастали неплатежи, заработная плата обесценилась, недавние оптимистические ожидания сменились раздражением и негодованием⁴. Первый председатель Центрального банка России Г.Г. Матюхин (1991–

¹ Гайдар Е.Т. Политическая экономия внешних шоков // Экономическая политика. 2006. № 1. С. 38.

² Гайдар Е.Т. Макроэкономика российской трансформации: отложенная стабилизация и фискальный кризис // Экономическая наука современной России. 1998. № 5. С. 28–39.

³ Ярошенко В.Н. Пять лет рядом с президентом. М., 2022. С. 260–268.

⁴ Хасбулатов Р.И. Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. М., 2011. С. 20–21.

1993) также указал, что либерализация цен оказалась преждевременной: экономика характеризовалась высокой степенью монополизации, вследствие чего рост цен оказался обвальным, быстро выйдя за прогнозировавшиеся правительствам рамки⁵.

Академик В.М. Полтерович отметил многочисленные ошибки реформаторов, вызванные главным образом неверной последовательностью реформ. Так, приватизация началась в условиях отсутствия предпринимателей, способных приобрести предприятия, менеджеров, готовых ими руководить в рыночных условиях, и самой рыночной инфраструктуры, а должная защита частной собственности отсутствовала. Вследствие криминализации, коррупции и отсутствия эффективного контроля переходившие в частные руки предприятия оказывались недооценёнными в десятки и сотни раз, благодаря чему их новооявленные собственники могли рассчитывать на огромные прибыли⁶. Что касается безальтернативности стратегии «шоковой терапии», в которой уверяли молодые реформаторы, то экономическое положение в конце 1991 г. не было критическим, а дефицит товаров объяснялся не стремительным сокращением производства (которое началось уже после начала реформ), а в значительной мере ожиданиями будущих изменений, в том числе повышения цен, о котором объявили в октябре 1991 г.⁷

Академик Ю.В. Ярёмченко, в 1991 г. экономический советник президента СССР, связал провалы в осуществлении реформ с недооценкой специфики отечественной экономики и игнорированием стереотипов поведения её субъектов, складывавшихся многие десятилетия. Позднесоветская экономика имела слишком много отличий от традиционных экономик рыночного типа, что предопределило особые методы её трансформации. Либерализация началась в условиях накопившихся структурных деформаций. Не удалось решить проблемы технологического отставания и высоких издержек в производстве и сельском хозяйстве. Инициированная реформаторами ограничительная денежно-кредитная политика оказалась неадекватна ситуации и спровоцировала дефицит оборотного капитала, что привело к кризису неплатежей⁸.

По утверждению авторитетного экономиста В.Н. Лившица, правительство не смогло обеспечить разумного реформирования в интересах большинства россиян. Изначально неэффективная линия проведения рыночных преобразований привела к усилению социально-экономической напряжённости, нарушению нормальных воспроизводственных процессов, гиперинфляции и обнищанию основной массы россиян. В итоге страна оказалась в системном кризисе⁹.

Иную позицию в отношении политики либерализации занимают те, кто непосредственно участвовал в проведении нового курса. А.А. Нечаев, первый министр экономики РФ (1992–1993), утверждал, что решения правительства Ельцина–Гайдара всегда тщательно прорабатывались. Допускались опреде-

⁵ Матюхин Г.Г. Я был главным банкиром России: мемуары. М., 1993. С. 61.

⁶ Полтерович В.М. Современное состояние теории экономических реформ // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 16.

⁷ Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ в Китае и России // Экономика. 2008. № 1. С. 99–100.

⁸ Ярёмченко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М., 1999. С. 177–179.

⁹ Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М., 2013. С. 12, 105–106, 110.

лённые ошибки, но в целом его деятельность сыграла ключевую роль в создании рыночной экономики¹⁰. Другой бывший руководитель этого ведомства Е.Г. Ясин (1994–1997) отметил: «Достигнутый тогда уровень экономической свободы, положивший начало глубоким институциональным преобразованиям, — основная заслуга Е.Т. Гайдара, до сих пор непризнанная». Отпуск цен, создавший предпосылки для устранения товарного дефицита, запуска механизма спроса и предложения, изменения поведения экономических агентов, он назвал ключевым элементом перехода к рынку¹¹. По мнению Я.М. Уринсона, руководившего министерством в 1997–1998 гг., несмотря на все сложности, к середине 1990-х гг. удалось добиться насыщения потребительской сферы товарами, сформировался класс собственников и заработали механизмы рыночной конкуренции, что позволило успешно преодолеть последствия дефолта августа 1998 г.¹²

Настоящая статья — авторское видение картины стремительного перехода России к радикальным экономическим преобразованиям и его результатов.

Стартовые условия. В конце 1980-х гг. в СССР началась работа по постепенному свёртыванию централизованного планирования, внедрению элементов рыночной координации и расширению зоны частной хозяйственной инициативы. Последовали и конкретные решения, в том числе законы «О кооперации в СССР», «О государственном предприятии (объединении)», «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде», серия постановлений о перестройке банковской системы, создании условий для деятельности кооперативов и т.д.¹³. В 1990–1991 гг. были приняты законы «О собственности в СССР», «О банках и банковской деятельности», «О Государственном банке СССР», «О предприятиях в СССР», «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий», «Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР»¹⁴.

Перестроить экономику на новый лад оказалось непросто. Экономическая теория, «замусоренная» идеологическими штампами и иллюзиями, не могла предложить пути решения накопившихся в экономической жизни противоречий, представить целостное, логически стройное объяснение происходящих процессов, выявить прогрессивные направления и разработать качественно новую модель развития. Уже к концу 1986 г. стало ясно, что перестройка буксует. Звучали громкие слова о необходимости «революционных сдвигов» и «перехода к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающих наивысшую эффективность»¹⁵, но конкретных механизмов устранения дисбалансов правительство не представило.

¹⁰ Нечаев А.А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М., 2010. С. 163–210.

¹¹ Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: курс лекций. М., 2002. С. 192–193.

¹² Уринсон Я.М. Экономика и государство. М., 2021. С. 100–101.

¹³ См. подробнее: Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011; Кирсанов Р.Г. Закон СССР о государственном предприятии: анализ правоприменительной практики // История государства и права. 2014. № 17. С. 3–6.

¹⁴ См. подробнее: Кирсанов Р.Г. Реформирование банковской системы СССР в период перестройки: законодательные аспекты // История государства и права. 2015. № 23. С. 13–18.

¹⁵ См.: Бодрова Е.В., Голованова Н.Б., Калинов В.В. Попытки активизации инновационных процессов накануне распада СССР: причины неуспеха // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2. С. 40–49.

Ростки рыночной экономики пробивались. Неплохие результаты показывали арендные предприятия. Переход на эту форму собственности начался в 1988 г., в начале 1990 г. таких предприятий в стране насчитывалось 1 332, в середине 1991 г. — 3 700; они произвели продукции примерно на 200 млрд руб.¹⁶ За 1988–1990 гг. почти в три раза выросло число кооперативов. Однако конкурентоспособным сектором экономики они стать не смогли, поскольку были слабо развиты, зачастую не имели собственной материальной базы и существовали благодаря государственным предприятиям, с которыми вступали в договорные отношения (зачастую в целях обналаживания госсредств). Заводы и производственные объединения остались основными производителями и источниками пополнения бюджета, а доля малого бизнеса в отраслевом производстве не превышала нескольких процентов¹⁷.

Институты, унаследованные от СССР, в целом плохо подходили для реализации стабилизационной политики. Господствовала традиционная для иерархически организованной экономики управленческая культура, в рамках которой ключевые решения, влиявшие на развитие предприятия или организации, принимал не руководитель, а вышестоящая инстанция (министерство, главки или партийный орган). Как следствие, отсутствовала деловая этика. Длительное функционирование централизованного планирования привело к нарушению пропорций между материальными и денежными потоками. Монополизм, гигантомания, устаревшие технологии и диктат производителя лишь способствовали разладу экономики. Крупные предприятия концентрировали в своих руках основную часть производимой продукции, которая к тому же характеризовалась слабым экспортным потенциалом. Экстенсивные методы развития вели к неоправданному увеличению бюджетных дотаций, росту незавершённого строительства и накоплению избыточных запасов. Преимущественное развитие предприятий группы «А», характеризовавшихся повышенной фондо- и трудоёмкостью и требовавших постоянных государственных инвестиций, деформировало структуру народного хозяйства, в составе промышленной продукции преобладали средства производства.

Вследствие неупорядоченности ценовой политики и просчётов административного планирования увеличение доходов предприятий и населения не находило адекватного материального покрытия. Действовала экономика не покупателя, а продавца, в которой не производители подстраивались к спросу, заботились об улучшении качества товаров и услуг и занимались разработкой новых видов изделий, а покупателям приходилось «конкурировать» между собой, тратя время в бесконечных очередях, пользуясь услугами перекупщиков-спекулянтов и довольствуясь скудным предложением. Ситуация в потребительской сфере оказалась настолько удручающей, что, согласно данным ВЦИОМ, в начале 1991 г. 60% опрошенных поддерживали идею организации общесоюзного карточного снабжения товарами народного потребления и лишь 16% высказались за повышение цен ради появления ширпотреба на прилавках¹⁸.

¹⁶ Портфель приватизации и инвестирования (Книга собственника. Книга акционера. Книга инвестиционного менеджера). М., 1992. С. 19.

¹⁷ См.: Кирсанов Р.Г. Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР // Российская история. 2017. № 1. С. 181–194.

¹⁸ Гайдар Е.Т. Политическая экономия внешних шоков // Экономическая политика. 2006. № 1. С. 47.

Американский экономист, автор вышедшей в 1993 г. книги «Почему перестройка провалилась. Политика и экономика социалистической трансформации» П. Бёттке дал характеристику ситуации, в которой началась трансформация российской экономики: нерациональное распределение рабочей силы и капитала, искажённая макроэкономическая политика, игнорирование запросов потребителей. Положение в СССР оказалось наиболее сложным среди всех стран «социалистического содружества»: советская экономика находилась под воздействием деструктивной экономической политики государства значительно дольше и последствия были гораздо тяжелее¹⁹. К 1991 г. управленческие структуры утратили контроль над материально-техническими потоками. Традиционные иерархические механизмы распределения ресурсов оказались практически свернуты, а предпосылки запуска рыночных регуляторов пока отсутствовали. Резко сократились возможности для мобилизации финансов, в том числе в целях централизованного инвестирования, дефицит бюджета превысил 20% ВВП²⁰. Субсидирование государственных предприятий из бюджета становилось всё более затруднительным и заставляло прибегать к эмиссии, что в свою очередь раскручивало спираль инфляции. С конца 1990 г. спад промышленного производства шёл практически неубывающими темпами, управляемость народным хозяйством оказалась фактически утрачена, нарастали «бартеризация» хозяйственных связей и утрата доверия к рублю со стороны как предприятий, так и населения²¹.

В октябре 1991 г. на ежегодной сессии Международного валютного фонда и Мирового банка в Бангкоке большой резонанс вызвало выступление главы советской делегации, заместителя руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР Г.А. Явлинского. Он спрогнозировал, что к концу года ВВП сократится примерно на 13%, продукция промышленности — на 9, сельскохозяйственное производство — на 10–11, общий объём инвестиций — не менее чем на 20, ввод в действие основных фондов — на 25%. Далее он заявил, что золотой запас СССР составляет 240 т по сравнению с 1,5 тыс. т тремя годами ранее²² (эту информацию вскоре подтвердил заместитель министра финансов СССР В.В. Ситнин).

Попутно набирала силу «номенклатурная приватизация»: представители партийно-государственного аппарата и директорского корпуса «втихую, без всяких документов, начали создавать кучи всяких подставных фирм»²³. Наиболее ушлые дельцы выводили активы за рубеж. В этот процесс втягивались даже высшие звенья государственного аппарата²⁴. При этом, по мнению Гайдара, «размах номенклатурного разворовывания в 1990–1991 гг. намного превосходил всё, что мы имели на этой ниве в 1992–1994 гг. Система 1990–1991 гг.

¹⁹ Boettke P.J. Why Perestroika failed. The politics and economics of Socialist transformation. L.; N.Y., 1993. P. 119.

²⁰ Программа углубления экономических реформ Правительства Российской Федерации // Вопросы экономики. 1992. № 8. С. 4.

²¹ Куранов Г. Итоги первого года реформ и предложения по стабилизации экономики // Вопросы экономики. 1993. № 3. С. 28.

²² Явлинский Г.А. Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990–1999 гг.). М., 1999. С. 92–93, 320.

²³ Авен П.О., Кох А.Р. Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. М., 2013. С. 230.

²⁴ Пихоя Р.Г. Радикальные экономические реформы 1980-х гг. в СССР // Экономическая история. Ежегодник: 2021. М., 2022. С. 387.

с полной неопределённостью в правах на лжегосударственную собственность, с полной безответственностью специально была создана, чтобы, не боясь ничего, не стесняясь ничем, обогащаться»²⁵.

На пути к радикальным реформам. В этих условиях президент РСФСР Б.Н. Ельцин объявил о намерении приступить к реформам с целью вывести страну из кризиса. Начало финансового оздоровления он связывал с борьбой с рублёвой «интервенцией» союзных республик, скупавших в России сельхозпродукты по высоким ценам и тем самым провоцировавших инфляцию. На первых порах предлагалось ввести денежные знаки с российской полосой: «Этим временно мы будем защищены, потом будет переход на свою национальную валюту, свой денежный знак»²⁶.

28 октября 1991 г. Ельцин выступил с программой реформ на V Съезде народных депутатов РСФСР. В сфере экономики предстояли наиболее крупные и решительные действия: экономическая стабилизация посредством строгой денежно-кредитной политики и ограничения неконтролируемой денежной и кредитной эмиссии, реорганизации налоговой системы и укрепления рубля; приватизация, нацеленная на создание смешанной экономики с сильным частным сектором; земельная реформа (быстрая и кардинальная перестройка аграрного сектора, в том числе реализация правительственной программы организации производства машин и оборудования для крестьянских хозяйств, закупка за рубежом техники и создание сети предприятий по обслуживанию фермеров и переработке, хранению и реализации сельскохозяйственной продукции); введение свободных цен с целью стимуляции роста производства; создание российской таможи; пересмотр расходов бюджета на военные нужды и сокращение ассигнований на поддержку неэффективных производств, оборону и управленческий аппарат; прекращение оказания помощи и выдачи кредитов другим странам; переход к торговле с независимыми государствами — бывшими республиками СССР, не подписавшими экономическое соглашение, по мировым ценам в валюте; осуществление неотложных социальных программ, включая создание адресной системы помощи наиболее уязвимым слоям населения; введение новой системы оплаты труда с отменой ограничений на рост индивидуальных заработков (ответ на требование профсоюзов «рыночным ценам — рыночную зарплату»); реформирование пенсионной системы; прекращение с 1 ноября 1991 г. финансирования и последующая ликвидация большей части союзных министерств (не упомянутых в Договоре об экономическом сообществе)²⁷.

Желание российского руководства максимально быстро двигаться к рынку было продемонстрировано решительно. Однако ничего принципиально нового Ельцин не сказал. Разговоры о необходимости всех этих мер велись и ранее, но оставались на уровне намерений. Как отмечали некоторые депутаты, «восприимчивость инициативы президента мешала излишняя лозунговость изложенной им программы реформ. Из неё ясно, “что” делать, а вот “как” практически — пока тайна за семью печатями»²⁸. Вопрос заключался в том, получится ли у президента следовать собственным планам, ведь они предполагали отмену дотаций большинству убыточных предприятий и сокращение ассигнований на оборо-

²⁵ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 166.

²⁶ Известия. 1991. 28 октября.

²⁷ Там же.

²⁸ Известия. 1991. 1 ноября.

ну — со всеми вытекающими последствиями. Интересовало и то, какие меры предпримет правительство для смягчения последствий перехода к рынку для малообеспеченных слоёв населения. Ельцин не отрицал, что отпуск цен и прочие радикальные меры приведут к временному падению уровня, но обещал, что уже через полгода начнётся его постепенное улучшение и понижение цен²⁹.

Как бы то ни было, программа встретила поддержку даже тех депутатов, которые ранее скептически относились ко всем его начинаниям. 1 ноября V Съезд народных депутатов РСФСР принял постановления об организации исполнительной власти и о правовом обеспечении реформы³⁰. Ельцин наделялся чрезвычайными полномочиями на срок до 1 декабря 1992 г., в том числе правами издавать указы, имеющие силу закона (с ускоренным их рассмотрением в Верховном совете), самостоятельно решать вопросы реорганизации структур высших органов исполнительной власти и приостанавливать союзные и республиканские акты, препятствующие проведению реформы. Днём ранее, во время встречи с представителями фракции «Промышленный союз», Ельцин сообщил, что уже подготовлен указ об освобождении цен, но назвать точную дату его подписания не решился, «чтобы не возбуждать население»³¹. Впрочем, на ряд товаров — уголь, газ, нефть, топливо, драгоценные металлы, а также некоторые виды продуктов — цены оставались регулируемыми.

Граждан инициативы Ельцина встревожили. С 29 октября в сберегательных кассах столицы и некоторых других крупных городов выстраивались огромные очереди. При этом люди не забирали свои сбережения, а наоборот — клали деньги в банк. По оценкам Сбербанка, сдача средств превысила среднестатистические поступления в десятки раз. Такое поведение вкладчиков стало реакцией не только на выступление Ельцина 28 октября, но и на его последующее заявление о возможном введении в РСФСР республиканской валюты, если остальные республики не откажутся от попыток «запуска» собственных денежных единиц³². Сыграли роль и циркулировавшие в печати с середины октября слухи об изъятии из оборота или замене 50- и 100-рублёвых банкнот³³. Показательны не только малоприятный опыт недавней «павловской» денежной реформы и склонность людей верить различным домыслам, но и доверие к государственным банкам, которое спустя несколько лет сыграло с ними злую шутку на фоне регулярных банкротств коммерческих банков и инвестиционных фондов.

6 ноября Ельцин подписал ряд важных указов: о прекращении на территории РСФСР деятельности КПСС и компартии РСФСР, а также роспуске их организационных структур; о ликвидации Государственного совета РСФСР; о реорганизации российского правительства, в соответствии с которым президент РСФСР на период проведения экономической реформы становился его главой³⁴. В тот же день прошло совещание с руководителями парламентских фракций, в ходе которого президент озвучил состав нового правительства³⁵. В него вошли Г.Э. Бурбулис (государственный секретарь и первый заместитель

²⁹ Известия. 1991. 28 октября.

³⁰ Ельцин получил чрезвычайные полномочия // Коммерсантъ Власть. 1991. 4 ноября.

³¹ Известия. 1991. 1 ноября.

³² Слухами... банки полнятся // Известия. 1991. 4 ноября.

³³ Известия. 1991. 2 ноября.

³⁴ Российская газета. 1991. 7 ноября.

³⁵ Президент называет команду // Российская газета. 1991. 7 ноября.

председателя), Е.Т. Гайдар (заместитель председателя по вопросам экономической политики), А.Н. Шохин (заместитель председателя по вопросам социальной политики), М.Н. Полторанин (министр печати и массовой информации), А.Б. Чубайс (председатель Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом в ранге министра РСФСР), Б.Г. Салтыков (министр науки и технической политики), А.А. Титкин (министр промышленности), В.М. Лопухин (министр топлива и энергетики), Э.А. Памфилова (министр социальной защиты населения) и др.

Ключевую роль играл Гайдар, руководивший подготовкой концепции экономической реформы. По словам политолога и социолога А.М. Салмина, в начале 1990-х гг. руководившего Центром прогностических программ «Горбачёв-Фонда», «это было необычное правительство, в которое вошли молодые технократы — выпускники престижных высших учебных заведений, имевшие учёные степени и способные разговаривать на равных со своими академическими коллегами и западными экспертами. Справедливости ради надо признать, что для другой части интеллектуалов опыт этого правительства стал символом самонадеянности, бездушия и бессилия интеллигенции, дорвавшейся до власти»³⁶.

Формирование правительства происходило в обстановке цейтнота. Конфронтация союзных и республиканских властей разбалансировала экономику: старые механизмы управления оказались разрушены, новые — только предстояло создать. Дефицит союзного бюджета достиг трети ВВП и на 90% покрывался эмиссией, 80% валютной выручки уходило на обслуживание внешнего долга³⁷. Указания российских министров игнорировались, государственный аппарат существовал лишь формально, межреспубликанские отношения разладились. В условиях правового хаоса и отсутствия элементарной финансово-экономической дисциплины началась перекачка товаров из России в другие республики с последующим их реэкспортом. Некоторые республики пытались самостоятельно брать внешние кредиты, надеясь на будущую солидарную ответственность. Б.Е. Немцов, в то время занимавший пост главы администрации Нижегородской обл., вспоминал свой первый телефонный разговор с Гайдара: «Я ему сообщил, что в Нижнем нечего есть, что в Нижнем нет топлива, что я работаю диспетчером. Гайдар меня успокоил: “Борис Ефимович, не волнуйтесь, так во всей стране”»³⁸.

Стремительный прыжок в рынок. Гайдар незамедлительно дал понять, что Россия топтаться на месте не собирается — в кризисной ситуации действовать надо быстро, решительно и резко. «Наша страна стала банкротом. Когда запасов зерна в крупных городах оставалось, даже при самых минимальных нормах, лишь на несколько дней, а советская экономическая система была устроена так, что поставки продовольствия выполнялись только при угрозе репрессий... Когда государство было просто не способно выполнять свои функции. В такие времена на первый план выдвигаются не проблемы темпов роста, сохранения социальных гарантий и уровня безработицы, а угроза голода, холода и граж-

³⁶ Салмин А.М. В поисках утраченного смысла // Решение есть всегда. Сборник трудов Фонда ИНДЕМ, посвящённый десятилетней годовщине его деятельности. М., 2001. С. 61.

³⁷ Экспертный институт. Избранные доклады (1992–1997). М., 2002. С. 15.

³⁸ «Егор Гайдар. Долгое время». Фильм П. Шеремета. Телеканал НТВ, 2010 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DbI95ix5t14>).

данской войны»³⁹. Практически то же самое говорил и Бурбулис: «У нас нет сейчас абсолютно никакого времени на манёвры, на какую-то эластичность, на длительные этапы. Наше спасение — это решительные реформы, прежде всего экономические, управленческие»⁴⁰.

Однако законченной, детально проработанной концепцией экономической реформы, наподобие программы «500 дней», «команда Гайдара» не располагала. Сам он не считал необходимым придерживаться строгой логики в её проведении, полагая, что правительство будет заниматься преимущественно управлением кризисными процессами и оперативным реагированием⁴¹. Суть предложенного им плана стабилизации заключалась в том, чтобы ликвидировать «лишние» деньги за счёт подъёма цен, сократить бюджетный дефицит (в том числе посредством ужесточения фискальной системы и перехода к более строгим бюджетным ограничениям) и остановить денежно-кредитную эмиссию. Резкое падение спроса должно было привести к наполнению потребительского рынка товарами даже при сокращении производства. Конкретные ситуации должны были подсказать, какие административные рычаги требуется задействовать, главное, чтобы принимаемые решения успевали корректировать поведение экономических агентов. Прежде всего реформаторы стремились не допустить гиперинфляции, которая могла привести к полному развалу денежной системы, распаду хозяйственных связей и банкротству предприятий. Для этого предлагалось задействовать весь арсенал инструментов денежно-кредитной политики.

Был избран самый короткий путь проведения преобразований, известный как «шоковая терапия». По классификации Международного валютного фонда, это самая радикальная стабилизационная политика, предполагающая ускоренное решение макроэкономических проблем: либерализацию цен, хозяйственной и внешнеэкономической деятельности, ужесточение налогового режима, ограничение роста денежной массы и заработной платы, переход к более реалистичному обменному курсу национальной валюты⁴². Такие меры рекомендовалось применять в странах, где наблюдалась либо ожидалась устойчивая инфляция, подавить которую лишь монетарными и фискальными методами невозможно.

В целях насыщения потребительского рынка в начале ноября Государственный таможенный комитет СССР изменил правила ввоза в страну товаров первой необходимости⁴³. Отменялись пошлины на импортируемое продовольствие, оборудование для пищевой промышленности, сырьё и материалы для лёгкой промышленности, инвентарь для фермеров. Снимались ограничения с посреднической деятельности: предприятия и организации получили право ввозить товары не только для собственных нужд, но и для продажи на внутреннем рынке. Одновременно с этим вводились таможенные пошлины на экспорт отдельных видов потребительской продукции, ранее запрещённых к вывозу.

³⁹ Гайдар Е. Т. Смуты и институты // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 8–9.

⁴⁰ Известия. 1991. 26 октября.

⁴¹ См.: Гайдар Е. Т. Логика реформ // *Вопросы экономики*. 1993. № 2. С. 12–16; Лившиц А. Я. Рыночная экономика: путь России // *Вопросы экономики*. 1993. № 2. С. 43–44; Экспертный институт. Избранные доклады... С. 19.

⁴² Экспертный институт. Избранные доклады... С. 186.

⁴³ Коммерсантъ Власть. 1991. 18 ноября.

Предстояло определиться с темпами либерализации ценообразования: постепенный отпуск цен или решительное их освобождение практически по всем товарным группам и услугам. Выбор сделали в пользу быстрой трансформации. По мнению реформаторов, такой шаг должен был помочь справиться с тотальным дефицитом потребительских товаров, создававшим угрозу социального взрыва, и не допустить формирования устойчивых инфляционных ожиданий. Вместе с тем в одном из своих первых интервью в должности вице-премьера Гайдар заявил, что либерализация наступит «не завтра и не послезавтра»: «Даже если бы и захотели это сделать немедленно, технически это неосуществимо. Дело очень сложное, требующее серьёзных общеэкономических и социальных проработок... Одно могу сказать: по чисто техническим причинам счёт идёт не на дни или недели, а на месяцы»⁴⁴.

Однако, вопреки этим заверениям, с января 1992 г. почти все цены на промышленные и продовольственные товары стали свободными. Сама идея повышения цен (отпуск цен мог привести только к их росту) не является «авторской наработкой» Гайдара. В начале 1991 г. правительство В.С. Павлова предлагало повысить цены на потребительские товары и продукты питания в 4–10 раз с целью борьбы с товарным дефицитом. Однако развернувшаяся тогда в печати широкая дискуссия экономистов, предупреждавших о риске резкого ухудшения качества питания в условиях низких ставок заработной платы у работающей части населения, помешала этой инициативе⁴⁵.

В течение недели после либерализации цены выросли в 3,5, а за первые три месяца 1992 г. — более чем в 6 раз⁴⁶. На прилавках появилось множество ранее дефицитных товаров, но «покупатели чаще посещали магазины с ознакомительными, нежели с меркантильными целями»⁴⁷. По выражению одного из журналистов, началось «время дикорастущих цен», вместо либерализации произошло «децентрализованное повышение цен, отличающееся от “павловского” только масштабами и хаотичностью»⁴⁸. Известный экономист Г.И. Ханин, проводивший начало 1992 г. в Москве, вспоминал: «Мне, прежде всего, запомнился в выходной день совершенно пустой магазин тканей около метро “Таганская”. Изумлённый этой пустотой, я спросил у продавцов, насколько выросли цены на ткани по сравнению с предновогодним уровнем? Когда они сказали — в восемь–десять раз, я не поверил своим ушам. Это казалось немыслимым, не укладывалось ни в какие разумные рамки. Рост цен на продовольственные товары был меньше, поскольку они (за исключением регламентированных) были “отпущены” раньше, но тоже был огромным. Поражали цены в коммерческих киосках на продовольственные и непродовольственные товары. Когда мы впервые после отпуска цен собрались вместе (Селюнин, Белкин и я) на квартире Селюнина, у всех было ощущение шока. Я спросил: “Кто может покупать по этим ценам?”. Сошлись на том, что торговцы покупают

⁴⁴ Новые люди в Белом доме // Известия. 1991. 7 ноября.

⁴⁵ Хасбулатов Р.И. Преступный режим... С. 23.

⁴⁶ Такую инфляцию принято называть корректирующей, поскольку она ведёт к ликвидации денежного навеса и восстановлению равновесия между товарной и денежной массами. Следует также учитывать, что по мере либерализации внешней торговли российская система ценообразования всё сильнее испытывала на себе воздействие мировых цен.

⁴⁷ Молоко не желает продаваться по твёрдым ценам. Оно становится маслом // Известия. 1992. 14 февраля.

⁴⁸ «Павловизация» либеральной реформы // Независимая газета. 1992. 15 января.

друг у друга. Но где же конечный покупатель? Точнее, конечный источник денежных средств у торговцев? Тогда мы не смогли ответить на этот вопрос»⁴⁹. В конце января 1992 г. Хасбулатов потребовал отставки правительства⁵⁰.

По официальным данным, прожиточный минимум в январе 1992 г. составил 342 руб. Но в марте правительство признало, что в реальности он достигал 900 руб.⁵¹ На начало февраля прожиточный минимум в России, согласно официальной статистике, составил 1 500 руб. при фактическом среднедушевом доходе в 895 руб.⁵² 13 февраля в Государственном комитете РФ по статистике состоялась пресс-конференция на тему «Итоги социально-экономического развития России в 1991 году и в январе 1992 года»⁵³. Согласно озвученным данным, реальная средняя заработная плата уменьшилась за 1991 г. на 10%, национальный доход — на 11%. Индекс потребительских цен в четвёртом квартале 1991 г. составил 128%, сводный индекс потребительских цен⁵⁴ в январе 1992 г. — 350%. При этом председатель Госкомстата П.Ф. Гужвин затруднился назвать товар, который подорожал бы всего в 3,5 раза, как это следовало из официального среднего показателя. Розничный товарооборот в январе сократился на 63%.

Индекс оптовых цен вырос в пять раз. Больше всего подорожали цветные металлы и продукция нефтехимии (в том числе оптовая цена выросла почти в 24 раза). Такой скачок объяснялся не столько финансовым состоянием предприятий, сколько привычкой советских хозяйственников не считать безналичные рубли. Их, конечно, тоже могло не хватить, но это обстоятельство, как правило, обнаруживалось только после отгрузки продукции покупателю. В январе 1992 г. объёмы промышленного производства снизились на 15%, добыча нефти — на 14% (для сравнения: за весь 1991 г. она упала на 11%). При этом производство продуктов нефтепереработки (дизельного топлива, мазута, бензина) возросло, что свидетельствовало о серьёзном сокращении экспорта⁵⁵. Хуже всего обстояли дела в чёрной металлургии. Несмотря на резкое сокращение выпуска сельскохозяйственной техники, цены на неё существенно превышали платёжеспособный спрос, затрудняя сбыт. Трудности «переходного периода» отмечались в каждой отрасли.

Совершенно новым явлением в экономике стали массовые неплатежи, которые захлестнули почти все отрасли. Повсеместно наблюдался рост бартера: «ты мне кирпич, я тебе сталь». В конце марта объём задолженности составил 800 млрд руб., в апреле превысил 1 трлн, месяц спустя удвоился и сравнялся с доходной частью федерального бюджета. В ряде регионов вообще приняли решение не перечислять в центр налог на прибыль предприятий⁵⁶. Участилось сокрытие доходов от налогообложения. Почти вдвое уменьшилась инвестиционная активность, подорвав материальную основу производства. Из-за резкого сокращения объёма капитальных вложений в основные фонды

⁴⁹ Ханин Г.И. Сочинения. Т. 2. М., 2020. С. 217.

⁵⁰ Хасбулатов потребовал отставки правительства // Коммерсантъ Власть. 1992. 20 января.

⁵¹ Российская газета. 1992. 8 июля.

⁵² Экспертный институт. Избранные доклады... С. 61.

⁵³ Молоко не желает продаваться по твёрдым ценам...

⁵⁴ В этот индекс включаются рыночные и кооперативные цены и цены государственной торговли.

⁵⁵ Известия. 1992. 23 марта.

⁵⁶ Там же.

(на 45% по сравнению с 1991 г.⁵⁷) и их обесценения на фоне роста цен большинство предприятий лишились возможности обновления устаревших основных фондов. Ускорились процессы некомпенсированного выбытия промышленно-производственного потенциала. Ввод новых мощностей за 1991–1992 гг. снизился в восемь раз⁵⁸.

В течение января 1992 г. реальный уровень заработной платы в промышленности снизился на 60%, платёжеспособный спрос упал, в результате чего объём розничного товарооборота сократился более чем в два раза по сравнению с декабрём 1991 г. В наиболее сложном положении оказались предприятия лёгкой, пищевой и машиностроительной промышленности, занятые изготовлением конечной потребительской продукции — из-за отказа потребителей от её приобретения, давления возрастающих цен на сырьё, материалы и комплектующие изделия⁵⁹.

В начале февраля Бурбулис провёл встречу с руководителями ряда крупнейших государственных предприятий с целью выяснить их отношение к экономической реформе. В целом поддержав правительственный курс, директора не стеснялись говорить о трудностях: несовершенство новой налоговой системы подавляет экономические стимулы; банки действуют как ростовщики; правительство не помогает инвестициями. Директор Екатеринбургского машиностроительного завода поведал типичную для «оборонки» историю: «Сокращение бюджетных ассигнований привело к тому, что склады завода забиты продукцией военного предназначения, и никто не желает её покупать. Конечно, покупатели за рубежом нашлись бы, да ведь нельзя этого делать без разрешения правительства, как и нельзя закрыть производство и перейти на гражданскую продукцию»⁶⁰.

В первом квартале 1992 г. бюджетный дефицит составил 3,8% ВВП⁶¹, существенно сократившись по сравнению с предыдущим годом (хотя с учётом распада СССР оценить действительный объём ВВП за 1991 г. весьма проблематично). В первые месяцы нового года правительство старалось придерживаться строгой денежно-кредитной политики, и кредиты выдавались в очень малых объёмах. Логика реформаторов состояла в том, что сжатие денежной массы необходимо для обеспечения перехода к свободному ценообразованию, в противном случае инфляция значительно вырастет или перерастёт в гиперинфляцию.

За первое полугодие 1992 г. выпуск промышленной продукции сократился по сравнению с первым полугодием 1991 г. примерно на 15%⁶². В некоторых отраслях, к примеру, в цветной металлургии и пищевой промышленности, выпуск продукции снизился почти на четверть. Перебои в работе предприятий чёрной металлургии привели к срывам в производстве продукции машиностроения. Недопоставки сырья из стран СНГ и нехватка валюты для импорта ухудшили положение в текстильной и лёгкой промышленности. Спад производства затронул и промышленность строительных материалов. На середину 1992 г.

⁵⁷ Годовой отчёт Центрального банка Российской Федерации за 1992 г. М., 1993. С. 4.

⁵⁸ Инвестиции: вложить нужно как следует // Коммерсантъ. 1993. 21 декабря. С. 36.

⁵⁹ Программа углубления экономических реформ Правительства Российской Федерации // Вопросы экономики. 1992. № 8. С. 8; Экспертный институт. Избранные доклады... С. 206–207.

⁶⁰ Зачем российское руководство совещалось с директорами // Известия. 1992. 11 февраля.

⁶¹ Синельников-Мурылёв С. Налоговая и бюджетная политика: итоги первого года реформ // Вопросы экономики. 1993. № 2. С. 89.

⁶² Куранов Г. Итоги первого года реформ... С. 30.

пришёлся пик ухудшения качества производимой продукции, повсеместно нарушались договорные обязательства. Относительная стабильность сохранялась только в топливно-энергетической отрасли.

Снижение масштабов выпуска продукции приводило к падению прибыли предприятий и, соответственно, к уменьшению налоговых поступлений в бюджет и денежных доходов работников. Несмотря на это, в ходе совместного заседания палат Верховного совета РФ 1 июля Гайдар — на тот момент уже исполняющий обязанности председателя правительства — заявил, что «положение с бюджетом приличное, исполнен он практически без дефицита», и посоветовал депутатам относиться к его прогнозным доходам «со сдержанным оптимизмом»⁶³.

Неконтролируемый рост цен, подстёгивавшийся инфляционными ожиданиями, увеличением постоянных издержек и дефицитом капитальных вложений, снижал покупательную способность денег и ещё больше подавлял платёжеспособный спрос. Это, в свою очередь, снова вело к сокращению производства, росту неплатежей и задолженности предприятий. В условиях технологического отставания и отсутствия средств у предприятий переход на современные технологии, позволявшие снизить производственные издержки, в краткосрочной перспективе оказался невозможен. В этой связи отечественные производители, используя «преимущества» высокого уровня монополизации производственного сектора, выбирали самый нерациональный с точки зрения макроэкономики стиль поведения — сбрасывали объёмы выпуска и повышали цены на продукцию. Попытки достичь капитализма одним прыжком зашли в тупик.

Стремительное нарастание кризиса застало правительство врасплох. Оно объясняло происходившее неэффективностью российской экономики в условиях свободного ценообразования. Вместе с тем, помимо объективных причин массовых неплатежей, имелись и субъективные, связанные с неграмотностью и недобросовестностью большого числа хозяйственных руководителей, получивших контроль над финансовыми ресурсами своих предприятий. Крупные предприятия, пользуясь «привилегией» распределения заказов, нередко заставляли своих более мелких партнёров соглашаться работать на невыгодных условиях и к тому же оплату производили несвоевременно и не в полном объёме. Но в конечном счёте убытки несли обе стороны.

Обесценение инфляцией средств предприятий и населения привело к тому, что в разы сократился сбыт продукции, в особенности дорогостоящей. Тяжелее всего пришлось предприятиям, находившимся в конце технологической цепочки. Стремясь хоть как-то решить свои финансовые проблемы, не прибегая к полной остановке производства, они попросту перестали платить поставщикам.

Несмотря на обещания власти компенсировать населению примерно 70% роста цен и удерживать минимальный уровень зарплаты и пенсии не ниже прожиточного минимума, последствия «шоковой терапии» оказались очень тяжёлыми. Они состояли в резком обнищании, росте безработицы, ухудшении демографической ситуации и криминализации экономики. Среднемесячный доход бизнесмена составлял 35 тыс. руб., зарплата управляющего фондовой биржей — до 80 тыс. руб. в месяц, а уличные торговцы цветами, книгами и без-

⁶³ Минасов Р. Депутаты обсуждают бюджетное послание Президента // Российская газета. 1992. 2 июля.

алкогольными напитками могли зарабатывать лишь от 6 до 15 тыс.⁶⁴ Если ранее разрыв между 10% наиболее высоко- и низкооплачиваемых категорий населения составлял в среднем 4–6 раз, то теперь он достиг 11 раз. Подавляющая часть граждан находилась ниже черты прожиточного минимума, составлявшего в первом полугодии 1992 г. 1,3–2 тыс. руб. Среднедушевым доходом менее 900 руб. располагали 7 млн человек⁶⁵. Причём реальные доходы наименее обеспеченной категории сокращались намного быстрее, чем населения в целом.

Рабочие могли месяцами не получать денег, после чего предприятие «одалживало» их собственной продукцией по розничным ценам. Весной 1992 г. не менее 20% заработной платы выплачивались за счёт эмиссии Госбанка. К июлю задолженность по выплате окладов, пенсий и пособий достигла почти 220 млрд руб.⁶⁶ Одновременно с декабря 1991 г. по середину 1992 г. потребительские цены увеличились в 10–12 раз (догоняя рост оптовых цен), в то время как доходы населения — лишь в 4–5 раз⁶⁷. Наибольшее отставание доходов населения от роста цен наблюдалось в начале года. В мае рост временно замедлился и даже уступил по «скорости» приросту зарплаты, но отставание, допущенное в первых двух кварталах, компенсировать не удалось. Вскоре индекс потребительских цен снова «ушёл в отрыв», хотя казалось, что после резкого скачка в результате корректирующей инфляции он должен стабилизироваться, как и обещало правительство. Однако этого не произошло, и уровень инфляции по итогам 1992 г. составил 2600%⁶⁸, превратив гиперинфляцию из угрозы в реальность.

В целом за 1992 г. реальный уровень зарплат упал примерно на треть⁶⁹. Резко изменилась структура расходов семьи. В среднем половина всех расходов уходила на покупку продуктов питания, у пенсионеров — до 80%. Потребление продуктов питания животного происхождения в России оказалось более чем вдвое ниже, нежели в развитых странах. Потребление мяса сократилось на 12%, молочных продуктов — на 18%, фруктов и ягод — на треть⁷⁰. Возросшее потребление хлеба и картофеля не компенсировало выбытия других важных составляющих рациона питания. Покупатели не могли приобретать товары по ценам, которые им предлагались, а предприятия, в свою очередь, не могли существенно снизить цены по причине высоких издержек.

Таким образом, правительству Гайдара не удалось ни побороть инфляцию, ни предотвратить спад производства, ни улучшить благосостояние населения. Но главная проблема видится в том, что молодые и амбициозные реформаторы не озаботились выработкой концепции экономического развития в новых условиях. Требовалось комплексное, системное обновление гражданской нормативно-правовой базы, обусловленное потребностями перехода к рынку, принятие налогового, бюджетного, антимонопольного законодательства и т.д.,

⁶⁴ Российская газета. 1992. 8 июля.

⁶⁵ Социально-экономическая ситуация в России в первом полугодии 1992 г. // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 10. С. 22.

⁶⁶ Куранов Г. Итоги первого года реформ... С. 31.

⁶⁷ Социально-экономическая ситуация в России... С. 22.

⁶⁸ Годовой отчёт Центрального банка... С. 5.

⁶⁹ Евсей Гурвич: Какой урок даёт нам шоковая терапия // Российская газета (URL: <https://rg.ru/2017/01/02/25-let-nazad-v-rossii-otpushili-ceny.html>).

⁷⁰ Логинов В. Год реформ. Что дальше? (Проблемы воспроизводства в период экономического кризиса) // Вопросы экономики. 1993. № 3. С. 10.

однако этот процесс шёл достаточно медленно. В отсутствие ясных и стабильных правил и механизмов их реализации «многочисленные и нередко противоречивые законы, указы, постановления и распоряжения оставались, как правило, на бумаге... Такой результат был неизбежен и предсказуем. Он являлся итогом неадекватности избранной стратегии реальным условиям и тенденциям развития российской экономики. Многочисленные корректировки курса не могли исправить ситуацию»⁷¹.

Ещё один грубый просчёт заключался в нежелании объяснять общественности суть концепции разгосударствления, привлекать к выработке решений специалистов в области экономики и права, мобилизовать на поддержку новой реальности структуры гражданского общества (союзы предпринимателей, ассоциации потребителей, профсоюзы, благотворительные фонды, научные и культурные организации и др.). Особенно ярко это проявилось при конфискации (хотя правильнее говорить об обесценении) сбережений в 1992 г. Доводы реформаторов об опасности «денежного навеса» для потребительского рынка и необходимости изъятия «излишних» денег, не подкреплённые сколько-нибудь убедительной аргументацией, вызвали закономерные сомнения в правильности выбранного пути. Авторитетный экономист Н.П. Шмелёв размышлял: «Но разве конфискация “излишних” денег без всяких объяснений и оправданий была тогда единственным способом решения проблемы? Можно было “заморозить” эти сбережения на годы вперёд (но при соответствующей индексации и государственных гарантиях их последующей выплаты); добровольно-принудительно превратить значительную их часть в долгосрочные государственные обязательства с ежегодной выплатой более или менее разумных процентов; отчасти направить эти деньги на приватизацию государственной собственности; осуществить и какую-то иную далеко идущую комбинацию»⁷². Как следствие, непродуманные и плохо разъяснённые действия вызвали недовольство значительной массы населения и предприятий, серьёзно подорвав доверие к рыночным преобразованиям, породив ностальгию по «стабильному» советскому прошлому. Парламентские выборы 1993 и 1995 гг. ярко показали степень неприятия реформ.

Впрочем, отдельные комментаторы основной причиной кризиса называли саму радикальную либерализацию экономики. Рост цен на энергию и сырьё обгонял рост цен на продукцию обрабатывающих отраслей, что в отсутствие структурно-технологических преобразований приводило к снижению добавленной стоимости в производстве конечной продукции и, соответственно, сокращению заработной платы и инвестиций в основной капитал. Население стало покупать меньше потребительских товаров, вследствие чего предприятия сократили объёмы производства. Общий спад в итоге затронул и сырьевые отрасли⁷³.

К сказанному следует добавить технологическую отсталость многих предприятий (при сосредоточении передовых технологий и современных научно-исследовательских и конструкторских разработок преимущественно в военном секторе экономики), разрыв хозяйственных связей с бывшими союзными республиками, разрушение отработанной системы товаропотоков и материально-

⁷¹ Абалкин Л.И. Размышления о стратегии и тактике экономической реформы // Вопросы экономики. 1993. № 2. С. 6.

⁷² Шмелёв Н.П. Кризис внутри кризиса // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 5.

⁷³ Ярёмченко Ю.В. Приоритеты структурной политики... С. 159–160.

технического снабжения. Освобождение цен и их сближение с мировыми не остановили инфляцию, которая вместе с ростом издержек передавалась по всем технологическим цепочкам. В отличие от сырьевых отраслей, ориентированных на экспорт, производители продукции, предназначенной для внутреннего рынка, не выдерживали конкуренции с иностранными товаропроизводителями и вынуждены были сокращать или сворачивать производство.

Ставка российского правительства исключительно на ценовые методы воздействия на структуру и динамику производства оказалась несостоятельной. Опыт экономических преобразований в странах Восточной Европы показал, что отказ государства от полноценного участия в ценообразовании в условиях огромных диспропорций товаров и денежной массы не оказывает положительного влияния на темпы экономического роста и не способен стимулировать производство продукции.

В то же время следует отметить, что спад в российской экономике после развала СССР носил структурный характер и был связан с институциональной перестройкой всего народного хозяйства. Он негативно отразился на состоянии реального сектора экономики, потребительского рынка и социальной сферы, но не привёл к потере долгосрочных ориентиров развития. Начались конверсия военного производства и сокращение промышленности группы «А», но многие предприятия продолжали работать (перейдя на бартер и денежные суррогаты), а некоторые секторы экономики — торговля, банки, предприятия, ориентированные на экспортные рынки, — демонстрировали рост прибыли. Благодаря оперативному запуску рыночных механизмов сформировался слой первых собственников. Появились совершенно новые профессиональные и социальные группы (предприниматели, менеджеры, маркетологи и др.), открылись широкие перспективы для карьеры, творчества и прочих форм самореализации.

Григорий Бибилов

Высшая полиция николаевской России в трудах современного историка*

Grigoriy Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The political police of Nicholas Russia in the works of a modern historian

DOI: 10.31857/S2949124X24050126, EDN: SKODCT

В сборник статей М.В. Сидоровой вошли публикации, подготовленные за более чем 40 лет её работы в Государственном архиве Российской Федерации. Их ровно 80, и они хорошо знакомы исследователям, часто цитируются, но до сих пор были разбросаны по малотиражным и труднодоступным изданиям, поэтому объединение их под одной обложкой по-новому раскрывает масштаб и разнообразие творчества автора.

В кратком предисловии Марина Викторовна описала свой научный путь и представила основные принципы построения книги, оговорив, в частности, что тексты были «заново отредактированы, исправлены и дополнены», а «ряд небольших статей на одноимённую тему сейчас объединены в несколько больших статей» (с. 7)¹. При этом ставилась задача сохранить их цельность, и каждый очерк «надо воспринимать как отдельный сюжет» (с. 5), что делает неизбежным некоторые повторы и идентичные цитаты.

Собранные в томе исследования, как правило, не имеют пространных историографических введений, развёрнутой постановки проблемы и формализованных выводов. Сидорова предпочитает жанр небольшой

заметки (на это указывает и подзаголовок), написанной в классическом позитивистском ключе — с ясно очерченной тематикой, богатым новым материалом, хранящимся в фондах ГА РФ, как правило, впервые введенным автором в научный оборот, без тяжеловесных методологических изысков и обобщающих теоретических рассуждений. Часто в центре внимания оказывается неординарный или просто любопытный эпизод: Сидорову привлекают истории с интригой, требующие расследований, архивных поисков, знания частной жизни героев. Поэтому сборник будет интересен не только учёным, но и широкому кругу читателей.

Без малого 400 страниц книги посвящены истории высшей (политической) полиции России XIX в.: деятельности III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, его внутреннему устройству и архиву, биографиям гр. А.Х. Бенкендорфа и Л.В. Дубельта. Тут представлены все основные работы Сидоровой по данной теме, сюжетно к ним примыкают и отдельные части главы «Разное».

Первоначально Сидорова занималась преимущественно делами III отделения и, в меньшей степени, Депар-

* Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023. 950 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01576 «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху».

тамента полиции, а не жандармского корпуса, который в последние годы всё чаще становится самостоятельным объектом изучения². В 1993 г. она защитила в Московском государственном историко-архивном институте кандидатскую диссертацию «Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX вв.: III отделение С.Е.И.В. канцелярии и Департамент полиции МВД». Можно лишь пожалеть, что этот обстоятельный и востребованный труд до сих пор остаётся неопубликованным. Он, безусловно, украсил бы сборник, который, однако, пришлось бы уже издавать в двух томах.

В период подготовки диссертации Сидорова осветила в статьях судьбу полицейского архива, библиотеки нелегальных изданий, принадлежавшей III отделению, Департаменту полиции и губернским жандармским управлениям, примеры использования документов политического сыска в историографии второй половины XIX — начала XX в. При этом она делала яркие зарисовки внутреннего устройства и повседневной жизни служащих высшей полиции. Так, известно, что с 1828 г. в III отделение поступали экземпляры всех выходящих в империи газет, журналов и альманахов, но, как установила исследовательница, после использования их раздавали «для домашнего чтения чиновникам, а также арестантам Петропавловской крепости» (с. 189). С 1874 г. старые архивные дела продавали как макулатуру на фабрики, уничтожив к 1917 г. около половины бумага III отделения (с. 143). Правда, в рассказ об этом, очевидно, вкралась опечатка: сперва сказано, что «к 1890 году в архиве Департамента полиции насчитывалось 40472 дела упразднённого III отделения» (с. 145), но далее говорится про 100 тыс. таких дел, находившихся в том же архиве к 1917 г. (с. 150). Любопытно, что

секретари шефа жандармов А.А. Ивановский и П.И. Миллер, пользуясь доступом в кабинет своего начальника, заимствовали ряд рукописей с автографами А.С. Пушкина, а многолетний старший чиновник III отделения М.М. Попов скопировал обширное дело поэта, выдержки из которого появились в 1874 г. в «Русской старине» (с. 178—187). Отдельный очерк посвящён «шефскому дому» на Фонтанке (с. 198—204), где на казённой квартире проживал Л.В. Дубельт, а позже кн. В.А. Долгоруков, гр. П.А. Шувалов, А.Л. Потапов, Н.В. Мезенцов и др. (с. 201).

Весьма увлекательно описан случай кражи из III отделения всеподданнейших докладов шефа жандармов, вырезки из которых царь получил затем по почте с пометкой: «его императорскому величеству». Многочисленные улики указывали на причастность к дерзкой шалости прикомандированного к архиву III отделения бывшего студента Киевского университета А.М. Петрова, причисленного к высшей полиции по высочайшему повелению за донесение о Кирилло-Мефодиевском обществе. Его продержали полтора года в Петропавловской крепости, однако нарочно ли он «водил следователей за нос или был не причастен к анонимному письму, следствие так и не установило». Вещественные доказательства по данному делу были «выделены в макулатуру и уничтожены» в 1940 г. (с. 99—106).

В 1994 г. Сидоровой удалось восстановить штаты III отделения в 1826—1880 гг., проследить эволюцию его внутренней структуры, установить размеры жалования чиновников (с. 71—82). Эти сведения по-прежнему актуальны и нуждаются лишь в незначительных дополнениях и уточнениях. Так, согласно таблице «Изменение штатов III отделения за 1826—1880 гг.» (с. 79), уже в 1826 г. в распоряжении

руководителя высшей полиции находились четыре чиновника особых поручений, однако до начала 1830-х гг. они (в том числе А.А. Сагтынский, К.Ф. Швейцер и кн. А.Ф. Голицын) служили в Царстве Польском. Кроме того, в ней не упомянуто о переводе окладов с ассигнаций на серебро в начале 1840-х гг., и читатель может не заметить существенное увеличение регулярного содержания служащих в этот период.

В статье «Немцы на службе III отделения» (с. 83–98) прослеживаются карьерные траектории некоторых чиновников, порою довольно неожиданные. Так, в 1838 г. недавно поступившего на службу в Капитул орденов А.А. Галлера по высочайшему повелению зачислили младшим чиновником в первую экспедицию за то, что он не только открыл «преступное намерение бывшего учителя Александра, который покушался на жизнь отставного штабс-ротмистра Яковлева», но и отказался потом от 10 тыс. руб., принесённых ему «в изъявление благодарности». Впоследствии Галлер стал первым начальником архива III отделения. В 1846 г. его сослуживец Н.Ф. Миллер отправился в паломничество на Ладугу, где принял решение оставить службу и поступить послушником в монастырь, но затем безуспешно ходатайствовал у Дубельта о возвращении в III отделение. Весьма содержателен и небольшой очерк о кн. А.Ф. Голицыне (с. 757–761), который в 1831–1838 гг. состоял чиновником по особым поручениям III отделения, а потом в должности статс-секретаря е.и.в. по принятию прошений возглавлял Следственную комиссию по делу о хищении всеподданнейших докладов из III отделения, Комиссию по разбору бумаг лиц, прикосновенных к делу М.В. Буташевича-Петрашевского, и образованную в 1862 г. Комиссию по де-

лам о распространении революционных воззваний и пропаганде. В одной из статей Сидорова назвала его состоявшим «при государе “куратором” III отделения» (с. 100), но, к сожалению, не раскрыла подробнее эту неординарную характеристику.

В сборник вошла и биография К.Ф. Филиппеуса, возглавлявшего в 1869–1874 гг. третью (секретную) экспедицию III отделения, отвечавшую тогда за организацию политического сыска в России и Европе (с. 107–139). Занимая столь важный пост, Филиппеус оказался втянут в различные интриги. В начале 1874 г. за ним пришлось установить секретное наблюдение, в ходе которого выяснилось, что чиновник тратил немалые деньги на содержание немецкой актрисы. Его вынудили подать в отставку, но он, судя по донесениям агентов, ещё больше «вдалься в аферистические предприятия». На общем фоне этот материал заметно выделяется резкими оценочными суждениями и эпитетами. К примеру, в связи с назначением Филиппеуса в 1893 г. вторым редактором газеты «Гражданин» отмечено, что «владельцем и вождём» издания являлся «чёрный монархист, неистовый реакционер и шовинист» кн. В.П. Мещерский (с. 138). Здесь, вероятно, сказалось влияние текста соавтора — историка Ф.М. Лурье.

Как отмечает Сидорова, большинство чиновников после перехода в III отделение оставались там до конца службы, при Николае I около половины из них были немцами, причём «поощрялись браки с родственниками сослуживцев, а также служба в учреждении представителей одних и тех же фамилий» (с. 86). Впрочем, родственные связи отличали скорее первый состав III отделения, в который вошли чиновники упразднённой Особенной канцелярии МВД, включая трёх братьев фон Фоков (четвёр-

тый был определён секретарём к Бенкендорфу, но числился по Военному министерству), братьев Гедерштернов и Зеленцовых. В дальнейшем подобная практика уже не наблюдалась, только в 1851 г. должность младшего помощника занял коллежский асессор барон А.П. Дольст³, чей родственник П.И. Дольст долгие годы возглавлял третью экспедицию, присматривавшую тогда за прибывавшими в Российскую империю иностранцами.

Статья об отчётности высшей полиции, написанная Сидоровой в соавторстве с Е.И. Щербаковой (с. 17–25), в 2006 г. открывала известный документальный сборник, в котором были собраны ежегодные обзоры общественного мнения, подготовленные для императора в III отделении⁴. Они хорошо известны и особенно часто цитируются историками, но хранят ещё немало загадок. На рубеже 1820–1830-х гг. их сочинял по-французски управляющий III отделения М.Я. фон Фок (1777–1831). После его смерти «обозрения» составлялись уже по-русски (скорее всего, сменившим фон Фока А.Н. Мордвиновым, фигура которого остаётся в историографии в тени других руководителей высшей полиции) и получили определённую структуру. Однако какие материалы использовались при их создании, установить затруднительно, и утверждение Сидоровой и Щербаковой о том, что для этого привлекались как жандармские донесения, так и «доклады губернаторов и министров» (с. 21), требует дополнительного обоснования. Изучая ежегодные «обозрения», с 1840 г. получившие название «нравственно-политический отчёт», Сидорова и Щербакова отметили, что одним из важнейших направлений деятельности III отделения в николаевскую эпоху являлось рассмотрение жалоб и прошений (с. 15), а в первые десятилетия его существования глав-

ной задачей считался «контроль за административным аппаратом» (с. 20)⁵. Большое внимание уделялось также положению дел в центральных учреждениях и репутации их руководителей (с. 26–36), в частности Д.Н. Блудова, Д.В. Дашкова, Е.Ф. Канкрин и др.

Под надзором оказывались и прибывавшие в Россию иностранные подданные (с. 37–50). Сидорова описала порядок их въезда и регистрации в III отделении, а также высылки за пределы империи, подробно рассмотрела «алфавиты» посещавших Петербург⁶. В статье «Духовное ведомство по материалам III отделения» (с. 51–61) показано, как чины высшей полиции наблюдали за злоупотреблениями епархиального начальства и состоянием монастырей, какую реакцию вызывали действия раскольников и случаи отпадения российских подданных от православия (семья Жеребцовых, кн. И.С. Гагарин). В небольшой заметке освещена борьба с фальшивомонетчиками (с. 62–64), ряд любопытных эпизодов изложен в очерке о дуэлях и дуэлянтах (с. 65–70).

Статьи, написанные в соавторстве, как указано в предисловии, «даются в сборнике практически без изменений» (с. 7–8). Очевидно, это помешало исправить встречающиеся в них неточности и опечатки и привело к известной несогласованности текстов. Так, в книге дважды упомянут «шеф жандармов П.А. Долгоруков» (с. 65–66), человек с такими инициалами даже попал в именной указатель, хотя речь идёт, конечно, про князя Василия Андреевича; первый начальник Московского жандармского округа генерал-лейтенант А.А. Волков фигурирует ещё и как «А.Л. Волков». Не совсем точно передано менявшееся с годами деление империи на жандармские округа (с. 18), не оговаривается упразднение в начале 1830-х гг. их отделений при назначе-

нии в каждую губернию штаб-офицера. Не вполне корректно и утверждение, будто в ходе реформы 1837 г. «должность генерал-губернатора отменялась, главой администрации на местах становился губернатор» (с. 29). Говоря о второй четверти XIX в., едва ли верно писать про Отдельный корпус жандармов (с. 18, 76) и губернские жандармские управления (с. 52), поскольку эти наименования стали официальными лишь в 1860–1870-х гг.

Ярко представлены в книге наиболее известные руководители жандармского ведомства николаевской эпохи — гр. Бенкендорф и Дубельт. «После защиты диссертации в 1994 году, — вспоминает в предисловии Сидорова, — петербургский историк Юрий Иванович Штакельберг посоветовал мне заняться изучением биографий видных жандармов. Казалось бы, фамилии Бенкендорфа и Дубельта у всех на слуху, а кто они, откуда, какого рода-племени — ничего тогда было неизвестно. Это очень увлекло меня» (с. 6). Судя по хронологии публикаций, первой её внимание привлекла «необычайно интересная и противоречивая»⁷ судьба Дубельта. В 1995 г. при участии Сидоровой увидели свет заметки и дневники генерала⁸. Ещё ранее появилась статья «Л.В. Дубельт и его родственники» (с. 329–340), в которой впервые подробно рассказывалось о происхождении, службе и женитьбе Леонтия Васильевича, а также сообщались сведения о его детях, внуках, семье двоюродного брата. В 1998 г. вышел очерк «Пушкины и Дубельты (из истории взаимоотношений)» (с. 352–357), в центре которого — несчастливый брак дочери поэта Натальи Александровны и сына жандарма Михаила Леонтьевича.

В 2001 г. Сидорова и М.М. Якушкина опубликовали письма к Дубельту его жены Анны Николаевны (урождённой Перской)⁹. В 1930-е гг. их

приобрёл известный литературовед Н.О. Лернер, по словам которого, «это такая жандармско-помещичья хроника, что для беллетриста и историка просто клад»¹⁰. Позже бумаги попали в фонд Дубельта в ЦГАОР, Н.Я. Эйдельман подготовил на их основе очерк «Ты смирен и скромн». Сидорова же заинтересовалась фигурой супруги управляющего III отделением (с. 341–351), которая с 1830-х гг. почти безвыездно проживала в родовом имении Рыскино в Тверской губ., посвятив себя ведению хозяйства, воспитанию детей и переводам англоязычной прозы. Реконструируя усадебный быт, исследовательница демонстрирует, как благодаря хлопотам хозяйки Дубельты богатели, выстроили в Рыскино храм, приобрели дом в Петербурге, дачу и мызу в окрестностях столицы, имение Каменное с бумажной фабрикой (ныне — г. Кувшиново в Тверской обл.), купленное в 1834 г. и приносившее немалый доход. Это позволяло Дубельту не зависеть от казённого содержания, поместить обоих сыновей в Пажеский корпус, из которого они поступили в Лейб-гвардии Кавалергардский полк. Сидорова явно симпатизирует генеральше, хотя, вероятно, несколько идеализирует умиротворение крепостной деревни. Во всяком случае, в фондах III отделения сохранилось дело «По жалобе крестьян генерал-лейтенанта Дубельта на свою помещицу»¹¹.

Сам же «бесценный Лёвочка», как обращалась к мужу Анна Николаевна, хорошо виден по публикации «Доносы на Л.В. Дубельта (из материалов секретного архива III Отделения)» (с. 358–384). В конце 1844 г. подполковник штаба Корпуса жандармов А.Д. Васильев совершил странный поступок (который и сам вскоре назвал «безумным») — подал своему прямому начальнику Дубельту жалобу, в резких выражениях обвинив его в махинаци-

ях, злоупотреблениях и личной неприязни и угрожая уведомить об этом близких к престолу сановников¹². Защищаясь, Дубельт подготовил для шефа жандармов гр. А.Ф. Орлова объяснительную записку о своей служебной деятельности и частной жизни. Среди прочего, в ней перечислялись его пай в золотопромышленных компаниях, раскрывались обстоятельства покупки недвижимости и т.п. Признался генерал и в том, что содержит актрису (с. 366–377). В 1856 г. кто-то из бывших сослуживцев вновь подал на него анонимный донос императору (с. 379–384). Нельзя не признать, что статьи и публикации Сидоровой остаются важным и подчас уникальным источником сведений для всё ещё не написанной биографии Дубельта.

В начале 2000-х гг. Сидорова включилась в подготовку к изданию воспоминаний гр. А.Х. Бенкендорфа, посвятив несколько работ краткой характеристике данного источника, истории его создания и судьбе рукописи (с. 223–231). Если первая её часть, охватывавшая период до 1825 г., находилась в библиотеке Зимнего дворца и хранится в соответствующем фонде ГА РФ (ф. 728), то вторую Александр III, по предположению Сидоровой, дал прочесть вел. кн. Сергею Александровичу, после чего она сначала перешла к его адъютанту и другу В.Ф. Джунковскому, а затем из имения Михалковых под Рыбинском попала к жившему неподалёку краеведу и коллекционеру Ф.А. Бычкову. В 2003 г. подлинник второй части мемуаров обнаружили в Петербургском филиале Архива РАН в фонде академика А.Ф. Быčkova. В 2012 г. вышел их полный текст, переведённый О.В. Марининым и подготовленный к печати М.В. Сидоровой и А.А. Литвиным¹³.

До этого историки обращались к переводу второй части воспоминаний гр. Бенкендорфа, выполненно-

му в 1850-х гг. бароном М.А. Корфом и воспроизведённому в труде Н.К. Шильдера. Как показала Сидорова, Корф подверг текст сокращению и редактуре, но в целом корректно передал его содержание. В сборнике преимущественно цитируется издание 2012 г., но в ряде случаев сохранён перевод Корфа — в частности, слова об учреждении III отделения приводятся в обоих вариантах, хотя их смысловые акценты несколько отличаются (с. 85, 215–216).

Работая с мемуарами графа, Сидорова обстоятельно исследовала его семейные связи и жизненный путь (с. 205–222), особенно в первые годы службы, когда он участвовал в экспедиции Г.-М. Спренгтпортена в 1802–1804 гг. (с. 244–251), ухаживал за французской актрисой мадемуазель Жорж и обзаводился семьёй, женившись в 1817 г. на Е.А. Бибиковой (урождённой Донец-Захаржевской) (с. 252–260). Успехам Александра Христофоровича весьма способствовало тогда то, что его мать, урождённая А.-Ю. Шиллинг фон Канштадт, с детства была близка с вел. кн. Марией Фёдоровной, которая впоследствии покровительствовала детям своей подруги (с. 232–243).

В 2006 г. Сидорова справедливо отмечала: «Так уж случилось, что биография шефа жандармов... всегда в нашей литературе начиналась с 1826 года» (с. 252). С того времени ситуация существенно изменилась¹⁴, и теперь, пожалуй, именно «жандармский» период биографии гр. Бенкендорфа, весьма скупой отражённый в воспоминаниях, скрывает больше неизвестных страниц. Касаясь этого этапа, Сидорова представляла Александра Христофоровича скорее не государственным деятелем, а придворным аристократом, землевладельцем и основателем графского рода. Так, в сборнике можно обнаружить статью про усадьбу Фалль под Ревелем (с. 270–283), приобретённую

им в 1827 г., в частности, про строительство там дома молодым архитектором А.И. Штакеншнейдером и т.д. В ней описано внутреннее убранство помещений, показан план угодий, прослеживается судьба имения после смерти шефа жандармов. Отдельный очерк посвящён коллекции живописи, собранной в графском поместье (с. 261–269), где находились полотна О.А. Кипренского, А.Г. Венецианова, М.Н. Воробьёва, братьев Чернецовых, А.И. Ладюрнера, разбросанные теперь по разным музейным собраниям. Вместе с А.В. Крайковским Сидорова охарактеризовала зарубежные архивные коллекции, связанные с историей Фалля (с. 284–298), по сути, проведя обзор документального наследия семьи Бенкендорфов за пределами России (в Эстонии, Венгрии, Австрии и США). При этом удалось реконструировать обстоятельства появления их семейных бумаг в Отделе рукописей Национальной библиотеки имени Сечени в Будапеште. В 1840 г. старшая дочь шефа жандармов Анна Александровна вышла замуж за австрийского дипломата гр. Р. Аппони, а в первые годы XX в. их сын Шандор, государственный деятель, учёный и коллекционер, снял копии и, очевидно, приобрёл оригиналы некоторых рукописей в Фалле¹⁵.

В Бахметевском архиве в США оказались некоторые документы, вывезенные в Европу последним владельцем родовой усадьбы Бенкендорфов Сосновка в Тамбовской губ. (с. 311–319), которую шеф жандармов в 1842 г. уступил своему племяннику Константину Константиновичу взамен некоторых эстляндских владений (основная часть собранного там архива в 1920 г. была доставлена в Москву и в настоящее время хранится в ГА РФ). Это имение, приносившее в начале 1860-х гг. более 30 тыс. руб. в год, оставалось в собственности семьи Бенкендорфов вплоть до революции.

В собранных в книге работах М.В. Сидоровой, посвящённых III отделению и его первым руководителям, доступность изложения и лёгкая очерковая форма органично сочетаются с обилием архивного материала и оригинальных свидетельств. Их с интересом прочтёт или перечитает и специалист, и любитель отечественной истории XIX в.

Примечания

¹ В конце сборника помещён общий список 140 публикаций М.В. Сидоровой.

² См., в частности: *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007; *Романов В.В.* Подразделения политической полиции в Поволжских губерниях в 1826–1860 гг.: формы и основные направления деятельности. Ульяновск, 2008.

³ В книге ошибочно напечатано «П.А.» (с. 91).

⁴ «Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. Помимо этих «обзоров» Николаю I с 1829 г. ежегодно подавались «Отчёты о действиях чинов Корпуса жандармов». Но, как отметил А.А. Леонтьев, «отчётность III отделения и Корпуса жандармов... была различна и по форме, и по содержанию, а наличие у них общего главного начальника отнюдь не превращало одно из этих учреждений в исполнительный орган другого» (*Леонтьев А.А.* Отчётная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820–1830-е гг. // *Российская история.* 2021. № 2. С. 110). Только с 1839 г. составлялся сводный «Отчёт о действиях III отделения Собственной его императорского величества канцелярии и Корпуса жандармов». По-видимому, это объяснялось тем, что начальник штаба Корпуса жандармов Дубельт стал тогда и управляющим III отделением.

⁵ В последние годы надзор III отделения за местным управлением и чиновничеством всё чаще вызывает интерес. См.: *Бикташева А.Н.* Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica.* 2015. № 2. С. 132–143; *Бибииков Г.Н.* Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023.

⁶ Впоследствии некоторые из этих сюжетов освещались в монографиях: *Абакумов О.Ю.*

«Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008; *Тихонова А.В.* «Надлежаще смотреть...»: надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск, 2013.

⁷ *Абакумов О.Ю.* «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019. С. 41.

⁸ Заметки и дневники Л.В. Дубельта / Публ. М.В. Бокариуса, Ф.М. Лурье, М.В. Сидоровой // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. VI. М., 1995. С. 106–335. Позднее Сидорова и Щербакова опубликовали «Записки для сведения», которые доставлялись в 1849 г. курьерами от Дубельта к гр. Орлову и представляли собой своеобразный служебный дневник управляющего III отделением (*Дубельт Л.В.* Записки для сведения, 1849 г. / Публ. М.В. Сидоровой, Е.И. Щербаковой // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XIV. М., 2005. С. 146–248).

⁹ Письма А.Н. Дубельт к мужу / Публ. М.В. Сидоровой, М.М. Якушкиной // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XI. М., 2001. С. 78–190.

¹⁰ Цит. по: *Эйдельман Н.Я.* «Ты смирен и скром» // *Эйдельман Н.Я.* Твой восемнад-

цатый век. Твой девятнадцатый век. М., 2011. С. 557.

¹¹ ГА РФ, ф. 109, II эксп., оп. 75, д. 115.

¹² Подробные комментарии к этой записке нуждаются в небольшом уточнении. Васильев заявлял, что некто «Вер.» — «интригант, человек с подлейшей душой, аферист». Сидорова предположила, что имелся в виду сверхштатный чиновник III отделения Василий Евграфович Вердеревский, но в данном случае речь шла о его брате Алексее Евграфовиче, который поступил в жандармы в 1834 г. и в следующем году стал старшим адъютантом управления Корпуса жандармов (ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 485, 572). Дубельт констатировал, что Вердеревского отличали «неискренность и наклонность к оборотам, хотя не противозаконным, но на службе в жандармах неуместным», однако это не помешало Леонтию Васильевичу занять при его посредничестве 20 тыс. руб.

¹³ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837 / Публ. М.В. Сидоровой и А.А. Литвина. М., 2012.

¹⁴ *Олейников Д.И.* Бенкендорф. М., 2009; *Бибилов Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

¹⁵ Публикацию одной из них см.: *Бибилов Г.Н.* Русская армия после Заграничных походов: записка А.Х. Бенкендорфа о введении системы регулярных отпусков (1814/1815 гг.) // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 92–99.

Ольга Белоусова

Русские императоры, императрицы и их дети в архивной россыпи ГА РФ*

Olga Belousova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Russian emperors, empresses and their children in the archive scattering of the State Archive of the Russian Federation

DOI: 10.31857/S2949124X24050138, EDN: SKKDMT

В книге М.В. Сидоровой собраны её исследования, вышедшие с 1990-х до начала 2020-х гг. Как правило, при переиздании они существенно перерабатывались и заметно отличаются от первой публикации (с. 7–8). Все

тексты сгруппированы в четыре тематических блока, связанных с деятельностью III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, представителями Императорской фамилии, хранящимися в ГА РФ изобразительными

* *Сидорова М.В.* О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023. 950 с.

материалами, а также различными частными сюжетами. Эти «главы» лаконично названы «Жандармы», «Романовы», «Изобразительные материалы» и «Разное». Первые две из них имеют также более дробную внутреннюю рубрикацию.

Романовыми исследовательница увлеклась в 2000-е гг., готовя в Выставочном зале федеральных государственных архивов посвященные им экспозиции и каталоги (с. 6–7). Так появились статьи о многообразном документальном наследии представителей династии в ГА РФ, об отдельных эпизодах их жизни и, в частности, о путешествиях императоров и наследников престола по России и за границей.

Обычно царские бумаги оседали в рукописном отделении библиотеки Зимнего дворца, формирование которого началось в первые годы XX в., когда были составлены каталоги, а материалы, охватывавшие несколько веков, систематизированы в хронологическом порядке, «по царствованиям» (с. 388). При этом документы последних двух императоров оставались либо в Аничковом дворце у вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, либо у Николая II в Царском Селе (с. 388–389).

Как пишет исследовательница, Александр III «всеми законными способами» стремился приобретать интересовавшие его рукописи у родственников или наследников государственных деятелей прошлого. Именно так в библиотеку Зимнего дворца попал дневник П.А. Валуева (с. 390). Особую ценность, разумеется, представляли переданные туда же на хранение царские мемуары, в частности, фрагментарные записки Николая I, сохранившие его воспоминания о впечатлениях детства и обстоятельствах восшествия на престол 14 декабря 1825 г. (с. 393, 492–503).

Традиция ведения дневников в императорской семье восходит к Павлу I и его второй супруге Марии Фёдоровне, однако на основании её завещания все сделанные ею записи в 1828 г. были уничтожены (с. 393–394, 398–399, 407). Подобной участи избежали лишь записные книжки 1810, 1817–1818 и 1825–1826 гг. с обрывочным пересказом прочитанных книг и «выписками из текстов религиозного содержания» (с. 407, 410–411). Видимо, именно этот «журнал императрицы Марии Фёдоровны» Александр III в 1885 г. передал гр. А.В. Адлербергу, вызвавшемуся «разобрать её руку». Ожидалось также, что он «расшифрует» и переписку вдовствующей императрицы с гр. В.А. Зубовым, объяснявшим ей своё участие в событиях 11 марта 1801 г. (с. 404).

Мария Фёдоровна старалась, по крайней мере, у младших сыновей (двух старших воспитывала Екатерина II) сформировать привычку фиксировать происходившее с ними в течение дня (с. 490–491). Но они следовали её внушениям неохотно и сравнительно недолго¹. Тем не менее своих детей Николай I приучил ежедневно оставлять краткие записи в особых тетрадах или памятных книжках (с. 393). Александр II делал их до последнего дня жизни (с. 448). «В большом объёме» сохранились и дневники его матери — императрицы Александры Фёдоровны. Более того, благодаря ей в библиотеке Зимнего дворца оказались и дневниковые заметки её матери — прусской королевы Луизы — о посещении Петербурга в 1809 г. (с. 394).

Как отмечает Сидорова, Николай I приложил немало усилий для «целенаправленного собирания императорских документов в одном архивохранилище» и ограничения доступа к ним (с. 416). По свидетельству гр. С.Д. Шереметева, на годичном

заседании Русского исторического общества в феврале 1899 г. Николай II поведал собравшимся о том, как, вскрыв один из «секретных пакетов» своего прадеда, обнаружил там письма Ф.С. Лагарпа. Среди них находилась и копия того послания, которое, судя по помете Николая I, было уничтожено. Между тем в 1897 г. Н.К. Шильдер опубликовал его в своей биографии Александра I. Николай II с удивлением спрашивал у историка, где тот нашёл напечатанный им текст, но, по словам гр. Шереметева, услышал невразумительный ответ². Видимо, имелись и другие копии данного письма. Как полагает Сидорова, сам Лагарп распространял их уже после смерти Александра I (с. 425). Как бы то ни было, в 1899–1901 гг. уже специально для Шильдера вскрыли и другие засекреченные Николаем I пакеты с бумагами первой четверти XIX в. (с. 416).

В разделе «Штрихи к портретам» Сидорова на прочном источниковедческом фундаменте воссоздаёт выразительные образы особ Императорской фамилии. Императрица Мария Фёдоровна (1759–1828) предстаёт в книге как «Мать династии» (с. 451–467). Действительно, трудно переоценить её роль в изменении отношений в царской семье. Будучи великой княгиней, она умела тактично ладить со свекровью, одаривая её украшениями из собственноручно обработанных драгоценных камней (с. 460), а затем, после воцарения мужа, «очень старалась быть императрицей» (с. 464) и даже приняла под своё покровительство благотворительные дела (с. 463). Наряду с этим при Александре I её усилия сосредоточились на заботе о младших сыновьях, особенно Николае. Документы, отложившиеся в библиотеке Зимнего дворца, свидетельствуют, что она лично проверяла учебные тетради, давала чёткие наставления воспитателям и проч. (с. 411–412). При этом

для неё «процесс обучения наукам всегда подразумевал и воспитание» (с. 487). Разработанная и испытанная ею система подготовки царских детей к их будущему служению воспроизводилась впоследствии вплоть до начала XX в., несмотря на все различия в индивидуальных особенностях царей и цариц (с. 475–478).

Отдельный очерк, написанный Сидоровой в соавторстве с Л.Б. Арчаковой, посвящён прибытию в Россию в 1866 г. датской принцессы Дагмар — невесты наследника цесаревича вел. кн. Александра Александровича, а перед тем — его старшего брата, вел. кн. Николая Александровича, скончавшегося в 1865 г. После перехода в православие она также именовалась Марией Фёдоровной. В книге уделено внимание и младшему брату Николая II — вел. кн. Георгию Александровичу, который с 1891 г. и до своей кончины в 1899 г. из-за слабого здоровья проживал на Кавказе, в курортном местечке Абас-Туман, считаясь наследником престола ввиду отсутствия тогда у императора сына. Исследователи писали о нём редко и мало, и статья М.В. и А.Н. Сидоровых существенно восполнила образовавшуюся в историографии лауну. В ней показаны условия жизни и быта цесаревича, свойственные ему интересы и привычки, позволяющие довольно точно судить об особенностях его характера (с. 546–547).

В серии очерков говорится о царских путешествиях конца XVIII — первой половины XIX в. начиная с посещения в 1798 г. Павлом I Казани, где после екатерининских поездок по России император по-новому подошёл к «ревизии “своих владений”» (с. 551, 554). Иначе было обставлено в 1837 г. появление Николая I в Крыму, призванное «продемонстрировать Европе результаты» первого десятилетия его пребывания на престоле (с. 571) и оче-

видно перекликавшееся с масштабным крымским турне его бабушки в 1787 г. Особым образом устраивались выезды на богомолье, в частности, на Валаам (с. 581–605). В 1838–1839 гг. наследник цесаревич вел. кн. Александр Николаевич, завершая образование, побывал в Италии (с. 607–614), а в 1845 г. туда же отправился уже сам Николай I, попытавшийся в ходе этой дипломатической миссии выстроить такие отношения с папской курией, которые отвечали бы интересам как Российской империи, так и католиков, проживавших на её западных окраинах (с. 616–627, 915)³.

Сама исследовательница относит включённые в сборник публикации к жанру «своеобразных архивных эссе» (с. 5). В основе каждой из них лежат какие-то неопубликованные документы или артефакты, наталки-

вавшие автора на размышления. Эти тексты оформлялись в разной стилистике — от строго академичных, безупречно аргументированных и завершённых статей до мимолётных набросков и заметок впрок, напоминающих скорее комментарий к той или иной архивной находке. Поэтому их объединение под одной обложкой не только подводит итоги многолетних изысканий М.В. Сидоровой, но и сулит дальнейшее развитие ещё только намеченных тем.

Примечания

¹ См.: Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. М., 2013.

² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 41–41 об.

³ Серова О.В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX — начало XX века. Кн. 1. 1825–1870. М., 2019. С. 437–505.

Андрей Карев

Архивные заметки об изобразительном искусстве*

Andrey Karev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Archival notes on fine art

DOI: 10.31857/S2949124X24050145, EDN: SKIPXU

Книга «О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки» написана М.В. Сидоровой — начальником выставочного отдела Государственного архива Российской Федерации, который некогда назывался «Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР». В те времена лишь немногие специали-

сты представляли состав его фондов и знали, какие именно изобразительные материалы там находятся. Поэтому начавшаяся в середине 1990-х гг. череда тематических выставок с использованием извлечённых из архива гравюр и рисунков, как правило, XIX в., стала приятной неожиданностью. Они проходили в бывших царских резиденциях — Петергофе, Царском Селе, Павловске, в центральных и городских музеях Москвы и Петер-

* Сидорова М.В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023. 950 с.

бурга, а также «дома» — в Выставочном зале федеральных государственных архивов (с. 631–632). Разумеется, эти экспозиции предполагали разнообразную работу по реставрации, атрибуции, классификации, описанию изображений, что нашло отражение и в каталогах¹. В книге под одной обложкой собраны разновременные и разнохарактерные статьи, у каждой из которых есть свой сюжет. По словам Сидоровой, это «архивная россыпь на темы, которые в течение сорока лет были... интересны и близки», и «каждую статью надо воспринимать как отдельный сюжет, а не как непрерывную цепь следующих друг за другом историй» (с. 5).

Глава «Изобразительные материалы» занимает в сборнике более 120 страниц (с. 631–754). Столкнувшись с задачей классификации и каталогизации рисунков, Сидорова погрузилась в проблемы, которые обычно стоят перед музейным хранителем произведений искусства. Она со знанием дела пишет о необходимости атрибуции каждого рисунка, изучения истории его создания и бытования, выявления связи с авторской биографией. В частности, присмотревшись к давно известному портрету, выполненному М.Ю. Лермонтовым пастелью на желтоватой бумаге в 1833 г., и соотнеся его со свидетельствами современников, Сидорова выяснила, что на нём запечатлён турецкий посланник Февзи Ахмет-паша, а не Галиль-паша, как считалось ранее.

Характерно, что «наибольшее количество изобразительного материала сконцентрировано в личных фондах семьи Романовых и примыкающей к ним коллекции рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца». По большей части это собственноручные работы особ Императорской фамилии (около 2,5 тыс. единиц хранения) (с. 632). При их классифика-

ции исследовательницей учтены как возраст авторов, так и предполагаемые функции рисунка. К первой группе отнесены учебные работы, созданные детьми от 7 до 12 лет. Среди них знакомые всем, кто и сейчас учится рисовать, геометрические фигуры, «детали человеческого тела², архитектурные объекты или фигуры животных» (с. 633). Вторую группу составляют рисунки, созданные детьми для подарка родителям. Как правило, они подписаны и датированы. Третья группа — разнообразные по характеру и жанрам изображения в блокнотах и альбомах, авторы которых находились в юношеском возрасте. Здесь часто встречаются путевые наброски и зарисовки, а также театральные или литературные реминисценции. Четвёртая группа — эскизы и проекты, созданные более твёрдой рукой совершеннолетнего человека. Пятая, самая малочисленная, группа объединяет работы наиболее одарённых взрослых авторов, имеющих навык грамотного рисования.

Правильно определить имя автора, провести идентификацию модели в портрете, а также локации в пейзаже или интерьере, отражающем утраченное дворцовое убранство, иногда помогают указанные на рисунках даты, но при их отсутствии исследователю может понадобиться знание униформологии и т.п. (с. 638–639). Статьи из «архивной россыпи» порой до деталей раскрывают методику подобного исследования. В целом же, оценивая изобразительное наследие Романовых, Сидорова не считает его примером «серьёзного художественного творчества», но видит в нём огромный и ещё мало использованный потенциал исторического источника (с. 640), в полной мере раскрывающийся при рассмотрении в контексте дворянского и разночинного дилетантизма в искусстве XIX в.

Имеющиеся в архиве работы профессиональных художников требуют несколько иного подхода, поскольку тут многое было связано с заказом и коллекционированием. Причём эта коллекция не так уж мала (выявлено и описано более 3,5 тыс. единиц хранения) и «очень разнообразна по составу». В ней представлены и такие живописцы, как А.П. Боголюбов и М. Зичи, и дилетанты, и воспитанники сиротских заведений (с. 640). Определение авторства и здесь непростая задача, для решения которой привлекаются другие собрания и источники (мемуары, дневники, переписка). Так, удалось атрибутировать рисунки в альбомах А.П. Боголюбова и А.Ф. Чернышёва, ввести в научный оборот новые пейзажи, жанровые сценки и шаржи П.П. Комбы, акварели Э. Трашеля — известных мастеров Лазурного берега. Изучение биографии баталиста П.О. Ковалевского позволило выявить 35 его зарисовок, украшающих письма вел. кн. Владимира Александровича к жене — вел. кн. Марии Павловне. Эти и другие открытия, несомненно, ведут к обновлению представлений о живописи и графике того времени.

В очерке о рисунках императора Николая I, хранящихся в ГА РФ, где их насчитывается 290 (при этом «достаточное количество» находится в Павловске, а «что-то» — в Эрмитаже, в Русском музее, в Пушкинском Доме и даже «у частных коллекционеров»), М.В. Сидорова и А.А. Литвин отмечают, что в детстве будущий император «усердно рисовал всякий день», да и впоследствии «редкие часы отдыха частенько проводил за “малеванием”» (с. 647, 659–660). Больше всего ему нравились карандашные шаржи, иногда обведённые чернилами: «Сделанные с натуры, они исполнены вполне серьёзно, без карикатурности, очень портретно,

но практически всегда с явным акцентом на какие-либо характерные особенности изображаемого лица» (с. 650). Судя по всему, здесь отражается специфика общения в узком придворном кругу, где принято использовать понятную только посвящённым недовоговорённость.

С первых лет жизни на вел. кн. Николая Павловича сильно влияло творчество матери, императрицы Марии Фёдоровны, которая «прекрасно резала твёрдые камни, обрабатывала кость, янтарь, занималась медальерным искусством и, конечно, рисовала» (с. 647–648). С 1804 г. систематические уроки ему давал академик и профессор живописи И.А. Акимов, а с 1810 г. — академик В.К. Шебуев. Во время путешествий 1814–1817 гг., «вырвавшись наконец из-под материнской опеки, от надоевших занятий, он жадно впитывал новые впечатления, наблюдал новых людей, испытывал новые эмоции и новые чувства, старался всё и всех запомнить и зарисовать» (с. 649–650).

Особенно близки ему были «военная и “мундирная” темы». Участь у баталиста А.И. Зауервейда и гравёра Н.И. Уткина, он создал серии рисунков «Лошади и всадники» и гравюр «Обмундирование гренадерских войск». Целая «изобразительная сюита» из 39 работ была посвящена им чинам гвардии (с. 654–656). Неудивительно, что позднее «большинство значимых батальных полотен николаевского времени писались под “присмотром” и руководством императора», который «любил указать, как изобразить тот или иной мундир, как лучше расположить фигуры, особенно придирался к изображению деталей воинской формы и знаков отличия на мундирах» (с. 657). Но, к сожалению, рисунков, сделанных им самим после вступления на престол, сохранилось крайне мало (с. 658–660).

В архиве можно увидеть альбомы императрицы Александры Фёдоровны с изображением мест её детства и юности, включая интерьеры королевского дворца в Берлине. Среди её любимых мотивов неизменно оставались цветы, которые она изображала на небольших дощечках. Это укрепляет предположение автора книги о том, что в детстве императрице довелось учиться у миниатюриста, мастера росписи фарфора и работы на кости И. Хойсингера (с. 662).

В семье Николая I поощрялось увлечение рисованием среди детей, приветствовалось взаимное дарение рисунков на дни рождения и именины (с. 663–664). Это было частью воспитательной стратегии, разработанной В.А. Жуковским — не только известным поэтом, но и тонким рисовальщиком (с. 664–668). Наставляя наследника престола, он писал, что «чувство изящного есть одно из высоких качеств души человеческой», и «без этого чувства человек глух, нем и слеп посреди великого Божия мира, где в прекрасном выражается Бог, недоступный уму, но ведомый сердцу» (с. 669).

О бытовании произведений искусства в семье Романовых и их художественном вкусе читатель может судить по описанию М.В. и А.Н. Сидоровыми шкатулки Александры Фёдоровны³, в которой лежали 16 записных книжек императрицы 1820–1850-х гг. На крышках их переплётов под стеклом сохранились виды Вены и её окрестностей, написанные акварелью в мастерской Б. Виганда, а также изображения Санкт-Петербурга и резиденций двух дочерей и двух невесток Николая I (с. 670–679). Однако порой среди дорогих сердцу владельца любительских рисунков, сделанных близкими людьми, мог оказаться шедевр великого мастера. Так, в альбоме Александры Фёдоровны в графиче-

ском эскизе конных портретов мужчины и женщины (выполненном сепией по виртуозному наброску графитным карандашом) опытные специалисты узнали стиль К.П. Брюллова, а в фигурах всадников — образы Николая I и его супруги (с. 680–687). В альбоме вел. кн. Константина Николаевича с выгравированной на верхней крышке надписью «Tutti Frutti 1856–1857», где действительно хранилась «всякая всячина», собранная во время поездки на Лазурный берег, найдены оригинальные рисунки Комбы и Трашеля (с. 688–695).

В ГА РФ попали и виды южных окраин Российской империи, созданные У. Алланом во время поездки 1805–1814 гг. По-видимому, они очень понравились вел. кн. Николаю Павловичу, посетившему в 1816 г. мастерскую художника в Эдинбурге.

Довольно достоверную, но предназначенную исключительно для «внутреннего» пользования картину повседневного и праздничного быта императорских резиденций в 1848 г. воссоздаёт при помощи карандаша, лишь иногда подцвеченного акварелью, Царскосельский альбом художника Чернышёва, ставшего в 1840-е гг. своего рода хроникёром жизни царского семейства (с. 705–718). Атмосферу «незабываемых радостных и счастливых юношеских дней сыновей императора Александра II» передают карандашные шаржи гр. А.Б. Перовского — друга великих князей Николая, Владимира и Алексея Александровичей (с. 730–739). Целая галерея лиц 1860-х гг. складывается из шаржей «ядовитого карикатуриста» И.А. Всеволожского. Они находятся в ГА РФ в фондах кн. А.М. Горчакова, вел. кн. Владимира Александровича и Бартеневых (с. 719–729).

Завершает главу обзорный очерк «Искусство малых форм» в фондах ГА РФ: адреса, программы, меню».

Авторами подобных произведений прикладной графики нередко становились такие известные мастера, как М.А. Зичи, Е.Д. Поленова, В.М. Васнецов, И.Я. Билибин, А.И. Шарлемань и Н.С. Самокиш (с. 746–754). Большинство такого рода работ выполнены на бумаге, реже на пергаменте акварелью, но встречаются и рисунки, сделанные тушью, маслом и пастелью. Их мотивы разнообразны и в то же время характерны: растительные и флоральные орнаменты, путти, амур, аллегорические фигуры, этнографические зарисовки, сцены быта, учёбы, лагерной жизни. Самые поздние из них созданы в 1917 г. В основном это программы концертов и спектаклей, которые устраивались в приютах, лазаретах и госпиталях.

В главе «Разное» освещена деятельность коллекционера Н.Ф. Романченко (1870–1923), тяготевшего к музеефикации своего собрания; описана серия изображений императорских садов и парков на почтовой бумаге 1840-х – начала 1850-х гг.; на примере проекта дворца Коттедж в Петергофе, подготовленного архитектором В.П. Стасовым, прослеживается смена вкусов Николая I от ампира к неоготике; реконструкция празднования 100-летнего юбилея ордена Св. Георгия сочетается с ха-

рактеристикой акварелей живописца-хроникёра Зичи.

Говоря о прикладной графике, автор книги отмечает уникальность каждого её экземпляра. Но этим качеством обладают и все, так или иначе описанные и проанализированные ею объекты – от альбомов до отдельных рисунков и заметок. Проведённые М.В. Сидоровой исследования разнообразного по жанрам, темам, сюжетам, времени создания, стилистике и художественному уровню материала, несомненно, будут полезны специалистам, изучающим развитие русского изобразительного искусства. Каждый художник и зритель также найдёт здесь немало интересного.

Примечания

¹ Изобразительные материалы XIX – начала XX века: каталог собрания ГА РФ / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 / Сост. М.В. Сидорова, Е.В. Анискина и др. СПб., 2012; Т. 2 / Сост. М.В. Сидорова, А.Н. Сидорова. М., 2021.

² Имеются в виду гипсовые слепки с известных статуй – классическая «натура» для обучения академическому рисованию (См.: *Ростовцев Н.Н.* Академический рисунок. СПб.; М.; Минск, 2021. С. 121).

³ Скорее всего, именно эта шкатулка воспроизведена стоящей на маленьком столике за ширмами в Угловом кабинете императрицы Александры Фёдоровны в Зимнем дворце на акварели Э.П. Гау 1858 г.

История цензуры обретает всё большую актуальность в последнее десятилетие, когда проблема ограничений, накладываемых государствами и корпорациями на распространение и доступ к информации, встала особенно остро. И хотя реалии цифрового мира, казалось бы, ставят нас в совершенно новую ситуацию, многие вопросы, обсуждаемые сегодня, являются «вечными» и будут вызывать споры, пока существует человеческое общество. К их числу относится и проблема сочетания свободы слова и творчества с цензурой, призванной так или иначе ограничивать авторское высказывание. К настоящему времени представления исследователей о данном понятии и институте ожидаемо расширились, и свойственный эпохе модерна «чёрно-белый» взгляд на цензуру очевидно требует пересмотра.

Значимым шагом в этом направлении является книга литературоведа К.Ю. Зубкова «Просвещать и карать», посвящённая истории российской цензуры эпохи Великих реформ и её влиянию на литературный процесс, которое отнюдь не сводилось к «однолинейному давлению» (с. 12). По словам автора, книга «призвана опровергнуть традиционные представления о литературе как чистом выражении свободы слова и о цензуре как орудии репрессивной политики государства» (с. 13) При этом он видит в цензу-

ре одну из тёмных сторон прошлого и, погружаясь в перипетии повседневной деятельности осуществлявших её ведомств, выявляя мотивы и резоны цензоров, вовсе не пытается их оправдывать — хотя у читателя и может возникнуть такое впечатление.

Долгое время отечественная историография (как, впрочем, и мировая) базировалась на «конфронтационном» подходе, подавая историю цензурной политики как борьбу света и тьмы, свободы и тирании. Один из крупнейших специалистов в этой области Р. Дарнтон назвал подобный взгляд «манихейским»¹. В нашей стране такой подход в полной мере реализовался на рубеже 1980—1990-х гг., когда в ходе политики гласности был ликвидирован Главлит, увидели свет фонды спецхранов и началось открытие архивов, оптимистически именовавшееся тогда «архивной революцией». До этого само наличие цензуры в СССР отрицалось либо замалчивалось, и неудивительно, что исследователи с огромным энтузиазмом писали о её репрессивной роли как в Российской империи, так и в СССР, разворачивая «свиток преступлений» власти против свободной мысли и печатного слова. Наиболее ярким примером этого стали работы А.В. Блюма, по каким-то причинам (возможно, в силу своей «вопиющей» неакадемичности) даже не упомянутые Зубковым в историографическом очерке.

* Зубков К.Ю. Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

Впрочем, уже в начале 2000-х гг. на смену обличительному пафосу пришло вполне прагматичное признание того, что цензура является необходимой составляющей в жизни любого государства. В весьма объёмной постсоветской историографии цензуры всё чаще обращалось внимание на институты: публиковались законы и распоряжения, касавшиеся цензурного ведомства дореволюционной России, реконструировались его организация и кадровый состав, изучались биографии цензоров. Наряду с публикациями архивных материалов появились многочисленные библиографические обзоры. В то же время Зубков отмечает обилие работ, посвящённых различным эпизодам, при полном игнорировании общих проблем цензуры. Можно отчасти согласиться с автором в том, что «отрыв разборов частных случаев от общеметодологической и теоретической рефлексии» характерен для «российской научной традиции, где “теоретики” и “историки” находятся в состоянии не сотрудничества, а конфликта» (с. 39). Однако отсутствие масштабных трудов, освещающих историю цензуры, во многом объясняется самой логикой развития любой проблемно-тематической историографии, неизбежно теряющей через 15–20 лет первоначальный импульс и требующей свежих идей, способных изменить взгляд на явления прошлого и открыть новые перспективы для их рассмотрения.

Симптоматично, что подход, обоснованный Зубковым в обширном предисловии, раскрывается затем на примере отдельных событий из жизни и творчества И.А. Гончарова и А.Н. Островского, так или иначе связанных с цензурой. Структура книги, написанной на основе значительного корпуса архивных и опубликованных материалов, весьма прихотлива и включает в себя четыре главы

и столько же «экскурсов», рассказывающих о побочных сюжетах, которые дополняют общую картину. Автор считает любой эпизод из истории цензуры по-своему показательным, но выбирает из них наиболее значимые для понимания интересующих его проблем. Соединить же все эти «самодостаточные», хотя и во многом пересекающиеся фрагменты помогают крупные исторические события, поскольку «ни цензор, ни жертва цензуры не могли пройти мимо отмены крепостного права, Январского восстания в Польше или первых выступлений русских революционеров» (с. 67). Разумеется, ощущали они и общественный климат своего времени — эпохи подготовки и проведения Великих реформ, которая определяет хронологические рамки исследования.

Однако Зубков раскрывает исторический контекст достаточно скупое. В предваряющем основную часть очерке «Институт цензуры в Российской империи» характеризуются действовавшие в данной сфере учреждения и изменения, произошедшие в результате реформы 1865 г. При этом постоянные сравнения с николаевским царствованием позволяют не только проследить процесс профессионализации литературы, но и выявить переход от покровительственной цензуры, игравшей во многом воспитательную функцию, к «полицейской», что выразилось и в её передаче из Министерства народного просвещения в МВД. В то же время литературное творчество всё сложнее становилось сочетать с государственной службой, тогда как в 1830–1840-е гг. их совмещение не создавало проблем.

Происходившие в середине XIX в. перемены показаны автором на примере деятельности Гончарова, который стал цензором в 1856 г., уйдя из Министерства финансов. Тем самым он получил возможность заниматься

литературой и как чиновник, и как писатель. К тому времени занятие цензурой считалось уже зазорным, о чём свидетельствуют многочисленные отзывы современников. Правда, с началом подготовки реформ, в том числе и цензурной, получила распространение идея о посредничестве между государством и обществом (созвучная, по мнению автора, задачам мировых посредников, улаживавших после 1861 г. поземельные отношения между помещиками и крестьянами).

Реформа цензуры началась в 1856–1858 гг., когда в Петербургский комитет вместе с Гончаровым пришло много литераторов и не чуждых русской словесности людей. Неудивительно, что в начале своей карьеры Иван Александрович считал себя посредником между государством и литературным сообществом. Лишь через несколько лет он начал осознавать, что осуществить эту роль весьма сложно. С нарастанием поляризации в обществе литература и цензура становятся в антагонистические отношения, надежды на их сотрудничество испаряются, во многом благодаря появлению «сильной и выразительной группы радикально-демократически настроенных “нигилистов”, отказывавшихся идти на любые компромиссы с властью» (с. 159). В середине 1870-х гг. Гончаров в автобиографической «Необыкновенной истории» отметил, что ему приходилось служить из-за нехватки средств, и это сильно помешало его художественному творчеству.

Перемене взглядов писателя, как показано в книге, способствовали и повседневная рутина цензурской работы, требовавшая ежегодно просматривать огромное количество печатных листов, и неудачная попытка сосредоточения цензуры в отдельном ведомстве в 1859 г. (с. 113–140), и служба в МВД под началом П.А. Валуева, при котором «цензоры, особенно такие

высокопоставленные, как Гончаров, должны были активно бороться против неугодных министру явлений в области литературы, а не просто выполнять бюрократические предписания и следовать правилам» (с. 162–163). Цензурные разбирательства, в которых участвовал Гончаров, затрагивали животрепещущие проблемы того времени: отношение к польскому восстанию 1863 г. и нигилистам (закрытие журнала «Русское слово» в 1866 г.)². Зубков существенно скорректировал бытующее мнение о конформизме Гончарова, который, безусловно, являлся принципиальным противником нигилизма, но желал привлечь его последователей к публичному судебному процессу в соответствии с временными правилами 1865 г. Однако гласность новых независимых судов пугала чиновников, и Валуев во избежание скандала предпочёл использовать административные методы. Он объявил «Русскому слову» одно за другим три «предостережения», после чего издание приостанавливалось на пять месяцев.

Нереализованную возможность открытой критики нигилизма Гончаров осуществил в романе «Обрыв», законченном уже после выхода писателя в отставку в 1867 г. Проведя литературоведческий анализ этого не понятого современниками произведения, местами исключительно пронизательный, Зубков выявил влияние цензурской службы на поэтику произведения: «конфликты с радикальными журналистами, размышления о соотношении публичного и непубличного, пристальное внимание к вопросам “приличий”, — всё это в конечном счёте было хотя бы до некоторой степени почерпнуто Гончаровым из будничных занятий по цензурному ведомству» (с. 250).

Опыт Гончарова, безусловно, наиболее выразительно демонстрирует непосредственную связь между

цензурой и литературой. Впрочем, писатели и цензоры всегда ориентировались на собственный образ читателя (включая, естественно, и начальство разного уровня, вплоть до императора), сформировавшийся в их воображении, и именно возникавшими при этом несовпадениями объяснялись многие конфликты.

Во второй части книги, посвящённой прохождению через цензуру III отделения Собственной е.и.в. канцелярии некоторых пьес А.Н. Островского, к этому добавляется ещё и воображаемая публика, поскольку при рассмотрении драматических произведений проводилось различие между образованными читателями журналов и, как правило, «простыми» посетителями провинциальных театров. Однако «именно литературная репутация способствовала становлению Островского в качестве самого репертуарного драматурга своего времени» (с. 272). Символический капитал, заработанный им в результате публикации в 1850 г. в журнале «Москвитянин» запрещённой для постановки пьесы «Свои люди — сочтёмся», только увеличивался, особенно после успеха «Грозы».

Больше всего цензоров беспокоило, как зрители воспримут ту или иную сцену, им хотелось сделать реакцию зала предсказуемой, что, конечно, обычно не удавалось. Отсюда — частые требования переделки, далеко не всегда завершавшиеся разрешением на постановку. Руководствуясь собственными политическими и эстетическими взглядами и весьма развитыми вкусами, цензоры подходили к сочинениям известных авторов более внимательно, тогда как потенциал влияния на общество слабых драм оценивался невысоко, и достаточно было их «нравственности» (с. 311–356).

Цензоры добивались «эффекта нормализации», осторожно навязывая зрителям критерии восприятия пьес.

Им приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой: удовлетворять запросы общества и соблюдать интересы правительства, учитывая конъюнктуру, быстро менявшуюся в первое десятилетие царствования Александра II. Но что же было актуально в конкретный момент? Что начальство считало «неудобным» или опасным для публикации? Как драматургия и беллетристика откликались на сиюминутные колебания «повестки дня» в обществе? Это, к сожалению, остаётся за рамками книги Зубкова. Конечно, автор не ставил перед собой задачу повторить труд С.А. Макашина³. Однако невозможно понять особенности начавшейся в 1855 г. эпохи гласности, или «оттепели», без обращения к исследованиям отечественных и американских историков, принадлежавших к школе П.А. Зайончковского, — Л.Г. Захаровой, Т. Эммонса, Д. Филда, Б. Линкольна, Р. Уортмана и др. Проследив динамику идей, циркулировавших в обществе в связи с подготовкой реформ⁴, они показали, в частности, что идея всесословности лежала в основе всех преобразований — от освобождения крестьян в 1861 г. до военной реформы 1874 г. (сохранение сословной обособленности крестьянства рассматривалось реформаторами лишь как временная мера, неизбежная для переходного периода)⁵. Неудивительно, что звучала она и в целом ряде цензурских отзывов.

Повышенное внимание цензоров и авторов к женскому воспитанию и образованию, очевидно, объяснялось острыми дискуссиями о «женском вопросе» во второй половине 1850-х гг., которые довольно подробно изучены⁶. В контексте этих споров интерпретация запрета пьесы Островского «Воспитанница» и разрешения «Грозы» стала бы богаче и тоньше.

Кроме того, при анализе позиции цензоров и писателей трудно обойтись

без категории «дискурса», понимаемого как совокупность определённых представлений, словесных формул, мифологических стереотипов и ходячих мнений, формирующих связную конструкцию, в пределах которой мыслят, пишут и действуют люди в конкретный исторический момент. Но, несмотря на отсылку к М. Фуко в названии книги, автор не пользуется его идеями.

При этом в своём замечательном сравнительном очерке, освещающем положение дел в драматической цензуре некоторых стран Западной Европы и Российской империи в XIX в. (с. 171–186), Зубков фактически раскрывает характерные черты консервативного и либерального дискурсов. Он демонстрирует, как на смену морализаторской, патриархальной, озабоченной охраной семейных ценностей цензуре николаевской эпохи приходит нечто новое: в период либерализации 1855–1865 гг. цензоры начинают интересоваться, может ли пьеса «положительно» подействовать на зрителя, доверие к которому ощутимо повысилось. В основе цензурной политики теперь лежало представление о единстве общества, а от театра ожидалось воспитание известной терпимости и устранение социальных конфликтов. Всё это свидетельствовало о преобладании объединяющего и позитивного в своей основе либерализма с присущей ему верой в людей. В этих условиях и последовало разрешение на постановку явно «рискованной» с точки зрения светской морали «Грозы».

Со второй половины 1860-х гг. постепенно нарастали консервативные тенденции. В отзывах цензоров всё чаще выражались опасения, проявлялся «затаённый страх» перед «непредсказуемыми низами», которые представлялись «пассивной массой», неспособной самостоятельно разобратся в том, что предлагают ей романы и пьесы, порою развращающие

и заражающие «недугом» неуважения к семье и религии (с. 347–356). К концу 1870-х гг. цензура уже вновь пыталась ограждать общество от различных морально-нравственных угроз.

Книга К.Ю. Зубкова, несмотря на изначально заявленную фрагментарность, в итоге даёт яркую, богатую деталями и крайне интересную картину. Весьма любопытен, например, рассказ о том, как обсуждалась возможность постановки пьес об эпохе Иоанна Грозного (с. 435–470), не менее увлекательна и почти детективная история переиздания в 1867 г. романа А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», вдохновлённого известной «Думой русского (во второй половине 1855 года)» П.А. Валуева (с. 141–157), и многое другое. Наблюдения и находки автора несомненно будут полезны профессиональным историкам.

Примечания

¹ Дарнтон Р. Цензоры за работой: как государство формирует литературу. М., 2017. С. 8.

² Параграф почему-то назван «Кто закрыл “Русский вестник”»? Цензурные интриги и нигилистическая периодика», и эта опечатка периодически повторяется в тексте.

³ Макашин С.А. Салтыков-Шедрин на рубеже 1850–1860 годов: Биография. М., 1972.

⁴ Поражает, что в разделе «Гончаров, “либеральная бюрократия” и “новый курс” в цензурном ведомстве» группа либеральных (просвещённых) бюрократов безымянна. Не названо ни одного деятеля Великих реформ, среди которых были такие «люди новой формации», как братья Н.А. и Д.А. Милютины, Ю.Ф. Самарин, кн. В.А. Черкасский, П.П. Семёнов-Тян-Шанский и др. А ведь Гончаров принадлежал к тому же поколению «людей 1840-х годов», посещал те же салоны, читал те же книги, разделяя общие мировоззренческие установки этого поколения, делавшего ставку на инициативную роль монархии.

⁵ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 615.

⁶ Первопроходцем здесь был Р. Стайтс. См. перевод его книги 1978 г.: Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

Со Станиславом Васильевичем Тютюкиным я познакомилась в 2000 г. на конференции в Уфе, где ему, главному редактору журнала «Отечественная история», предстояло провести встречу с читателями. Тем не менее он слушал все доклады, задавал много вопросов и произвёл неизгладимое впечатление как модератор «круглого стола». Не удивительно, что находившиеся там надолго запомнили это событие и советы Станислава Васильевича (с. 683, 701). Мне же было особенно лестно получить его предложение прислать статью в «главный» журнал российских историков. В частных беседах поражало, насколько хорошо и детально он, специалист по истории начала XX в. и российской социал-демократии, знал события первой половины XIX в. Интересовал его и XVIII в.

Уже отмечалось, что Тютюкин был «на голову выше своего окружения»¹ (с. 676, 677, 681). Составители сборника его трудов предложили читателям свыше 30 статей, рецензий и выступлений 1966–2014 гг. Иногда сюжеты повторяются, словно бы демонстрируя, что автор, невзирая на политическую конъюнктуру и историографическую «моду», действительно всегда оставался верен себе.

Книга состоит из четырёх разделов. В первом из них, посвящённом теоретическим и методологическим проблемам, выделяются размышления

1982 г. о статье В.И. Ульянова (Ленина) «О лозунге Соединённых Штатов Европы». Идея подобного объединения, как отмечает автор, уходит корнями в эпоху Возрождения, а сам термин появился благодаря президенту Дж. Вашингтону, мечтавшему об образовании на противоположном берегу Атлантики демократической конфедерации европейских стран. На протяжении всего XIX и начала XX в. этот лозунг повторялся самыми разными мыслителями, политиками и историками, развивавшими порой противоположные — от гегемонистских до пацифистских, от либеральных до социалистических — замыслы и проекты. Тютюкин, в лучших традициях историографии, привлёк к анализу «узкой», как может показаться, темы громадное количество неизвестных ранее работ и источников, отметив, что Ленин опирался как на собственные представления о реалиях империализма, так и на известные ему планы переустройства Европы и мира (с. 43)².

Особое внимание Тютюкин уделял проблемам европейской и российской модернизации. При этом он был далёк от легковесных восторгов по поводу её «достижений», напоминая в 2004 г., что к началу XX в. не только «стали очевидны серьёзнейшие изъяны в функционировании капиталистической экономики», но «недостаточно эффективной оказалась и система парламентской демократии

* Станислав Васильевич Тютюкин. Избранные труды / Сост. И.С. Удальцов, В.Л. Телицын, В.В. Шелохаев, при участии М.И. Удальцовой. М.: Собрание, 2022. 718 с.

с её формализмом, демагогией, популизмом, коррупцией, явно не обеспечивающая ни реального участия народных масс в управлении обществом, ни принятия оптимальных решений и нужных законов» (с. 71). К настоящему времени эти представления в значительной мере подтвердились.

Раздел «Общественная мысль и социальные движения в России» охватывает период от движения декабристов и царствования Николая I до 1917 г. Учёный не идеализировал политику Романовых. К примеру, в реформах М.М. Сперанского ему виделась «странная гипотетическая смесь абсолютизма и элементов правового государства» (с. 189). Не менее критично оценивал он в 2000 г. и личность Николая I. Как писал Тютюкин, этот «красавец двухметрового роста», которого готовили к военной карьере, управлял Россией соответственно, а «его идеалом была образцовая казарма». Обладая огромной работоспособностью и здравым смыслом, император вместе с тем отличался «безграничной самоуверенностью, прямолинейностью мышления и поступков, ограниченностью кругозора» (с. 195). Его попытки «подтянуть» Россию к Европе, стремление к «максимально возможной централизации государственного управления и наивная вера в то, что у него хватит сил и способностей лично контролировать все стороны жизни российского общества», привели к печальному результату: за блестящим европейским фасадом империи скрывались «нищета народа, отсутствие элементарного порядка и вопиющее казнокрадство» (с. 196). В результате его правление ускорило крах крепостнической системы.

По мнению Станислава Васильевича, последний шанс императорского режима был связан с Первой мировой войной. Однако «патриотические чувства не получили в России необхо-

димой “подпитки” в виде более или менее равномерного распределения тягот войны между различными социальными слоями», и в итоге «бездарная власть» рухнула в пропасть, а «обезглавленная страна..., в одночасье потерявшая все свои традиционные социально-политические и нравственные “скрепы”, закономерно сползла в марте–октябре 1917 г. к анархии, в недрах которой незаметно вызревали предпосылки для нового диктаторского режима» (с. 183, 184).

Особый раздел, посвящённый политическим партиям начала XX в., включает ряд критических очерков, в которых в основном речь идёт о либералах и социалистах. В 2005 г. Тютюкин писал о многопартийности как о «новой моде», получившей распространение в годы Первой российской революции. При этом он отмечал, что «эмоции и амбиции партийных лидеров, стремление не отстать от политических конкурентов и так или иначе “отметиться” на общественной арене превышали разумные потребности российского общества» (с. 395). Действительно, политика строилась тогда отнюдь не на рациональных основаниях, чему мешала своего рода «эмоциональная перенасыщенность» социального пространства³.

Станислав Васильевич по-своему показал это, проследив жизненный путь некоторых заметных фигур отечественной истории. Он хорошо знал особенности и опасности биографического жанра, не впадал в «разоблачительный» тон и умело избегал какой-либо апологетики, проявляя интерес к таким сложным и неоднозначным личностям, как Александр I, М.М. Сперанский, Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Г.В. Чичерин, В.И. Ульянов (Ленин), Г.В. Плеханов, А.Ф. Керенский⁴.

Пытаясь раскрыть «феномен крепостного театра как большую

специальную тему» (с. 609), Тютюкин погрузился в историю любви гр. Н.П. Шереметева и актрисы его домашнего театра П.И. Ковалёвой-Жемчужовой, которая «переросла... в настоящую социальную драму героев, где на одной чаше весов были простые человеческие чувства и духовное единение двух незаурядных творческих натур, а на другой — сословные предрассудки, нормы религиозной морали и так называемое общественное мнение» (с. 606). Получился живой (но вполне научный) рассказ о сценической и вокальной карьере простой крестьянки, некогда поразившей своим талантом не только Екатерину II, Павла I и польского экс-короля Станислава Понятовского, но и «одного из самых завидных женихов России», обладателя 210 тыс. крепостных, сочетавшегося с ней законным браком (с. 610—611). Ковалёвой «облагородили» родословную, превратив её в дочь польского шляхтича «Ковалевскую»; через три года после венчания она родила мальчика, а 20 дней спустя умерла от туберкулёза. В память о покойной жене граф построил в Москве Странноприимный дом, завещав сыну Дмитрию всегда помнить, «что он принадлежит Богу, государю и Отечеству» (с. 616). Дмитрий Шереметев, «красивый, романтический и религиозный», увлёкся впоследствии известной петербургской балериной Авдотьей Истоминой (воспетой А.С. Пушкиным), однако сослуживцы отговорили его тогда от заключения брака. В 1837 г. Шереметев-младший женился на своей дальней родственнице Анне Шереметевой, отдалился от двора, вышел в отставку в связи с «повышенным “вниманием” Николая I к своей жене» и занимался благотворительной деятельностью (с. 614—619).

Делая эти биографические зарисовки, Станислав Васильевич показы-

вал, до какой степени судьбы видных людей зависели от «отеческой» власти, которая подобно всей мыслящей России страдала от разлада «между книжным знанием и живой жизнью» (с. 596). Не случайно так и не сложился реформаторский союз «Александр I и М.М. Сперанский», хотя оба они «нащупали правильную технологию будущих реформ». Однако «власти нужен был лояльный, покорный и “управляемый” интеллект» (с. 594). В этом было что-то роковое для России: казалось бы, «верховная власть должна работать на опережение вызовов времени», но на деле всякий раз происходило нечто противоположное (с. 605).

Это заметно и в судьбе другого реформатора — С.Ю. Витте, хотя он едва ли мог составить «реформаторский тандем» с Николаем II, сильно уступавшим по интеллекту не только Александру I, но и Николаю I. Россия вступила в XX в. в условиях «острейшего конфликта между властью и обществом», вылившегося в революцию 1905—1907 гг. Заключив Портсмутский мир, завершивший неудачную русско-японскую войну, Витте многим представлялся «настоящим спасителем Отечества» (с. 587). На деле же, убедив царя подписать Манифест 17 октября 1905 г., он лишь «выручил» (причём всего на 12 лет) правившую династию. Примечательно, что последний российский император — ещё более боязливый и мнительный, чем Александр I, — «с чувством глубокого облегчения» подписал прошение главы своего правительства об отставке (с. 593). Тютюкин отнюдь не идеализировал Витте и не скрывал, что этот действительно незаурядный сановник был «карьеристом и интриганом», действовавшим по правилам своего времени (с. 588). Но он «смотрел в будущее и работал — как умел и как позволяли ему обстоятельства — для

того, чтобы превратить Россию в могучее, процветающее, цивилизованное, правовое государство» (с. 593).

Очевидно, что неудачи реформ по-своему стимулировали революционеров. Как показал в 1991 г. Тютюкин, того же Троцкого, мечтавшего в детстве стать инженером или учёным, «бунтарём» сделала сама действительность: он органически не принимал авторитаризма, кто бы его ни проявлял — преподаватель училища, Плеханов или Ленин. Историк выступил против прочно засевшего в исследованиях советского времени представления о том, что троцкизм — это «злейший враг ленинизма, разновидность меньшевизма» (с. 534). Фактически события 1917 г. разворачивались по сценарию «перманентной революции», хотя, «выдавая желаемое за действительное, Троцкий явно ускорял в своём разгорячённом воображении ход мирового революционного процесса» (с. 535). Сказывалась и склонность Троцкого к театральным жестам: 18 октября 1905 г. он демонстративно разорвал на митинге в Петербурге текст царского манифеста, а затем, отвечая на телеграмму Витте к «братцам-рабочим», заявил, что рабочие ни в каком родстве с графом не состоят и «мириться» с ним не желают (с. 539). Июльские события 1917 г. сблизили его с вождём большевиков (с. 555), а в октябре «имена Ленина и Троцкого были самыми популярными», и «ещё никто не мог предугадать, что будет 10–20 лет спустя» (с. 560).

Тютюкин вникал в мотивы поведения самых разных политиков, стараясь разглядеть их как «со стороны», так и «изнутри». Для историка было важно, к примеру, то, что Мартов обладал «специфической» внешностью — «прихрамывал, немного заикался, ходил как-то сгорбившись, непрерывно размахивал руками, много курил», но при этом «его недаром

называли совестью меньшевизма, ибо ему претили обман, моральная нечистоплотность, дешёвый популизм» (с. 583). Революционером его сделало прежде всего обострённое чувство справедливости. Кстати, именно Мартову принадлежал план возвращения революционеров-интернационалистов в Россию через Германию, хотя первыми его предложением воспользовались большевики, а сам он и ещё 200 социалистов прибыли в Петроград таким же способом позднее — 9 мая 1917 г. (с. 585). В октябре 1917 г. Мартов пытался «найти мирный выход» из кризиса, однако «его не слушали ни Керенский, ни Ленин с Троцким, ни лидеры меньшевистско-эсеровского блока, ни восставшие рабочие, солдаты и матросы» (с. 586). История идёт своим путём, и Станислав Васильевич это хорошо понимал.

Завершают книгу воспоминания российских, американских и японских историков. Их отзывы о Станиславе Васильевиче созвучны словам И.С. Удальцова: «Он был воплощением учёного человека и человеческого учёного» (с. 707). Исследователей разных поколений впечатляли не только работы Тютюкина, но и масштаб его личности. Но на фоне таких, порой трогательных, высказываний выделяются тексты профессоров В.Н. Казарина (с. 684–695) и В.Ю. Карнишина (с. 696–698), обративших внимание на то, что отдельные реплики и комментарии, которые звучат на семинарах, в лекциях и частных беседах, и, разумеется, не протоколируются, сохраняясь лишь в конспектах студентов и цепкой памяти слушателей, содержат ценнейшие мысли и наблюдения, по разным причинам не нашедшие продолжения в публикациях.

Книгу украшает вкладка с фотографиями и юношескими рисунками С.В. Тютюкина. Что и говорить: талант многогранен!

Примечания

¹ Булдаков В.П. Быть историком... (Вспоминания С.В. Тютюкина) // Всегда оставался верен себе: сборник статей памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина. М., 2021. С. 35.

² В статье особо упоминались Дж. Мадзини, В. Гюго, П. Ренувен, А. Альбонетти, не говоря уже о К. Каутском.

³ Подробнее см.: *Suny R.G. Thinking about Feelings: Affective Dispositions and Emotional Ties*

in Imperial Russia and the Ottoman Empire // Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb, 2011. P. 102–124; Buldakov V.P. Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196–230.

⁴ См., в частности: *Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., 2012.*

Сергей Войтиков

Станислав Васильевич Тютюкин в трудах и воспоминаниях современников*

Sergey Voitikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Stanislav Vasilyevich Tyutyukin in the writings and memoirs of his contemporaries

DOI: 10.31857/S2949124X24050176, EDN: SJSPCK

В 2022 г. друзья, родственники и коллеги С.В. Тютюкина выпустили солидный сборник его трудов, вышедших в разных изданиях в течение полувека. Он, безусловно, поможет современным исследователям осваивать творческое наследие Станислава Васильевича. В книгу вошли 32 статьи, распределённые по четырём разделам — «Теоретические и методологические проблемы», «Общественная мысль и социальные движения в России», «Политические партии в России» и «Биографии».

Открывающая сборник статья «К вопросу о “революционном шовинизме” в годы Первой мировой войны», впервые опубликованная в 1968 г., была совершенно новаторской для того времени. С подачи В.И. Ульянова (Ленина) «революционерами-шовинистами» большевики называли «тех, кто хочет победы над царизмом

для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т.д.». При этом считалось, что «основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии», которая «всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом» (с. 11). Между тем поражения русских войск, как показал Станислав Васильевич, вызвали «синтез революционно-демократического и стихийно-“патриотического” элементов массового движения, нашедший выражение в процессе перерастания социал-шовинизма меньшевиков и эсеров в революционный шовинизм, что в свою очередь сыграло важную роль в известном расширении влияния мелкобуржуазных партий на народные массы России в ходе войны» (с. 12). Ленин писал эсеру П.А. Александровичу, что в России в то время

* Станислав Васильевич Тютюкин. Избранные труды / Сост. И.С. Удальцов, В.Л. Телицын, В.В. Шелохаев, при участии М.И. Удальцовой. М.: Собрание, 2022. 718 с.

было два «основных революционных течения: революционеры-шовинисты (свергнуть царя, чтобы победить Германию) и революционеры — пролетарские интернационалисты (свергнуть царя для помощи интернациональной революции пролетариата)» (с. 13).

Тютюкин отмечал «не только ограниченность меньшевистско-эсеровской революционности, но и крайнюю непоследовательность и эклектичность теоретических представлений вождей мелкобуржуазных партий о движущих силах и перспективах развития русской революции», поскольку «в их концепциях в разных пропорциях сочетались “модные” теории социал-реформизма и национал-либерализма с обрывками идей революционного марксизма, утопического социализма и буржуазного демократизма» (с. 13). Рабочие группы военно-промышленных комитетов, находившиеся в руках меньшевиков и эсеров, «прилагали максимум энергии, чтобы любыми средствами предупредить стачки и погасить забастовочное движение рабочих» (с. 19). Проанализировав взгляды меньшевиков и эсеров, Тютюкин сделал вывод о том, что их позиция «соединяла буржуазный национализм и шовинизм (лозунг защиты отечества в империалистической войне), социал-реформизм (программа политического блока с буржуазией и смягчения классовой борьбы в интересах обороны) и мелкобуржуазную революционность (призыв к свержению самодержавия для установления буржуазного строя). Удельный вес этих составных частей в политических платформах различных групп меньшевиков и эсеров был неодинаков, но по мере углубления революционного кризиса в стране их революционно-демократическая сторона несколько усиливается, а социал-реформистская на время ослабевает. У меньшевиков социал-соглашательство, как правило,

было сильнее, чем у эсеров, так как последние олицетворяли собой другую сторону мелкобуржуазного оппортунизма — “революционные” шатания мелкого хозяйчика, взбесившегося от ужасов капитализма и войны» (с. 19—20).

В 1982 г., обратившись «к истории создания статьи В.И. Ленина “О лозунге Соединённых Штатов Европы”» (СШЕ), Станислав Васильевич предпринял попытку «проследить творческую историю» этого произведения, «выяснить обстоятельства, сопутствовавшие появлению лозунга... в большевистской антивоенной программе, показать ход его дальнейшего обсуждения и те причины, по которым он в конце концов был снят» (с. 23). Идея образования СШЕ приобрела популярность в 1840-е гг. «во время бурных революционных событий во Франции и Италии» (с. 24), движение её сторонников приняло особенно большой размах после того, как их поддержала основанная в 1867 г. пацифистская Лига мира и свободы. К. Маркс тогда отнёсся к данной «затее буржуазных пацифистов и бакунистов отрицательно, считая, что подлинной Лигой мира и свободы является только сам пролетарский Интернационал». Тютюкин констатировал, что «на первых порах лозунг Соединённых Штатов Европы получил довольно широкое распространение не только в радикально-демократических, но и в социалистических кругах». Сочувствовал ему даже Ф. Энгельс, заявивший в 1893 г., что недалеко уже то время, когда подобный союз социалистических государств станет реальностью (с. 26). Позднее «своеобразной модификацией идеи Соединённых Штатов Европы стал выдвинутый в 1912 г. социалистами балканских стран и поддержанный всеми партиями II Интернационала революционный лозунг Балканской федеративной республики — союза

равноправных балканских народов на основе широкого самоуправления каждой из входящих в федерацию стран» (с. 27).

В то же время задолго до Первой мировой войны империалисты, и прежде всего — пангерманисты, своими призывами к объединению «Срединной Европы» маскировали притязания «немецких юнкеров на Польшу, Украину, Прибалтику и другие районы Восточной Европы». Более того, «подобные концепции империалистической интеграции оказали определённое влияние и на откровенно ревизионистское крыло германской социал-демократии» (с. 28). Тогда же с критикой проектов общеевропейской федерации выступили английский экономист Дж. Гобсон (1902) и Р. Люксембург (1911), настаивавшая на том, что «не европейская солидарность, а интернациональная солидарность, охватывающая все части света, расы и народы, — таков главный принцип социализма в марксистском смысле» (с. 31).

В работах Ленина призыв к борьбе за республиканские Соединённые Штаты Европы, включавшие в себя немецкую, польскую, российскую и другие республики, появился в сентябре 1914 г. (с. 33). К тому времени уже произошёл крах II Интернационала, наблюдался резкий всплеск национализма и шовинизма, а потому приобрела особое значение «борьба за сохранение интернациональных пролетарских связей, за сплочение всех живых революционных сил вокруг большевиков» (с. 33).

Как установил Тютюкин, «решающую роль в изменении позиции Ленина... сыграла Бернская конференция заграничных секций РСДРП, проходившая 27 февраля — 4 марта 1915 г.» (с. 36). Тогда Ленин «впервые встретил открытые возражения против лозунга СШЕ со стороны некоторых своих

товарищей по партии: Г.Л. Шкловского, В.М. Каспарова, И.Ф. Арманд, Е.Б. Бош, которые указывали на его неосуществимость при империализме из-за экономических и политических противоречий между ведущими капиталистическими державами» (с. 37). Готовясь к международной социалистической конференции в Циммервальде, Ленин и Г.Е. Зиновьев пришли к заключению: «Либо это — лозунг невозможный при капитализме, означающий не только отдачу колоний, но и установление планомерности мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это — лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки» (с. 41). А в статье, вышедшей 24 августа 1915 г., Ленин уже доказывал «невозможность или реакционность Соединённых Штатов Европы при империализме» и ставил вопрос «о неправомерности данного призыва с точки зрения интересов международного революционного движения» (с. 42).

Тютюкин отмечал, что лозунг СШЕ «сам по себе не оставил сколько-нибудь заметного следа в истории нашей партии», но при этом «навсегда вошёл в теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма» сделанный Лениным в ходе развернувшейся тогда дискуссии вывод о возможности победы социализма в одной «отдельно взятой» стране и «построения полного социалистического общества» в России прежде, чем где-либо (с. 44). По мнению Станислава Васильевича, он «не означал какой-либо принципиальной переориентации большевиков в подходе к международному революционному движению, отказа от курса на мировую антиимпериалистическую революцию. Вызревание в годы Первой мировой войны общеевропей-

ской революционной ситуации могло в известной мере сгладить неравномерность в вызревании предпосылок пролетарской революции в отдельных странах, восполнить недостающую зрелость субъективного фактора в некоторых звеньях империалистической системы. Вот почему и до, и до после публикации статьи Ленина “О лозунге Соединённых Штатов Европы” мы находим во многих ленинских работах страстный призыв к европейской и всемирной революции пролетариата, к интернациональному единению различных национальных отрядов рабочего класса» (с. 46). Впрочем, как указывал историк в 1978 г., «Ленин никогда не ставил развитие революционных событий в России в какую-то жёсткую детерминированную зависимость от темпа развития пролетарской революции на Западе. Напротив, он призывал провести демократическую революцию в России как можно более решительно и последовательно, сделать революционный процесс непрерывным (возможно, даже на несколько десятилетий) и смело вступать на путь перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» (с. 109).

В 1990–2000-е гг. Станислав Васильевич не раз пытался «посмотреть, что реально сделала и чего не смогла сделать императорская власть в XIX — начале XX в., наметив тем самым ориентиры для реформаторских замыслов тех политических сил, которые предлагали собственные — альтернативные официальному — проекты преобразования России в соответствии со всеобщими требованиями времени» (с. 74). Историк отмечал, что «процесс модернизации остался в XIX в. в России незавершённым, и самодержавный строй не претерпел существенных изменений, но значение происшедших в то время перемен в жизни страны трудно переоценить» (с. 186). В нача-

ле столетия «феноменальный карьерный взлёт Сперанского был прерван монархом, обладавшим незаурядным личным интеллектуальным потенциалом, смело выдвинувшим безродного владимирского попovichа в первый ряд столичных бюрократов, но не замедлившим принести его в жертву Системе и личным амбициям, как только наружу вышел острый конфликт недавнего любимца с главной опорой российских самодержцев в лице дворянства и царю показалось, что тот слишком “зарвался” в своих честолюбивых мечтаниях» (с. 594). Позднее Николай I «придал внешнему фасаду империи вполне европейский вид, за которым скрывались, однако, нищета народа, отсутствие элементарного порядка и вопиющее казнокрадство» (с. 195). Но в итоге «к началу XX в. модернизационный процесс в России практически исчерпал те стимулы, которые были даны ему реформами второй половины XIX в. Налицо был опасный разрыв между его технико-технологической, социокультурной и политической составляющими» (с. 80).

Размышляя в 1996 г. про «феномен массовых социальных движений», Тютюкин обращал внимание на то, что на рубеже XIX–XX вв. они «начинают приобретать общероссийский характер»: «Расширяется и состав их участников, причём часть из них берёт на вооружение лозунги насильственного ниспровержения самодержавного строя, что неизбежно придаёт народному протесту революционную окраску. Однако и в это время большинство трудящихся, как правило, не выходит ещё за рамки вполне легальных (по меркам цивилизованных государств) массовых выступлений на чисто экономической почве, которые в условиях России, увы, воспринимались властями как покушение на основы существующего

порядка и сурово преследовались. Таким образом, сами правящие “верхи” как бы подталкивали массы к радикализации их требований, в зародыше убивая в России реформизм западного типа. Кульминацией массовых народных движений в России стали три революции 1905–1907 и 1917 гг., сыгравшие огромную роль не только в отечественной, но и в мировой истории» (с. 129). Исследователь считал их «наказанием правящим верхам за хроническое запаздывание в проведении реформ» (с. 171). По его словам, «1905 год как бы собрал в один большой костёр и поджёг весь тот горячий материал, который веками копился в России» (с. 176)¹.

Тем не менее у этого пожара учёный обнаруживал и положительные последствия, утверждая, что «трудно переоценить то воздействие, которое оказала революция на рост самосознания рабочего класса, реально ощутившего свою социальную силу и политическую значимость» (с. 153). Рассматривая «революцию 1905–1907 гг. как нечто целостное», Станислав Васильевич считал возможным «в определённом смысле слова говорить также о рабочей, крестьянской, национально-освободительной, солдатской, студенческой и т.п. революциях со своими собственными проблемами, циклами, задачами и особенностями» (с. 155). Тютюкин видел в них следствие таких «остатков Средневековья и раннего Нового времени, как самодержавный абсолютизм, сословный строй, крестьянское малоземелье на фоне мощных дворянских латифундий, социальная незащищённость трудящегося большинства населения, темнота и бесправие народа» (с. 271). Он не сомневался в том, что «одним из главных “виновников” революции была сама российская власть, начиная от Николая II и кончая последним полицейским урядни-

ком, дружно воздвигавшими глухую стену между властными структурами и российской общественностью, не говоря уже о широких народных массах» (с. 272).

Вместе с тем историк допускал, что, «не будь Первой мировой войны, в 1917 г. не произошло бы крушения Российской империи и тем более победы советской власти со всеми вытекающими отсюда для нашей страны и мира последствиями... При этом крах имперской системы в России явился следствием не столько её военной слабости и поражений русской армии, сколько результатом катастрофического разложения тыла и полного разлада между властью и уставшим от войны, хозяйственной разрухи и правительственной неразберихи обществом» (с. 278). После 1914 г. «российское имперское государство с его законами, кадрами, ресурсами и системой нравственных ценностей оказывалось самым слабым звеном в знаменитом треугольнике “власть, народ, война”» (с. 328). Сказывалось и то, что «глубочайший социокультурный раскол российского общества, острота классовых противоречий, многонациональный характер империи и наличие в ней этноконфессиональных трений и конфликтов существенно деформировали естественные для каждого человека патриотические чувства, лишали их глубины и искренности» (с. 180). Тем не менее Тютюкин писал «о патриотическом подъёме 1914–1915 гг. как о важном стабилизирующем факторе, укреплявшем позиции российского самодержавия» (с. 180).

Так или иначе, Тютюкин констатировал, что Российская империя «подошла к 1917 г. в состоянии тревоги, всеобщего недовольства существующим строем и политикой правящих “верхов”. Как долго продлится предгрозовое ожидание, сказать никто не мог, но ясно было, что терпению наро-

да приходит конец. Именно “улица”, а не разного рода “заговоры” в среде либеральных оппозиционеров (включая и членов масонских лож) и антиправительственная деятельность заметно поредевших революционных партий, таила в себе главную опасность для царских властей. Взаимное отчуждение власти от общества и общества от власти подошли к той последней черте, за которой начинается социальный взрыв и стремительный распад старой системы общественных отношений. Это и произошло в России весной 1917 г.» (с. 168).

Тютюкин не соглашался с тем, что «марксизм с его жёстким рационализмом, атеизмом и призывом к беспощадной классовой борьбе и насильственному установлению диктатуры пролетариата был якобы органически чужд православной крестьянской России, широкой русской душе и специфической общинно-соборной ментальности» (с. 206). По наблюдениям Станислава Васильевича, «в реальной действительности такой несовместимости не было, поскольку свободолюбие русского народа, присущий ему дух коллективизма и социальной справедливости вполне корреспондировались с азами марксизма», а «призывы марксистских агитаторов к насилию над насильниками не только никогда не пугали “низы” российского общества, но, наоборот, ещё больше разжигали их вековую ненависть к любым эксплуататорам» (с. 206). Наконец, «пусть смутный, но тем не менее очень привлекательный социалистический идеал (равенство, материальное благополучие, отсутствие эксплуатации, свобода) не мог не согреть душу живущих в постоянной нужде, обездоленных и униженных людей, какими были тогда десятки миллионов россиян. И даже то, что в условиях России марксизм получил некий полурелигиозный оттенок,

став собранием непререкаемых догм, критиковать которые простым людям не полагалось, делало его внутренне близким русской ментальности и психологическому складу» (с. 206–207). В этой характеристике чувствуется явное влияние на исследователя идей левых народников.

Тютюкин признавал, что, придя к власти, большевики на практике «быстро отказались от базовых принципов международной социал-демократии и повернули от социал-демократизма к коммунизму, причём в ходе начатого ими в России социалистического эксперимента оформилась и новая, марксистско-ленинская коммунистическая идеология. Сохраняя все признаки внешнего сходства с марксизмом и неизменно декларируя почти религиозную приверженность к нему, ленинизм предложил более жёсткое, агрессивное и вместе с тем сугубо прагматическое толкование основных положений марксистской доктрины, ориентируясь в этом в первую очередь на более ранние высказывания Маркса и Энгельса и дополняя их собственными схемами развития революции и собственным, более “приземлённым” и вульгарным, видением социалистического строя применительно к условиям отсталой крестьянской многонациональной России, взявшей под руководством большевиков строить социализм в одной отдельно взятой стране во враждебном капиталистическом окружении. Характерными чертами марксистско-ленинской концепции революции стали погоня за быстрыми темпами её развития, гипертрофия насилия, особый акцент на репрессивных, карательных функциях диктатуры пролетариата, расширительное толкование понятия “враги народа”, мессианское понимание роли России как базы для мировой революции и готовность пожертвовать во имя торжества этой

последней благосостоянием собственных граждан, создание неизвестной прежде миру системы симбиоза коммунистической партии и Советского государства и т.д.» (с. 209—210). В результате «социал-демократическая модель обновления России, носившая достаточно реалистичный характер, была реализована в 1917 г. далеко не полностью, а большевистская модель социалистического и коммунистического строительства в СССР оказалась уродливо деформированной и по большому счёту так и не воплотилась в жизнь, что не оправдывает, однако... ни распада СССР, ни колоссальных издержек установления постсоветской демократии» (с. 269—270).

Остро критиковал Тютюкин и деятельность небольшевистских партий. Анализируя её, он убеждался в том, что «незавершённость процесса модернизации, недостаточно чёткое социальное, идеологическое и политическое структурирование общества, многонациональный характер населения империи, впервые по-настоящему проснувшегося в 1905 г. к активной социальной жизни, придали российской многопартийности особенно мозаичный и причудливый характер» (с. 396). Но, при всей её слабости, «в чём российские партии явно превосходили своих западных собратьев, так это в полнейшей нетерпимости к инакомыслию» (с. 400).

Одним из первых, ещё в 1969 г., Станислав Васильевич изложил историю Конституционно-демократической партии в обобщающем очерке и одновременно убедительно продемонстрировал, что «полемика заострённость была характерна для всех работ Ленина, посвящённых критике кадетов» (с. 337)². Но, пожалуй, наибольший интерес у него вызывали «товарищи противники» (по выражению П. Б. Аксельрода) ленинцев по РСДРП. «Меньшевики, — написал Тютюкин

в 1993 г., — гораздо больше своих конкурентов-большевиков следовали букве марксизма... Меньшевики были убеждены в том, что социальное освобождение пролетариата должно быть делом прежде всего самих рабочих, а не какой-то заговорщической революционной организации, которая будет выступать от их имени, захватит власть, а потом установит свою партийную диктатуру во главе с новым марксистским вождём. Поэтому высшим критерием успеха социал-демократической работы меньшевики считали не скорейший захват РСДРП власти, а систематическую подготовку пролетариата как класса в целом к выполнению его главной исторической миссии — миссии борца за народную демократию и могильщика капитализма. Не замещать пролетариат на политической арене профессиональными революционерами-интеллигентами, а просвещать, организовывать, развивать его самостоятельность, инициативу, социальную и политическую активность — вот как представляли себе меньшевики главную задачу РСДРП» (с. 383). При этом на словах они «выступали за необходимость творческого подхода к марксизму, но на практике», в отличие от большевиков, «так и не смогли адаптировать его классический вариант применительно к сложной и противоречивой российской ситуации» (с. 385).

В 2014 г., говоря о позициях социалистических партий в годы Первой мировой войны и, в частности, упомянув про сближение правых эсеров с меньшевиками-«оборонцами», а левых — с большевиками (вплоть до 6 июля 1918 г.), Тютюкин объяснял различия между «правыми» и «левыми» социалистами как марксистского, так и народнического толка прежде всего факторами «психологического и национального характера» (с. 417—418). Исследователь учиты-

вал, что «в многонациональной России и в РСДРП, и в ПСР были люди самых разных национальностей, причём среди большевиков и эсеров явно преобладали русские, а среди меньшевиков было много евреев и грузин. Во всех указанных партиях преобладала демократическая интеллигенция и в гораздо меньшей степени рабочие (причём не так называемая “рабочая аристократия”, а их средние слои) и до осени 1917 г. особенно крестьяне» (с. 418).

Выразительные портреты участников революционного движения, созданные Тютюкиным в разные годы, представлены (наряду с образами исторических деятелей других эпох) в разделе «Биографии». В 2010 г., подводя итог многолетнего изучения судьбы и творчества Г.В. Плеханова, Станислав Васильевич заключал: «Бесспорно, ранняя (в 23 года) и затянувшаяся почти до конца жизни 37-летняя эмиграция, сохранившая Плеханову жизнь, а также тяжёлая многолетняя болезнь сыграли с ним поистине злую шутку. Сделав его “русским европейцем” и оторвав от родины в один из самых важных и во многом решающих периодов его развития, они помешали Плеханову по-настоящему слиться с Россией и её народом, лучше понять обстановку на далёкой родине и её реальные нужды, отучили от принятия смелых, хотя и рискованных стратегических решений. Плеханов так и не смог преодолеть издержки, связанные с его отрывом от родины и спецификой эмигрантской среды (преобладание мелких дел, борьба личных честолюбий, уход от большой политики в сугубо бытовые вопросы и т.д.). С трудом находил он и контакт с талантливыми представителями молодого поколения русских марксистов, которые лучше него знали ситуацию в рабочем и крестьянском движении на родине и теснее, чем он, были связаны

с РСДРП. В итоге Плеханов остался на уровне лучших образцов “классического” марксизма XIX в., счастливо избежав рискованных, часто неоправданных и не всегда согласовавшихся с революционной моралью ленинских политических экспериментов, но не поняв и необходимости выработки новых стратегических и тактических марксистских решений, отвечающих вызовам времени и конкретным условиям России начала XX в. Плеханов не стал ни вождём РСДРП, ни лидером политически активной части народа России, оставшись до конца своих дней в основном кабинетным учёным и социалистическим журналистом, который был недоволен и Лениным, и Троцким, и Мартовым, но который не мог предложить “свой”, марксистско-плехановский, вариант конкретных действий для того, чтобы вывести Россию из того тупика, в котором она оказалась к началу 1917 г.» (с. 651). И всё же немаловажно, что созданная им группа «Единство», по сути, призывала отстаивать не социалистическую революцию, а Родину, да и сам Плеханов в 1914 г. выступал как истинный патриот.

В те же годы, как ещё в 1966 г. установил Тютюкин, Г.В. Чичерин был сторонником каутскианской теории «ультраимпериализма» (с. 458–461). В РСДРП он оставался белой вороной и к февралю 1917 г. «был ещё лишь на подступах к большевизму, занимая среднюю линию между меньшевиками-мартовцами, с одной стороны, и Троцким — с другой». Но это не мешало ему в 1915–1917 гг. активно участвовать «в живой интернационалистской работе, приносившей свои плоды» (с. 473).

Раскрывая в 1994 г. историю споров Ленина и Н.И. Бухарина, ставшего в годы Первой мировой войны идеологом леворадикального крыла марксизма, Тютюкин считал необходимым

«сказать правду не только о его выдающихся способностях и трагической судьбе, но и о таких чертах Николая Ивановича, как идейная неустойчивость, политический импрессионизм, причудливое сочетание в его менталитете гуманистического и авторитарного начала, чередование попыток “прислониться” к сильному вождю (будь то Ленин или Сталин) и бунта против него» (с. 562). Станислав Васильевич также напоминал, что «уверенность большевиков в победе мировой революции оказалась иллюзорной, процесс перестройки мировой империалистической системы пошёл сложными, извилистыми путями, а “ультраимпериализм” оказался куда более реальным, чем это представлялось Ленину и Бухарину, программа которых отражала лишь одну из возможных альтернатив общественного развития. Тем не менее, стратегический курс большевиков, хотя и в урезанном, деформированном, а затем и извращённом виде, получил свою частичную реализацию в 1917 г. и в последующий период, что делает работы Ленина и Бухарина не только литературными памятниками, но и важными политическими документами той эпохи, в которую они создавались» (с. 568).

Тютюкин принадлежал к числу тех, кто заложил фундамент научного изучения жизни и деятельности Л.Д. Троцкого. Очертив в 1991 г. путь, пройденный им до вступления в большевистскую партию, историк обнаружил, что «различия между Троцким и Лениным действительно были, хотя и не всегда там, где их искали прежде. Несмотря на то, что Ленин сознательно не шёл на конкретизацию своих представлений о сроках демократического этапа революции в России, не подлежит сомнению, что Троцкий намного превосходил его в стремлении уплотнить и сжать этот этап во времени, предполагая при этом решать за-

дачи буржуазного переворота в основном силами рабочих, а не всего народа во главе с пролетариатом. Не отрицая большого значения аграрного вопроса в такой крестьянской стране, как Россия, Троцкий тем не менее считал главной ареной революции город. Что касается роли крестьянства в революции, то Троцкий оценивал её намного скромнее, чем Ленин» (с. 534–535). Любопытно, что при этом попытка военного переворота, предпринятая большевиками в Петрограде 3–5 июля 1917 г., описывалась строго в соответствии с советским канонem: «В столице состоялись мощные народные демонстрации, носившие в основном мирный характер, но сопровождавшиеся отдельными вооружёнными столкновениями, которые были спровоцированы контрреволюционными элементами и привели к человеческим жертвам» (с. 555).

В 1994 г. в краткой, но ёмкой статье Тютюкин смог дать исчерпывающую характеристику личности Ю.О. Мартова, которого «судьба» обрекла «на роль вечного оппозиционера»: в Российской империи он боролся с царизмом, при Временном правительстве защищал Ленина от обвинений в государственной измене, а в конце 1917 г. «оказался в конфликте и с новой, большевистско-левоэсеровской, властью» (с. 586). Подметив эту черту Юлия Осиповича, Станислав Васильевич подчеркнул, что даже «сестра Мартова Л.О. Цедербаум-Дан признаёт ответственность брата за разрыв с Лениным», тогда как «Ленин и после раскола партии продолжал питать добрые чувства к Мартову». В целом же, по наблюдениям историка, в «обстановке взаимного излобления, крайней нетерпимости к мнению оппонента и всеобщей подозрительности, которые пышным цветом расцветали сначала в русской социал-демократической эмиграции, а затем

и в партийных организациях в самой России, и меньшевики, и большевики оказались явно не на высоте положения. Личные амбиции и обиды нередко отодвигали интересы дела на второй план, мешали слушать и понимать своих оппонентов. Однако чем дальше, тем больше становилось ясно, что в основе раскола РСДРП лежат разные подходы обеих фракций к задачам и тактике партии, рабочему движению, наконец, к самому марксизму» (с. 580).

Но если революционное движение страдало разобщённостью, то, как полагал Тютюкин, «знаменитый прыжок [А.Ф.] Керенского во власть стал возможен весной 1917 г. благодаря его центристской позиции между диаметрально противоположными социально-политическими силами российского общества — буржуазией, дворянством, чиновничеством и армейской верхушкой, с одной стороны, и трудовыми слоями населения — с другой. Успех такой политики мог носить, однако, лишь кратковременный характер и был обусловлен полной недееспособностью царизма на фронте и в тылу, что — пусть в разной мере и в разных формах — не устраивало уже всю страну. Недаром даже “экстремист” Ленин, для которого марксистское деление общества на классы и их борьба как движущая сила человеческой истории была аксиомой, признавал, что Февральская революция 1917 г. на короткое время действительно соединила самые разные потоки общественного движения, и именно этот факт и привёл Керен-

ского во Временное правительство» (с. 665).

Книгу завершают воспоминания о С.В. Тютюкине его коллег и учеников. О том, что это был замечательный человек и крупный принципиальный учёный, сказано уже немало. В 2004 г. меня, в то время — начинающего специалиста Российского государственного военного архива, направившего в журнал «Отечественная история» свою первую статью, поразило, с каким интересом главный редактор расспрашивал о жизни и научной работе совершенно «зелёного» автора. Я увидел живого, цепкого, открытого всему новому человека, а позднее понял, что поиск молодых исследователей Станислав Васильевич считал одной из своих важнейших задач. Он блестяще сочетал в себе строгость авторитарного руководителя и удивительную отивчивость в общении с коллегами. Пожалуй, это был лучший организатор исторической науки начала XXI в.

Примечания

¹ К сожалению, большое издание редко обходится в наше время без досадных опечаток. Так, в данном случае вместо «копился» в книге ошибочно набрано «коптил» (с. 176). Ср. первую публикацию статьи: *Тютюкин С.В.* Реформы и революция 1905–1907 гг. // Реформы и реформаторы в истории России. Сборник статей. М., 1996. С. 144.

² Его статья «“Оппозиция Его Величества” (партия кадетов в 1905–1917 гг.)» вышла в сборнике с характерным названием «В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России» (М., 1969) (с. 331).

The riddles of Boris Savinkov

DOI: 10.31857/S2949124X24050188, EDN: SJQEDU

К.Н. Морозов, один из крупнейших исследователей истории партии эсеров, опубликовал фундаментальную биографию Б.В. Савинкова (1879–1925), детально осветив сложную и даже загадочную фигуру этого человека.

Савинков многолик и противоречив. Борец за свободу и разрушение имперской государственности России, он в то же время оставался патриотом и сторонником сильной власти, отвергнувшим в конце жизни принципы парламентской демократии. Террорист, не раз прибегавший к насильственным действиям, он в своих размышлениях не мог найти оправдание насилию. Вращаясь преимущественно в нерелигиозной среде, Савинков интересовался христианством и не скрывал неприятия позитивистской «рутины». Революционер и политик уживались в нём с талантливым писателем, ставившим в своих произведениях острые моральные проблемы.

В первой главе книги рассматриваются юные годы Савинкова и обстоятельства его присоединения к революционному движению. Он родился в Харькове в многодетном, образованном и интеллигентном семействе: отец — судебный деятель, мать — писательница, сестра художника Н.А. Ярошенко, шестеро детей. Затем все они переехали в Варшаву, Борис окончил там 1-ю мужскую гимназию, о которой впоследствии

вспоминал саркастически и враждебно (с. 63–68). Видимо, учёба немало способствовала возникновению у него оппозиционных настроений. В 1897–1899 гг. полиция задерживала Савинкова за участие в студенческих волнениях, в 1901 г. — за принадлежность к социал-демократической организации «Рабочее знамя». Находясь в 1902–1903 гг. в ссылке в Вологде, Савинков примкнул к Партии социалистов-революционеров (ПСР) и стал сторонником политического террора.

Что привело его на этот путь? Морозов полагает, что главную роль сыграли правительственные репрессии и отсутствие в России политической свободы. 4 марта 1901 г. Борис Викторович и его первая жена В.Г. Успенская (дочь писателя) попали в Петербурге под нагайки казаков, защищая избиваемую курсистку. Подобные случаи и толкали социалистов к радикальным действиям (с. 78, 91). Как писал друг Савинкова террорист Е.С. Созонов, «вся его деятельность носила какой-то странно-личный характер: он боролся как будто потому, что лично его оскорбили, его честь благородного человека» (с. 676). В составе Боевой организации (БО) ПСР Савинков занимал левые, полуанархистские позиции и утверждал, что парламентаризм не может улучшить положение трудящихся и необходимы прямые (видимо, вооружённые) действия против власти

* Морозов К.Н. Борис Савинков: опыт научной биографии. М.; СПб.: Нестор-история, 2022. 768 с.

и буржуазии. Впрочем, в 1905 г. он придерживался уже более умеренных убеждений, соответствовавших программным установкам ПСР (с. 95–96).

Личная жизнь Савинкова первоначально складывалась удачно: женившись в 20 лет, он растил сына и дочь. Но появилась БО, и с 1903 г. супруги проживали раздельно, связь между ними постепенно ослабла. В 1906 г. Савинков увлёкся Е.И. Зильберберг, и в начале 1908 г. его брак с Успенской распался. В 1920 г. он расстался и с Зильберберг, родившей ему в 1912 г. сына. Последней его «сердечной подругой» стала Л.Е. Дикгоф-Деренталь (с. 103–115).

Во второй главе прослеживается участие Савинкова в делах БО, куда он изначально стремился и попал благодаря М.Р. Гоцу. Между ними установились доверительные товарищеские отношения. Именно Гоц назвал Савинкова «надломленной скрипкой Страдивариуса» (с. 131–133). С Азефом у Савинкова, напротив, всё складывалось не так просто. Первоначально они не находили общего языка. Но впоследствии Азеф своим показным вниманием и заботливостью о боевиках завоевал его расположение. При этом, интригуя, он умело ссорил Савинкова и членов ЦК ПСР (с. 148–151).

Многие члены БО (Е.С. Созонов, И.П. Каляев, М.А. Бенеvская, М.А. Прокофьева) стали близкими друзьями Савинкова, к остальным он относился с уважением и симпатией, и те отвечали ему взаимностью. В минуты отдыха Савинков оставался «просто товарищем в товарищеском кругу», «делался обаятельным» (с. 136–142). После гибели Каляева впечатлительный террорист не спал четыре ночи подряд¹.

Морозов подробно описал деятельность БО в 1909–1911 гг., когда после разоблачения Азефа ею руко-

водил Савинков, организовавший в Париже при помощи знаменитого борца с провокаторами В.Л. Бурцева и перешедшего на сторону ПСР филёра Э.Р. Лейта «революционную» контрразведку. Ей удалось раскрыть связь с полицией Т.М. Цейтлин, которая пыталась проникнуть в БО. Однако Савинков настоял на том, что поскольку из-за неё никто не погиб, то и «не нужно смерти» (с. 196). Цейтлин отпустили в Россию, где она вышла замуж за полицейского чиновника И.В. Доброскока. В 1917 г. обоих арестовали. Морозов предполагает, что при большевиках их расстреляли (с. 197). Однако если судьба Цейтлин неизвестна, то Доброскок эмигрировал и в 1947 г. умер в Швейцарии, где служил пономарём².

Весьма показательное дело эсера А.А. Петрова, который, будучи арестован в январе 1909 г. в Саратове, дал местной охранке откровенные показания и согласился стать секретным сотрудником. Полиция устроила ему побег, но, оказавшись за границей, Петров сообщил обо всём Бурцеву. Савинков и другие эсеры решили дать Петрову возможность искупить вину, ликвидировав одного из высокопоставленных полицейских чиновников. Речь поначалу шла о бывшем начальнике Петербургского охранного отделения А.В. Герасимове, но 8 декабря Петров при помощи БО взорвал в Петербурге его преемника С.Г. Карпова. Арестованного в тот же день убийцу 13 января 1910 г. повесили (с. 201–203). Детально рассмотрев данный эпизод, Морозов пишет, что Савинков и его товарищи, помогая Петрову, нарушили моральные и партийные нормы (с. 204–213). Но этот вывод кажется спорным, поскольку они опирались на прецедент из истории «Народной воли», в 1883 г. в схожей ситуации предложившей подобный вариант С.П. Дегаеву.

Тем не менее и в «савинковской» БО оказался сотрудник полиции И.П. Кирюхин. В марте 1910 г., когда большая часть боевиков находилась в Петербурге и выслеживала передвижения Николая II, П.А. Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича, Савинков заподозрил наличие среди них осведомителя. Сперва подозрение пало на другого члена БО, но в октябре 1910 г. благодаря болтливости Кирюхина и бдительности Н.С. Климовой агента разоблачили (с. 213–228).

Савинкова жёстко критиковали за неудачи, хотя, по мнению Морозова, он делал всё, что мог. Сказывалось отсутствие финансовой поддержки, осуждение террора в образованном обществе, не забывшем про историю Азефа, раздуваемые недоброжелателями сплетни о Савинкове, невыгодный для боевиков резонанс дела Петрова (с. 235–241).

Тем временем Судебно-следственная комиссия (ССК) при ЦК ПСР по делу Азефа, созданная в 1909 г., составила к осени 1910 г. первый вариант своего заключения, возложив вину за роль провокаторов в ПСР прежде всего на БО. Савинков тогда же дал показания ССК, защищая боевиков и напоминая об ответственности ЦК ПСР. Однако в окончательном заключении ССК, опубликованном в марте 1911 г., резкая критика БО сохранилась. Савинков готовил коллективный протест, но отказался от этого замысла из-за несогласия некоторых членов БО его поддержать. Своё возмущение он выразил в письмах к другу — эсеру И.И. Фондаминскому, близкому к руководству ПСР. Порвав отношения со многими лидерами партии, Борис Викторович заявлял: «Они для меня никто» (с. 265–271).

В пятой главе Морозов проанализировал морально-этические поиски Савинкова, уделив особое внимание его знакомству и общению с Д.С. Ме-

режковским, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым, которые стремились соединить христианство и революцию и даже создать при ПСР своеобразную религиозно-революционную организацию. Их смутные идеи вызывали у Савинкова интерес и симпатию (с. 289–298). 3 июля 1907 г. он писал В.Н. Фигнер о своём неприятии «духа позитивизма и рационализма», которым питалось «всё наше поколение», и признавался: «В моих “ересях” я вижу попытку, быть может, слабую, — всё равно, — *революции духа*, борьбы с той стороной человеческого “я”, которая... во всех, даже самых свободных людях несвободна и глубоко консервативна» (с. 738). Морозов констатирует, что Савинков так и не стал верующим. Но всё же «попытка преодолеть моральные парадоксы революционного насилия обращением к ценностям христианства выдвигает его в первый ряд среди революционеров своего времени» и «ценна сама по себе» (с. 304–305).

Моральным парадоксам были посвящены литературные произведения Савинкова — повесть «Конь бледный» (1909) и роман «То, чего не было» (1912–1913). В них изображались разные революционные типы, включая и тех, кто полагал, что ради революции «всё позволено», и других, близких автору, для кого применение насилия становилось мучительной и нерешаемой проблемой (с. 315–318). Так, по словам одного из персонажей, даже «кровью своей не оправдан убийца, что если должно и можно убить, то нельзя и не надо искать оправданий, ибо горе тому, кто убил» (с. 317). В «Коне бледном» главный герой, глава боевой группы, организовав успешное покушение на генерал-губернатора, убивает затем из сугубо личных соображений офицера, мужа своей возлюбленной, после чего ему становится скучно жить, поскольку

ку своим поступком он обесценил не только чужую, но и собственную жизнь (с. 322). И в повести, и ещё больше в романе обличались «члены Комитета», не понимающие трагедию насилия и безуспешно пытающиеся руководить массами. Многие эсеры, даже среднего звена, восприняли всё это как пасквиль на ПСР и революционное движение в целом (с. 324–335, 358–359, 715). Действительно, какие-то образы в художественных произведениях могли казаться неправдоподобными и шаржированными. Однако их автор по-прежнему сохранял верность делу революции и чтит память погибших за её идеалы.

Морозов убедительно показал, что, несмотря на влияние декадентства, Савинков был абсолютно искренен в своей рефлексии. Доказательством тому служат его письма к близким людям (Успенской, Прокофьевой), в которых не было места какому-либо фразёрству или позёрству (с. 344–349). Доказывает это и его дневниковая запись, сделанная 25 апреля 1925 г. Вспоминая про убийство Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, он отмечал: «Никто и никогда не поймёт, что пережил я 15 июля 1904 и 4 февраля 1905 г. ... Ивановская (член БО. — Г.К.) в своих воспоминаниях написала: “Точно наводнение прошло по лицу”. Оно и прошло. И не только по лицу»³.

Характеризуя взаимоотношения эсеров и социал-демократов в начале 1910-х гг. (с. 375–378), автор монографии пишет про сближение Савинкова с Г.В. Плехановым и издание ими совместно с В.М. Черновым в 1913 г. газеты «Юг» (с. 369, 379–380).

Шестая глава рассказывает о судьбе Савинкова в годы Первой мировой войны. В 1914 г. ПСР, сохраняя внешнее единство, фактически раскололась на интернационалистов и оборонцев, к которым после некоторых колебаний примкнул Савинков, ставший воен-

ным корреспондентом петроградских газет на Западном фронте. При этом он не идеализировал войну, видел её ужасы («траншеи, пожары и трупы») и не скрывал, что его корреспонденции сочинялись только для денег. Впрочем, многие из них написаны живо и представляют немалый интерес (с. 386–400).

К 1916 г. у Савинкова возник конфликт с супругами М.О. и М.С. Цетлиными, которые давали деньги в долг его семье (с. 403–405). К тому же М.О. Цетлин являлся племянником Д.В. Высоцкого, главного спонсора ПСР, и сам снабжал партию немалыми суммами⁴. В письме к Фондаминскому — человеку, близкому к Цетлиным, Савинков заявлял о неприятии мещанства, свойственного будто бы их кругу. «Под мещанством, — пояснял он своё отношение, — я понимаю не только внешне спокойную, построенную не на труде, а на деньгах жизнь. Под мещанством я понимаю душевные стоячие воды: примирённость, сердечный стоячий комфорт, самодовольство и вытекающую из них самоуверенность в обращении с людьми... В вас нет ни душевного волнения, ни душевного мятежа» (с. 405). Сам Борис Викторович не желал мириться с несправедливостью и жестокостью жизни, будучи и в 1911–1916 гг. мятежником, полным волнения и страсти.

В 1917 г., сблизившись с А.Ф. Керенским, Савинков сделал военную карьеру, став комиссаром 7-й армии Юго-Западного фронта, а затем управляющим Военным министерством. Проявив храбрость в нескольких боях, он заслужил доверие первоначально не принимавших его офицеров, сблизился с генералом Л.Г. Корниловым и поддержал его программу ужесточения власти в стране, что задело бы не только большевиков, но и советы. Однако Савинков надеялся осуществить её в союзе с Керенским. Как

известно, это привело к неудачному выступлению Корнилова против Временного правительства. Савинков, не согласившись с тактикой верховного главнокомандующего, остался верен Керенскому и был назначен им петроградским генерал-губернатором, но вскоре под давлением советов лишился всех постов. Когда же он отказался объяснять свою позицию комиссии при ЦК ПСР, его исключили из партии. Эсеры (и, в частности, Чернов) полагали, что Савинков сыграл роль интригана, спровоцировавшего Корнилова на мятеж. Но сам Борис Викторович утверждал, что действовал честно, расходясь и с Корниловым, и с Керенским, поэтому отставка казалась ему несправедливой. Морозов указывает на то, что корниловский курс, антидемократичный и губительный для страны, привёл в результате к резкому ослаблению власти и армии и к усилению большевиков, а это вовсе не соответствовало планам Савинкова (с. 427–441).

Седьмая глава рассказывает о борьбе Савинкова с большевизмом в октябре 1917 – августе 1924 г. Он вёл её активно и яростно, уже 26–31 октября 1917 г. примкнув к Керенскому и П.Н. Краснову. Весной 1918 г. Савинков выступил создателем и руководителем Союза защиты родины и свободы, организовавшего Ярославское восстание 6–21 июля, после поражения которого стал бойцом в отряде подполковника В.О. Каппеля (с. 445–480). Подробно говорится в этой главе и о возможной причастности Савинкова к покушению Ф.Е. Каплан на В.И. Ульянова (Ленина) и убийству М.С. Урицкого (с. 481–587).

В октябре 1918 г. после создания Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории) Савинков отправился с дипломатической миссией в Париж. Признав власть свергнувшего Директорию А.В. Кол-

чака, он вошёл там в состав Русской политической делегации, встречался с влиятельными государственными деятелями западных стран. В 1920–1921 гг., проживая в Варшаве, Савинков участвовал в организации походов войск атамана С.Н. Булак-Балаховича на территорию Белоруссии и создал Народный союз защиты родины и свободы, отстаивавший народовластие, созыв Учредительного собрания, предоставление всем гражданам политических и гражданских прав, передачу всей земли в мелкую частную собственность крестьян (что означало отход от идей ПСР) (с. 600–630).

В октябре 1921 г. Борис Викторович, высланный по требованию РСФСР из Польши, поселился в Париже. Провозгласив себя защитником крестьянства, он отмежевался от Белого движения и иностранной интервенции. Его идейная эволюция продолжилась. В мае 1924 г., разочаровавшись в демократии, он в одном из писем восхвалял итальянский фашизм и резко нападал на парламентаризм. Фашизм рассматривался им как народный режим, опирающийся на крестьянство (с. 731–732). А в конце августа 1924 г., после того как его в ходе спецоперации ОГПУ заманили в Россию и арестовали, Савинков искренне признал благом большевистский режим. К тому времени у него возникло ощущение (отчасти внушённое чекистами), что народ полностью поддерживает коммунистов и считает их власть своей.

Арест, следствие, суд, заключение и гибель Савинкова освещены Морозовым в восьмой главе. Как известно, приговорённый к десяти годам лишения свободы, Савинков 7 мая 1925 г. покончил с собой, выбросившись из окна Внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке. В эмиграции писали, что он мог быть убит (с. 649–657). Однако, изучив сохранившиеся докумен-

ты, зафиксировавшие обстоятельства смерти Савинкова, Морозов не сомневается в его самоубийстве. К этому шагу его подталкивали обманутые надежды на освобождение и чувство протеста, для которого не оставалось иного выхода. Кроме того, Морозов не исключает, что Савинков успел усомниться в правдивости слов чекистов, а в дальнейшем, как бы ни сложилась его судьба, непременно разочаровался бы в большевиках (с. 659–668). И тогда, скорее всего, всё тоже оборвалось бы самоубийством — пережить обман и вновь бороться Савинков психологически уже не смог бы.

Подводя итоги своего исследования, Морозов безоговорочно утверждает, что Савинков не был безыдейным политическим авантюристом. Напротив, он всегда руководствовался именно идеями, которые со временем менялись. Вместе с тем в революцию и политику его влекли и экзистенциальные переживания, острое ощущение неизбежного конца, попытки найти смысл жизни перед лицом смерти, что отразилось и в прозе, и в стихах, и в дневниковых записях, сделанных Савинковым весной 1925 г. (с. 350–354, 684–686). Знавший его в 1917 г. философ Ф.А. Степун полагал, «что если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти». Более того, «вся террористическая деятельность Савинкова и вся его кипучая комиссарская работа на фронте были в своей последней, метафизической сущности лишь постановками каких-то лично ему, Савинкову, необходимых опытов смерти». Именно «смертельная опасность не только повышала в нём чувство жизни, но и наполняла его душу особою, жуткою радостью... Не раз бросался Савинков вниз головой в постоянно манившую его бездну смерти, пока не размозжил своего черепа о ка-

менные плиты, выбросившись из окна московской тюрьмы ГПУ» (с. 684).

Польский политик К. Вендзягольский, также близко общавшийся с Савинковым в 1917 г., отмечал, что, будучи революционером, тот в своих литературных произведениях бросал вызов и революции, и самому себе, а превратившись в государственника, утратил всякую парадоксальность. Если «Савинков-убийца искал оправдания у Савинкова-поэта и философа», то «Савинков-патриот и государственник» будто бы «почувствовал долг отдать всего себя родине, дабы воспрепятствовать позорному разрушению государства и содействовать целям, погубленным революцией». Правда, в своих наблюдениях Вендзягольский противоречил сам себе, заявляя, что «дореволюционный и пореволюционный Савинков кажутся мне совершенно различными людьми», однако «это были разные воплощения одной и той же человеческой души» (с. 688–689).

Морозов настаивает на том, что раздвоенность, свойственная Савинкову-революционеру, сохранялась и позже, ярко проявившись в 1923 г. в повести «Конь вороной», наполненной рефлексией относительно сопротивления большевикам (с. 691–694). Вообще же, как писал эсер М.М. Чернавский, в Савинкове «жили два различных человека», ведшие «между собой постоянную борьбу, которая всё обострялась» (с. 691). Это был и революционер, рвавшийся к свободе, и патриот, ставший жёстким государственным, и рефлексизирующий интеллигент, сомневавшийся до 1914 г. в праве на убийство, а в 1920-е гг. в правомёрности своих действий. Сам Савинков в одном из писем к Успенской назвал себя человеком «изломанным и составленным из мозаичных кусков» (с. 690).

Объективно обозревая идейный и политический путь, пройденный Са-

винковым, Морозов всё же ошибочно заключает, будто Савинков никогда не был демократом, социалистом и всегда отрицал парламентаризм (с. 734, 751). Судя по материалам, приведённым в книге (с. 93, 96, 626–627), социалистом он являлся вплоть до 1917 г., а демократом и сторонником парламентаризма — с 1905 до конца 1923 г.

Бунт Савинкова против всего косного и догматического в революционной среде Морозов сближает со схожим по сути восстанием Н.А. Бердяева против «тоталитаризма» значительной части левой интеллигенции (с. 736–741). Жизненная траектория и интеллектуальный выбор этих людей в конечном счёте оказались различны, но обоих отличала устремлённость к «эмансипации духа». И, несмотря на признание большевизма в 1924 г., Савинков, по словам Философова, остался в его памяти человеком, «который

хотел расширить человеческую свободу и исправить, так или иначе, то, что человек сотворил из человека»⁵.

Монография К.Н. Морозова — первое масштабное и многоаспектное исследование жизни Б.В. Савинкова, которая всегда будет привлекать внимание историков, да и вообще людей творческих профессий. Для её дальнейшего изучения и понимания данный труд создаёт серьёзную основу.

Примечания

¹ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 189.

² Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. СПб., 2012. С. 402.

³ Борис Савинков на Лубянке... С. 189.

⁴ Подробнее см.: Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990. С. 306; Кан Г.С. Наталья Климова: жизнь и судьба. СПб., 2012. С. 21–23.

⁵ Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица: биографический альманах, 5. М.; СПб., 1994. С. 459.

Алексей Попов, Ксения Сак

После Победы: ветеранское движение в послевоенном СССР в отражении социальной и политической истории*

Alexey Popov

(V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia),

Ksenia Sak

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow;

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)

After the Victory: the veteran movement in the post-war USSR in the reflection of social and political history

DOI: 10.31857/S2949124X24050194, EDN: SJMSIY

В 1990-х гг. за рубежом в рамках новой социальной истории начало формироваться интересное тематическое направление — история ветеранов

(*veteran's history*). Увидели свет несколько монографий и сборников, авторы которых исходят из широкой трактовки понятия «ветеран», применяя

* Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991 / Авториз. пер. с англ. Е. Иванушкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>

его ко всем участникам вооружённых конфликтов и стремясь проанализировать их возвращение к мирной жизни в разных странах, новый социальный статус, групповую идентичность, политическую активность¹. В 2008 г. в издательстве Оксфордского университета вышла книга австралийского историка немецкого происхождения Марка Эделе о ветеранах Великой Отечественной войны и их роли в послевоенном обществе². До сих пор она остаётся самой содержательной работой на данную тему. Отдельные попытки охарактеризовать социальный статус бывших участников войны³, а также деятельность их самой массовой организации — Советского комитета ветеранов войны (СКВВ)⁴ — предпринимались и российскими исследователями. Однако основная масса отечественных публикаций с ключевыми словами «ветеран» и «ветеранское движение» либо представляет собой биографии отдельных лиц, либо посвящена деятельности соответствующих организаций конкретных учреждений, предприятий, учебных заведений. В 2023 г. монография Эделе издана в переводе на русский язык под несколько политизированным названием: «Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991». Благодаря этому российские читатели получили возможность ознакомиться с собранным автором богатым фактографическим материалом, а также его выводами и обобщениями, не все из которых являются бесспорными.

Рецензируемая книга — результат многолетней работы. Основной для неё стал внушительный массив документов федеральных (ГА РФ, РГНИ, РГАСПИ, РГАЭ) и региональных (Воронеж, Екатеринбург, Нижний Новгород) архивов. Кроме того, активно использовались опубликованные источники, мемуары,

материалы советской прессы, образы из литературы и кинематографа. Для обозначения социальной общности бывших участников войны Эделе предложил термин «сообщество заслуживающих», последовательно проводя мысль о том, что определяющей идеей групповой идентичности ветеранов являлось ожидание признания их заслуг перед государством и обществом. По наблюдению историка, в источниках постоянно использовались слова «заслужить», «заслужил(и)», «заслуживает», а носителями морального долга перед ветеранами назывались «советская власть», «государство», «Родина», «народ» (с. 374–379).

Логика размещения материала в монографии не вполне прозрачна. Сам автор лишь уточняет, что «первые две части посвящены внутригрупповой дифференциации, а последняя — оформлению [ветеранов как] целостной группы» (с. 46). Фактически часть I «Реинтеграция» построена по хронологическому принципу: подробно описываются возвращение бывших военнослужащих к мирной жизни и процесс их первоначальной адаптации, включая вопросы обеспечения жильём, трудоустройства, предоставления других мер социальной поддержки. На отдельных примерах рассказывается, как демобилизованные, в том числе вернувшиеся с фронта женщины, делали карьеру, обзаводились семьями и т.п. (с. 155–160).

Содержание первой части наиболее фактографично, насыщено социально-демографической статистикой и во многом перекликается с публикациями Е.Ю. Зубковой о демобилизованных фронтовиках как «новом социуме», проходившем сложный процесс адаптации⁵. В тяжёлых условиях послевоенного восстановления, когда «в расчёте на одну ветеранскую душу выделенных денег и товаров решительно не хватало» (с. 98),

выяснилось, что бюрократическая система плохо справляется с «вписыванием» участников войны в мирную жизнь. Государственная политика предполагала максимально быстрое возвращение демобилизованных к гражданским занятиям и профессиям, не давая им возможности «почивать на лаврах» и права «требовать какого-то воздаяния за былую военную службу» (с. 38, 82, 88). В 1947 г. по экономическим соображениям даже упразднили введённые в военное время выплаты за боевые награды. В этих условиях часть бывших участников войны, сталкиваясь с многочисленными жилищно-бытовыми и иными проблемами, равнодушием, волюнтаризмом и проч., апеллировала к представителям власти в индивидуальном порядке — посредством жалоб, «писем во власть», посещения партийно-советских руководителей в качестве просителей (с. 92). Автор видит в этом проявление формирующейся, но пока ещё непубличной субъектности. Кроме того, в условиях дефицита внимания со стороны государства бывшим фронтовикам приходилось создавать неформальные социальные сети, построенные не только на идеях боевого товарищества, но и вполне прагматических «теневых» схемах (с. 121–128). Именно такая низовая активность, по мнению Эделе, стала одним из условий формирования и последующего официального признания ветеранского движения.

Часть II «Победители и жертвы» охватывает 1953–1991 гг. и рассматривает различные категории участников войны, их участие в общественной жизни. Так, глава 4 «“Отличная профессия”» фокусируется на инвалидах Великой Отечественной, а глава 5 «Пожизненно “меченные”» — на судьбе бывших военнопленных. Эделе утверждает, что инвалидам, которые составляли от 10 до 19% вернувшихся

с фронта, государство гарантировало лишь минимальный уровень материального обеспечения, к тому же зависевший от присвоенной группы инвалидности, которую необходимо было регулярно подтверждать. Таким образом, формировалась «иерархия нищеты» (с. 162–167). Несмотря на это, некоторые инвалиды достигали заметных успехов в карьере. С другой стороны, многие представители этой категории прибегали к различным способам получения нетрудовых доходов, включая нищенство и спекуляцию (с. 183–188). По мнению автора, именно инвалиды, раньше других фронтовиков получившие юридически оформленный статус, оказались одновременно и «одной из наименее контролируемых государством групп населения» (с. 185), и самой разобщённой группой участников войны (с. 202).

Ещё более проблемной категорией с политико-идеологической и моральной точки зрения являлись советские граждане, побывавшие в плену. По подсчётам автора, их оказалось около 2,8 млн человек, т.е. до 14% от общего числа бывших военнослужащих. По окончании войны они подверглись стигматизации (с. 226): не только вынуждены были пройти фильтрационные мероприятия спецслужб, но и могли в дальнейшем стать жертвами политических репрессий. В середине 1950-х гг., впрочем, началась не только юридическая, но и символическая реабилитация пребывания в плену, в том числе путём его героизации (например, через описание участия советских военнопленных в сопротивлении нацистам в концлагерях на территории Европы). Но процесс остался не завершён, и даже в период перестройки истинные масштабы пленения советских военнослужащих в начальный период войны и морально-этическая оценка

факта сдачи в плен вызвали острые публичные дискуссии (с. 248–249).

Завершается часть II главой 6 «Слава победителям!», где автор на различных примерах рассматривает значение участия в войне для основной массы фронтовиков, не ставших инвалидами и не попавших в плен. Показывается несостоятельность двух крайних точек зрения. Согласно одной из них, статус ветерана однозначно облегчал карьеру в послевоенном обществе, в соответствии с другой — ветераны оказались не столько победителями, сколько «жертвами войны, политических репрессий, экономических неурядиц», отодвинутыми на обочину представителями советской системы (с. 254)⁶. В действительности же карьерная траектория бывших бойцов определялась жизненными обстоятельствами, личными качествами, социальными связями, а в значительной степени также особенностями конкретных исторических периодов. В послевоенные годы фронтовики могли воспользоваться лишь немногими официальными льготами, например, упрощенным поступлением в вузы (с. 262–263). Наличие боевых наград и даже членство в партии как таковые не гарантировали преференций, однако могли способствовать карьерному росту.

В этой же главе Эделе останавливается на положении фронтовиков, составлявших от 2 до 4% всех ветеранов. Отношение общества к ним он оценивает как «странную смесь почтения и недоброжелательства» (с. 282), объясняя это влиянием гендерных стереотипов и других морально-психологических факторов. Женщинам, в 1941–1945 гг. выполнявшим некоторые традиционно «мужские» роли (например, лётчицам), редко предоставлялась возможность продолжить военную службу в «нормальных», мирных условиях (с. 288).

Достаточно сложная и противоречивая история представительства ветеранов в различных структурах, включая создание и деятельность СКВВ, рассмотрена в части III «Советское ветеранское движение». Первоначально органы власти не поддерживали создание таких организаций по идеологическим, политическим и экономическим соображениям (с. 299). Впрочем, и в межвоенный период не сформировалось общественных объединений участников Первой мировой и Гражданской войн, хотя за рубежом аналогичный процесс шёл активно (с. 298). Лишь в 1956 г. руководство страны санкционировало создание СКВВ, который первоначально планировалось использовать почти исключительно как инструмент культурной дипломатии — для обеспечения участия СССР в деятельности международных ветеранских организаций (с. 37).

Однако вскоре обозначилось стремление рядовых ветеранов, коммиссий и даже руководства комитета решать прежде всего проблемы социального и мемориального характера в самом СССР (с. 309–323)⁷. Кроме того, первоначально предполагалось, что это будет единственная ветеранская организация в стране. Но практически сразу объединения ветеранов начали появляться на предприятиях, при местных комитетах партии, военкоматах, домах офицеров или политпросвещения, краеведческих музеях. Причём их участники не всегда признавали монополию СКВВ (с. 329–330).

Символический статус бывших участников войны как «сообщества заслуживавших» значительно возрос в 1965 г. Это выразилось, в первую очередь, в возвращении Дню Победы статуса нерабочего, проведении 9 мая военного парада на Красной площади, а также массовом награждении меда-

лью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (с. 34–35, 368)⁸. На этом фоне была одобрена возможность создания региональных секций СКВВ (март 1965 г.), после чего ряды организации начали расти, и к началу 1980-х гг. она объединяла более 1 млн человек⁹. При этом, впрочем, «заметная доля ветеранской активности оставалась вне контроля со стороны СКВВ» (с. 334–335).

При обсуждении проекта новой Конституции СССР 1977 г. высказывались предложения о дальнейшем повышении статуса ветеранов, в том числе путём улучшения их социального положения (с. 383–384). Возможно, этим объясняется принятие 10 ноября 1978 г. совместного постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны». Впервые в послевоенный период вводился конкретный и достаточно содержательный перечень льгот для данной категории населения (с. 37, 366, 387).

Эделе отмечает ещё одну важную тенденцию — постепенное расширение круга тех, кого признавали ветеранами на фоне неуклонной демографической убыли участников войны, вследствие чего эта социальная группа всё больше «размывалась», превращаясь в поколенческую (с. 352, 391). Произошло если не «смыкание», то, во всяком случае, сближение понятий «ветеран» и «пенсионер» (с. 49). Но автор полагает, что вследствие этого усилилось напряжение в их отношениях с молодёжью 1970–1980-х гг., которую на фоне нарастания кризисных явлений в экономике могли раздражать ветеранские льготы, прежде всего продовольственные пайки и право без очереди приобретать дефицитные товары. В годы перестройки эта тема

действительно становилась предметом публичного обсуждения (с. 396–400).

По мнению Эделе, к середине 1980-х гг. ветераны окончательно закрепили свой привилегированный статус, превратившись в «институциональную опору политической системы» (с. 342). Одним из проявлений этого явилось создание в 1986 г. альтернативной СКВВ Всесоюзной организации ветеранов войны и труда. Она имела более разветвлённую территориально-производственную структуру, а вскоре оказалась вовлечена в политическую деятельность, получив возможность делегировать 75 представителей на Съезд народных депутатов СССР (с. 343–346).

В заключении автор, видимо, стремясь подтвердить заявленный в названии книги тезис о ветеранском движении как «народном», констатирует, что его активность в тоталитарном, а затем авторитарном Советском Союзе «постоянно выплёскивалась за рамки дозволенного» (с. 412).

Таким образом, в монографии поднимаются важные вопросы социальной и политической роли ветеранов и ветеранских объединений в послевоенном советском обществе. В то же время не всем сторонам их деятельности уделено равное внимание. Так, по сути, за рамками исследования остались мемориальные усилия бывших фронтовиков. Используя для послевоенной политики памяти о войне претенциозные характеристики «религия войны», «квазиметафизическая система памяти», «спонсируемый и продвигаемый государством культ» (с. 34), Эделе не описал ни одного случая активности ветеранов в вопросах сооружения мемориальных объектов, пополнения календаря памятных дат, награждения орденами и медалями живых и погибших героев войны, т.е. проигнорировал сферу коллективной памяти (*memory studies*).

Не рассматривается и активное участие ветеранов в воспитательно-патриотической работе и поисковом движении, военно-прикладной подготовке молодёжи, многочисленных ритуально-символических практиках позднесоветского периода: парадах, гражданских обрядах у памятников, «уроках мужества», «вахтах памяти», мемориальных постах № 1 и проч. Автор лишь констатирует, что ветераны и ветеранские организации оказались частью политической системы, а «ритуалы и дискурсы культа войны символически укореняли ветеранов в советском обществе в целом» (с. 351).

Отсутствие ответов на вопросы о мотивах, формах и последствиях этого «укоренения», возможно, связано со спецификой использованных источников. Многие сюжеты книги относятся к микроисторическим и реконструированы преимущественно на основе официальных отчётов, «писем во власть» и публикаций в СМИ. В результате в поле зрения автора — либо позитивный, либо негативный опыт, связанный с самыми общественно активными и известными представителями ветеранского движения или же, наоборот, с жертвами наиболее вопиющих случаев ущемления прав ветеранов. Для более полной картины следовало бы использовать материалы интервью с бывшими участниками войны об их жизни в послевоенный период, а также информацию, полученную в ходе достаточно массовых анкетирований, проводившихся в позднесоветский период военкоматами, музейными учреждениями, самими ветеранскими организациями. Отсутствие этих материалов мешает всесторонне изучить повседневность, реконструировать жизненные ценности и модели поведения основной части ветеранов, которые в 1960–1980-х гг. оставались вне круга активистов или «жалобщиков», а в рабо-

ту «своих» организаций вовлекались эпизодически, формально или вообще по тем или иным причинам дистанцировались от них.

Эделе уделил преимущественное внимание деятельности СКВВ, основная документация которого сконцентрирована в отдельном фонде ГА РФ (ф. Р-9541). В меньшей степени изучено влияние на жизнь и деятельность ветеранов военкоматов и других структур Министерства обороны СССР (фонды ЦАМО РФ автором не использовались; Эделе косвенно объяснил это ограниченностью доступа к советским военным архивам (с. 309)), местных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту, Всесоюзного общества «Знание».

Рассматривая книгу как часть направления *veteran's history*, логично ожидать от автора сравнений с историей ветеранского движения в других странах мира. Однако такие попытки немногочисленны. Интересно утверждение, что если ветераны Второй мировой войны в США возвращение к мирной жизни воспринимали как переход из «мира бессмыслицы» в «мир здравомыслия», то для советских военнослужащих, наоборот, после демобилизации начинался болезненный период неопределённости (с. 112). Это явное упрощение. Автор основывает свой вывод на документах, связанных с активностью «искавших правды», которые среди бывших участников войны составляли меньшинство. Следует отметить, что и не участвовавшие в войне граждане СССР также сталкивались с колоссальными трудностями в быту и на производстве. Непонятно, учтены ли при этом жертвы и разрушения, понесённые «хромым монстром» СССР (с. 115), тогда как США фактически избежали военных действий на своей территории.

Признавая большое историографическое значение книги Эделе как первой попытки комплексного исследования истории ветеранского движения в СССР, надеемся на появление новых публикаций, авторы которых с опорой на более широкий круг источников и с постановкой более разнообразного круга исследовательских вопросов (включая мемориальную проблематику) смогут всесторонне охарактеризовать роль, которую играли ветераны Великой Отечественной войны в жизни послевоенного советского общества.

Примечания

¹ См., например: *Gambone M.D.* The greatest generation comes home. The veteran in American society. Texas, 2005; *War veterans and the world after 1945: Cold War politics, decolonization, memory* / Ed. by Á. Alcalde, X.M. Núñez Seixas. L., 2018; *Crotty M., Diamant N.J., Edele M.* The politics of veteran benefits in the Twentieth century. A comparative history. Ithaca (N.Y.), 2020.

² *Edele M.* Soviet veterans of the Second World War. A popular movement in an authoritarian society, 1941–1991. Oxford, 2008.

³ *Черторицкая Т.В.* Дорогие мои ветераны: из истории разработки и принятия законо-

дательства о ветеранах. СПб., 1995; *Буреева Е.В.* Оформление статуса «Ветеран Великой Отечественной войны» в советском законодательстве // Гуманитарные науки в XXI веке. 2019. № 12. С. 21–29; и др.

⁴ Отечеству верны / Авт.-сост. А.В. Никаноров. М., 2006; *Попов А.Д., Сак К.В.* Глобальный мир и фронтовые раны: создание Советского комитета ветеранов войны и противоречия политики памяти в СССР 1950-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4. С. 108–121.

⁵ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 28–36.

⁶ Данная точка зрения, противопоставляющая рядовых фронтовиков и коммунистическую систему, наиболее чётко артикулирована в интервью с историком Г.А. Бордюговым (Украденная победа // Комсомольская правда. 1990. 5 мая).

⁷ См. также: *Попов А.Д., Сак К.В.* Глобальный мир и фронтовые раны...

⁸ *Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В.* Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти 1945–1965 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 109–114.

⁹ Видимо, это количество отражает примерную численность ветеранов, вовлечённых в деятельность коллективных членов СКВВ, так как его устав не предусматривал индивидуального членства.

Наши авторы

Башнин Никита Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Белушова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Бибилов Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом истории Института научной информации по общественным наукам РАН

Большакова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Войтиков Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета

Дроздов Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Кан Григорий Семёнович, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации

Карев Андрей Александрович, доктор искусствоведения, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кирсанов Роман Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Леонтьева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент Мурманского арктического университета, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН (Апатиты)

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Сак Ксения Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Федосеенков Николай Николаевич, член-корреспондент Российской академии художеств, директор издательства «Наука»

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Христофоров Василий Степанович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и источник

А.И. Филюшкин

Сведения об опричнине в сочинениях европейцев: к вопросу о соотношении текстов	3
--	---

Сюжеты и эпизоды

Н.В. Башнин, С.А. Никонов

Басаргин правёж — эпизод опричной политики в Поморье и его последствия . . .	18
--	----

История власти

Д.А. Редин

«Взятка» и «почесть» в России петровской эпохи в междисциплинарном дискурсе	34
---	----

В.Л. Степанов

Обсуждение первых фабричных законов Российской империи в столичной печати	52
---	----

И.К. Богомолов

Цензура кинематографа в России в 1898–1914 гг.	76
--	----

Россия и мир

Т.А. Филиппова

Карты — инвективы. К вопросу о «европейско-азиатской» идентичности России в сатирической картографии XIX в.	92
---	----

Институты и общности

Н.Н. Федосеенков

Народный комиссариат юстиции и разработка советского законодательства: от революционной борьбы к законности	119
---	-----

В.А. Ильиных

Сельское хозяйство СССР в 1930-е гг.: итоги социалистической реконструкции	127
--	-----

К.С. Дроздов

Осеннее ополчение на защите Москвы (октябрь 1941 г. — январь 1942 г.): от рабочих и истребительных батальонов к регулярным частям Красной армии	142
---	-----

Ю.Н. Гусева, В.С. Христофоров

Формирование образа Комитета государственной безопасности СССР в общественном мнении 1954–1991 гг.	163
--	-----

Р.Г. Кирсанов

Российская Федерация в первый год реформ: сложности и противоречия перехода к рынку	174
---	-----

<i>Г.Н. Бибиков</i> — Высшая полиция николаевской России в трудах современного историка	191
<i>О.В. Белоусова</i> — Русские императоры, императрицы и их дети в архивной россыпи ГА РФ	198
<i>А.А. Карев</i> — Архивные заметки об изобразительном искусстве	201
<i>О.В. Большакова</i> — Русская литература и цензура в эпоху Великих реформ	206
<i>Т.Г. Леонтьева</i> — Актуальное прошлое	211
<i>С.С. Войтиков</i> — Станислав Васильевич Тютюкин в трудах и воспоминаниях современников	215
<i>Г.С. Кан</i> — Загадки Бориса Савинкова	225
<i>А.Д. Попов, К.В. Сак</i> — После Победы: ветеранское движение в послевоенном СССР в отражении социальной и политической истории	231
Наши авторы	238

CONTENTS

The historian and the source

A.I. Filyushkin (Saint Petersburg State University, Russia)

- Information about the oprichnina in the European narrative: to the question of textual borrowings 3

Scenarios and episodes

*N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science),
S.A. Nikonov (Murmansk Arctic University, Russia; Kola Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Apatity)*

- The Basarga's debt recovery as the episode of the oprichnina policy in Pomor'e and its consequences 18

History of power

D.A. Redin (Institute of History and Archeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

- «Bribe» and «gift» in Russia of the Petrine Era in interdisciplinary discourse 34

V.L. Stepanov (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Discussion of the first factory laws of the Russian Empire in the metropolitan press . . . 52

I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Russian film censorship in 1898–1914 76

Russia and the world

T.A. Filippova (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Maps as invective. «European-Asian» identity of Russia in satirical cartography of the 19th century 92

Institutions and communities

N.N. Fedoseenkov («Nauka» Publishers, Moscow, Russia)

- The People's Commissariat of Justice and the development of Soviet legislation: from the revolutionary struggle to legality 119

V.A. Ilinyh (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)

- Soviet agriculture in the 1930s: results of socialist reconstruction 127

K.S. Drozdov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Autumn militia in defense of Moscow (October 1941 – January 1942): from workers' and fighter battalions to regular units of the Red Army 142

Ju.N. Guseva (Moscow City University, Russia), V.S. Khristoforov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Formation of the public image of the KGB in 1954–1991 163

R.G. Kirsanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Russian Federation in the first year of reforms: difficulties and contradictions of the transition to the market economy 174

Reviews

<i>G.N. Bibikov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The political police of Nikolas Russia in the works of a modern historian	191
<i>O.V. Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Russian emperors, empresses and their children in the archive scattering of the State Archive of the Russian Federation	198
<i>A.A. Karev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Archival notes on fine art	201
<i>O.V. Bolshakova (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Russian literature and censorship in the Era of Great Reforms	206
<i>T.G. Leontieva (Tver State University, Russia)</i>	
Current past	211
<i>S.S. Voitikov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Stanislav Vasilyevich Tyutyukin in the writings and memoirs of his contemporaries . . .	215
<i>G.S. Kan (State Archive of the Russian Federation, Moscow)</i>	
The riddles of Boris Savinkov	225
<i>A.D. Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia), K.V. Sak (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)</i>	
After the Victory: the veteran movement in the post-war USSR in the reflection of social and political history	231
Contributors to this issue	238

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор